

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Основана в 1959 году

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:**

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

В.И. Оноприенко

**Кирилл Владимирович
СИМАКОВ
1935 – 2004**

Ответственный редактор
академик
Б.С. СОКОЛОВ

МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 55(092)

ББК 26.3

О-59

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Украины *А.Ю. МИТРОПОЛЬСКИЙ*,
доктор философских наук *И.И. МОЧАЛОВ*

Онопrienко В.И.

Кирилл Владимирович Симаков. 1935–2004 / В.И. Оноприенко ;
отв. ред. Б.С. Соколов. – М. : Наука, 2006. – 295 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-034068-5 (в пер.).

Книга посвящена жизни и научной деятельности крупного российского геолога-стратиграфа академика Кирилла Владимировича Симакова. Научная и практическая деятельность К.В. Симакова была связана с геологией и стратиграфией Северо-Востока России. 14 лет он – полевой геолог Сеймчанской геологоразведочной экспедиции. Симаков К.В. был вице-председателем Международной рабочей группы по границе девона и карбона, руководил совместными советско-бельгийскими исследованиями по сравнительному изучению опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона многих районов Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР, получил возможность ознакомиться с опорными разрезами пограничных отложений девона и карбона многих районов СССР, Бельгии, Германии, Франции, Испании, Канады, Австралии, Китая. Этот бесценный материал был обобщен им в серии монографий. Фундаментален вклад К.В. Симакова в разработку методологических проблем стратиграфии, хроностратиграфии и теории геологического времени.

Для интересующихся историей науки.

Темплан 2006-I-139

ISBN 5-02-034068-5

© Оноприенко В.И., 2006

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Научно-биографическая
литература” (разработка, оформление),
1959 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

Вступительное слово академика Б.С. Соколова

Кирилл Владимирович Симаков принадлежит к числу выдающихся геологов-стратиграфов и палеонтологов нашей страны и широко известен как один из ведущих теоретиков современной стратиграфии. С глубоким пониманием он использовал “координату времени” (хроностратиграфия и биосферная эволюция) в сложнейших построениях исторической геологии и, тем самым, вошел в сравнительно узкий круг ученых, действительно создающих фундамент научной геологии.

Вся его научная деятельность, начиная с окончания Ленинградского университета (1957), прошла на моих глазах, включая защиту кандидатской (1970) и докторской (1985) диссертаций. Он сразу же обратил на себя внимание широтой научного и историко-философского образования, редкостью увлеченностью и неистощимым трудолюбием. Как у исследователя, у него всегда сочетались основательность проникновения в предмет изучения и рассмотрение его на фоне общего естественно-исторического процесса. Это было типично для стиля его работы, как и устойчивая приверженность к теме исследования, и даже к географии изучаемых объектов, а они в конечном счете оказались связанными со всеми континентами Земли. Такая целостность подхода к предмету исследования постоянно приводила к новизне выводов, и его многолетние и многочисленные труды на Северо-Востоке Азии увенчались блестящими результатами как в региональном, так и в планетарном плане. И что еще важнее, такой подход позволил ярко проявиться его способностям аналитика и теоретика.

Несомненно, было большой научной удачей, что в центре внимания К.В. Симакова оказалась гигантская, недостаточно еще исследованная территория Северо-Восточной Азии, а в геологическом отношении – область развития среднего палеозоя с трудно решаемой (и в планетарном смысле) задачей разграничения девонской и каменноугольной систем, охарактеризованных специфическими палеонтологическими комплексами. Проблема, вставшая перед исследователем на восточной окраине Евразии, была столь же острой и на западе континента – в области Франко-Бельгийского бассейна – этого клас-

сического эталона европейской стратиграфии. В единое целое слились вопросы трансконтинентальной корреляции, сопоставления разнофациальных и биогеографически разнопровинциальных отложений, доказательств их геологической одновременности и проблемы времени в геологии вообще. Задача резко выходила за рамки чисто региональной. Деятельность К.В. Симакова приобрела межрегиональный характер и тесно связала его с подразделениями Международного союза геологических наук, где он быстро занял положение одного из ведущих экспертов международного класса. К этому периоду относятся его многочисленные публикации, организация международных экспертных предприятий и издание богатейшего справочного материала по всей Евразии: например, “Критерии и методы определения границы девона и карбона” (1984), “Проблемы границы девона и карбона в Евразии” (1985), “Опорные разрезы и биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Западной Европы” (1986), “Проблемы определения хроностратиграфических границ (на примере Гранины девона и карбона)” (1986).

Огромный опыт конкретных полевых исследований, практически охвативших все континенты, участие в различных международных встречах, дискуссии в экспертных комиссиях и т.п. неизбежно содействовали изначальному влечению К.В. Симакова к решению общих проблем стратиграфии и глобальной корреляции стратиграфических подразделений и их границ, оценке критериев такой корреляции и, как следствие, – к размышлениям об общей философии времени, к проблеме естественнонаучного определения времени, к фундаментальному понятию геологического времени, без постижения сути которого невозможно было подойти к наиболее жгучим проблемам теоретической стратиграфии. Последнее десятилетие его жизни ознаменовалось наиболее капитальными работами в этой области, среди которых особое место занимает цикл фундаментальных трудов: “К проблеме естественнонаучного определения времени” (1994), “Очерк истории развития концепции реального геологического времени” (1996), “На пути к теоретической стратиграфии” (1997), “Введение в теорию геологического времени. Становление. Эволюция. Перспективы” (1999), “Origin, Development and Perspectives of the Theory of Paleobiospheric Time” (2001), трехтомник “К созданию теории палеобиосферного времени” (2004).

Ознакомление с этим циклом работ К.В. Симакова привело академика А.Л. Яншина к выводу о том, что необходимо

привлечь Кирилла Владимировича к подготовке издания трудов академика В.И. Вернадского, касающихся проблемы времени в геологии. Вышедший в 2000 г. том “Библиотеки академика В.И. Вернадского” “Труды по философии естествознания” под редакцией и с комментариями К.В. Симакова достойно увенчал разработку ученым концепции времени-деления В.И. Вернадского.

Кирилл Владимирович Симаков – наш современник, яркий представитель поколения геологов, много сделавших для геологического познания территории нашей страны. Книга о нем – память об этом поколении.

От автора

Кирилл Симаков был моим другом. Не могу сказать, что близким, поскольку между мной в Киеве и им в Магадане пролегло девять часовых поясов, т.е. разделяло нас чуть ли не полмира. Виделись мы не часто, писали друг другу редко и с перерывами. Во всяком случае, наш общий приятель, рано ушедший из жизни, Сергей Мейен за два года написал Кириллу больше писем, чем я за всю жизнь. И тем не менее с первой нашей встречи в Киеве в начале 1970-х гг. между нами возникло и связало нас что-то гораздо большее, чем чисто профессиональные научные контакты, и это не прекращалось до конца его дней.

Первые статьи Кирилла Симакова по методологии геологического времени были опубликованы в киевских тематических сборниках, которые в 1970-е гг. объединили многих геологов и философов Союза, активно интересовавшихся этими вопросами. Редактирование сборников было поручено академику А.С. Поваренных и мне. К.В. Симаков стал одним из постоянных авторов. В украинском академическом издательстве “Наукова думка” были опубликованы три наши первые общие книги. Тема геологического времени, которую так оригинально разрабатывал Кирилл, оказала большое влияние на мои профессиональные интересы, в частности, в своей докторской диссертации “Методологический анализ временного аспекта геологического исследования” (1980) я рассмотрел методы геологического исследования в плоскости временных отношений.

Иногда мы встречались в Москве, на квартире знакомых Кирилла. Он остро нуждался в общении с близкими по духу людьми, которым щедро открывался всей душой. В 1974 г. я побывал в Магадане и сопереживал Кириллу в его заботах по организации Межведомственного стратиграфического совещания, которое стало поводом, как и должно быть, для неформального общения друзей и соратников. Встречи проходили в разных местах, в том числе и у Кирилла на Пролетарской. Наши киевские сборники подружили его с И.В. Крутем, С.В. Мейеном, ленинградскими, новосибирскими и хабаровскими геологами, интересовавшимися методологическими вопросами своей науки. В 1970-е гг. интерес к ним достиг пика, образовался своеобразный творческий колле-

ктив ученых из различных научных центров, который можно квалифицировать термином науковедов “незримый колледж”. Кирилл Симаков органично вписался в него; он участвовал во многих акциях этого коллектива и получил действенный импульс для проявления имевшихся у него редких и ценных потенций методолога науки. Одной из таких акций стало издание коллективной монографии “Развитие учения о времени в геологии” (1982), объединившей разнородных, но работавших в одном направлении методологов и стратиграфов.

И в последующие годы, несмотря на превратности судьбы, переломы эпохи, далекие расстояния, наша связь не прекращалась. Кирилл выступил редактором и рецензентом ряда моих книг, издаваемых московской “Наукой”, я рецензировал в “Вестнике РАН” его книги.

Сильной стороной К.В. Симакова как исследователя был, с одной стороны, уникальный многолетний опыт полевого геолога, приобретенный им в Сеймчанской геологоразведочной экспедиции, с другой – исключительно высокая научная и культурная эрудиция, талант и призвание методолога и философа науки, позволившие ему выйти на передний край в области стратиграфии и геохронологии.

Вся исследовательская деятельность К.В. Симакова связана с Северо-Восточным комплексным научно-исследовательским институтом (СВКНИИ) ДВО РАН в Магадане. В 1985 г. К.В. Симаков защитил в Новосибирске докторскую диссертацию “Граница девона и карбона и проблема определения хроностратиграфических границ”. В 1990 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 2000 г. – академиком РАН по специальности “стратиграфия”. С 1994 г. стал работать сначала заместителем, затем председателем Северо-Восточного научного центра (СВНЦ) ДВО РАН.

К.В. Симаков был членом Межведомственного стратиграфического комитета России, председателем Северо-Восточной региональной межведомственной стратиграфической комиссии, членом Американской ассоциации геологов-нефтяников, членом редколлегии журнала “Тихоокеанская геология”, вице-председателем Международной рабочей группы по границе девона и карбона. За работы по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона и разработку принципиально новой методологии определения хроностратиграфических границ он удостоен АН СССР премии им. академика А.П. Карпинского. Ценен его опыт организации международных стратиграфических исследований.

Несмотря на реальные достижения К.В. Симакова в области региональной геологии и стратиграфии, главной доминантой его

творчества были методологические проблемы стратиграфии, хроностратиграфии и теории геологического времени. Здесь его вклад оригинален и весьма весом. К.В. Симаков принадлежал к тем российским ученым, работы которых получили широкое международное признание. Он участвовал во многих международных научных форумах по геологии и стратиграфии, работал на различных стратиграфических разрезах Европы, Азии, Америки, Австралии.

Кирилл Владимирович оставил след в сердцах всех, кто с ним общался (а круг его общения был широк), своей высокой культурой, подлинной интеллигентностью, неистощимой творческой энергией исследователя, всегда находящегося в поиске, широтой и щедростью души.

В Магадане в архиве Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института найдено много материалов, которые помогли восстановить основные этапы деятельности К.В. Симакова. Большую помощь при подготовке книги о К.В. Симакове оказала семья Кирилла Владимировича: его вдова Валентина Михайловна Шевченко, постоянный спутник в полевых работах и ценный собеседник при обсуждении геологических вопросов; она буквально расшифровала представительный и информативный массив писем К.В. Симакова, что мне было бы явно не под силу; чрезвычайно полезную информацию дали его дочь Виктория и зять Сергей Васильев; последний отсканировал большую часть фотографий и открыл мне доступ к базе личного компьютера Кирилла Владимировича. Без этого мои усилия не были бы столь эффективными.

Существенную ценность при воплощении замысла книги имел подготовленный в Магадане специальный номер журнала “Колымские вести”, посвященный памяти К.В. Симакова. Вошедшие в него материалы, в особенности воспоминания друзей и соратников Кирилла Владимировича, широко использованы в книге.

При сборе материала для книги большую и реальную помощь оказали многие. Хочу всем им выразить искреннюю признательность. Моя поездка в Магадан для сбора материалов стала возможной благодаря приглашению председателя Дальневосточного отделения РАН академика В.И. Сергиенко и преемника К.В. Симакова на посту председателя СВНЦ ДВО РАН члена-корреспондента РАН И.А. Черешнева. Последний оказал максимальное содействие в сборе материалов и способствовал созданию теплой дружеской атмосферы во время моей работы в Магадане. Мой брат Ю.И. Оноприенко, который много лет назад

познакомил меня с Кириллом, стал идейным вдохновителем этой экспедиции, а летом 2004 г. специально прилетел в Магадан из Владивостока и многое сделал для нашей общей цели.

Я благодарен директору СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН Н.А. Горячеву, предоставившему возможность работать в здании института и максимально использовать его информационные ресурсы, ученому секретарю института Ю.Ю. Иванову, бывшему директору Института биологических проблем Севера Ф.Б. Чернявскому за дружеское внимание и поддержку, а также многим сотрудникам СВКНИИ и СВНЦ: В.М. Шарафутдинову, З.П. Житихиной, А.В. Ложкину, В.Ф. Иванову, В.Е. Гловову, работникам библиотеки. Особую роль в моем поиске сыграла помощник председателя СВНЦ В.М. Осетрова, на плечи которой лег труд ксерокопирования собранных материалов и компьютерного обеспечения. Хотя лично мне не пришлось познакомиться со старшим научным сотрудником лаборатории истории и археологии СВКНИИ А.Г. Козловым, я широко использовал его столь ценные публикации по истории освоения Северо-Востока, деятельности Дальстроя, которые, надеюсь, пригодятся мне и в дальнейшем.

Искренне признателен я моим московским друзьям и коллегам, членам редколлегии серии “Научно-биографическая литература” В.М. Орлу, З.К. Соколовской, С.С. Демидову, Э.И. Колчинскому, Э.Н. Мирзояну, А.В. Постникову, И.А. Резанову, Ю.Я. Соловьеву за понимание и поддержку. Как всегда, системным было содействие моего друга И.И. Мочалова: помимо оказания разносторонней помощи он привлек к книге внимание академика Б.С. Соколова. Борис Сергеевич является ключевой фигурой в творческой судьбе К.В. Симакова, и его согласие быть научным редактором книги существенно улучшило ее содержание. Рецензирование работы, осуществленное Ю.А. Митропольским и И.И. Мочаловым, носило конструктивный характер и способствовало дальнейшим улучшениям.

В Киеве мне помогали мой сын Михаил, выполнивший большой объем работы по сканированию текстов и иллюстраций, и Л.И. Еременко, осуществившая набор части текста в раздел “Документы”, О.В. Красовская, через которую была налажена электронная связь с издательством.

Ленинград. Семья. Университет

Кирилл Владимирович Симаков родился 1 февраля 1935 г. в Ленинграде, в семье потомственных интеллигентов. Детство его прошло в профессорской квартире деда, Леонида Александровича Кривского, на улице Гагаринской, где проживала большая семья. Кривские принадлежали к дворянскому роду. Л.А. Кривский – личность выдающаяся: он был блестящим хирургом, делавшим уникальные операции, заведовал с 1910 г. акушерско-гинекологическим отделением Обуховской больницы, во 2-м Ленинградском медицинском институте возглавлял кафедру акушерства и гинекологии, воспитал тысячи студентов-медиков, написал 65 научных трудов. Вся его жизнь – это непрерывный, одухотворенный труд. В семье он был добр, его любили все. В год рождения Кирилла дед перенес два тяжелых инфаркта и в декабре 1935 г. умер.

Мать Кирилла Татьяна Леонидовна Кривская (Симакова) была младшей дочерью Л.А. Кривского. Родилась она в 1899 г. в Санкт-Петербурге, всегда жила на Гагаринской с родителями – матерью Софьей Николаевной и отцом Леонидом Александровичем. После окончания коммерческого училища Татьяна Леонидовна как сестра милосердия участвовала в Первой мировой войне. В послереволюционный период, преодолев препятствия, связанные с дворянским происхождением, она окончила биологический факультет Ленинградского университета, затем работала в Институте экспериментальной медицины в отделе микробиологии, защитила кандидатскую диссертацию. Во время Великой Отечественной войны Татьяна Леонидовна трудилась в госпитале в блокадном Ленинграде, была капитаном медицинской службы, имела боевые награды, в том числе орден Красной Звезды. После войны Т.Л. Кривская в 1948 г. защитила докторскую диссертацию, получила звание профессора, заведовала отделом в Нефтяном институте. Она была исключительно деятельной, энергичной, инициативной. Умерла в Ленинграде в 1989 г.

Отец Кирилла Владимир Николаевич Симаков родился в 1896 г. в Москве, в большой семье стекольного завода. После окончания гимназии в 1915 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университе-

та, но в связи с тем, что шла Первая мировая война, в ноябре 1915 г. стал юнкером Константиновского артиллерийского училища, в мае 1916 г. окончил его и в чине прапорщика был направлен на фронт. На фронте был ранен, контужен, подвергался газовой атаке. За участие в боевых операциях В.Н. Симаков награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и орденом Св. Анны 4-й степени “За храбрость”. На фронте он был до декабря 1917 г.

Возвратившись в Москву в январе 1918 г., В.Н. Симаков восстановился в Московском университете, но уже в сентябре того же года был призван в Красную армию. Воевал на Южном и Юго-Западном фронтах в должностях командира артиллерии дивизиона и помощника командира артиллерии стрелковой дивизии. Осенью 1921 г. воинская часть, в которой он служил, была направлена в Петроград. Имея большую тягу к университетскому образованию, Владимир Николаевич без отрыва от службы стал учиться на физико-математическом факультете Петроградского университета, успешно окончил его в августе 1925 г. и после демобилизации был оставлен на кафедре почвоведения. С тех пор с этим университетом, в котором он проработал полвека, была связана вся педагогическая, научная и общественная деятельность В.Н. Симакова. В 1930 г. ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук и звание доцента, а в 1938 г. – ученая степень кандидата геолого-минералогических наук.

В 1940–1947 гг. В.Н. Симаков заведовал кафедрой почвоведения Ленинградского сельскохозяйственного института, был утвержден ВАКом в звании профессора.

Все годы Великой Отечественной войны В.Н. Симаков служил в частях противовоздушной обороны блокадного Ленинграда, был награжден многими боевыми орденами и медалями.

С 1947 г. Владимир Николаевич Симаков вновь в Ленинградском университете: вначале он профессор кафедры почвоведения, с 1952 г. в течение двух десятков лет – заведующий кафедрой почвоведения биолого-почвенного факультета, затем – профессор-консультант.

Кроме работы в университете и Сельскохозяйственном институте, в послужном списке В.Н. Симакова – многолетнее сотрудничество в Ленинградском отделении Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений и агропочвоведения.

Научные исследования и педагогическую деятельность В.Н. Симаков начал под руководством известного почвовед-профессора С.П. Кравкова. Продолжая научное направление С.П. Кравкова, он провел целый ряд работ по изучению почвен-

ных процессов и исследованию состава и динамики органического вещества почв, в частности, занимался вопросами передвижения органического вещества и адсорбирования его почвами.

Владимир Николаевич большое значение придавал не только экспериментальным лабораторным исследованиям, но и полевым экспедиционным работам. Еще в 1927–1928 гг., участвуя в комплексной научно-промысловой экспедиции по обследованию бассейна Оби и изучая свойства почв и состав природных вод, он выявил причины замора рыбы в этом бассейне.

Широкое признание среди почвоведов получили труды В.Н. Симакова в области агрономического почвоведения и химии почв. Обширные его исследования посвящены улучшению песчаных почв подзолистой зоны путем их глинования, роли органических удобрений при глиновании, влиянию торфяных компостов на эффективность фосфорных удобрений при глиновании песчаных почв, увеличению эффективности кислых почв путем их гипсования, влиянию на свойства почв микроудобрений. Многие годы В.Н. Симаков руководил большой научной темой “Роль органических и минеральных составных частей почв в регулировании их свойств и производительности”, выполнявшейся на кафедре группой научных сотрудников и преподавателей. Всего им опубликовано около 70 работ.

В Ленинградском университете В.Н. Симаков завоевал авторитет прекрасного педагога. Его лекции всегда строились на богатом фактическом материале с учетом новейших достижений в области науки и отличались логической стройностью. Кроме того, он руководил исследованиями многих аспирантов и преподавателей кафедры, защитивших диссертации и работавших в разных городах СССР и за рубежом.

Долгие годы В.Н. Симаков был председателем предметной комиссии почвенного отделения биологического факультета ЛГУ, членом редколлегии журнала “Вестник Ленинградского университета. Серия Биология”, членом РИСО биолого-почвенного факультета, членом ученых советов ЛГУ, биолого-почвенного факультета, Центрального музея почвоведения имени В.В. Докучаева, почетным членом Центрального совета Всесоюзного общества почвоведов.

Владимир Николаевич Симаков, по судьбе которого XX век прошелся жерновами войн и революций, сохранил и передал детям лучшие качества настоящего российского интеллигента. Его сын Кирилл унаследовал от родителей целеустремленность и упорство в исследованиях, высокую внутреннюю дисциплину, ориентированность на получение конкретного результата,

скромность, мягкость и выдержанность в общении как с подчиненными, так и с начальством, твердость принципов и этических норм.

В родительской квартире на Гагаринской жили потом и семьи обоих детей Кривских – Татьяны Леонидовны и Юрия Леонидовича. В той и другой было по двое детей: Игорь и Кирилл Симаковы, Вера и Татьяна Кривские. Жили очень дружно. Об этом упоминается в воспоминаниях В.Ю. Кривской:

“Не могу не написать о большой дружбе между нашими семьями – старшего сына Л.А. Кривского, Юрия Леонидовича (моего отца), и В.Н. Симакова. Мы жили все вместе одной семьей на Гагаринской до того времени, когда мой отец получил две комнаты в коммунальной квартире в том же доме. Мой отец тоже был научным работником, профессором биохимии. Об их дружбе говорит тот факт, что, когда началась Великая Отечественная война, они дали друг другу слово, что в случае гибели одного из них заботу о семье возьмет на себя оставшийся в живых. Так и получилось: погиб мой отец, и наша семья (потеряв в Ленинграде квартиру) стала опять, как в молодые годы, жить вместе с семьей Симаковых. С их старшим сыном Игорем мы вообще выросли, как близнецы, разница была в 2,5 месяца. У моей мамы после родов было плохо со здоровьем и, соответственно, с молоком. И Татьяна Леонидовна, которая родила через 2,5 месяца после мамы, кормила меня грудью. Я всю жизнь называла ее мамой Татой, а дядю – папой Володей. Соответственно Игорь – моих родителей – мамой Лялей и папой Юрой. Когда родился Кирилл, мама Тата и папа Володя были в расцвете своей научной деятельности, а моя мама не работала, и поэтому и мама, и я нянчились, и играли, и гуляли с Кириллом. Он один был маленький в нашей семье, даже мои подружки играли с ним, гуляли, читали ему – они и сейчас его вспоминают. Между прочим, такой “почемучки”, как он, мы не видели – он был очень забавный. Весной 1939 г. Кирилл перенес токсическую скарлатину, после которой у него были тяжелые осложнения на уши. Ему делали весьма болезненные процедуры, которые Кирилл переносил очень мужественно. Врачи посоветовали поехать на грязелечение в Евпаторию. Поехали с Кириллом я и бабушка Соня. Бабушка почти не выходила из дома, так как считалось, что ей вредно солнце. Поэтому за покупками и на все процедуры мы ходили с Кириллом вдвоем. В кабинете врача, когда ему закапывали жгучие капли и вставляли мучительные турунды, а я держала его на коленях, обняв за ручки, чтобы не мешал врачам, у меня замирало сердце от жалости к нему и от его необыкновенного терпения, которое удивляло и врачей. После процедур мы с ним много гуляли по берегу моря, и меня часто принимали за его маму...”¹

¹ Кривская В.Ю. Воспоминания о младшем брате // Колымские вести. 2004. № 26. С. 36.

Для Кирилла всегда был высок авторитет старшего брата Игоря. Игорь родился в 1923 г., т.е. принадлежал к поколению, которое сразу после школы ушло на войну. На фронте он был тяжело ранен, много времени провел в госпиталях. Солдатский его подвиг отмечен медалью “За отвагу” (как пел любимый Кириллом Владимир Высоцкий: «И если не поймаешь в грудь свинец, медаль на грудь поймаешь “За отвагу”»). После демобилизации из армии Игорь поступил на геофизическое отделение геологического факультета Ленинградского университета. Учился он прекрасно – был сталинским стипендиатом. Окончив университет в 1950 г., несмотря на заманчивое предложение остаться на кафедре, уехал работать на Колымский Север. Умер он от инфаркта, очень рано – в 1956 г., похоронен в поселке Нексикан Магаданской области. Видимо, решение Кирилла работать на Колыме пришло в связи с этой потерей.

По воспоминаниям В.Ю. Кривской, в конце мая 1941 г. Кирилл с бабушкой уехали в деревню под Лугой, в которую семьи Симачовых и Кривских ездили на лето регулярно. Вывозили их из деревни Ю.Л. и В.Ю. Кривские уже после начала войны. До Луги ехали на подводе, попали под бомбежку, прятались в канавах.

Из Ленинграда в эвакуацию отправились бабушка Софья Николаевна, Кирилл и обе сестры Кривские – Татьяна и Вера. Путь был долгим: сначала поселились у знакомых в Костроме, но скоро и здесь начались бомбежки. Тогда поплыли на пароходе к другим знакомым в Кзыл-Орду, но добрались только до Набережных Челнов, по дороге несколько раз попадали под бомбежки. В Набережных Челнах и прожили годы в эвакуации, правда, уже без Веры Кривской, которая ушла медсестрой в действующую армию.

Сохранилась открытка, посланная В.Н. Симачовым из Ленинграда Кириллу в Набережные Челны 14 декабря 1943 г.:

Дорогой мой Кира.

Поздравляю тебя с Новым годом. Какие принес ты отметки? Была ли у вас елка в школе? Выступал ли ты на концерте? Как ведет себя твой отряд пионеров? К нам эвакуировали Игруна (Игоря, брата Кирилла. – В.О.). Он сильно ранен. Пиши ему письма. Только когда пишешь, будь внимателен и не пропускай букв. Ты должен писать так, чтобы не было ни одной ошибки. Крепко тебя целую. Очень мне понравилась твоя карточка. Ты стал совсем большим. Спасибо большое тебе за письма. Они мне доставляют много радости. Не забывай своих папу и маму. Скоро немцев разобьем и мы будем все вместе. Игорь мне рассказывал, как он на фронте дрался с немцами. Он у нас очень храбрый и немцев не боится, а бил их из винтовки и гранатами. Ведь он у нас бронбойщик. Целую тебя. Папа.

В Ленинград на Гагаринскую вернулись лишь в 1944 г. Послевоенные годы оказались, как и для многих, тоже очень трудными. В.Ю. Кривская вспоминает:

После демобилизации собрались все в большую семью (11 человек). Игорь женился, я вышла замуж. Все мы страстно, увлеченно, наголодавшись по учебе, учились в вузах. Было нас 6 студентов и Кирилл – ученик средней школы. Время было очень трудное, но мы все очень дружили и, конечно, очень любили и “воспитывали” нашего младшенького. На его долю тоже выпадало немало бытовых забот, которые он выполнял с недетским упорством. Помню, какие неподъемные вязанки дров Кирилл таскал на себе для топки печей на Гагаринской. Дворник умирал от смеха, наблюдая, как он ползком пробирается через калитку. Мой муж, студент политехнического института, всерьез занимался спортом и увлек этим Кирилла – он тренировался в спортивной школе молодежи, в конькобежной секции. А в студенческие годы Кирилл всерьез увлекся самбо. В конце 1948 г. мы отремонтировали нашу (вернее, Рудольфа) комнату, пострадавшую от бомбежки, и переехали на ул. Чайковского – жили очень близко и довольно часто бывали на Гагаринской. Летом Кирилл ездил с родителями в отпуск, а в остальные месяцы жил на даче с нами в Зеленогорске (со мной и нашими детьми, которых тоже очень забавно “воспитывал” – строил их и командовал: «Стоять по стойке “Смирно”! Смотреть мне в глаза!»)².

В 1952 г. Кирилл окончил среднюю школу и поступил на геологический факультет Ленинградского университета. У него не было альтернативы: он следовал по стопам старшего брата.

Геологический факультет окончательно оформился в университете лишь в послевоенное время, но традиция преподавания геологических дисциплин была давней. Первым заведующим кафедрой геологии был известный геолог Э.К. Гофман. Расцвет геологических исследований в Петербургском университете связан с именем выдающегося российского геолога А.А. Иностранцева, возглавившего геологическую школу университета, к которой можно отнести таких видных специалистов, как петрограф академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, петрограф Б.А. Попов, знаток каменных строительных материалов В.М. Тимофеев, палеонтологи Г.Г. Петц, П.В. Венюков, Н.И. Каракаш, стратиграф-палеонтолог академик Н.И. Андрусов и др. В предвоенный период кафедра геологии стала базовой для выделения новых кафедр: исторической и общей геологии, петрографии, гидрогеологии.

В послевоенный период были основаны кафедры полезных ископаемых (1945), геофизических методов разведки (1946), на которой получил образование брат Кирилла Игорь, геологии ме-

² Кривская В.Ю. Воспоминания о младшем брате // Колымские вести. 2004. № 26. С. 37.

сторождений и поисков месторождений радиоактивных элементов (1949). Факультет укомплектовывается преподавательскими кадрами: среди них были профессора Ю.А. Билибин, В.С. Домарев, Л.В. Комлев, А.П. Краев, В.Н. Огнев, К.Н. Озеров, С.И. Талдыкин, А.С. Семенов и др.

В первые послевоенные годы научно-исследовательская работа на факультете проходила по традиционным направлениям: минералого-петрографическому, возглавлявшемуся академиком А.А. Полкановым, профессорами О.М. Аншелесом и С.М. Курбатовым, и стратиграфо-палеонтологическому, во главе которого стояли профессора А.Н. Криштофович, М.Э. Янишевский, Я.С. Эдельштейн, С.С. Кузнецов. Профессор С.С. Кузнецов был первым деканом факультета, он внес большой вклад в его организацию³.

Деканом в годы учебы Кирилла был профессор Николай Михайлович Сеницын, который оставил глубокий след в становлении его как геолога. Недаром в тексте посвящения своей монографии “Очерк истории развития концепции реального геологического времени” (1996) К.В. Симаков упомянул “декана в 1952–1957 годах Николая Михайловича Сеницына”, да и в других работах К.В. Симакова часто встречается его имя. Работая на Севере, во время наездов в Ленинград К.В. Симаков консультировался с Н.М. Сеницыным по вопросам тектоники как с авторитетным знатоком этой науки.

Н.М. Сеницын внес в научно-исследовательскую работу на факультете новую направленность – изучение тектонических структур и геологическую картографию. Такая направленность была связана с актуализацией картографирования территории страны, когда в массовом порядке стали доминировать съемки масштаба 1:200 000 и 1:50 000, быстро развивался фациальный и формационный анализ осадочных и изверженных пород, прогрессировали методы геотектоники, литологии и палеогеографии, началось техническое перевооружение геологических работ.

Исследовательские интересы К.В. Симакова, которые начали складываться в годы учебы на факультете, были связаны с кафедрами исторической, общей геологии и палеонтологии.

Кафедра исторической геологии была основана в университете в 1935 г. Ее возглавил крупнейший российский геолог профессор П.А. Православлев. На кафедре работали известные спе-

³ См.: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 666 с.; Ленинградский университет. Геологический факультет. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 136 с.

циалисты: профессора С.С. Кузнецов, А.С. Моисеев, Г.Я. Крымгольц, Б.И. Чернышев, М.М. Тетяев, А.Л. Рейнгардт. Уже в довоенный период были заложены устойчивые традиции обучения студентов-геологов: они участвовали в полевых практиках, к их услугам были музей кафедры, богатые научные и учебные коллекции, собрание картографических и демонстрационных материалов, к этому времени сложились методики преподавания геологических дисциплин. Профессор П.А. Православлев умер в осажденном Ленинграде в 1941 г. После него заведующим кафедрой стал профессор С.С. Кузнецов – не только высококвалифицированный преподаватель и декан факультета, но и плодотворно работавший геолог, исследователь с большим опытом. В период учебы на факультете К.В. Симакова на кафедре работали известный палеонтолог, позднее избранный членом-корреспондентом Белорусской академии наук и переехавший в Минск, А.Ф. Фурсенко, И.А. Коробков, Г.Я. Крымгольц, А.Д. Миклухо-Маклай, Н.М. Сеницын.

Кафедра вела следующие учебные курсы: “Историческая геология” и дополнительные главы к ней, “Основы стратиграфии”, “Стратиграфия месторождений горючих ископаемых”, “Методы стратиграфических исследований”, “Геология СССР”, “Геология зарубежных стран”, “Палеоэкология”, “Биостратиграфия”, “Четвертичная геология”. Даже сам набор этих предметов свидетельствует о том, насколько доскональной была подготовка специалистов-стратиграфов.

На кафедре общей геологии, которую с 1949 г., после защиты докторской диссертации, возглавлял Н.М. Сеницын, был сильный преподавательский состав. Здесь сложились два основных направления исследований: литологическое, руководимое профессором Л.Б. Рухиным, и регионально-геологическое, во главе с профессором Н.М. Сеницыным. Среди преподавателей кафедры были профессор В.Н. Огнев, доценты Б.П. Бархатов, Л.Я. Харитонов, Е.В. Мамонтов, Г.С. Поршняков, В.И. Солун.

В учебные программы были введены новые учебные курсы: “Литология и палеогеография” (Л.Б. Рухин), “Геологическое картирование и структурная геология”, “Элементы горной геометрии”, “Геологическое дешифрирование аэрофотоснимков” (М.А. Гилярова, Г.С. Поршняков). Расширились сроки и задачи Саблинской учебной практики для студентов первого курса (руководители Л.Я. Харитонов, Г.С. Поршняков, М.С. Дюфур), организуется учебная практика по геологической съемке на Кавказе, а затем в Крыму для студентов второго курса.

Профессор Н.М. Сеницын организовал крупномасштабные работы по изучению геологии Средней Азии: это был наиболее перспективный объект для выяснения закономерностей тектонического развития подвижных поясов, наиболее наглядный для обучения студентов. К деятельности в этом регионе привлекались преподаватели, аспиранты, сотрудники и студенты факультета. Исследования приобрели комплексный характер и велись в сотрудничестве с территориальными геологическими управлениями. Разрабатывались детальные стратиграфические схемы, составлялись геологические и тектонические карты разных масштабов, выявлялись закономерности размещения месторождений полезных ископаемых. Это была хорошая школа для начинающего геолога. Видимо, Кирилл Симаков, поработав на практиках с Н.М. Сеницыным в Средней Азии, затем не случайно получил распределение в Киргизское геологическое управление.

Период учебы в университете К.В. Симакова совпал с наиболее активной фазой деятельности крупного специалиста в области литологии и палеогеографии Л.Б. Рухина, который проводил комплексные исследования литологии ордовика и девона Севера Русской платформы. Выход в свет в 1953 г. монографии “Основы литологии” Л.Б. Рухина стал крупным событием не только в отечественной, но и в мировой науке об осадочных породах. Этот труд был переведен и издан во Франции, ГДР, Румынии и Китае. Овладение методами литологического и палеогеографического исследований имело большое значение для будущей деятельности К.В. Симакова как практического геолога и ученого.

Кафедра палеонтологии была основана в Петроградском университете в 1919 г. Возглавлял ее выдающийся биостратиграф и палеонтолог М.Э. Янишевский, создавший школу палеонтологов-стратиграфов. М.Э. Янишевский руководил кафедрой тридцать лет, он поставил палеонтологию в университете на очень высокую ступень, привлек к преподаванию и исследовательской работе на кафедре выдающихся специалистов – А.Н. Криштофовича и Ю.А. Орлова. По его инициативе в 1940 г. из Московского университета была переведена в Институт земной коры Ленинградского университета палеонтологическая лаборатория, что еще больше укрепило научную и учебную базу кафедры палеонтологии.

После смерти М.Э. Янишевского (1949) кафедру возглавил известный палеонтолог, крупнейший специалист по верхнепалеозойским брахиоподам профессор Д.Л. Степанов, продолживший биостратиграфическое направление исследовательской работы кафедры. На кафедре работал и постоянный наставник К.В. Симакова в будущей научной деятельности Б.С. Соколов.

Для специальности “геологическая съемка и поиски” читался расширенный курс палеонтологии. Кроме того, студенты-палеонтологи дополнительно осваивали спецкурсы по сравнительной анатомии беспозвоночных, фауне моря, биостратиграфии, методам палеонтологических исследований, палеоэкологии, палеоботанике, палеонтологии позвоночных, дарвинизму. В общем, это была весьма солидная научная подготовка. Проводился так называемый большой палеонтологический практикум, на котором студенты под руководством специалистов знакомились с различными группами организмов: простейшими (фораминиферы и радиолярии), губками, археоциатами, кораллами, мшанками, брахиоподами, трилобитами, криноидеями, граптолитами.

Кафедра и ее музей располагали большими учебными коллекциями, но студентов знакомили также и с научными коллекциями сотрудников кафедры. Во время прохождения курса “Методы палеонтологических исследований” студенты получали представление о работе микропалеонтологической лаборатории Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ) и лаборатории спорово-пыльцевого анализа Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), практиковались в изготовлении шлифов и аншлифов, в отмывке микроокаменелостей из пород и в методике фотографирования палеонтологического материала.

Все кафедры факультета всегда работали в тесном контакте и взаимодействии с исследовательскими геологическими учреждениями Ленинграда: ВСЕГЕИ, ВНИГРИ, Нефтяным институтом и др.

Кирилл Симаков овладевал профессиональными знаниями целеустремленно и сознательно, приобрел хорошую квалификацию.

В студенческие годы он женился. Брак был неудачным. Родился сын, которого воспитывали родители Кирилла, но он всегда получал постоянную помощь отца, в том числе и в становлении на геологическом поприще (еще при жизни К.В. Симакова сын защитил докторскую диссертацию).

По распределению К.В. Симаков уехал работать в Киргизское геологическое управление, но спустя год принял решение отправиться на Колыму, с которой связал всю свою жизнь.

С преподавателями Ленинградского университета и своими однокашниками по факультету К.В. Симаков поддерживал отношения до конца жизни. Интересно, что на Общем собрании РАН в 2000 г. он был избран академиком одновременно со своим однокурсником – директором Геологического института Кольского научного центра Феликсом Петровичем Митрофановым.

Сеймчан. 14 лет жизни полевого геолога

Начало быстрому и интенсивному развитию Северо-Востока России, превращению Колымы в “валютный цех” страны положила Первая Колымская экспедиция под руководством Ю.А. Билибина, высадившаяся 4 июля 1928 г. в устье р. Ола в бухте Гертнера Охотского моря. Эта экспедиция была организована Геологическим комитетом по просьбе треста Союззолото и Академии наук. Почти в то же время на Северо-Востоке были осуществлены еще две экспедиции: под руководством И.Ф. Молодых для изучения гидрографии бассейнов рек Яна, Индигирка и Колыма (1926) и Индигирская экспедиция Геологического комитета под руководством С.В. Обручева (1928), целью которой были геологические исследования края. Судьбоносной для дальнейшего развития Северо-Востока России оказалась экспедиция Ю.А. Билибина. Результатом этой экспедиции стало не только открытие месторождений золота в бассейне р. Колымы, но и первая количественная их оценка, представленная Ю.А. Билибиным в специальной записке в Правительство и определявшая перспективы открытия новых крупных месторождений в регионе.

Реакция Правительства была быстрой: открытие богатейших месторождений золота на Северо-Востоке СССР рассматривалось как один из реальных источников валютных поступлений для ускоренной индустриализации страны. На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 11 ноября 1931 г. было принято постановление “О Колыме”, а 13 ноября 1931 г. Совет труда и обороны (СТО) СССР принял специальное постановление, согласно которому был организован непосредственно подчиненный ему Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы – Дальстрой, получивший чрезвычайные полномочия по освоению северо-восточного региона страны. Об этих полномочиях историк освоения бассейна Колымы А.Г. Козлов пишет:

«Использование труда заключенных в Северо-Восточном исправительно-трудовом лагере (Севвостлаг; организован приказом ОГПУ СССР от 1 апреля 1932 г.) являлось одной из основных особенностей экстремального, специфического характера деятельности Дальстроя. К другим его особенностям относились: полная независимость от всех учреждений и организаций Советского Союза,

но при первоочередном решении ими задач Дальстроя; абсолютное подчинение решениям СТО СССР; выделение территории деятельности в практически автономный административный район; особое управление особым административным районом, сосредоточенное в руках одного руководителя – директора; непосредственное осуществление реконструкции хозяйства, культуры и быта коренных народов Севера; автономное руководство в решении “местных” экологических проблем; секретность, связанная с вопросами основной хозяйственной деятельности организации, и охрана пограничной территории. Однако эти основные особенности были обусловлены не только региональными задачами промышленного освоения, развития всех видов производства и заселения края, но и общенациональными интересами страны. Поэтому главнейшими задачами при организации Дальстроя являлись включение территории его деятельности в единый народнохозяйственный комплекс СССР и окончательное закрепление этой территории за государством, превращение ее в защищенный рубеж, имеющий важное военно-стратегическое значение»⁴.

Первым директором Дальстроя стал Э.П. Берзин, ранее руководивший строительством Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Северном Урале.

Дальстрой оправдал свое назначение. Участник Первой Колымской (билибинской) экспедиции Б.И. Вронский вспоминал: “Надо отдать должное Дальстрою. Это изумительная организация, оперативности которой могли только завидовать “материковые” предприятия. В прошлом году было обнаружено месторождение, а уже этой осенью Дальстрой приступает к широкому развороту работ. На “материке” ушло бы минимум два года на сложную процедуру увязки и утряски этого вопроса с целым рядом бюрократических инстанций”⁵. Уже в 1932 г. на Колыме было добыто 511 кг химически чистого золота, в 1933 г. – 791 кг. Со становлением горнопромышленного комплекса добыча золота резко возросла: в 1935 г. – 14,458 т, в 1936 г. – 33, 360 т. А.Г. Козлов приводит слова Э.П. Берзина и его заместителя по экономике Л.М. Эпштейна: “По количеству добытого золота Колыма догнала в 1936 г. один из самых продуктивных золотоносных районов Америки – Калифорнию, а по размерам годового прироста далеко перегнала его. Добыча Калифорнии составила в 1934 г. 23 т, в 1935 г. – 27,8 т; при этом дражная добыча составляет 29% всей добычи, в отличие от Колымы, где существует лишь

⁴ Козлов А.Г. Время Дальстроя: страницы истории, 1930–1950-е годы (к 50-летию образования Магаданской области) // Колымские вести. 2004. № 25. С. 7–8.

⁵ Вронский Б.И. На Золотой Колыме: Воспоминания геолога. М.: Мысль, 1965. С. 258–259.

мускульная эксплуатация россыпей”⁶. В годы Великой Отечественной войны добыча золота увеличилась более чем вдвое: 1941 г. – 75,770 т, 1942 г. – 73,691 т, 1943 г. – 69,442 т, 1944 г. – 70,400 т. Одновременно росла добыча олова: соответственно 3200, 3300, 3547 и 3400,5 т.

В 1953 г. образовалась Магаданская область, и с этого времени начался закат Дальстроя, хотя он и просуществовал до 1957 г., когда был преобразован в совнархоз. Конечно, кадры и традиции Дальстроя сохранились гораздо дольше: слава и достижения геологической службы Северо-Востока СССР были признанными и заслуженными.

Об этом упомянуто в воспоминаниях известного сеймчанского, а затем анюйского геолога Н.Н. Незнанова:

«С тридцатых годов Колыма была закрытой зоной для вольного заезда; “Дальстрой” с его лагерями было особым государством в государстве. Редкие выпускники вузов отваживались избирать местом своей деятельности этот суровый и пугающий край. В послевоенные годы по организованному набору сюда завозили довольно пестрый люд, ехавший кто “за туманом”, кто за длинным рублем. В Магадане был создан мощный учебный комбинат – знаменитая магаданская “бурса”, впоследствии преобразованная в Магаданский горно-геологический техникум, где наиболее грамотные из приехавших на Север в короткие сроки обучались той или иной профессии и ехали в глубинку, в РайГРУ и экспедиции. Со временем, к началу пятидесятых годов им на смену ежегодно стали подъезжать дипломированные молодые специалисты из вузов и техникумов Москвы, Ленинграда, Томска, Иркутска, Владивостока, Орджоникидзе, Саратова и других городов страны. Они-то и составили костяк нашего Сеймчанского, затем Анюйского РайГРУ»⁷.

К.В. Симаков также оказался среди “второй волны” покорителей Колымы. Он приехал в Магадан в 1958 г. и получил направление в Сеймчанское районное геологоразведочное управление (СВТГУ).

Река Сеймчан – левый приток Колымы в ее верхнем течении. Ю.А. Билибин в экспедициях 1928–1929 гг. до Сеймчана не добрался – открытые им Среднеканская золотоносная дайка, россыпи в районе Борискина ключа были обнаружены на 50 км южнее.

Геологические исследования, организованные лишь в 1934 г., обнаружили в бассейне р. Сеймчан месторождения касситерита. Для их разведки в Дальстрое было создано Сеймчанское РайГРУ, которое выбрало местом своего базирования террасу р. Колымы в устье р. Сеймчан. Был заложен одноименный поселок. Позже в нем обустроилось Юго-Западное горнопромышленное управление, добычу олова начали рудники имени Лазо, Каньон, прииск

⁶ Цит. по: Козлов А.Г. Указ. работа. С. 9.

⁷ Компьютерный вариант воспоминаний Н.Н. Незнанова (см. об этом ниже).

им. III Пятилетки, которые обросли лагерями, барачными поселениями. В долине р. Эльген геологи обнаружили месторождение угля, что также увеличило значимость этой территории. Она была административно выделена в Среднеканский район с центром в пос. Сеймчан. В годы Великой Отечественной войны Сеймчан стал местом для промежуточной посадки самолетов, перегоняемых из США к фронту. В двух километрах от поселка построили прекрасную взлетно-посадочную полосу с решетчатым металлическим покрытием, обустроили службы обеспечения полетов. Появление аэропорта расширило возможности Среднеканского района в деле освоения богатств Колымы.

К началу 1950-х гг. рудные и россыпные месторождения олова были отработаны. Других объектов, достойных промышленного освоения, вблизи Сеймчана геологи не нашли. Поселок располагался в стороне от Колымской трассы, и ему грозило превращение в сельскохозяйственный придаток центральных районов Колымы.

Вспоминает доктор геолого-минералогических наук, профессор Института физики Земли РАН, сеймчанец Д.М. Печерский, хороший знакомый К.В. Симакова:

«Было Сеймчанское РайГРУ небольшое, традиционно “оловянное”, вело уже порядком лет “барачным” методом поиски и разведку объектов вблизи уже известных месторождений, рудников. Соответственно, вело довольно зависимый от ЮЗГПУ образ жизни... Кончилось тем, что в 1952 г. РайГРУ ликвидировали, преобразовав в геологоразведочный отдел ЮЗГПУ. Главным геологом ЮЗГПУ был недавно там появившийся Иванов Константин Александрович. Он и был назначен начальником ГРО ЮЗГПУ, и все закрутилось по-другому. Через год к ГРО ЮЗГПУ присоединили Нижне-Колымское РайГРУ (Зырянка) и вновь, как феникс, возродилось Сеймчанское РайГРУ, но уже на огромной территории – почти от моря до моря!»⁸.

В Сеймчане, далеко на севере поселка, сформировался уникальный творческий коллектив геологов, который составил бы честь любому академическому институту. Достаточно сказать, что из этого коллектива вышло 10 докторов и более 50 кандидатов наук, многие руководители Северо-Восточного территориального геологического управления (СВТГУ), начальники и главные геологи экспедиций. Выдающуюся роль в формировании такого коллектива сыграл начальник РайГРУ К.А. Иванов. Ему, а также коллективу геологов Сеймчана, их жизни и быту,

⁸ Цит. по: *Незнанов Н.Н.* Сеймчан – колыбель наша // Колымские вести. 2003. № 22. С. 41.

будням, камералке, полевым работам посвящены яркие воспоминания Николая Николаевича Незнанова. Частично они были опубликованы К.В. Симаковым в журнале “Колымские вести”. Кроме того, как выяснилось при подготовке материалов для настоящей книги в Магадане, среди компьютерных файлов Кирилла Владимировича хранился, вероятно, отсканированный текст небольшой книги Н.Н. Незнанова “Следы на снегу”. Саму книгу не удалось найти даже в Российской государственной библиотеке в Москве (бывшая Ленинка). Поэтому пришлось с трудом восстанавливать компьютерный текст, который был фрагментирован и перемешан. В данном разделе использованы воспоминания Н.Н. Незнанова – и журнальный, и компьютерный варианты.

Н.Н. Незнанов – однокурсник жены К.В. Симакова Валентины Михайловны Шевченко по геологическому отделению горного факультета Северо-Кавказского горно-металлургического института (г. Орджоникидзе, ныне Владикавказ). В 1955 г. девять лучших выпускников института выбрали по распределению Колыму. Долгий путь всей компанией поездом из Москвы в Находку, пароходом в Магадан. В СВТГУ пять человек из их выпуска получили назначения на “трассу”, четверо – О.Х. Цопанов, Э.С. Копытов, В.М. Шевченко, Н.Н. Незнанов – в Сеймчан. Была уже осень, но они тут же отбыли в поле.

Ядро РайГРУ составляли старожилы Сеймчана: Г.М. Сосунов, Д.М. Печерский, С.М. Тильман, С.Г. Желнин, В.В. Велинский, В.С. Шабалин, Г.А. Климов, В.В. Крымов, А.А. Рябов, М.Л. Кеткин, А.С. Жидов. В 1950-е гг. коллектив управления ежегодно пополнялся молодыми специалистами, выпускниками ведущих университетов и геологических вузов страны. Заметную часть сотрудников составляли выпускники Магаданского горно-геологического техникума, опытные, умелые, надежные полевики. Под руководством К.А. Иванова коллектив полевиков Сеймчана в течение двух-трех лет стал активным, самостоятельным, инициативным. Действия управления обрели широту, полевые партии вышли на просторы мелкомасштабных съемок и поисков в бассейнах рек Большой Анюй, Малый Анюй и Омогон. Была организована геофизическая экспедиция, развернувшая аэрогеофизические работы. Вскоре уже вся территория в бассейнах рек Большой и Малый Анюй была охвачена аэромагнитной съемкой.

К.А. Иванов сыграл выдающуюся роль в создании творчески настроенного коллектива геологов Сеймчана, и это проявилось прежде всего в выдвижении масштабных задач. Он полагал, что ограничение поисковых работ границами Среднеканского района, как того требовали руководители СВТГУ и местные власти,

недальновидно. Перспективу работы геологов управления К.А. Иванов видел в расширении исследований на Западную Чукотку, которая оставалась тогда геологической целиной, хотя там уже были обнаружены отдельные проявления золота. Эта идея К.А. Иванова получила серьезное подкрепление, когда благодаря его настойчивости в распоряжение Сеймчанского РайГРУ были переданы территория и кадры Нижне-Колымского РайГРУ (Зырянка), которым руководил тогда прошедший колымскими маршрутами в самое трудное военное и послевоенное время Салат Михайлович Абаев. В Сеймчанском РайГРУ С.М. Абаев возглавил геологическую службу и стал достойным соратником К.А. Иванова. По заданию С.М. Абаева еще из Зырянки первые же геологоразведочные партии РайГРУ Н.Н. Тевяшова, М.В. Гусарова, А.П. Королева, В.А. Касаткина привезли сведения о золотоносности долин в тех местах. Используя результаты работ этих геологических партий с учетом известных уже тогда находок чаунских геологов в бассейне Малого Анюя, С.М. Абаев в 1952 г. представил в ГРУ Дальстроя проект организации геологоразведочной экспедиции на Анюе. Однако ни в 1952, ни в 1953 г. он не был утвержден, в СВГУ довлела теория об исключительной оловоносности этой территории. В конце 1953 г. из Зырянки в Сеймчан С.М. Абаев привел целую когорту геологов-региональщиков. В их числе были Н.Н. Тевяшов, М.В. Гусаров, А.П. Королев (эта тройка начальников партий закартировала почти половину площади “белых пятен” Северо-Восточного Приколымья), Б.М. Янин, В.А. Касаткин, Ю.Д. Бесчастнов, В.В. Фадеев, Ф.А. Сидаев, В.И. Гарбузов и др.

Первая промышленная россыпь золота на Анюе была выявлена отрядом Н.В. Маковского (племянника знаменитого художника) в марте 1955 г. В проходках из шурфов они намыли золото и первый самородок весом 76 г.

К.А. Иванов и С.М. Абаев на собрании геологов Дальстроя в апреле 1955 г. показали капсулу с золотом первому секретарю обкома партии Т.И. Абабкову и начальнику Дальстроя И.Л. Митракову. Однако руководство геологической службы Дальстроя под давлением концепции о преимущественной оловоносности Чукотской геологической провинции все еще сомневалось в значимости находок золота на Анюе и Чауне, не очень их афишировало и не выделяло ассигнований и техники для форсирования соответствующих разведочных работ. Константин Александрович пошел на отчаянный шаг: по результатам находок первых россыпей была сделана демонстрационная графика, альбом с фотографиями золотоносных долин, самородков, намытого из шурфов

золота. Все эти материалы и “живые” самородки, минуя Магадан, он повез в Министерство геологии СССР. Поездка возымела действие – в ГРУ Дальстроя поступило указание выделить необходимые ассигнования и первые пять тракторов под Анюйское золото. Получив в 1956–1957 гг. новую технику и целевые ассигнования, РайГРУ усилило поисково-разведочные работы на Анюе. В поле отправлялись новые геологоразведочные партии – Кэпэрвеевская, Майнгы-Пауктуваамская, Мачваваамская, Алярмаутская. Впервые установленный на 1958 г. план по добыче россыпного золота Анюйская геологоразведочная экспедиция Сеймчанского РайГРУ, с учетом имевшихся уже заделов, перевыполнила в 10 раз. Начиналась эра промышленного освоения золотоносного Анюя, приступили к организации первого прииска. В будущее досье на К.А. Иванова, по словам Н.Н. Незнанова, легло пятно местничества, несоблюдения субординации.

К.А. Иванов всячески ратовал за творчество, научный подход, инициативу полевиков, поощрял различные научные начинания, включая проведение научных конференций, издание своего научно-производственного бюллетеня. В следующие годы 10 геологов и геофизиков из среды геологов-сеймчанцев тех лет защитили докторские диссертации, число кандидатов наук перевалило за 50. Работать в науке стали А.И. Афицкий, С.М. Тильман, К.В. Симakov, С.Г. Желнин, Л.И. Измайлов (СВКНИИ, Магадан); В.В. Велинский, Ю.Р. Васильев, Васильева (Институт геологии и геофизики СО АН СССР, Новосибирск); И.Б. Флеров (ЦНИГРИ, Москва); Р.С. Фурдуй (Киевский университет), Радзивиллы, Довгаль (Институт геологических наук АН Украины, Киев); Петраченко, Романова (Дальневосточный геологический институт, Владивосток); Мораховские (ВНИГРИ, Ленинград) и др. Сеймчанцы высоко котиrowались в геологических организациях СВГУ как надежные организаторы производства. Их приглашали в управленческий аппарат в Магадане, назначали на руководящие должности в экспедициях и производственных подразделениях.

К.А. Иванов обладал уникальными организационными способностями, решения его были быстрые и действенные. Он руководил большим коллективом, в который входили не только геологи, и оставил след в душах всех, кто работал тогда в Сеймчане. Н.Н. Незнанов вспоминает:

“Несмотря на свой в общем-то крутой характер, Константин Александрович никогда не возносился над подчиненными. Он мог прийти к нам в клуб помериться силой с молодежью, ходил с компаниями на лыжах, посещал репетиции художественной самодеятельности, имел привычку, поздно вечером прогуливаясь перед сном по поселку, заходить в

камеральное здание РайГРУ, в кабинеты, где светились окна, запросто беседовал с засидевшимися допоздна геологами. Очень льстило нам, полевикам, его неукоснительное правило – встречать партии, возвращающиеся с поля, у трапа самолета в Сеймчанском аэропорту. Надо понять наше состояние в те минуты. Мы уезжали в поле в марте–апреле, возвращались в сентябре. Естественно, все эти полгода мы скучали по дому, любимым, поселковому уюту. Самолет, заходя на посадку, делал круг над поселком, мы глазели в иллюминаторы, с высоты птичьего полета отыскивали свои родные дома, рассматривали улицы, предвкушая радость встреч, – мы возвращались домой! Наш ИЛ-14 подруливал к стоянке, и первым, как любящий отец, встречал нас К.А. Иванов. Эта встреча была нам наградой за тяжкий полевой труд; мы ходили в мокрые маршруты, мерзли и обливались потом, карабкались по крупноглыбовым развалам островерхих сопок Чукотки, таскали образцы и пробы руды, разгадывали тайну Земли и творили геологическую карту ради вот этого жеста признания важности твоего труда, искреннего проявления уважения к нам, искателям!”⁹

К.А. Иванов был строго требователен к полевым работам и отчетам (качество, сроки), но в то же время предоставлял сотрудникам свободу действий, творчества, обмена мнениями. Техсоветы проходили бурно, с азартом, неформально.

«Главной профессиональной школой стали для нас заседания научно-технического совета, на которых проводилась приемка полевых материалов партий, их геологических отчетов. Это были диспуты “ученых стариков”, яростная защита своих концепций начинающими исследователями, спектакли, умело поставленные главным геологом управления Салатом Михайловичем Абаевым. Идет обсуждение очередных материалов; на первых порах мы сидим с открытым ртом, следим за мыслью выступающих, ищем подтверждения намеченным закономерностям – в общем, шевелим мозгами, прикладывая полученные в институте знания к конкретной геологической обстановке».

К.А. Иванов активно, со знанием дела участвовал в обсуждении геологических проблем. Требование результатов, а не формального отбывания на службе очень импонировало молодежи.

Важным начинанием К.А. Иванова, направленным на повышение творческого потенциала коллектива сеймчанских геологов, стали курсы, которые называли “университетом геологической культуры”: там читались лекции и проводились диспуты по общим геологическим проблемам, особенностям геологического строения Колымской металлогенической провинции, других структур земного шара. Задачу “университета” он видел в том,

⁹ Здесь и ниже приведены цитаты из компьютерного варианта книги Н.Н. Незанова.

чтобы поднять общеобразовательный уровень геологов, расширить их кругозор, пробудить интерес к творчеству, выработать умение критически оценивать геологические концепции, излагать свои взгляды перед публикой. Это была хорошая школа совершенствования специалистов.

Большую роль в сплочении коллектива сыграли культурно-массовые мероприятия, имевшие неформальный характер.

Вот рассказ Н.Н. Незнанова, где упоминается о рождении сатирической газеты “Кувалда”, которая стала традиционной в Сеймчане, а затем в Билибино:

«В кабинете, где разместились прибывшие в 1956 г. молодые специалисты-киевляне Р.С. Фурдуй, А. Радзивилл, А. Афицкий, лист бумаги, покрывающий стол, был разрисован дружескими шаржами на окружающих. Заинтересовались: кто рисовал? “Да все понемногу. Даем и входящим “потворить”».

Решили собрать рисовальщиков вместе, выпустить к вечеру полевиков сатирический листок с карикатурами на местные темы. Редакцию этого листка возглавил острый на слово молодой Ю.Д. Бесчастнов, он и дал название газете – “Кувалда”. Первый ее номер рисовали А. Афицкий, З. Захарова (Копытова), стихотворные подписи делал Р.С. Фурдуй.

Каждую весну из Сеймчана выезжали десятки сезонных партий. В далекой таежной глухомани полевики полгода и более находились в изоляции друг от друга, от своих семей, от благ цивилизации. Осенью, уже по снегу они возвращались в Сеймчан. Холодной зимой приходилось большую часть свободного времени проводить дома, иногда мучаясь от безделья. Иванов нашел путь к сердцам молодежи и способствовал созданию отличного, работоспособного коллектива путем организации вечеров полевиков, слетов молодых специалистов. Вечера проводились по инициативе нашей – полевиков, молодежи, но были активно поддержаны им; слеты же – полностью детище Иванова. Константину Александровичу очень понравилась такая форма досуга, общения молодежи, и он предложил ежегодно устраивать вечера, посвященные возвращению геологов с “поля”. Позже было решено проводить вечера и весной, перед выездом на полевые работы.

Вечера полевиков привились в коллективе, стали традиционными, ежегодными. Их ждали, к ним готовились: женщины шили новые платья, мужчины подбирали “факты”, обсуждали темы будущих интермедий. Подготовка к вечерам начиналась сразу же по возвращении полевиков – в сентябре-октябре; к весенним вечерам начинали готовиться в марте.

В подготовке участвовал практически каждый. Все было пропитано духом соревнования – спортивные состязания (для массовости – по упрощенным правилам), самодеятельность, выпуски фотомонтажей, стенограмм, научные конференции, обмен опытом. За все выставлялись очки, даже за “умные” вопросы; потом подводились итоги.

Тексты песен писали на известные мотивы. Первую такую песню на мелодию “Два сольди” написал Р.С. Фурдуй, исполняли ее на вечере осенью 1957 г. Н.Н. Незнанов с Г.М. Сосунковым:

Эта песенка, увы, не о влюбленных,
В ней поется о снабженцах полусонных,
О ботинках, не проживших и недели,
О палатках, представляющих дыру.
Эта песня – о лошадках полудиких,
И о прочих безобразиях великих.
Эту песню полевик поет двужильный
Каждый год администрации РайГРУ.
И каждый год мы день за днем,
Одно и то же все поем,
На совещаньях, заседаниях воду льем
И воду льем...
А приходит время снова ехать в поле,
Снова мы без снаряженья поневоле,
Снова мечется народ, как угорелый:
“Где же спальники, кастрюли, где лотки?”
Снова в партиях “декретные” лошадки,
И художественно рваные палатки,
Снова в ящиках опилки вместо масла
И разбитые в лепешку молотки!
От комаров спастись бы рад,
Но где же диметилфталат?
В палатку спрячешься – беда,
Кругом вода...
А в Сеймчан из экспедиции вернешься,
В заседания, совещанья окунешься –
За оратором сменяется оратор,
Словно в сказочке про белого бычка.
Обещают спецодежду, клиперботы,
Тонкий делают намек на вертолеты,
Обещают все исправить, все улучшить:
“Все проверю, все достану лично, сам!”
Обещают, обещают, и не ждите вы другого!

К критике своих действий К.А. Иванов относился спокойно. Прослушав на генеральной репетиции эту песню, искренне хохотал вместе со всеми, против ее исполнения не возражал.

Яркий представитель землячества “Украина” Р.С. Фурдуй¹⁰ на мотив марша “Прощание славянки” написал текст песни, которая стала

¹⁰ Фурдуй Ростислав Сергеевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент геологического факультета Киевского университета. У него учились мои дети. – В.О.

гимном полевиков-сеймчанцев, а затем и анюйцев на многие последующие годы:

Мы идем, нас ведут, нам не хочется...
До стоянки еще далеко,
Красный флаг над тайгой полощется
Где-то там, далеко, далеко.
Чифирные консервные баночки
Попадают на пути,
Ты смотри на пустые жестяночки,
Чтобы легче дорогу найти.

Прпев:

Бредешь кое-как,
Три пуда рюкзак!
Устал, как черт,
Однако рад в душе и горд:
Недаром сезон
В тайге проведен,
Гордись, старина,
Получит золото страна!

Шелестит желтый лист над березами,
На ручьях уже держится лед...
Скоро в ясное утро морозное
Над тайгой зашумит вертолет.
Если сопки становятся белыми,
Если сделан шурфовочный план,
Собирайте кувалды с зубилами
И летите в родимый Сеймчан!

Прпев.

Песни, сочиненные к вечерам, распевались в домашних компаниях и на иных торжествах.

Заключительный вечер с застольем в первые годы проводили в поселковой столовой, в клубе “Строитель”, а когда открылось кафе “Золотинка”, – в кафе. Зал вмещал 180–200 человек. Он всегда был полон, гости рассаживались за общие столы на пронумерованные места: желания компаний учитывались заранее. Вечера пользовались огромной популярностью; мест, как правило, на всех желающих не хватало. Шел строгий отбор участников: проявивший однажды неумеренность в пении или замеченный в отсутствии самоконтроля больше не мог рассчитывать на повторное приглашение – списки составляла специальная авторитетная комиссия. Команды заранее приносили в кафе свои экземпляры стенных газет, фотостенды, поделки из камня и дерева: получалась красочная многоликая выставка.

Участники и гости толпились у стендов – посмотреть, посмеяться: юмора геологам было не занимать. Специальное жюри обходило выставку, авторам экспонатов, фотографий проставлялись оценки, подводился общекомандный итог. После получасового просмотра выставки

ведущий приглашал гостей к столу. Главным украшением вечера был конкурс художественной самодеятельности.

Ограниченные временем в 15–20 минут, участники каждой команды чего только не придумывали, чтобы проявить оригинальность.

Поскольку зима выпадала из полосы активной занятости, Константин Александрович предложил устраивать в середине зимы слеты молодых специалистов, в программу которых входили бы спортивные состязания, научно-практическая геологическая конференция с докладами с мест, уже опробованная на вечерах полевиков художественная самодеятельность и ужин в столовой.

При обсуждении идеи было решено ввести в практику элемент состязательности: молодые специалисты группировались по землячествам (по месту окончания учебного заведения); каждое землячество готовило свои программы по трем указанным направлениям, жюри выявляло победителей, которых ничего, кроме сознания собственной победы, не ждало.

На слеты привлекались и молодые специалисты из геологоразведочных экспедиций нашего РайГРУ, что было очень важно: они ведь круглогодично находились в тайге и как никто нуждались в общении. Иванов связался также со своими коллегами из других РайГРУ и организовал приезд к нам в командировку их молодых сотрудников с условием, что они тоже будут готовы принять участие в соревнованиях в составе своих землячеств.

Первый слет был проведен в феврале 1957 г. Землячества “Кавказ”, “Украина”, “Москва – Ленинград”, “Магадан – Дальний Восток” боролись за место победителя с упоением, творческим огоньком, выдумкой. На первый слет приехали гости из пяти-шести РайГРУ, все завидовали нашему начинанию, обещали организовать подобное у себя. Однако идея слета молодых специалистов-геологов Колымы и Чукотки где-то в Сеймчане, “у Иванова”, за спиной у руководства СВТГУ, не понравилось его “отцу” И.Е. Драбкину, который открыто ревновал к начинаниям Константина Александровича.

К началу 1960-х гг. освоение Анюя из далекого Сеймчана объективно стало нерациональным. Поселок Билибино к тому времени уже активно обустроивался, выросли его строительная и транспортно-механическая базы, был проложен “зимник” от ставшего морским портом Зеленого Мыса на Колыме; горняки, добывающие обнаруженное геологами золото, создали определенную инфраструктуру, развернулось строительство жилья и производственных помещений для геологоразведчиков. Появилась возможность перебазировать туда и геологов-полевиков с их прежней, сеймчанской базы. Само выделение из состава Сеймчанского РайГРУ нового, Анюйского, было логичным и обоснованным шагом, если бы это не сопровождалось конфликтами между руководством Сеймчанского РайГРУ и СВТГУ.

Из Сеймчана на Анюй уходила основная геологическая сила, костяк РайГРУ, наиболее проникнутый его традициями. Естественно было бы, чтобы возглавили этот отделившийся рой К.А. Иванов и С.М. Абаев – творцы идеи освоения Анюя и основные организаторы работ. Однако, как пишет Н.Н. Незнанов, интрига СВТГУ как раз и заключалась в стремлении обезглавить коллектив анюйцев и тем самым выбить из них дух “ивановщины” и вольнодумства. К.А. Иванову и С.М. Абаеву предложили остаться руководителями Сеймчанского РайГРУ, где примерно четверть бывшего коллектива должна была продолжать работу на малоперспективных в рудном отношении объектах Среднеканского района. Константин Александрович и Салат Михайлович восприняли это как расправу за самостоятельность и инициативу и подали заявления об уходе из системы СВТГУ. Просьба была немедленно удовлетворена. Провожали К.А. Иванова и С.М. Абаева в сеймчанском аэропорту все бывшие в поселке в то время геологи. Многие плакали. К.А. Иванов уехал работать на Кольский полуостров, С.М. Абаев – в Северную Осетию.

К.А. Иванова – пионера Золотой Чукотки, непосредственного организатора освоения нового золотоносного района, чуть было не обошли наградами. Уже после его отъезда с Колымы руководство СВТГУ подало в Правительство СССР заявку на присвоение звания лауреатов Государственной премии ряду лиц, участвовавших в выявлении и освоении золотоносных районов Чукотки. Иванов в этом списке отсутствовал. Заявку из Мингео СССР возвращали в Магадан несколько раз, пока в ней не появилась фамилия Иванова: в министерстве были люди, помнящие о его заслугах. В итоге звание лауреатов Государственной премии за Анюйское золото получили: К.А. Иванов – начальник Сеймчанского РайГРУ, С.М. Абаев – главный геолог РайГРУ, Д.Ф. Егоров – начальник Майнги-Пауктуваамской геологической партии, выявившей первую промышленную золотоносную россыпь в долине этой реки, В.Ф. Логинов – главный инженер Анюйской геологоразведочной экспедиции в составе Сеймчанского РайГРУ; ну и, конечно, руководитель СВТГУ И.Е. Драбкин. Золотая звезда Героя Социалистического Труда была вручена И.Е. Рождественскому – новому начальнику Анюйского РайГРУ, который пришел практически на все готовое, организованное его предшественниками.

Решение об официальном расформировании Сеймчанского РайГРУ вступило в силу летом 1962 г. К тому времени в Билибино были построены производственные здания, несколько восьми-квартирных домов, общежития. Осенью, по возвращении с поле-

вых работ часть сезонных партий осталась камеральнть в Билибино, большинство же возвратились в Сеймчан; там их ждал процесс раздела имущества: остающиеся претендовали на лучшее, отъезжающие – на свое. Будущие анюйцы временно сосредоточились в одном из двух камеральных зданий реорганизованного Сеймчанского РайГРУ.

Геологи созданного в 1962 г. Анюйского РайГРУ сохранили сеймчанские традиции и испытывали ностальгию по уникальному сеймчанскому коллективу. На вечерах полевиков в Билибино они пели:

А у нас в Сеймчане коллектив – что надо,
У специалистов – средние оклады!
Не стремятся кадры сеять там разлады
И урезать трешку из твоей зарплаты!
А у нас в Певеке золото крупнее...
А у нас в Сеймчане коллектив дружнее...
А вот в Певеке – бабки....
А вот в Сеймчане – любви!
Где же вы теперь живете, милые голубки?
Мы? В Билибино!

Спустя годы геологи Анюйской экспедиции пригласили К.А. Иванова и С.М. Абаева в Билибино, удостоили их звания “почетный гражданин Билибино”. К.А. Иванову принадлежала сама идея назвать поселок именем Ю.А. Билибина.

К.В. Симаков прибыл в Сеймчан летом 1958 г. и был направлен в поле в Талалахскую геолого-съёмочную партию в окрестности Омолона, в бассейны правых притоков Улягана.

Об этом времени вспоминает заместитель начальника отдела производственного объединения “Чукотнедра” Г.А. Тынанкергав, почетный гражданин Чукотки, а тогда радиометрист, работавший в партии первый сезон после окончания Магаданского горно-геологического техникума:

“Где-то посередине жаркого июля, поздно вечером возвратившись из маршрутов, мы застали на стоянке двух молодых людей примерно одного возраста. Это были Кирилл Симаков и Ирина Ганичева, приехавшие на работу после окончания учебы. Они были разные по характеру молодые люди: спокойный, с внимательными глазами Кирилл и горячая, но рассудительная Ирина. Они прошли хорошую подготовку в лучших вузах Союза – в Ленинградском университете и Свердловском горном институте. Геологической съёмкой занимались Сыркин Петр Петрович и Шкирманков Феликс Владимирович – оба геологи-практики, и появление двух хорошо подготовленных людей как раз было кстати. Как водится, для знакомства выпили понемногу спирта под уху – ры-

бу наловил Феликс Владимирович – остроумный человек, фронтовик. Как-то само получилось, что Кирилл все рассказал о себе, о своих увлечениях и потом спел несколько песен. Здесь должен сказать, что, как мне кажется, выпускники центральных вузов тех лет имели более хорошую подготовку по сравнению с выпускниками 70–80-х гг. Не зря из их числа вышло столько блестящих специалистов и ученых. Молодые специалисты имели разностороннюю подготовку и большинство из них были великолепными спортсменами, музыкантами, поэтами и т. д. Может быть, сказывалось время победителей, жажда к жизни, знаниям после тяжелой войны. Ведь и Кирилл был хорошим не только специалистом, но и спортсменом (имел первый разряд по самбо, неплохо играл в волейбол), при случае мог спеть; имея отличную память, мог продекламировать отрывки из интересных книг. <...> Бросались в глаза его спокойствие, уверенность в себе.

На следующий день начались маршруты. Как положено, Петр Петрович (я у него был радиометристом) сходил с Кириллом в один или два маршрута. И как раз эти маршруты прошли по сложно пересеченной местности, заросшей лиственницей вперемежку со стлаником. Кирилл хорошо ориентировался на местности, имел опыт полевых работ (год проработал в Средней Азии) и необходимые знания. Поэтому, по всему было видно, Петр Петрович остался им доволен.

Потом было несколько маршрутов со мною. В то время ходили втроем: геолог, радиометрист и рабочий. Я сразу понял, что, начав маршрут, Кирилл забывал обо всем, кроме геологии. Потом, после института, я сам занимался съемкой и понял, насколько глубоко он вникал в дело, которым занимался. Он любил геологию, это сразу было видно, и к тому же он уже наперед знал, чего хочет добиться в этой сложной науке. К быту он был равнодушен, главное для него – чтобы было удобно работать и мыслить¹¹.

Это был первый, так сказать, испытательный, сезон К.В. Симачова в районе, который стал для него главным в жизни. Зимой шла обработка полевых материалов, участие в техсоветах, общение с сеймчанским ярким коллективом. Кириллу не была свойственна комсомольско-молодежная активность, он был углублен в свою работу, но тем не менее никогда не замыкался, дорожил общением.

В Сеймчане Кирилл Симачов подружился со многими геологами, с некоторыми на всю жизнь, как, например, с Игорем Флеровым. В студенческие годы Кирилл серьезно увлекался спортом и в Сеймчане тоже включился в активную спортивную жизнь экспедиции. После того как по инициативе К.А. Иванова был открыт спортивный зал геологов, Кирилл стал учить ребят технике борьбы самбо.

¹¹ *Тынанкергав Г.А.* Академик К.В. Симачов на Чукотке – начало пути // *Колымские вест.* 2004. № 26. С. 61.

Об этом есть в воспоминаниях Л.И. Измайлова:

«Я сам в молодости занимался баскетболом и классической борьбой. В свое время я неплохо боролся, и немногие тогда могли меня победить. Но Кирилл был не просто сильнее, он был более ловким и умелым. Ох, как ловко бросал он нас на ковер. Прямо зависть брала – вот так бы мне научиться! Он был подвижный, быстрый, сухопарый. Одним словом, настоящий спортсмен. Да и как тренер он был терпеливым и старательным. Возможно, никто из его “питомцев” не стал чемпионом, но радость приобщения к спорту, к тайнам неведомой нам борьбы получали все. Мы – от занятий, а сам Кирилл – от желания научить нас, сделать свои знания и навыки достоянием многих. Самим своим видом и навыками он показывал, что грубая сила ничто в сравнении с гибкостью и ловкостью.

Помню, уже перед самым выездом “в поле” в апреле в последний раз сходили на самбо. В очередной раз Кирилл показал нам броски и различные приемы: как ускользать от противника, какие хитрые повороты и движения применять. До сих пор помню, как тогда во время тренировочного поединка Кирилл бросил через бедро нашего товарища Колю Незнанова. Это надо было видеть! В Коле тогда было чуть ли не полтора центнера веса. Он не сомневался в победе, бросившись на Кирилла, но так и не понял, как, потеряв опору и подлетев вверх, грохнувшись на маты! Надо было видеть его лицо – удивленное и непонимающее. Вот так Кирилл умел!»¹².

Зима в Сеймчане была временем общения в молодежном “последотепелевском” коллективе, временем активного чтения специальной и художественной литературы, споров по региональным и общетеоретическим вопросам геологии, веселых праздников и застолий. Кирилл, игравший на пианино, не чурался этой стороны жизни. Но целеустремленность в нем доминировала – он настойчиво занимался самообразованием, критически оценивал свои возможности, видел пробелы в знаниях и старался их ликвидировать.

Весной 1959 г. он был назначен начальником Моланджинской геолого-поисковой партии на съемку масштаба 1 : 100 000. Партия была большой: шурфовочный, промывочный отряды и два съёмочных отряда – К.В. Симакова и его будущей жены В.М. Шевченко. Валентина Шевченко была уже старожилом Сеймчана, отработала четыре полевых сезона, в 1957 г. руководила Уляганским отрядом, успешно защитила полевые материалы, в общем, была опытным колымским геологом. Она только что вернулась в Сеймчан после длительного северного отпуска.

¹² Измайлов Л.И. Геолог и Время: воспоминания о Кирилле Владимировиче Симакове // Колымские вести. 2004. № 26. С. 57.

На Кирилле Симакове теперь лежала большая ответственность не только за геологические исследования на большой территории, но и за организацию работ, устройство базы и быта, транспортировку и т.д.

Полевой сезон в целом оказался удачным. На Омолоне К.В. Симаковым и В.М. Шевченко были впервые установлены палеонтологически охарактеризованные известняки и доломиты ордовика, детально описаны разрезы и собрана обильная фауна в вулканогенно-осадочных отложениях девона и раннекаменноугольных образованиях, закартирован разрез с границей девона и карбона на руч. Перевальном, ставший судьбоносным в биографии К.В. Симакова. Впоследствии он доказал его преимущества как стратотипа по сравнению с классическим стратотипическим разрезом границы девона и карбона Западной Европы. Было сделано и много других открытий, в том числе и поискового значения. На базе партии обосновался также Б.Ф. Палымский с рабочим, занимавшийся сборами материала для листа Q-58, автором которого был С.М. Тильман, но также помогавший на съемке К.В. Симакову.

После возвращения в Сеймчан и защиты полевых материалов началась новая семейная жизнь К.В. Симакова. Он и его жена В.М. Шевченко жили в бараке на улице Красной. Оба чувствовали себя не очень уютно из-за того, что не был оформлен развод с первой женой Кирилла, и из-за удаленности это затянулось до его приезда в отпуск в Ленинград в 1962 г.

Очередная зима прошла в больших трудах по обработке материала и написанию отчета. Времени было мало – в апреле 1960 г. снаряжалась партия в новый район работ. Длинная зима в Сеймчане давала о себе знать и бытовыми трудностями. Об этом пишет Н.Н. Незнанов:

«В Сеймчане большинство геологов жили в бараках. Рубленые или каркасно-засыпные, на 12 комнат-квартир, такими приземистыми колбасками-кулисами они выходили к улицам, отгораживаясь от проезжей ее части глубокими кюветами, дощатыми тротуарами и низеньким штакетником. Крыльцо и маленький тамбурок делили эти колбаски на две примерно равные части. Из тамбура попадаешь в проходную общую кухню с огромной плитой у одной стены и столом на всю длину у другой. За кухней в обе стороны длинный коридор. Его ширина позволяла установить у входа в каждую комнату самодельный стол-гумбочку и вешалку для верхней одежды. Рядом с дверью – топка печи, сама плита располагалась в комнате. Комнаты разного размера, от 4 кв. м для дневального до 12–15 кв. м – для жильцов.

Если в бараке подбирались компанейские геологи, получалось веселое многосемейное общежитие. Устраивали складчину и нанимали дне-

вального, который следил за чистотой общих мест и постоянно топил дровами кухонную печь. На обед бежали домой, швыряли на раскаленную плиту кастрюли с замороженными борщами, тут же, в общей кухне, обменивались новостями. Обедали, разжигали печи в квартирах, просили дневального Ахмета или дядю Володю из числа бывших ссыльных присмотреть за огнем – и снова на работу.

Праздники отмечали сообща. На Новый год наряжали в коридоре елку, собранную из веток стланика, сдвигали столы, вытаскивали каждый свою праздничную снедь...

Однако стоило поселиться в бараке одной скандальной семье – и мирная идиллия нарушалась...

Временами отключали свет: в огромном, как спортзал, помещении электростанции не успели установить дополнительные дизели. В обеденный перерыв к дому по графику подъезжала водовозка, все его население с ведрами выстраивалась в цепочку на пятидесятиградусном морозе: таскали воду в бочки, установленные на площадке второго этажа – там она не так быстро замерзала. Выкрашенные в голубой цвет, с фанерными крышками, эти бочки с питьевой водой считались наиболее оберегаемым общим достоянием...

В темноте мы тоже не сидели, в квартирах был достаточный запас свечей. Для подстраховки от аварий водяного отопления на кухне стояла сварная печь для топки дровами.

Сложнее было с отправлениями естественных надобностей. Строители у каждого дома соорудили дощатые туалеты дачного типа на два очка. Но как туда решиться пойти зимой? А детям?!..

Тепло в квартирах держалось, пока топились печи. Семейную жизнь с моей Надеждой мы начали в маленькой угловой комнате ветхого барака по улице, названной в шутку Южной. Зимой в комнате пролитая на пол вода замерзала, ходили в обрезанных валенках вместо тапочек. Когда родился сын, его люльку я укрепил на кронштейнах к стене на уровне наших глаз; там от постоянно топящейся печи воздух прогревался до 30 градусов и не так быстро остывал.

Дрова были постоянной нашей заботой. По осени, после возвращения с “поля”, сообща ездили на их заготовку, благо в окрестностях Сеймчана лиственницы в обхват были не редкость. Пилили вручную; под окнами каждой из квартир громоздились поленицы.

Жили в бараках беспечно, надеялись на дневального и доброжелательность людей. Верхняя одежда, обувь выставлялась в коридор; там же стояли кастрюли с варевом, съестные припасы: в коридоре было прохладнее, да и в квартирах не хватало для этого места.

Самым страшным для барачников был пожар. Зимой печи топились непрерывно, деревянные стены высыхали до звона, любое тление переходило в открытый огонь. Барак сгорал как спичка, только успевали выкинуть самое необходимое. Потому и считали мы себя в них временными жильцами; на мебель не тратились, столы сколачивали из ящиков, кроватями были установленные на чурбаках каркасы, обтянутые полосами резины от автомобильных камер; сгорит – не жалко, еще сде-

лаем. Документы, ценные вещи – всегда в одном чемодане. Ночью спишь чутко – успеть бы выскочить! Так родилась шутка геологов-сеймчанцев: “В наших условиях пожар – непотушим! Страхуйте имущество от огня!»¹³

В сезон 1960 г. К.В. Симаков и В.М. Шевченко работали в Барагынской партии на съемке масштаба 1 : 200 000 в междуречье Ясачной и Поповки. В отличие от Омолонского, где они уже начали разбираться с геологией, это был совершенно другой район. Он был трудным и физически – высокая заболоченность, плохая обнаженность, отсутствие ориентиров, и геологически – надо было уточнить береговые разрезы силурийских, девонских, каменноугольных, пермских и юрских образований, описанных геологом-первопроходцем Б.В. Пепеляевым при составлении листа масштаба 1 : 1 000 000. Б.В. Пепеляев приехал в поле к К.В. Симакову и помог уяснить подробности разрезов, но на это ушло очень много времени. К тому же Кирилл увлекся сбором фауны брахиопод хорошей сохранности, обработкой которой он занимался затем в течение многих лет.

Партию преследовали неудачи разного рода: в августе разлились реки, и геологи оказались отрезанными от базы партии, медведь разграбил лабаз, голодали, из-за дефицита времени пришлось ходить в многодневные маршруты, много хлопот было с лошадьми. В.М. Шевченко вылетела с полевой документацией в Сеймчан на вертолете в октябре. Кирилл же с тремя рабочими и лошадьми задержался из-за неурядиц в экспедиции (как раз происходил раздел РайГРУ) чуть ли не до Нового года. Этот драматический период его жизни отражен в разделе “Из дневника полевого геолога” во второй части книги.

С разделом РайГРУ и отъездом из Сеймчана К.А. Иванова и С.М. Абаева обстановка в экспедиции ухудшилась. Много было организационной неразберихи.

В.М. Шевченко в мае 1961 г. уехала в отпуск к родителям на Кавказ. Там 10 января 1962 г. родилась дочь Виктория. Кирилл летом 1961 г. работал в бассейне рек Уляган и Моланджа – в тех же местах, что и в 1959 г. Этот период отражен в его письмах к В.М. Шевченко осенью и зимой 1961 г. В них ярко проявляется увлеченность Кирилла работой и профессиональный уровень общения с женой. Вот некоторые выдержки из них.

¹³ Компьютерный вариант книги Н.Н. Незнанова “Следы на снегу”.

Сеймчан, 28 октября 1961 г.

Смотрел сегодня Виталькины материалы. У него, конечно, полная неразбериха. На гнейсах у него лежит толща Pz_1 , в основании которой есть конгломераты с галькой гнейсов. Виталька клянется, что гнейсы – типичные аналоги амандыканских. Мне судить трудно, так как я этих гнейсов не видел. Но здесь у меня создалось такое впечатление, что преобладают огнейсованные осадки, а не интрузивные. Есть породы типа амфиболитов. Гнейсы прорываются гранитами, которые находятся в гальке C_1 (причем C_1 – это пока условный возраст). Граниты светлые, пегматоидные, но в них, по-моему, маловато Ksp.

Из гнейсов и гранитов он отобрал образцы на силикатные анализы. Договорились, что из всех образцов он отобьет сколки на шлифы и спектры, которые сделают если не в этом, то в будущем году.

Беда в том, что взаимоотношение гранитов с Pz_1 он не видел. Это, конечно, плохо. Верхний возрастной предел их есть, а нижний – неопределенный. Во всяком случае, мне кажется, что мордально эти граниты мало походят на наши палеозойские граниты. Скорее, такие граниты – крупнокристаллические, светлые, состоящие в основном из Pls – я видел в этом году на правобережье Улягана, напротив твоей базы. Но опять-таки не уверен в этом. У меня они сидят в разломах, вероятно, рвут фамен. Пожалуй, придется их сдавать на силикатный анализ.

Разрез C_1 у Витальки имеет много общего с разрезом Юрки 1957 г. – в основании лежат песчаники с фауной *Syringopora* и *Rugosa*. Выше идет весь пермо-мезозой, причем есть и T_1 и T_2 . Намечается как будто средняя юра, но это неуверенно.

Вот, пожалуй, и все новости.

{...}

В комнате у нас повернуться просто негде, пришло столько книг, что девать их буквально некуда. Составил на полку и все еще лежат грудой. Просто кошмар какой-то!

Сеймчан, 29 октября 1961 г.

Прости, ради бога, что давно не писал тебе – не было времени, так как всю эту неделю крутился как белка в колесе: носился на аэродром по поводу выброски ребят, участвовал в приемке полевых материалов у Виталия, Лавриненко, у Фурдую, сдавал барахло и т.д. и т. п.

Материалы у Виталия признали как хорошие, впервые вижу, чтобы омолодцев принимали так. У Ростика материалы не ахти, но карту он нарисовал грамотно, даже чересчур – слишком правильные структуры. Я в них теперь не слишком верю.

Приехал Виктор Петров, назначен в Сеймчан главным геологом, это, конечно, лучше, чем Авдеев. Этот дуб совершенно феноменальный.

Крутился с проектом на Джугаджак. Виктор дал принципиальное согласие на организацию одновременно с партией отрядов для изучения магматизма и стратиграфии.

Сейчас мне надо написать рапорт на имя начальника с изложением результатов работы отряда этого года и рекомендации для организации таких отрядов при составлении листов. Думаю, что отряды эти будут заложены и ты сможешь 2–3 года спокойно заниматься изучением Абкита. Это было бы великолепно.

<...>

Коллекцию я еще не разбирал. Просто не знаю, когда это успею сделать. <...>

Вчера был вечер полевиков, который проводили анюйцы. От совместного провозждения с Сеймчаном они отказались, так что был страшный шум и крик со стороны Козлова. Вечер прошел очень бледно и скучно. Мы объединились: Виталька, Игорь Флеров (он сейчас живет у меня), Рудик и др. После концерта пошли к Виталию и пили коньяк, который достал Воронцов. Колобродили до 6 утра. Но все это страшно тускло и неинтересно без тебя, родная.

<...>

Виталий рвет и мечет из-за того, что ему некому описывать шлифы, он окончательно свихнулся с магматизмом, и начальство ему ничего не дает. Как нам тебя всем не хватает, родная! Я просто не знаю, как называть породы мордально... Все они одинаковые и в то же время – разные. <...>

Получил еще новые книги: Заварицкого и Соболева “Физико-химические основы петрографии изверженных пород” и ряд работ Пинуса по гранитам Тувы. Достал старую работу Краснокутского по гранитам Северо-Востока. Все эти книги для тебя, но я просто не знаю, то ли высылать тебе их сейчас, то ли нет.

Сеймчан, 4 ноября 1961 г.

<...>

У меня все по-прежнему, кручусь как белка в колесе. Днем составляю легенду – смех, а не легенда: ничего не ясно, все держится на каких-то мне самому неясных предположениях. <...> Вечерами составляю карту на правобережье Омолона (1 : 200 000), пишу информационный отчет. Штука тоже дурацкая, так как фауна не определена, а увязывать разрезы без нее невозможно.

Беда с коллекцией, она вся лежит неразобранная и разбирать и упаковывать фауну некому. Часовитин никого не дает, всем на все наплевать, а у Петрова ни одного лишнего человека... он все ворчал насчет множества шлифов и т. д. Тогда я принес ему “на консультацию” 3 шлифа: туф и 2 андезита-базальта. После этого он уже замолчал насчет шлифов и анализов. Все ахал и удивлялся, перерыл свою литературу, но теперь сопит и помалкивает. Все его предложения о наименовании отвергал – то нет темноцветных, то плагиоклаз не тот, так что он в конце концов сдался...

<...>

У нас тут уже начались сильные морозы – 40°. В комнате стоит собачий холод, сам не пойму, отчего. Вообще без тебя тут холодно и неудобно. Не знаю даже, где буду в праздники – скорее всего, буду работать...

В январе 1962 г. К.В. Симаков наконец уехал в Ленинград в свой первый “колымский” отпуск. Использовал он его в высшей степени продуктивно, работал с двойной нагрузкой, консультировался в университете и многих исследовательских институтах, определял фауну из своих и чужих коллекций. Об этом также в письмах к жене, уже после рождения дочери:

Ленинград, 16 февраля 1962 г.

⟨...⟩

Сам сейчас всю неделю крутился словно белка в колесе. Утрясал вопрос со студентами. Сегодня был у нас в деканате на совещании секретарей кафедр. Там обещали дать человек 15 студентов на лето, кроме того, еще 3–4 харьковских. ⟨...⟩ На днях напишу Виктору письмо – пусть посылает в ЛГУ официальную бумагу.

Всю эту неделю ходил по кафедрам и консультировался по всяким разным вопросам. Был у Н.М. Синицына – говорил насчет тектоники. Он по моему рассказу заявил, что никакая у нас не эвгеосинклиналь, как считает сейчас Тильман, не “подвижная платформа”, как думает Пушаровский. А была это самая обычная геосинклиналь, начавшая свое развитие в протерозое-архее. В девоне, вероятно, область проходила стадию вторичной геосинклинали (орогенное развитие, по Билибину). Это меня обрадовало. Однако он сказал, что надо добирать еще новые факты, чтобы обосновать это подетальнее.

Говорил с ребятами по поводу корреляции эффузивно-осадочных отложений. Все они горой стоят за метод цикличности: по отдельным циклам надо сравнивать гранулометрию, петрохимию (в первую очередь), геохимию и все прочее. Выявлять какие-либо закономерности в строении циклов и сравнивать их методом... Идея, безусловно, здоровая, однако претворить ее в жизнь будет нелегко.

Потом разговаривал с химиками относительно химических (силикатных) анализов... за 100 руб. они берутся сделать всего 5 анализов. Если не удастся выбить таких денег (я говорил по поводу 100 анализов) под договор для производства палеонтологических определений, то за такие деньги анализы, конечно, проводить не будем... Есть еще надежда через Юрку и Вадика договориться с новосибирскими химиками. Если и там будут драть столько же – тогда труба. Можно будет сделать штук 10, наиболее необходимых тебе, но о массовых анализах и думать нечего.

Кроме того, сижу и занимаюсь сейчас подбором материалов по формациям. Это какой-то ужас... не могу разобраться, родная... как мы еще мало знаем. Чувствую себя круглым идиотом! Вообще, поговорил с умными людьми и понял, что все мы еще очень и очень мелко плаваем. ⟨...⟩

Смотрел во ВСЕГЕИ двухсоттысячные листы. С такими требованиями, какие к ним предъявляют, ни одного Омолонского листа сдать и думать нечего. Это совершенно отчетливо. Работать нам там еще и работать.

Вообще сейчас нахожусь в каком-то пессимуме. Это, должно быть, от тоски и твоего отсутствия, любимая. Страшно не хватает твоей поддержки, родная.

Ленинград, 14. 03. 62 г.

⟨...⟩ У меня для тебя, солнышко, новость: сегодня, наконец, купил микроскоп МП-7. Машина весом 16 кг, имеет объективы от 3^х до 60^х, окуляры – самые различные: от 5 до 17,5^х, увеличение от 30 до 1020^х, есть опакиллюминатор и все прочее. Больше половины всяких штучек я даже не могу понять, для чего предназначаются. Ну, родная, ты теперь разберешься сама. В апреле обещали доставить мне еще федоровский столик и осветитель. Есть возможность и сейчас купить интеграционный столик, но я не знаю, стоит ли его сейчас брать сразу, или взять вместе с федоровским и осветителем. Вообще, оптика хорошая, и он мне понравился. Ребята, правда, советовали мне взять МИН-8 – это самый современный драндулет, но, во-первых, их нигде нет, а во-вторых, стоит он 1000 руб. Я решил, что надо брать этот, пока они есть. Вообще, доставить их очень тяжело: пришлось топать на базу и прикидываться представителем глупой организации, хотящей купить микроскоп не по безналичному расчету, а за наличные деньги. ⟨...⟩ С федоровским тоже плохо – они все идут на экспорт, но мне как очень деловому покупателю обещали в конце апреля один столик.

В общем и целом, родная, мечта твоя сбылась – имеем микроскоп у себя, так что только работай.

⟨...⟩

Ленинград, 31 марта 1962 г.

Милая моя, знала бы ты, как мне повезло с книгами! У Марии Ивановны достал для тебя Дэли, Грубенмана, Ниггли, Тирреля и “Принципы картирования эффузивов и интрузий”. Это колоссальная удача, родная. Она была очень любезна, отдала мне все свои книги, представляешь себе? Так что теперь ты, кажется, имеешь все необходимые для работы книги.

В начале апреля буду доставать все прочие причиндалы к микроскопу – федоровский, интеграционный столик и осветитель. Думаю, что это удастся сделать, тогда все будет в порядке. Около 10.04 думаю приехать к тебе, поедem отдыхать, родная моя, так что готовься к этому, солнышко. Съездим в Гагры или Батуми и дней 10–12 проживем там, ладно?

Обошел всех фаунистов. Ржонсницкая отдает для обработки мне своих спириферид верхнего девона. Буду принимать участие в составлении атласа. Нашли они у меня какой-то новый род среди каменноугольных брахиопод. Но турнейской фауны безнадежно мало. Надо еще собирать. ⟨...⟩

После возвращения в Сеймчан К.В. Симаков и В.М. Шевченко выехали в поле на геологическую съемку очередного двухсот-тысячного листа.

Этот период их жизни обобщенно описала сама Валентина Михайловна:

Картирование и составление Джугаджакского листа Q-57-XXXII в 1962 и 1963 гг. отличалось от работ на правобережье Омолона. На листе – крупнейший раннепалеозойский Абкитский гранитоидный pluton в раме докембрийских метаморфитов. И метаморфиты, и гранитоиды пронизаны субвулканическими образованиями континентальной здесь кедонской серии девона. Сложно и неоднозначно решались проблемы возраста и природы метаморфических образований, раннепалеозойского интрузивного магматизма. Особенно трудно было картировать континентальную осадочно-вулканогенную кедонскую серию, практически не содержащую органических остатков.

Оба года съемки партии были многочисленными – с шурфовочным и геофизическим отрядами, которые должны были решить постановку дальнейших поисковых работ на золото.

В 1964 г. Кирилл успешно защитил лист во ВСЕГЕИ, после чего начинается новый этап в его жизни – работа начальником геолого-поискового отдела. Это время не только контроля и помощи молодым геологам в полевых и камеральных работах (за советами никто не стеснялся приходиться к нам домой поздно вечером, “на огонек”, благо у Кирилла был маленький кабинетик). В этот период он пишет много статей по стратиграфии, тектонике Колымо-Омолонского бассейна, завязывает множество контактов с магаданскими палеонтологами и стратиграфами, которые впоследствии стали его друзьями, – Б.В. Преображенским, Ю.И. Оноприенко, В.Г. Ганелиным. Всегда с огромным почтением Кирилл относился к Алексею Александровичу Николаеву. Он тесно сотрудничает с новосибирскими палеонтологами и стратиграфами: В.Н. Дубатовым, О.В. Юферевым, В.Г. Хромых; московскими – В.И. Устрицким и Г.Е. Черняком. О.В. Юферев, В.Г. Хромых, В.И. Устрицкий работали с Кириллом в поле на палеозойских разрезах в бассейне Омолона, на листах, которые в эти годы составлялись. А перевалбазой для приезжающих в поле и уезжающих с поля была наша квартира¹⁴.

В своих профессиональных интересах К.В. Симаков давно перерос рамки экспедиции. К тому времени экспедицией руководили люди, которых он не мог уважать. Противоречия между его исследовательскими устремлениями и плановой экспедиционной рутинной росли. Эти противоречия переживались многими геологами, работавшими в территориальных геологических управлениях и экспедициях, где производственная направленность (а на Северо-Востоке она многократно усиливалась тотальной ориентацией на поиски золота, поэтому там и геолого-съёмочные партии выполняли большие объёмы поисковых работ) теснила вы-

¹⁴ Шевченко В.М. Светлой памяти Кирилла Владимировича Симакова // Колымские вести. 2004. № 26. С. 48.

полнение исследовательских работ. К.В. Симаков, в котором исследовательский потенциал был изначально велик, сталкивался с этим противоречием. Стремясь детальнее описать интересовавшие его стратиграфические разрезы, он вынужден был задерживаться на полевых работах, чтобы набрать необходимое количество точек и километров маршрутов по запланированной сети определенной густоты, которая должна покрыть всю территорию исследований, а это утомительный, на пределе физических возможностей человека труд. Поэтому сеймчанские весельчаки пели на вечерах полевиков:

Результат же был таков –
Снег “копытит” Симаков!

Спустя годы Н.Н. Незнанов, будучи в гостях у К.В. Симакова в Магадане, затеял разговор о том, кто важнее для геологии – производственники или ученые (сам он твердо стоял на первенстве производственников). Кирилл ответил неожиданно резко: “Своими научными исследованиями мы мостим вам дорогу по геологической целине, а вы идете по ней, вертите вокруг головой – ищите, не замечая, что мы облегчили вам путь... Вы принимаете наши обобщения как само собой разумеющееся, как воздух, которым мы дышим, не замечая его”. Наука с самого начала была его жизненной потребностью, и он, как никто другой, хорошо понимал ее значимость, что не мешало ему творчески и не щадя себя выполнять производственные задачи. Когда многие из способных геологов уехали из Сеймчана, его держало желание довести до защиты закартированные листы. Из-за этого он затянул подготовку собственной диссертации.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук на тему “Стратиграфия и циртоспирифериды фаменского и турнейского ярусов бассейна среднего течения р. Омогон” по специальности “стратиграфия и палеонтология” К.В. Симаков защитил 3 ноября 1970 г. в Новосибирске, в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. Оппонентами выступили известные специалисты – доктор геолого-минералогических наук В.Н. Дубатолов и кандидат геолого-минералогических наук Р.Т. Грацианова, ведущей организацией был Научно-исследовательский институт геологии Арктики.

Диссертация содержала первую сводку по стратиграфии фаменских и турнейских отложений указанного района, составленную на основании обобщения многолетних исследований автора. В работе были также учтены и использованы данные Ю.Р. Васильева, А.Г. Вялова, Л.Ф. Головача, Е.Ф. Дылевского, А.Н. Кирсано-

ва, К.Б. Кулькова, Н.П. Логинова, А.А. Николаева, Б.Ф. Палымского, В.М. Шевченко, В.Л. Яскевича.

Это было весьма обширное исследование, состоящее из двух частей. Первая часть (объемом 190 с.) включала характеристику региональных стратиграфических подразделений, обоснование разработанной схемы биостратиграфии, описание развития осадконакопления и фауны. При стратиграфических построениях были использованы не только результаты изучения брахиопод, полученные автором, но и данные по другим группам фауны, определенные О.И. Богуш и О.В. Юфревым (фораминиферы), В.Н. Дубатоловым, Б.А. Ивановским, Ю.И. Оноприенко, Б.В. Преображенским, Ю.Г. Рагозовым (кораллы), В.Н. Хромых (строматопороидеи), Г.А. Афанасьевой, И.Н. Мананковым, М.Г. Мироновой, М.А. Ржонсницкой и Т.Г. Сарычевой (отдельные виды брахиопод).

Вторая часть работы (объемом 150 с.) была посвящена морфофункциональному анализу и систематическому описанию циртоспириферид. Кроме собственных сборов и коллекций перечисленных выше геологов, К.В. Симаковым были изучены брахиоподы из других районов СССР, переданные ему В.А. Касаткиным, В.М. Мерзляковым, А.А. Николаевым, О.Н. Омировым, К.В. Паракецевым, В.Н. Жиншином. По дуплетным коллекциям Г.А. Афанасьевой, Б.П. Марковского, Д.В. Наливкина, Н.А. Пупышева, М.А. Ржонсницкой автор диссертации имел возможность исследовать циртоспирифериды Русской платформы, Урала и Арктики. Таким образом, работа получилась масштабной и разноплановой. В ней было 125 рисунков, 8 таблиц в тексте и 15 палеонтологических таблиц, а список использованной литературы включал 370 названий.

В диссертации представлена разработанная автором детальная схема региональной стратиграфии фаменских и турнейских отложений бассейна среднего течения р. Омолон, которая уже использовалась при проводимом здесь геологическом картировании. Анализ пространственного размещения и возрастной последовательности отложений отдельных участков позволил воссоздать основные черты палеогеографии на различных стадиях развития фамен-турнейского морского бассейна. Региональная стратиграфическая шкала, построенная на основании комплексного анализа эволюции фораминифер, кораллов и брахиопод, была наиболее детальной и обоснованной для территории Северо-Востока СССР и рекомендовалась для нее в качестве эталонной. Разнообразие систематического состава и богатство комплексов фамен-турнейских ископаемых остатков позволило провести

широкие межрегиональные корреляции фаменских и турнейских отложений, представленных карбонатными фациями.

На примере фаменских и турнейских отложений изученного района было показано, что при единообразном подходе к выделению местных стратиграфических подразделений (свит) количество их и сложность местной (региональной) стратиграфической схемы определяется палеогеографической обстановкой и скоростью ее изменения в тот или иной отрезок времени. Чем проще была палеогеографическая обстановка и чем дольше сохранялась она без существенных изменений, тем проще выглядит региональная стратиграфическая схема, и наоборот. В диссертации показано, что систематический состав палеобиоценозов и темпы их изменения во многом зависят от окружающей их фациальной обстановки. Поэтому устойчивое сохранение или, наоборот, быстрая изменчивость во времени фациальных условий может привести к необходимости создания даже для смежных участков местных стратиграфических шкал неодинаковой детальности.

Сравнение систематического состава ранне- и позднефаменских, ранне- и позднетурнейских комплексов брахиопод, установленных в бассейне р. Омолон, в Арктике, Кузбассе, Центральном Казахстане, на Русской платформе и в Северной Америке, позволило показать важнейшие особенности состава и развития фауны, населявшей Омолонскую палеобиографическую провинцию, а также наметить и проследить изменение во времени ее связей с другими морями мирового фамен-турнейского океана.

В палеонтологической части работы была предпринята попытка оценить таксономическое значение отдельных признаков циртоспириферид с позиций морфофункционального анализа. Использование в совокупности с последним онтогенетического и хронологического принципов позволило диссертанту подойти к построению новой системы циртоспириферид, наметить главные пути развития этого семейства и основные этапы его эволюции.

В целом диссертация оказалась по-настоящему сильной, с большим фактическим материалом, обоснованным обобщениями и высоким уровнем аргументации. По ее теме было напечатано более десятка основательных публикаций. Например, в томе 30 книги “Геология СССР” опубликована фундаментальная статья “Девон Омолонского массива”.

В 1970 г. К.В. Симаков переходит на работу в Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, а в декабре 1971 г. переезжает с семьей в Магадан.

Магадан. По пути профессионального призвания

Первым научным учреждением Северо-Востока СССР стал созданный в 1949 г. в Магадане Всесоюзный научно-исследовательский институт золота и редких металлов (ВНИИ-1), который в течение 10 лет возглавлял Н.А. Шило. Несмотря на то что этот институт создавался в недрах Министерства внутренних дел СССР и был нацелен на решение чисто прикладных задач, связанных с увеличением добычи золота, олова, вольфрама, урана и других полезных ископаемых, руководство института понимало, что повышение эффективности горнодобывающего комплекса региона невозможно без проведения углубленных исследований по магматической геологии, вопросам россыпеобразования, петрологии, геоморфологии, стратиграфии и другим направлениям, входящим в компетенцию так называемой большой науки. Именно поэтому в качестве консультантов при определении основных направлений деятельности ВНИИ-1 и выполняемых в нем работ Н.А. Шило постоянно привлекал таких выдающихся ученых, как академики А.Г. Бетехтин, И.П. Герасимов, Н.В. Мельников, К.И. Сатпаев, С.Г. Струмилин, Д.И. Щербаков, члены-корреспонденты АН СССР Ю.А. Билибин, К.А. Власов, А.В. Горинов, Т.Ф. Горбачев, О.Д. Левицкий, И.Н. Плаксин, Л.В. Пустовалов, П.М. Татаринов, А.Н. Цитович, Ф.Н. Шахов, П.Ф. Швецов и др. Именно благодаря работам, выполненным во ВНИИ-1, к концу 1950-х гг. для руководства АН СССР стала очевидной не только уникальность Северо-Востока России, но и фундаментальность возникающих при его изучении проблем и как следствие – необходимость организации для их решения специализированного академического учреждения. Региональное научное совещание по развитию производительных сил Магаданской области (1959), в котором приняли участие действительные члены АН СССР И.П. Герасимов, В.А. Кузнецов, Н.Н. Некрасов, А.А. Трофимук, Г.А. Хельквист, С.А. Христианович, П.Ф. Швецов, рекомендовало создать в Магадане академический институт.

30 января 1960 г. Совет министров РСФСР принял решение об организации в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ), входившего в состав Сибирского отделения АН СССР. Директором вновь соз-

данного института был назначен Н.А. Шилов, который руководил им в течение последующих 25 лет. Комплексность института предполагала обеспечение развития фундаментальных исследований по различным направлениям знания, а также дальнейшую организацию специализированных научных подразделений Академии наук. Созданные в институте лаборатории давали возможность осуществлять научные изыскания по геологии и геофизике, биологии, экономике, истории, археологии и этнографии, космофизике. Наиболее развитым было геолого-геофизическое направление, задачами которого было научное обеспечение проводившихся в регионе геолого-съёмочных и поисково-разведочных работ. Необходимость глубокой научной проработки возникающих при этом, казалось бы, сугубо региональных проблем была обусловлена тем, что вследствие уникальности положения Северо-Востока в переходной зоне от континента к Северному Ледовитому и Тихому океанам решение их имело фундаментальное значение.

Успехам развития академической науки в регионе способствовала целенаправленная кадровая политика директора СВКНИИ Н.А. Шилов, который сделал ставку на привлечение в институт, с одной стороны, опытных геологов, прошедших производственную школу в недрах Северо-Восточного геологического управления (П.В. Бабкин, В.Ф. Белый, С.Г. Желнин, В.А. Копытин, В.М. Мерзляков, Д.М. Печерский, А.А. Сидоров, С.М. Тильман, Л.В. Фирсов и др.), а с другой – молодых специалистов из ведущих вузов страны (С.Г. Бялобжеский, Л.Л. Красный, А.В. Ложкин, Г.Ф. Павлов, А.Д. Чехов и др.). Спустя годы, выступая на общем собрании СВНЦ, посвященном 275-летию РАН, К.В. Симаков подчеркивал два принципиально важных следствия такой кадровой политики. Сочетание молодых специалистов и опытных производственников, обладавших солидным багажом научного материала, позволило быстро получить значимые научные результаты, которые были высоко оценены как союзной, так и мировой общественностью. Несмотря на тесную связь с научными учреждениями и ведущими учеными центральных районов страны, отсутствие “маститых” ученых во вновь созданных институтах сформировало в них и особый интеллектуальный климат, который способствовал выработке нетрадиционных подходов к решению как региональных, так и фундаментальных проблем, и это привело к возникновению на Северо-Востоке ряда самостоятельных, оригинальных научных школ и направлений.

Сам К.В. Симаков относился к тем, кто обладал немалым производственным опытом, но работать пришлось начинать, как

всегда в науке, с должности младшего научного сотрудника. Ко времени прихода в институт К.В. Симакова СВКНИИ имел такие подразделения: космофизических исследований на мысе Шмидта, мерзлотоведения, научно-технической информации; вычислительный центр; лаборатории геохимии редких и рассеянных элементов, региональной геофизики, региональной тектоники, геоморфологии, геологии четвертичных отложений и россыпей, палеонтологии и стратиграфии, геологии рудных месторождений, абсолютного возраста, геологии нефти и газа, палеомагнетизма, народонаселения и трудовых ресурсов, комплексных экономических проблем; археологии, истории и этнографии, космофизических исследований; сейсмические станции “Магадан”, “Сеймчан”; библиотеку, экспериментальные мастерские. Институт осуществлял исследования по 12 проблемам, координировавшихся Сибирским отделением АН СССР. Численность сотрудников достигла 400 человек, среди них было 184 специалиста с высшим образованием, 51 кандидат наук, 5 докторов наук. В 1970 г. Н.А. Шило избран академиком. В 1972 г. отдел биологических проблем по решению Президиума АН СССР преобразован в Институт биологических проблем Севера, который возглавил член-корреспондент АН СССР В.Л. Контримавичус. В 1970 г. создано Дальневосточное отделение АН СССР, в которое вошел СВКНИИ. По всем параметрам это был сильный академический институт.

Переезд из Сеймчана занял около полутора лет. В СВКНИИ К.В. Симаков нашел многих знакомых и друзей по Сеймчану. Кроме того, он был близок к коллективу стратиграфической партии Центральной комплексной тематической экспедиции (ЦКТЭ) СВГУ, возглавляемой самым опытным стратиграфом Северо-Востока А.А. Николаевым.

Алексей Александрович Николаев не только сделал существенный вклад в постановку и реализацию стратиграфических исследований на Северо-Востоке, он многое значил и в судьбе самого К.В. Симакова, который не забывал это неоднократно отмечать. А.А. Николаев оказался на Колымском Севере после окончания Свердловского университета в 1937 г. и начал работать смотрителем россыпных разведок Северного горнопромышленного управления. В 1938–1939 гг. он занимался геологической съемкой масштаба 1 : 100 000 в бассейне р. Берелех. Съемка проводилась на глазомерной основе, поскольку топографических карт территории тогда еще не было. В последующие трудные годы (в первый отпуск с Колымы он смог поехать лишь в 1948 г.), работая в разных районах, А.А. Николаев нашел себя

как стратиграф-палеонтолог; особенно увлекали его палеозойские отложения. В 1952 г. он был назначен начальником литологического отделения Научно-методического отдела Геологоразведочного управления Дальстроя. Отделение позже было переименовано в литолого-палеонтологическое, а с реорганизацией в 1957 г. Дальстроя и созданием Центральной комплексной тематической экспедиции А.А. Николаев возглавил палеонтолого-стратиграфическую партию.

А.А. Николаев – активный участник первого Межведомственного стратиграфического совещания в Магадане (май 1957 г.), на котором предложенные им стратиграфические схемы нижнего и среднего палеозоя Северо-Востока были приняты официально. Они были утверждены Межведомственным стратиграфическим комитетом и затем использовались геологами при составлении государственных геологических карт, а также при палеогеографических и палеотектонических реконструкциях. Особенно велика заслуга А.А. Николаева в создании в Магадане эффективного коллектива стратиграфов-палеонтологов (А.Ф. Ефимова, М.М. Орадовская, Б.В. и Т.В. Преображенские, В.М. Заводский, В.Г. Ганелин, Ю.М. Бычков, И.В. Полуботко, Ю.С. Репин, В.П. Кинасов, К.В. и Г.И. Паракецовы, Ю.И. Оноприенко, Г.П. Терехов, В.И. Волобуева, А.Д. Деятелилова, Г.Г. Филиппова)¹⁵. Именно этот коллектив был столь привлекателен для К.В. Симакова в период его работы в Сеймчане.

А.А. Николаев и К.В. Симаков защитили кандидатские диссертации в одном и том же 1970 г. Оба они как ученые секретари провели колоссальную работу по подготовке второго Межведомственного стратиграфического совещания в Магадане (1974 г.), значение которого было очень велико и о котором речь впереди.

При основании СВКНИИ сразу была создана лаборатория палеонтологии и стратиграфии, в 1961 г. ее возглавила Зоя Васильевна Кошелкина, только что защитившая кандидатскую диссертацию. Среди первых сотрудников лаборатории были Лидия Васильевна Милова и опытные полевики-съемщики Антон Игнатьевич Афицкий и Владимир Петрович Похиалайнен. В 1960-х гг. лаборатория палеонтологии и стратиграфии осуществляла свои исследования параллельно с палеонтолого-стратиграфической партией ЦКТЭ СВГУ, возглавлявшейся А.А. Николаевым. Сотрудники партии А.А. Николаева занимались стратиграфо-палеонтологическим обеспечением геолого-съемочных работ – определением па-

¹⁵ Бычков Ю.М. К юбилею Алексея Александровича Николаева // Колымские вести. 1999. № 2. С. 39–41.

леонтологических коллекций, собранных геологическими партиями, изучением опорных разрезов и разработкой легенд к Государственным геологическим картам масштаба 1 : 200 000. Перед лабораторией СВКНИИ были поставлены задачи монографического описания тех групп фауны, которые могли бы служить основой для зонального расчленения мезозойских отложений и базой для широких межрегиональных корреляций. Такие первые на Северо-Востоке монографические работы, посвященные среднеюрским ретроцерамам (З.В. Кошелкина), поздне триасовым аммоидам (А.И. Афицкий) и меловым иноцерамам (В.П. Похиялайнен) изданы в трудах СВКНИИ уже в 1963, 1969 и 1970 гг. К.В. Симакову была поручена организация исследований стратиграфии и фауны палеозойских отложений.

Первая плановая работа по теме “Эволюция спироферид на рубеже девонского и каменноугольного периодов и биостратиграфия пограничных отложений девонской и каменноугольной систем” выполнялась К.В. Симаковым в лаборатории в 1971–1975 гг. Отчет о результатах этих исследований явился итогом многолетних его работ по региональной стратиграфии среднего палеозоя Северо-Востока СССР и подводил черту под определенным этапом изучения биостратиграфических аспектов, связанных с положением границы девонской и каменноугольной систем. Полученные в ходе этих исследований материалы, сравнение биостратиграфии фауны и турне Северо-Востока и других регионов, а также анализ признаков, используемых при установлении границ других подразделений международной стратиграфической шкалы (МСШ), послужили поводом для рассмотрения проблемы стратиграфических границ в целом. Это потребовало методологического анализа не только существующих представлений о природе и назначении МСШ, но и более широких проблем, касающихся структуры теоретико-познавательного аппарата стратиграфии.

К.В. Симаков отстаивал положение о том, что проблема стратиграфических границ имеет по меньшей мере два самостоятельных аспекта, каждый из которых требует особого подхода. Первый аспект касается *фиксации* точного положения стратиграфической границы на координате глобального геологического времени в виде точки, разделяющей смежные подразделения геологического календаря; второй – *прослеживание* стратиграфической границы – сводится к построению гиперповерхности, опоясывающей весь земной шар. Главное внимание при интерпретации конкретного материала стратиграфических разрезов было уделено этим аспектам, а также выбору базиса метрики

геологического времени и признаков эталонного процесса, по которым следует устанавливать границы подразделений МСШ, и формулировке общего правила фиксации таких границ.

Из семи глав отчета первые две были посвящены описанию опорных разрезов и биостратиграфической характеристике фаменского и турнейского ярусов Северо-Востока СССР, в следующих двух главах рассматривались методологические аспекты проблемы стратиграфических границ. В пятой главе дана сравнительная характеристика моделей тех процессов, которые претендуют на роль базиса метрики геологического времени, в шестой изложены план и правила конструирования метрики, в седьмой – общие правила для установления и прослеживания границ, а также обзор современного состояния вопроса о границе девона и карбона. Основное содержание отчета было представлено в 28 публикациях автора. Результаты исследования обсуждались на заседаниях ученых советов СВКНИИ, Института геологии и геофизики (ИГиГ) СО АН СССР, ВСЕГЕИ, на VIII Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона, Межведомственном стратиграфическом совещании по Северо-Востоку СССР, на заседаниях Всесоюзного палеонтологического общества и научно-технического общества СВТГУ.

В отчете рассмотрены опорные разрезы фаменских и турнейских отложений Омулевской и Приколымской, Омогонской, Гижигинской структурно-формационных зон, описаны региональные и корреляционные биостратиграфические подразделения, их фациально-литологические и палеонтологические характеристики. Кроме обсуждения теоретических и методологических проблем фаменских и турнейских отложений в отчете была разработана их региональная стратиграфическая схема для всей территории Северо-Востока СССР. На основании анализа развития отдельных групп фауны и всего органического мира, населявшего позднедевонские и раннекаменноугольные моря Северо-Востока, создана биостратиграфическая шкала соответствующих отложений и проведена корреляция местных и региональных стратиграфических подразделений. Были предложены новые зональные шкалы для пограничных отложений девона и карбона, опирающиеся на развитие кораллов и брахиопод, уточнено их соотношение с зональными шкалами, построенными для того же интервала на основании эволюции других групп фауны (фораминифер, амmonoидей, конодонтов и др.). Рекомендовано выбрать в качестве палеонтологического репера границы девонской и каменноугольной систем подошву зоны *Quasiendothyra kobeitusana*. Были предложены палеонтологические маркёры этого уровня

по другим группам фауны и флоры, дающие возможность проследить его глобальное распространение. Путем сравнения зональных шкал, разработанных по данным эволюции спираферид для различных регионов земного шара, показано, что в стратотипическом районе фаменского и турнейского ярусов соответствующие им отложения вероятнее всего разделены скрытым стратиграфическим перерывом. В качестве парастратотипа границы девона и карбона предложен опорный разрез элергетхынской свиты (бассейн среднего течения р. Омон), в котором четко проявляются соотношения между зональными подразделениями пограничных слоев девона и карбона, установленными по эволюции фораминифер, ругоз, продуктид и спираферид.

Это были весомые результаты, которые составили основу для последующих достижений К.В. Симакова в разработке проблемы границы девона и карбона и шире – стратиграфических границ вообще.

Значимость результатов была отмечена рецензентами отчета – старшим геологом литолого-стратиграфической партии ЦКТЭ СВТУ канд. геол.-мин. наук В.Г. Ганелиным и старшим научным сотрудником СВКНИИ канд. геол.-мин. наук И.М. Миговым, которые, несмотря на большое количество журнальных публикаций по теме, порекомендовали издать работу в виде монографии. Вместе с тем В.Г. Ганелин высказал и критические замечания как раз по теоретическим разработкам и идеям К.В. Симакова: “По сравнению с применяемыми ныне методиками определения границ методика автора обладает одним несомненным преимуществом: она позволяет сформулировать общее правило для установления границ любых подразделений МСШ. Следует, однако, отметить, что практическое применение данной методики встречает серьезные затруднения. Последние вызваны тем, что учение об ароморфозах было разработано А.Н. Северцовым и его последователями на примере изучения позвоночных, данные по эволюции которых не играют существенной роли при построении МСШ. В современной палеонтологической литературе практически нет серьезных палеобиологических исследований, которые позволяли бы выделять арогенные этапы в развитии ортохронологических групп фауны. Поэтому практическое применение методики К.В. Симакова потребует предварительной постановки целенаправленных палеобиологических исследований различных по своей природе групп ископаемых организмов. Автором предпринята попытка проанализировать под этим углом зрения развитие доминировавших в конце девона – начале карбона групп фауны. Выводы его об ароморфозах у фораминифер,

кораллов, брахиопод являются пока предварительными и потому дискуссионными. Несмотря на это, они представляют несомненный интерес, поскольку иллюстрируют практические возможности палеобиологических исследований подобного рода”¹⁶. Это замечание, высказанное человеком, который понял суть предлагаемых К.В. Симаковым рекомендаций, было конструктивным, и поэтому оно в той или иной мере учитывалось им в дальнейшей разработке своей концепции.

В 1972 г. Межведомственным стратиграфическим комитетом СССР было принято решение о проведении в Магадане второго Межведомственного стратиграфического совещания. В задачу его входила подготовка и составление рабочих и унифицированных стратиграфических схем по всем подразделениям МСШ, которые могли бы послужить основой для создания легенд к Государственным геологическим картам. Учитывая огромный объем накопленного в процессе геолого-съёмочных работ материала, было решено провести не одно, а два отдельных совещания, посвященных стратиграфии докембрия и палеозоя (в 1974 г.) и мезозоя и кайнозоя (в 1975 г.). Председателем оргкомитета этих совещаний стал академик Н.А. Шило, учеными секретарями совещаний были назначены К.В. Симаков (по докембрию и палеозою), З.В. Кошелкина (по мезозою) и В.П. Беспалый (по кайнозою). В состав оргкомитета совещания наряду с магаданскими специалистами входили также ведущие стратиграфы страны – академики В.В. Меннер и Б.С. Соколов, члены-корреспонденты АН СССР А.И. Жамойда, В.Н. Сакс и Л.И. Красный, профессора Ю.П. Баранова, С.Ф. Бискэ, А.С. Дагис, В.Н. Дубатов, М.А. Ржонницкая, А.М. Смирнов, О.В. Юферов и др.

Первое Межведомственное стратиграфическое совещание по разработке унифицированных стратиграфических схем Северо-Востока СССР было проведено в Магадане в 1957 г. совместно с институтами Сибирского отделения АН СССР. Это был весьма представительный форум, на котором впервые на широкой фактической основе рассматривались материалы по стратиграфии докембрия, нижнего и среднего палеозоя, пермской, триасовой, юрской, меловой, палеоген-неогеновой и четвертичной систем различных районов Северо-Востока и сопредельных территорий. Палеонтологические, палинологические и стратиграфические материалы, обсуждавшиеся участниками совещания, в последующем легли в основу составления унифицированных стратиграфических схем, что позволило приблизить геологиче-

¹⁶ Цит. по материалам архива СВКНИИ.

ские карты региона к общесоюзному и международному стандартам.

К середине 1970-х гг. в связи с широкомасштабными геологическими работами, осуществлявшимися в рамках выполнения программы Государственного геологического картирования, накопился огромный стратиграфический материал, требовавший своего обобщения.

На плечи ученых секретарей второго совещания легла трудоемкая работа, связанная с организацией рабочих групп по каждой системе и переговоров их участников, где обсуждались все дискуссионные вопросы и готовились предварительные варианты рабочих и унифицированных схем. Такие рабочие встречи проводились не только в Магадане, но также в Якутске, Новосибирске, Ленинграде, Владивостоке, а также в других городах. Перед совещаниями были опубликованы не только тезисы представленных на них докладов, но и специальные выпуски трудов СВКНИИ, посвященные общим и региональным проблемам стратиграфии Северо-Востока СССР и описанию опорных разрезов ряда систем.

В работе межведомственных совещаний по докембрию и палеозою, мезозою и кайнозою, прошедших в Магадане соответственно в 1974 и 1975 гг., принимали участие не только сотрудники СВТУ и СВКНИИ, но и специалисты из Геологического института АН СССР, треста “Аэрогеология” (Москва), ВСЕГЕИ, Института Арктики и Антарктики (Ленинград), Института геологии и геофизики СО АН СССР и Сибирского научно-исследовательского института геофизики и минерального сырья (Новосибирск), Якутского геологического управления и ряда других учреждений Министерства высшего и среднего специального образования, АН СССР, организаций Министерства геологии СССР.

К.В. Симаков организовывал совещание по докембрию и палеозою. Допалеозойские отложения были еще слабо изучены на территории Северо-Востока, и в стратиграфии оставалось много спорных вопросов. Некоторые положительные результаты были получены при изучении карбонатных толщ верхнего протерозоя, в составе которых выделены отложения среднего-верхнего рифея и венда. Тем не менее вопрос о соотношении карбонатных отложений с терригенными толщами в ряде разрезов оставался дискуссионным. Большое значение для определения границы между протерозоем и палеозоем имело открытие в Шаманихо-Столбовском районе на Колыме нижнекембрийских отложений, охарактеризованных остатками археоциат и трилобитов. Находки кембрийской фауны подтвердили наличие в центральных рай-

онах Северо-Востока СССР кембрийских отложений, которые тогда только начали изучаться.

К тому времени были достигнуты заметные успехи по изучению ордовикской, силурийской и девонской систем, выявлены новые районы их распространения, установлены неоднородные типы разрезов, впервые изучены важнейшие группы ископаемых остатков (табуляты, брахиоподы, граптолиты, остракоды), что позволило осуществить биостратиграфическое расчленение отложений. Особенно успешными были работы в Омулевских и Туоннахских горах на Колыме, в Селенняхском kryже и хребте Сетте-Дабан. Изученные здесь стратиграфические разрезы стали опорными для ряда биостратиграфических подразделений и послужили основой для разработки унифицированных стратиграфических схем.

Большое внимание участники совещания по докембрию и палеозою, в том числе и К.В. Симаков, уделили изучению биостратиграфии каменноугольных и пермских отложений Колымо-Омолонского массива и Верхоянья. В результате были выделены средний и верхний отделы карбона, отсутствовавшие в старых стратиграфических схемах. Изменились представления об объеме нижнего отдела пермской системы. Проблемной оставалась унификация стратиграфических схем верхнего палеозоя из-за разногласий исследователей и существования многих местных и региональных стратиграфических схем.

Сам К.В. Симаков подготовил к совещанию несколько докладов. Например, совместно с В.Н. Дубатовым он представил доклад “Проблемы биостратиграфии девонских отложений Северо-Востока СССР”, в котором были обозначены основные трудности на пути создания единой биостратиграфической схемы для девонских отложений Колымо-Индигирской палеобиографической провинции. Предлагалось выделить два основных типа корреляционных биостратиграфических подразделений с различной сферой применения – горизонты и слои с собственными географическими наименованиями, отражающими неодинаковые по масштабам, содержанию и причинной обусловленности явления в развитии органического мира и осадконакопления. Слои выполняют функцию корреляционных подразделений в пределах, как правило, одной структурно-формационной области или даже зоны. Горизонты представляют собой подразделения, позволяющие проводить более широкую (межобластную, вплоть до провинциальной) биостратиграфическую корреляцию. Они объединяют по латерали слои с различной палеонтологической характеристикой.

Сопоставление биостратиграфической схемы девонских отложений Северо-Востока СССР с Международной стратиграфической шкалой вызывало немалые трудности из-за недостаточной изученности образований (в палеонтологическом отношении плохо были исследованы такие важные для стратиграфии группы, как конодонты, остракоды, гониатиды), а также из-за отсутствия общепринятых представлений о положении границ и о возрастных объемах отделов, ярусов и девонской системы в целом в стратотипических разрезах Западной Европы. В докладе К.В. Симакова и В.Н. Дубатолова был сделан вывод о необходимости решения проблем, касающихся фиксации границ нижнего и среднего девона, эйфельского и живетского, франского и фаменского ярусов, а также кровли и подошвы девонской системы, на основе постановки детальных палеобиологических исследований, направленных на расшифровку филогении всех наиболее распространенных групп ископаемой фауны¹⁷.

Готовя материалы ко второму магаданскому совещанию, К.В. Симаков обобщил результаты многолетних исследований большого коллектива геологов, стратиграфов и палеонтологов. Составленные стратиграфические схемы отразили степень стратиграфической изученности Северо-Востока СССР в то время. Принятые на совещаниях рабочие и унифицированные стратиграфические схемы в 1976 г. утверждены МСК СССР и изданы в 1978 г. Решено было организовать Региональную межведомственную стратиграфическую комиссию по Северо-Востоку, главой которой стал К.В. Симаков.

После совещания при лаборатории палеонтологии и стратиграфии была создана палеозойская группа, в которую вошли Евгений Ильич Качанов и Любовь Соломоновна Тильман для изучения соответственно стратиграфии нижнего и среднего девона и ругоз и остракод этого возраста, Мусса Халитович Гагиев, Людмила Валентиновна Смирнова и Татьяна Петровна Разина для исследования конодонтов, строматопороидей и табулят и литологии пограничных отложений девона и карбона.

Необходимость выделения палеозойской группы в институте (вскоре преобразованной в лабораторию палеонтологии и стратиграфии палеозоя, которую возглавил К.В. Симаков) была вызвана рядом обстоятельств. В 1974 г. в Бельгии прошло крупное международное совещание по стратиграфии и микроископаемым

¹⁷ Дубатов В.Н., Симаков К.В. Проблемы биостратиграфии девонских отложений Северо-Востока СССР // Докембрий и палеозой Северо-Востока СССР. Тезисы докладов межведомственного совещания. Магадан, 1974. С. 94.

верхнего девона и нижнего карбона. Участники его приняли решение рекомендовать очередному VIII Международному конгрессу по стратиграфии и геологии карбона, который должен был пройти в Москве в 1975 г., создать Международную рабочую группу по границе девона и карбона (MPG D/C). Как в Бельгии, так и в Москве с докладами о стратиграфии пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР выступал К.В. Симаков, который был включен в состав MPG D/C и одновременно избран заместителем председателя Советской рабочей группы по границе этих систем (СРГ D/C). Представленные им материалы по разрезу пограничных отложений девона и карбона, расположенному в бассейне р. Моланджи, позволили рассматривать его в качестве одного из претендентов на роль стратотипа границы девона и карбона на территории Советского Союза. Подготовка этого разреза для демонстрации членам MPG D/C требовала его дополнительного комплексного изучения.

В 1976 г. Тихоокеанская научная ассоциация (ТНА) приняла решение провести очередной XIV Тихоокеанский научный конгресс в 1979 г. в Хабаровске. Н.А. Шило, возглавлявший в то время ДВНЦ АН СССР, был избран председателем комитета ТНА "Твердая оболочка Земли". В программу работы этого комитета ему удалось включить не только пленарные заседания по различным секциям и симпозиумам, но и проведение ряда полевых экскурсий на наиболее интересные геологические объекты Дальнего Востока. К числу таких объектов был отнесен и разрез пограничных отложений девона и карбона в бассейне р. Моланджи. Подготовка к этой экскурсии также требовала дополнительного изучения данного разреза.

В 1976–1979 гг. коллектив палеозойской группы занимался изучением не только опорного разреза пограничных отложений девона и карбона, находящегося на руч. Перевальном, но и других разрезов разновозрастных отложений, представленных несколькими отличными фациями. В задачу сотрудников группы входили как послойная характеристика разрезов, так и сбор материалов для монографического изучения всех групп ископаемых. В полевых работах с сотрудниками СВКНИИ, изучавшими литологию (Т.П. Разина), палеомагнитные свойства пород (Е.В. Колесов), конодонтов (М.Х. Гагиев), строматопороидей и табулят (Л.В. Смирнова), брахиопод (К.В. Симаков), участвовали также специалисты из Института геологии и геофизики СО АН СССР (О.В. Юферов, фораминиферы), Палеонтологического института АН СССР (О.А. Эрлангер, брахиоподы) и Биолого-почвенного института (БПИ) ДВНЦ АН СССР (Ю.И. Оноприенко, руго-

зы). В результате проведенных исследований к августу 1979 г., когда состоялась экскурсия по программе XIV Тихоокеанского научного конгресса, был подготовлен и издан путеводитель, включавший 8 выпусков, в которых приводились послойные описания изученных разрезов, монографические описания и схемы зонального расчленения пограничных отложений девона и карбона по различным группам ископаемых.

В обработке собранного палеонтологического материала и подготовке путеводителя участвовали не только сотрудники СВКНИИ, но также ИГиГ СО АН СССР (О.В. Юферев, фораминиферы, Л.С. Бушмина, остракоды), Геологического института (ГИН) АН СССР (Э.П. Радионова, водоросли), ЛГУ (М.Г. Миронova, гастроподы), Всесоюзного научно-исследовательского геологического нефтяного института (ВНИГНИ) (В.А. Чижова, остракоды), БПИ ДВНЦ АН СССР (Ю.И. Оноприенко, ругозы).

В экскурсии и в прошедшем в полевых условиях симпозиуме по проблеме границы девона и карбона наряду с ведущими советскими специалистами (Е.А. Рейтлингер, О.А. Липина, А.В. Дуркина, В.А. Чижова и др.) принимал участие и ряд зарубежных ученых, среди которых, в частности, была и председатель МРГ Д/С профессор Э. Папрот (ФРГ).

На XIII Тихоокеанском научном конгрессе в Канаде (Ванкувер) проблемы геологии не были рассмотрены в достаточно полном объеме. В период подготовки XIV Тихоокеанского научного конгресса комитет “Твердая оболочка Земли” под председательством академика Н.А. Шило разработал научную программу, в обсуждении которой участвовали ученые США, Японии, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, Австралии, Франции, Канады, СССР. Программа охватывала различные аспекты геологии Тихоокеанского подвижного пояса и ложа Тихого океана и прежде всего была направлена на решение кардинальной проблемы происхождения и развития Тихого океана и его обрамления, выяснение закономерностей размещения полезных ископаемых, с тем чтобы способствовать росту минерально-сырьевых ресурсов стран Тихоокеанского бассейна, особенно развивающихся стран. Эта программа и была положена в основу программы XIV Тихоокеанского научного конгресса, который состоялся в Хабаровске в августе-сентябре 1979 г.

В соответствии с программой комитет “Твердая оболочка Земли” объединил семь секций (глубинное строение Тихого океана и его материкового обрамления; континентальные окраины, островные дуги и структурные элементы дна Тихого океана; стратиграфия и палеобиогеография докембрия и фанерозоя Тихоокеан-

ского кольца; магматические и метаморфические комплексы в структурах Тихоокеанского кольца (плутонизм Тихоокеанского кольца); металлогения Тихоокеанского рудного пояса и Тихого океана; геохимическая модель земной коры, верхней мантии в зонах перехода от континента к Тихому океану; энергетические ресурсы Тихого океана).

В работе конгресса приняло участие около 600 ученых, представивших Австралию, Бельгию, Боливию, Венгрию, ГДР, Индонезию, Канаду, КНДР, Мексику, Новую Зеландию, Польшу, СРВ, СССР, США, Таиланд, ФРГ, Францию, Швецию, Южную Корею, Японию. На заседаниях его секций прочитано 246 докладов, из них 22 доклада представлено учеными Магадана. В докладах были отражены новейшие достижения геолого-геофизических и геохимических исследований на окраинах континентов, в зоне перехода от континента к океану и в пределах ложа Тихого океана¹⁸.

Одной из наиболее крупных и сложных по организации была секция стратиграфии и палеобиогеографии докембрия и фанерозоя Тихоокеанского кольца. Заседаниям в Хабаровске предшествовали доконгрессные экскурсии, на которых демонстрировались опорные разрезы пограничных отложений ордовика и силура (тур VIII – Омулевские горы), девона и карбона (тур IX – бассейн р. Омолон), позднекайнозойские отложения Колымской низменности (тур XI – низовья р. Колымы), миоценовые отложения Мамонтовой горы и Нижне-Алданской Центральной Якутии и плейстоценовые осадки, слагающие террасы р. Алдан (экскурсия по туру XIII).

Все экскурсии были обеспечены в научном плане превосходно подготовленными для осмотра и изучения стратиграфическими разрезами и обстоятельными путеводителями, изданными на двух языках – русском и английском. Во время экскурсий обсуждались также научные доклады, тематически связанные с программой секции. Детальное ознакомление с разрезами и широкие дискуссии между советскими и зарубежными специалистами, большинство которых представляло международные рабочие группы по проблемам границ между отдельными системами, показали, что демонстрировавшиеся разрезы по ручьям Мирному и Перевальному относятся к числу основных претендентов на меж-

¹⁸ Ващилов Ю.Я., Гончаров В.И., Иванов В.В., Красный Л.Л., Ложкин А.В., Милов А.П., Найбородин В.И., Павлов Г.Ф., Симаков К.В. Геологические науки на XIV Тихоокеанском научном конгрессе в Хабаровске (август–сентябрь 1979 г.) // Колыма. 1980. № С. 33–38.

дународные стандарты границ между ордовиком и силуром, девоном и карбоном. Эти выводы имели огромное научное и практическое значение, поскольку впервые было официально подтверждено международное значение разрезов Циркумпацфики, и теперь сфера выбора стратотипов стратиграфических подразделений и границ между ними не должна ограничиваться только территориями Западной Европы и Северной Америки.

В период конгресса работа секции стратиграфии проходила в трех подсекциях (докембрий и палеозой; мезозой; кайнозой). В рамках первой и третьей подсекций состоялись два специальных симпозиума – “Экостратиграфия и границы стратиграфических систем” и “Опорные разрезы миоцена и плиоцена Пацифики”. Совместно с комитетом по географии проведен симпозиум “Плейстоцен”.

В работе секции стратиграфии приняло участие около 150 ученых. Было заслушано и обсуждено свыше 80 научных докладов, тематически связанных с тремя основными проблемами – стратиграфической корреляцией и палеобиогеографией Циркумпацфики, границами стратиграфических подразделений, экостратиграфией и границами стратиграфических систем.

Наибольший интерес вызвали новые материалы, касающиеся стратиграфической корреляции неогеновых отложений Циркумпацфики, которые позволили В.В. Меннеру и Ю.Б. Гладенкову представить макет корреляции опорных разрезов Северной Пацифики. Серьезное внимание было проявлено к сообщениям Д. Талента (Австралия) и М.М. Чуркина (США), в которых предлагались макеты палеобиогеографических реконструкций соответственно для девона и мезозоя, построенные на основе гипотезы тектоники плит. Особый интерес вызвало также сообщение Д. Гопкинса (США) о палеогеографической обстановке ресс-вюрмского межледниковья и последующего похолодания в разрезах Северной Америки, а также о проблеме генезиса отложений арктических и субарктических районов Северного полушария.

Оживленные дискуссии сопровождали доклады, посвященные проблемам определения границ между стратиграфическими подразделениями различного ранга – ордовиком и силуром (Б. Рикардс, Англия), силуром и девоном (Д.Е. Уайт, Англия), девоном и карбоном (Э. Папрот, ФРГ), триасом и юрой (А.И. Афицкий), палеогеном и неогеном (Р. Цур, У. Эддикот, США), неогеном и четвертичной системой (М.Н. Алексеев и др.).

Обсуждение, проходившее во время полевых научных экскурсий, заседаний подсекций и симпозиумов, позволило сформулировать ряд общих выводов, имеющих большое значение как

для дальнейшего направления работ комитета “Твердая оболочка Земли”, так и для советских научных организаций, занятых изучением примыкающих к Тихому океану регионов СССР. Участники секции согласились с необходимостью проведения международных исследований в странах Тихоокеанского бассейна по проблеме “Стратиграфическая корреляция и палеобиогеография Циркумпафики”. Для всех участников конгресса стало очевидным, что без глубокого и комплексного рассмотрения проблем стратиграфической корреляции, палеогеографии и палеобиогеографии, палеонтологической истории органического мира Тихого океана, его островов и континентального обрамления решение большинства других геологических и геодинамических проблем этой важнейшей части земного шара не может быть научно полноценным. Было признано, что выявленные, детально изученные и демонстрировавшиеся во время полевых научных экскурсий стратиграфические разрезы, расположенные на территориях Северо-Востока и Дальнего Востока СССР, могут служить базой для определения некоторых важнейших международных стандартов, в частности стратиграфических границ.

Э. Папрот вместе с министром геологии Бельгии профессором Дж. Букартом договорились с академиком Н.А. Шиловым в Хабаровске о проведении первых на Северо-Востоке СССР полноценных полевых исследований с целью определения сравнительных характеристик фаменских и турнейских отложений Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР, которые должны были проходить параллельно на территории СССР и Западной Европы. Такие исследования под общим руководством К.В. Симакова были осуществлены в 1980–1984 гг.

XIV Тихоокеанский научный конгресс дал мощный стимул для развития международных связей не только лаборатории палеонтологии и стратиграфии палеозоя, но и другим лабораториям стратиграфического направления СВКНИИ. Именно во время этого конгресса сотрудники лабораторий палеонтологии и стратиграфии мезозоя (А.И. Афицкий, В.П. Похиалайнен) и стратиграфии кайнозоя (А.В. Ложкин) смогли установить тесные контакты с зарубежными коллегами. Последние высоко оценили представленные материалы по стратиграфии, палеогеографии, истории геологического развития Северо-Востока СССР, которые ранее оставались для них совершенно неизвестными. Это позволило ученым Северо-Востока СССР в дальнейшем принять активное участие в обобщающих исследованиях и по внутрисюзным программам, и по проектам Международной программы геологической корреляции (МПК).

Семья Кривских

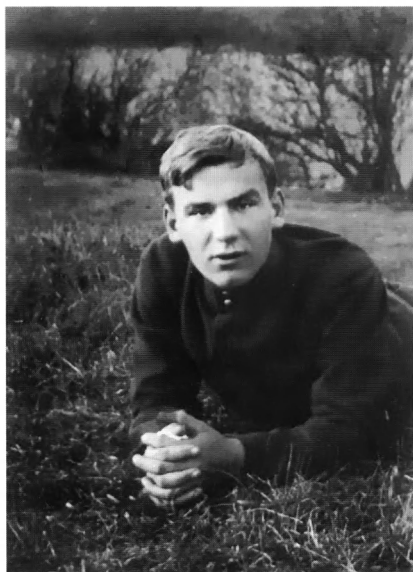
Сидят: Юрий Леонидович, Леонид Александрович, Софья Николаевна, Татьяна Леонидовна (мать Кирилла). Стоит Мария Леонидовна. Санкт-Петербург, 1915 г.

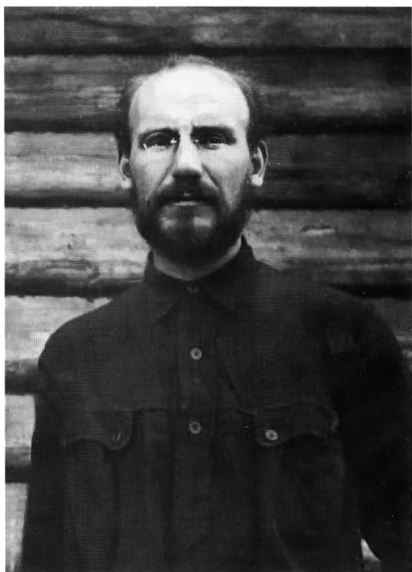
**Татьяна Кривская. Петроград,
1917 г.**

**Леонид Александрович Кривский.
Ленинград, 1928 г.**

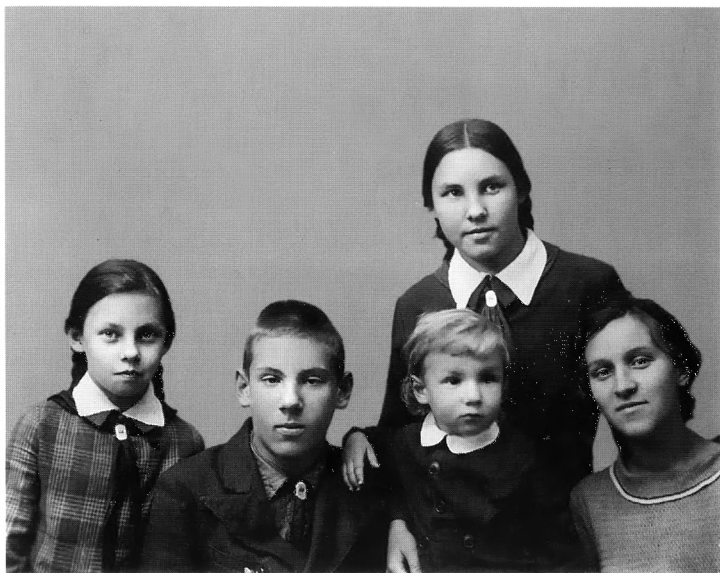
**Владимир Симаков (отец Кирилла).
Москва, 1915 г.**

**В.Н. Симаков в экспедиции
на Васюгане, 1930 г.**

Т.Л. и В.Н. Симаковы с сыном Игорем, 1924 г.

Сидят (слева направо): Таня Кривская, Игорь и Кирилл Симаковы, Ирина Скворцова. Стоит Вера Кривская, 1937 г.

В.Н. Симаков, 1938 г.

Владимир Николаевич, Татьяна Леонидовна и Игорь Симаковы в годы Великой Отечественной войны

Проводы Игоря с женой Раей на Колыму
Кирилл – второй справа, 1950 г.

Т.Л. Симакова в лаборатории, 1949 г.

В.Н. и Т.Л. Симаковы, 1970 г.

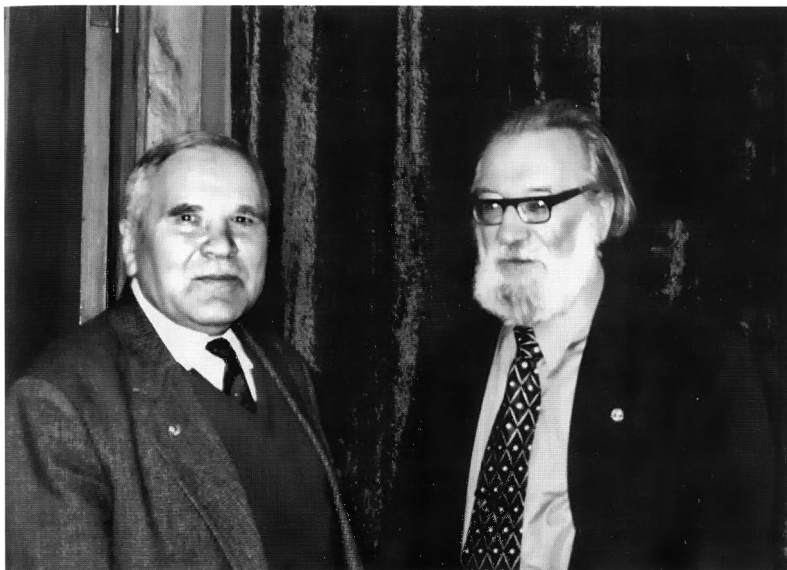
Н.М. Синицын

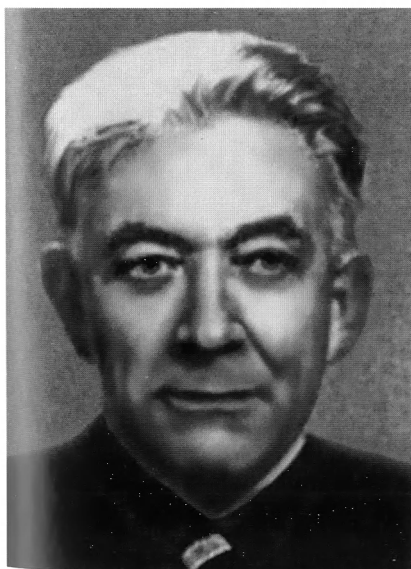
Кирилл – первокурсник

К.В. Симаков, 1954 г.

Сокурсники по Ленинградскому университету К.В. Симаков и Феликс Петрович Митрофанов после Общего собрания РАН, избравшего их академиками, май 2000 г.

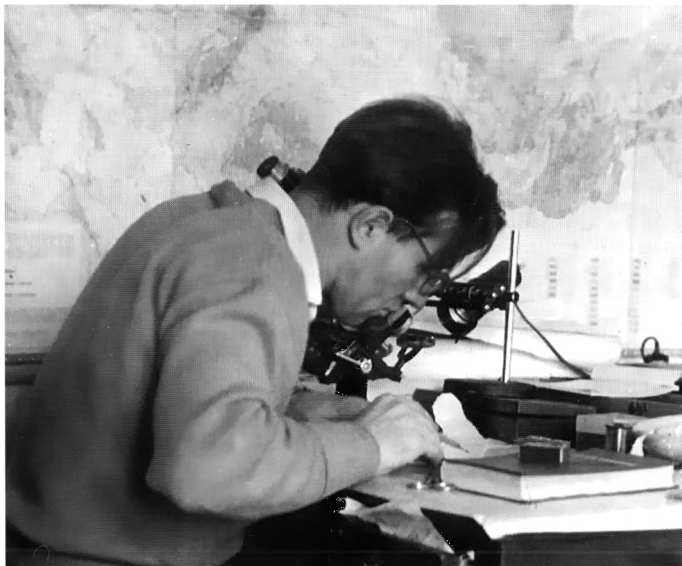
К.А. Иванов

С.М. Абасев

А.П. Шпетный

К.В. Симаков в Сеймчане, начало 1960-х гг.

Валентина Шевченко на р. Коркодон, 1963 г.

Устройство полевой дробилки. Р. Коркодон, 1963 г.

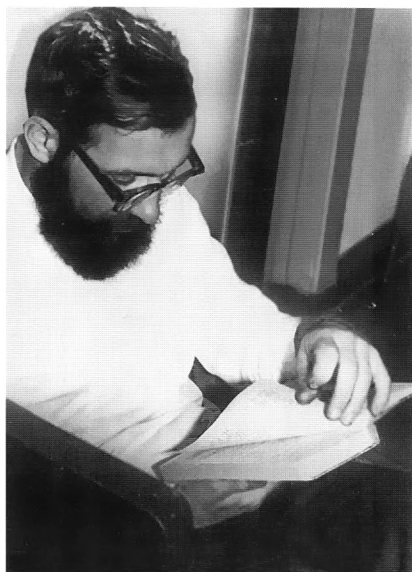
Футбольный матч в Сеймчане.
Второй справа К.В. Симаков, 1963 г.

Валентина Шевченко. Сеймчан, 1959 г.

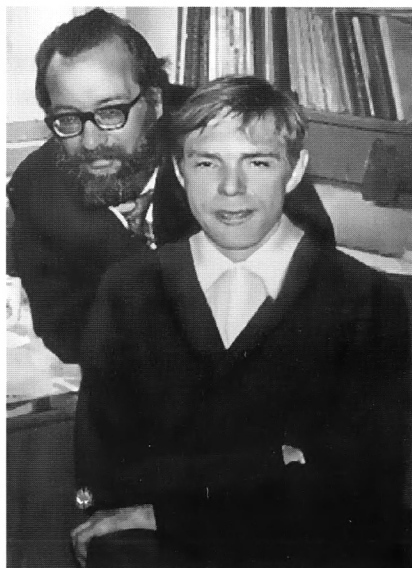
Кирилл Симаков. Сеймчан, 1963 г.

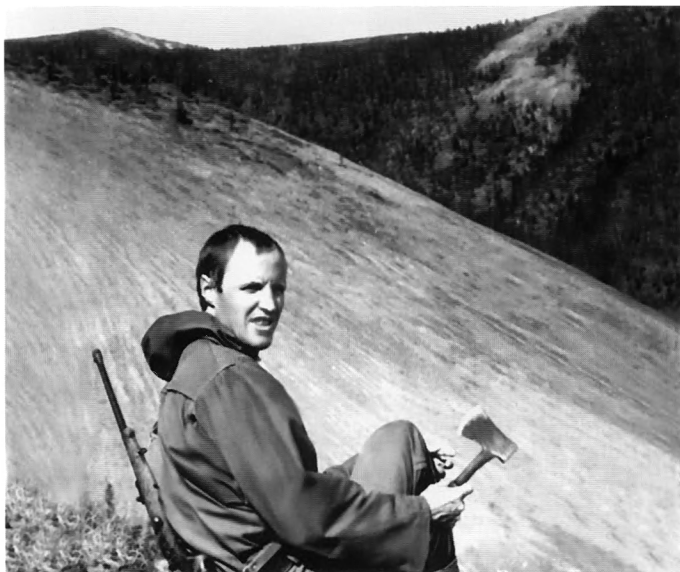
К.В. Симаков в гостях у Преображенских. Магадан, начало 1970-х гг.

А.А. Николаев

К.В. Симаков и В.Г. Ганелин в палеонтолого-стратиграфической партии ЦКТЭ СВГУ. Магадан, начало 1970-х гг.

Ю.И. Оноприенко за сбором палеокораллов на р. Ясачной, 1974 г.

В.И. Оноприенко. Р. Ясачная, 1974 г.

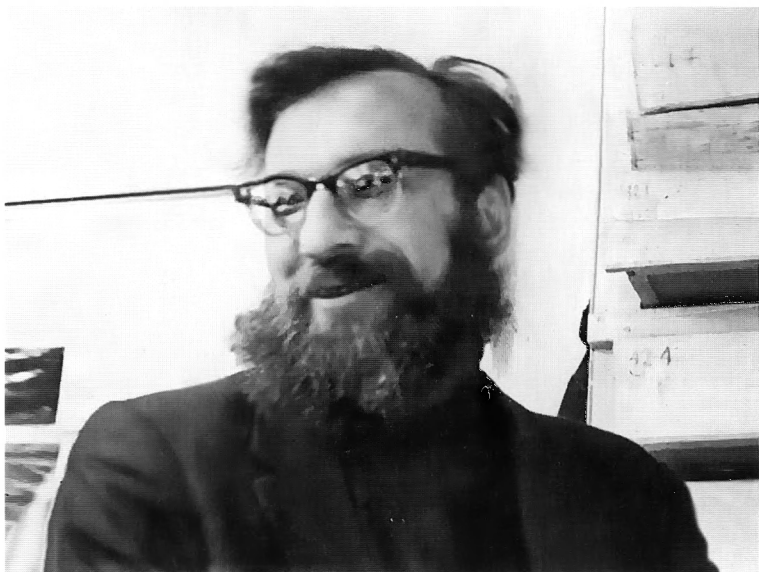

Палеонтолого-стратиграфическая партия ЦКТЭ СВГУ. Магадан, начало 1970-х гг.

Стоят (слева направо): Ю.С. Репин, М.И. Ситникова, Ю.И. Оноприенко, В.Г. Ганелин

В.Г. Ганелин. Магадан, начало 1970-х гг.

**К.В. Симаков у стратиграфов ЦКТЭ. Магадан, начало 1970-х гг.
Фото Ю.И. Оноприенко**

К.В. Симаков у СВКНИИ во время проведения II межведомственного стратиграфического совещания. Магадан, 1974 г. Фото В.И. Оноприенко

**Участники экскурсии XXVII Международного геологического конгресса.
Омолон, 1981 г. К.В. Симаков наверху**

**Дж. Талент (Австралия) и К.В. Симаков обсуждают детали разреза.
Международная экскурсия на Омолон, 1979 г.**

**Экскурсия по программе XIV сессии
Тихоокеанской научной ассоциации
на разрезы бассейна р. Моланджа.
1979 г.**

Слева направо: К.В. Симаков,
Э. Папрот (ФРГ), Тонг-зюй Тхань
(Вьетнам), Дж. Талент (Австралия)
и польский геолог

На родном Омолоне, 1979 г.

**К.В. Симаков и Э. Папрот
на разрезе руч. Переваль-
ного. 1979 г.**

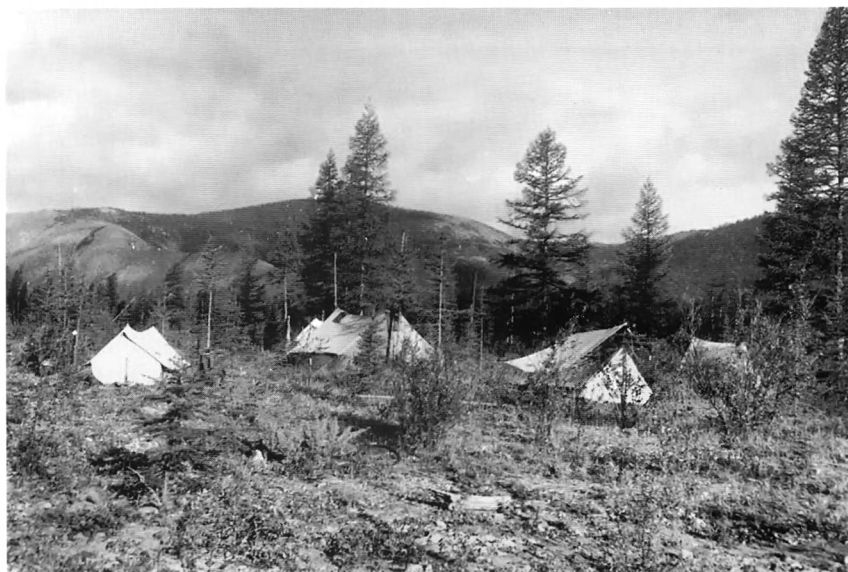

**“Отвальная” на Моланд-
же, 1979 г.**

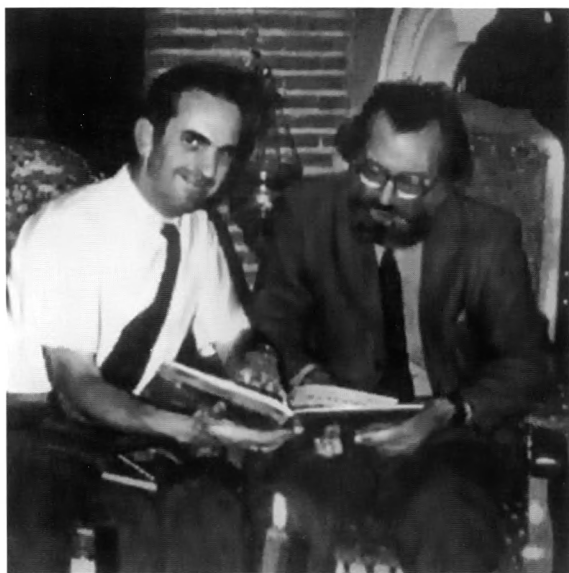

К.В. Симаков обходит разрез на Омолоне, 1979 г.

Палаточный лагерь экскурсии на Омолоне, 1981 г.

К.В. Симаков в гостях у Р. Конила. Бельгия, 1981 г.

К.В. Симаков и Э. Потти на Омолонском массиве, 1981 г.

**К.В. Симаков и Э. Напрот.
Магадан, 1981 г.**

**Дружеский ужин.
X Международный конгресс
по стратиграфии и геологии
карбона. Мадрид, 1983 г.**

Слева направо: Э. Потти,
М. Блесс, Н.А. Шило,
К.В. Симаков, Р. Свеннен

**К.В. Симаков (справа)
с бельгийскими учеными
Р. Конилом (третий справа)
и Р. Свененном
(четвертый справа).
Бельгия, 1983 г. Фото
Ю.И. Оноприенко**

**К.В. Симаков. Международ-
ная экскурсия на Омолон,
1984 г.**

Международный полевой отряд

Сидит К.В. Симаков.
Стоят (слева направо):
Р. Конил, Т.П. Разина,
А. Балабас, Л.В. Смир-
нова, М. Блесс,
Ю.И. Оноприенко,
1983 г.

**Выгрузка из вертолета.
Моланджа, 1984 г.**

**К.В. Симаков,
Ю.И. Оноприенко
Международная
экскурсия на Омон, 1984 г.**

**О. Вализер (ФРГ),
К.В. Симаков и Э. Па-
прот (ФРГ). Экскурсия
на разрез в бассейне
р. Моланджа, 1984 г.**

Экскурсия XXVII Международного геологического конгресса, 1984 г.

Слева направо: Мария Фернанда Кампа (Национальный университет Мексики), Курт Рухольц (ГДР), К.В. Симаков, Поль Сартенер (Бельгия), Л. Альберти (ФРГ), Эва Папрот (ФРГ)

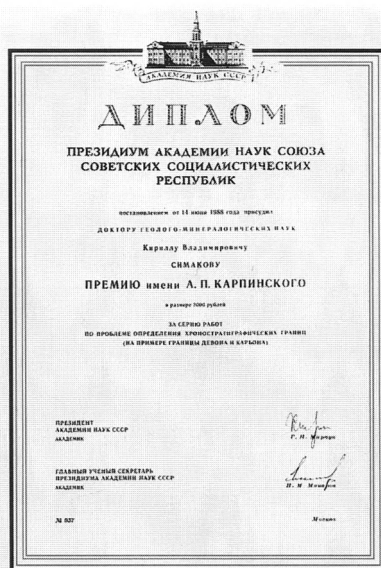
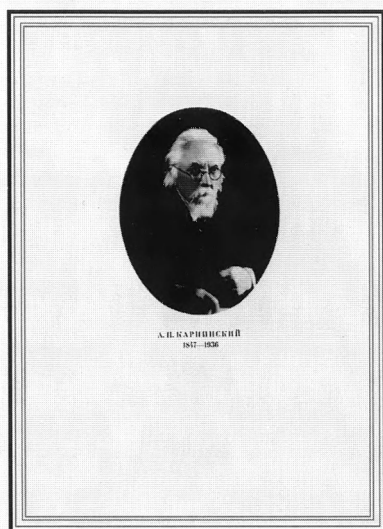
За разбором палеонтологических коллекций. Китай, 1988 г.

К.В. Симаков на разрезах Австралии, 1988 г.

**К.В. Симаков на
полевых исследованиях
в Австралии, 1989 г.**

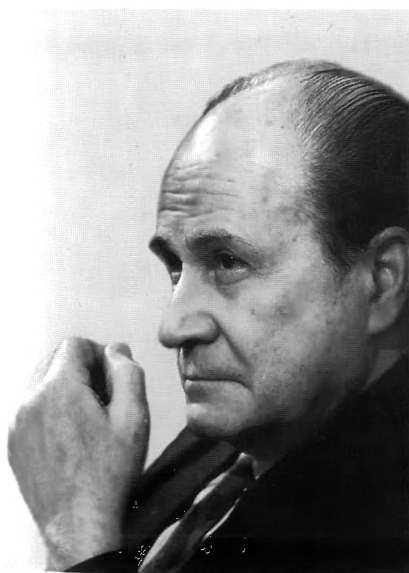
Диплом премии АН СССР им. А.П. Карпинского, врученной К.В. Симакову за серию работ по проблеме хроностратиграфических границ

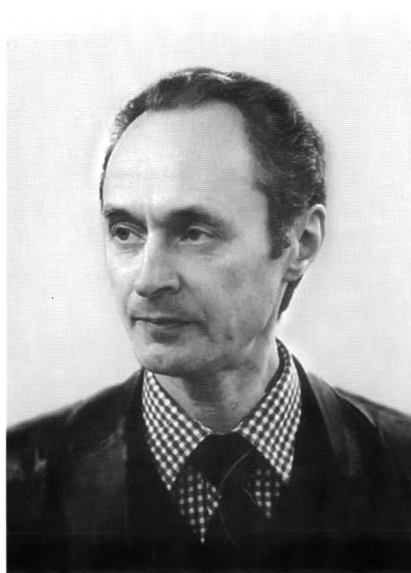
Профессор Лари А. Фрейкс (Университет Аделаида, Австралия) в гостях у семьи Симакова. Магадан, 1992 г.
В центре – В.М. Шевченко и внучка Пасковья

К.В. Симаков и директор СВКНИИ В.И. Гончаров

Б.С. Соколов. Из книги “Портрет интеллекта: Ученые России в фотографиях Сергея Новикова” (СПб., 1999)

С.В. Мейен. Из книги “Портрет интеллекта: Ученые России в фотографиях Сергея Новикова”. (СПб., 1999)

И.В. Круть

И.В. Круть в экспедиции на Кавказе

**К.В. Симаков с внучкой
Прасковьей. Магадан,
1987 г.**

**С внучкой на лыжах.
Магадан, 1989 г.**

**В.М. Шевченко и
К.В. Симаков. Встреча
Нового 1995 г.**

**Председатель Президиума
СВНЦ ДВО РАН
К.В. Симаков и ученый
секретарь Центра
Л.И. Измайлов. Магадан,
1997 г.**

**Прощальная фотография по случаю отъезда директора СВКНИИ чл.-корр.
РАН А.А. Сидорова на “материк”, апрель 1994 г.**

Сидят (слева направо): К.В. Симаков, П.Н. Матьков, Г.А. Малкова,
А.А. Сидоров, Л.И. Измайлов, Л.А. Честухина. Стоят (слева направо):
А.В. Ложкин, О.В. Щербань, В.Е. Глотов, В.Ф. Белый, П.П. Павлов,
Н.М. Рябчу

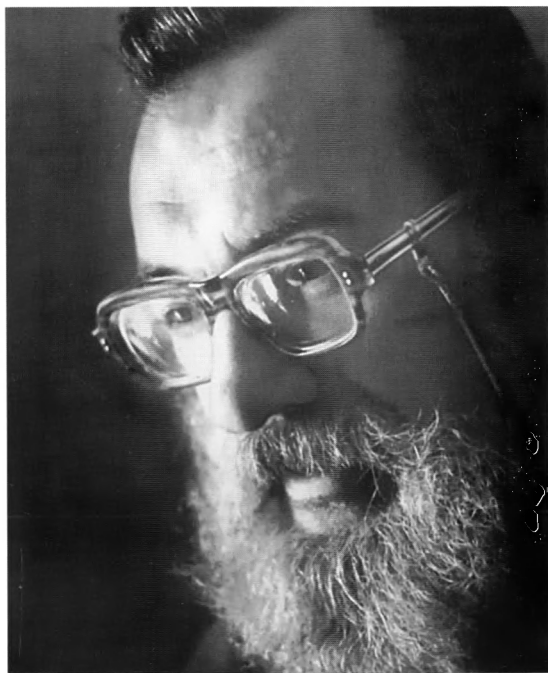
Лаборатория палеонтологии и стратиграфии СВКНИИ

Сидят (слева направо): О.А. Щирая, Т.П. Половова, В.П. Похиалайнен, Л.В. Смирнова. Стоят (слева направо): М.Х. Гагиев, Н.А. Матюхина, К.В. Симаков. Магадан, 1993 г.

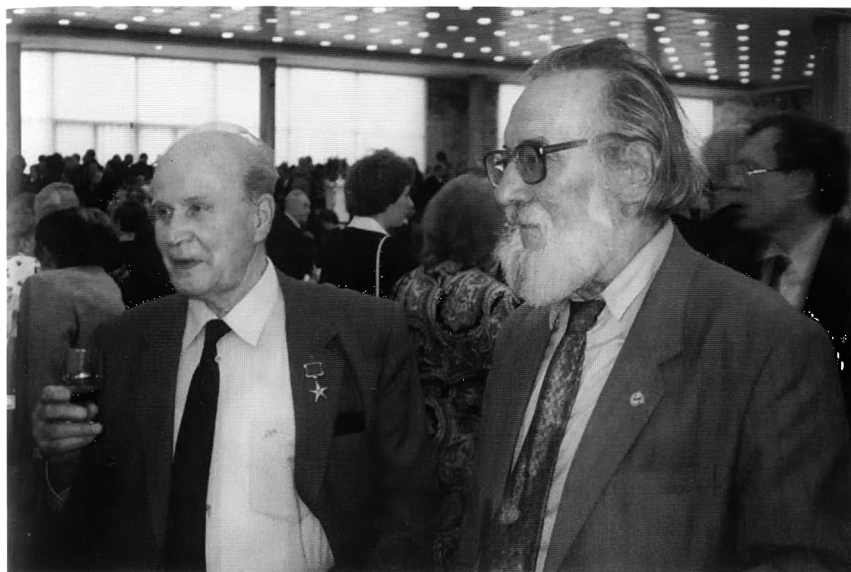

**Н.А. Шило и
К.В. Симаков открыва-
ют банкет по случаю
окончания конференции.
Магадан, 1997 г.**

**К.В. Симаков. Из книги
“Портрет интеллекта:
Ученые России в фото-
графиях Сергея Новико-
ва” (СПб., 1999)**

К.В. Симаков и Б.С. Соколов в Кремле на заседании, посвященном 275-летию Российской академии наук. Фото профессора Аоки (Япония)

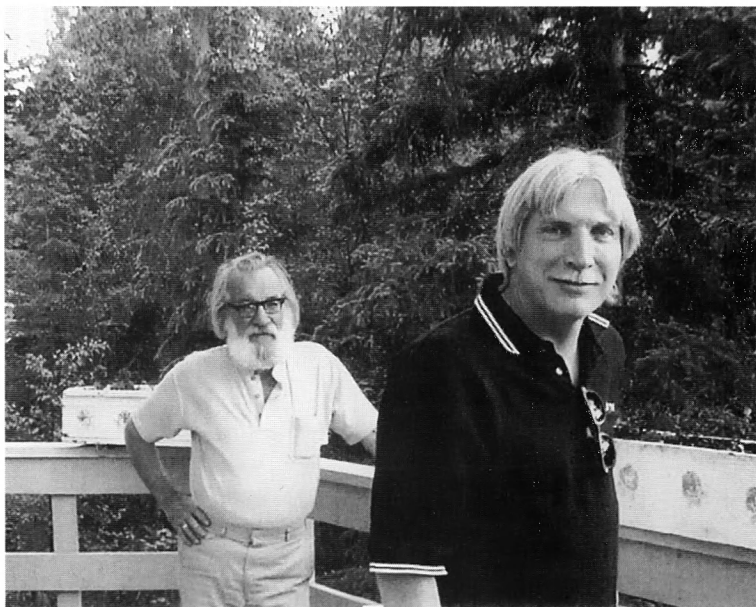

Аляска – почти Колыма, 2000 г.

Диплом академика

К.В. Симаков со своим американским другом Деннисом Тёрстоном из Управления минеральных ресурсов США. Аляска, 2000 г.

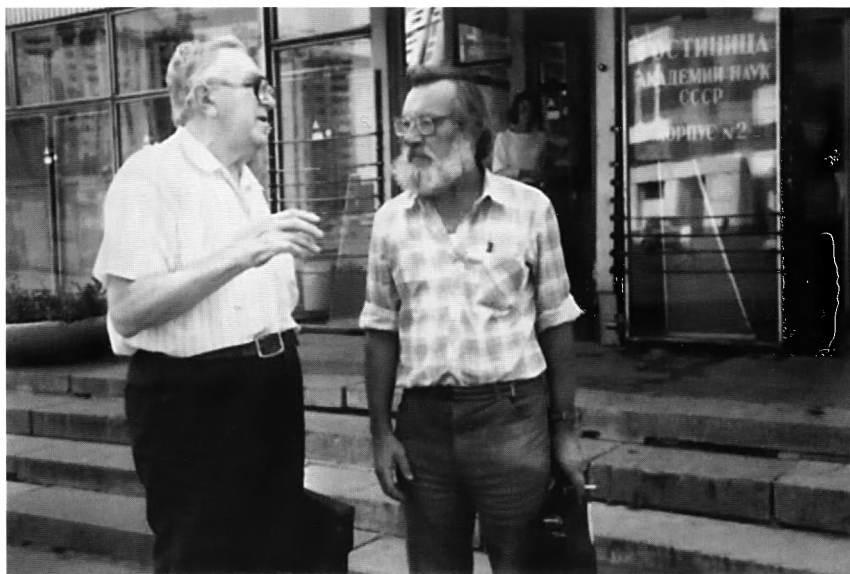

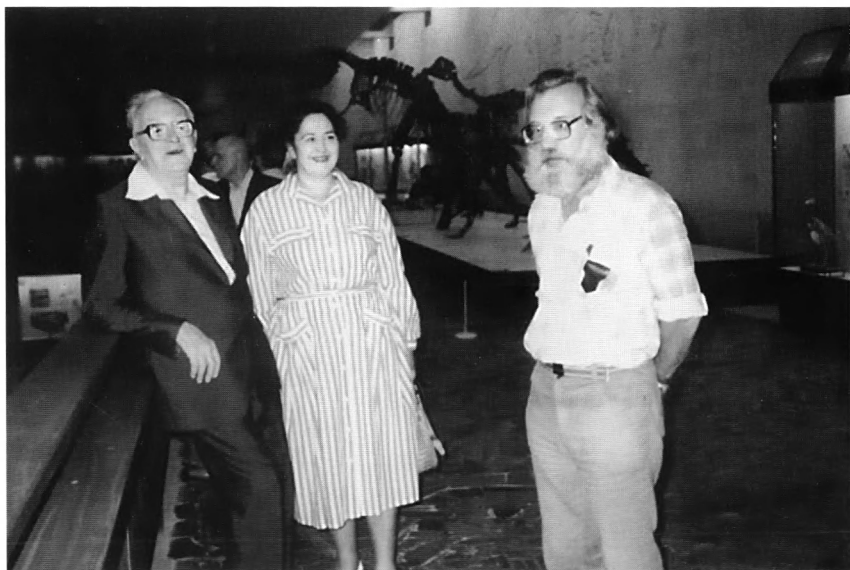
**“Банная компания”:
Ю.Я. Ващилов,
И.И. Попов,
К.В. Симаков. Магадан,
1999 г.**

**А.Л. Яншин. Из книги
“Портрет интеллекта:
Ученые России
в фотографиях
Сергея Новикова”.
(СПб., 1999)**

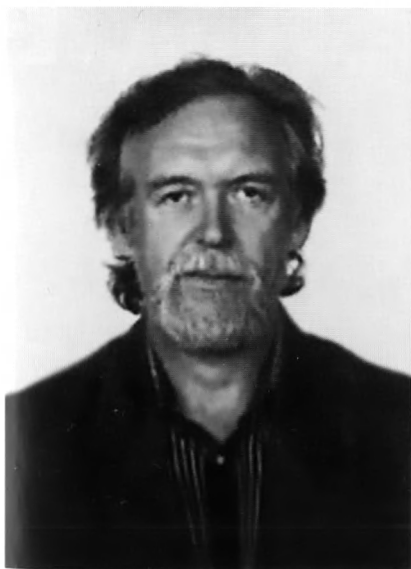
А.Л. Яншин и К.В. Симаков. Москва, 1989 г.

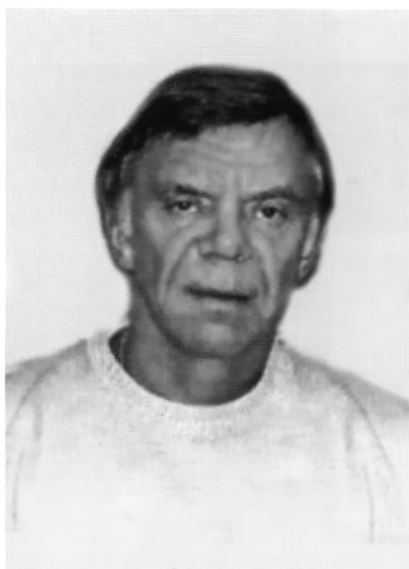
А.Л., Ф.Т. Яншины и К.В. Симаков. Москва, 1989 г.

Беседа “за палеозой”. К.В. Симаков и И.Б. Флеров

Б.В. Преображенский

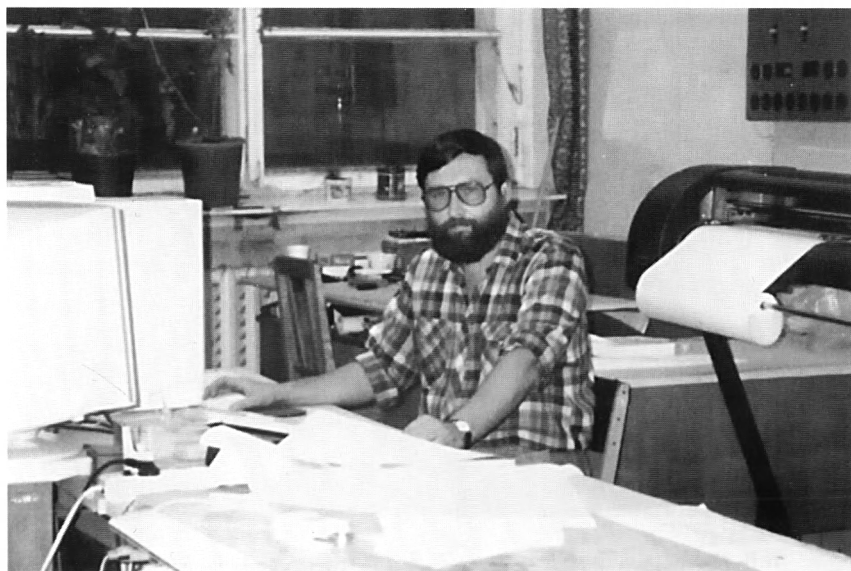
**Член-корреспондент РАН
И.А. Черешнев**

**Дочь К.В. Симакова
Виктория Васильева
ведет урок в школе.
Магадан, 2004 г.**

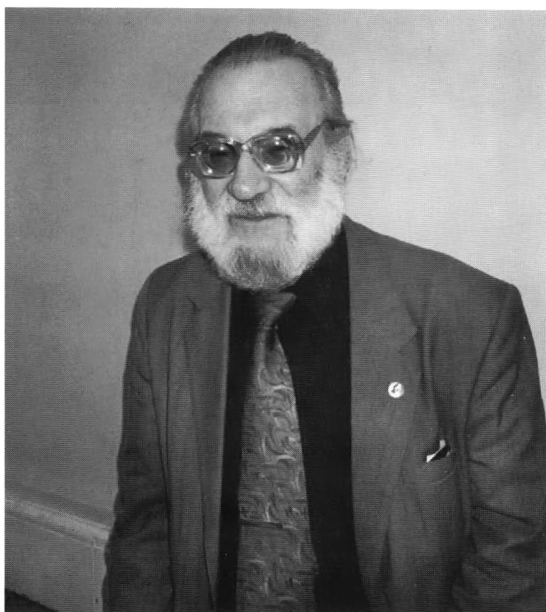

**Внучка К.В. Симакова
Прасковья, 2004 г.**

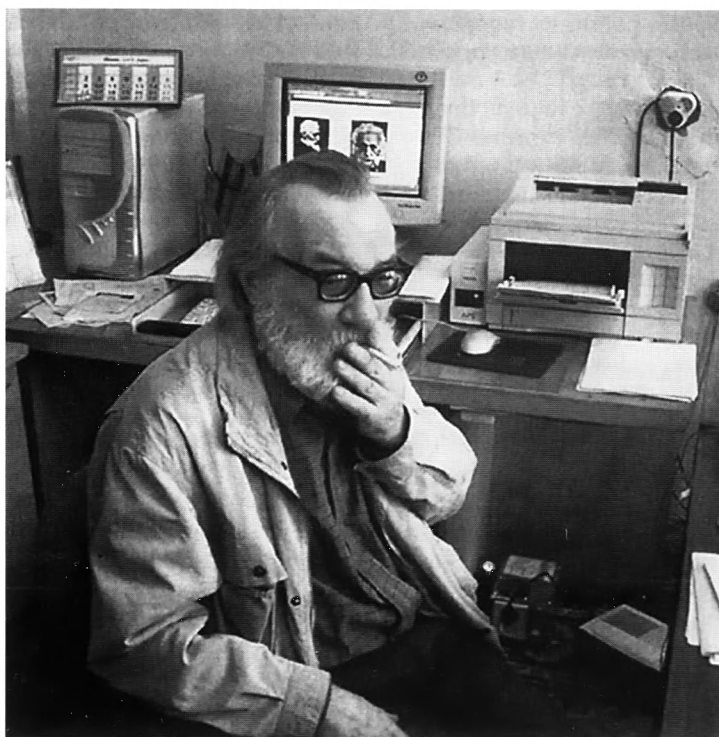

**Зять К.В. Симакова Сергей Васильев в межинститутском компьютерном
центре СВНЦ ДВО РАН**

**Академик К.В. Симаков,
начало 2000 г.
Фото Б.С. Соколова**

**В кабинете председателя
Президиума СВНЦ
ДВО РАН. Одна
из последних фотогра-
фий К.В. Симакова**

Памятник К.В. Симакову на Марчечанском кладбище. Магадан

В 1981 г. лаборатории палеонтологии и стратиграфии палеозоя, мезозоя и кайнозоя были объединены в отдел стратиграфии и палеонтологии, который возглавил В.П. Похиалайнен. Отдел просуществовал до 1986 г., когда в связи с начавшимися “перестроечными” процессами он был реорганизован в лабораторию.

В 1981–1985 гг. лаборатория стратиграфии и палеонтологии палеозоя (в составе отдела стратиграфии и палеонтологии) под руководством К.В. Симакова выполняла плановую тему “Природа и глобальная корреляция хроностратиграфических границ и опорные разрезы верхнего девона и нижнего карбона Северо-Востока СССР”. Исследования включали следующие задачи: теоретико-методологическое обоснование операционных правил для определения хроностратиграфических границ; обобщение материалов по истории изучения и биостратиграфии пограничных отложений девона и карбона, их расчленения, глобальной корреляции; комплексное изучение опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР и сопоставление их с разрезами других регионов с целью получить полную палеонтологическую характеристику девонско-каменноугольного стратоектона; изучение конодонтов и их роли для расчленения и корреляции нижне-среднепалеозойских отложений Северо-Востока. Изучение опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона проводилось на основе межлабораторной, межинститутской и международной кооперации. В полевых работах и камеральной (монографической) обработке собранного материала наряду с сотрудниками лаборатории принимали непосредственное участие сотрудники многих других академических институтов Союза, а также зарубежные коллеги. Вместе с тем и сотрудники лаборатории участвовали в исследованиях опорных разрезов различных регионов СССР, проводившихся другими научными центрами.

В ходе выполнения темы было завершено монографическое изучение фораминифер, строматопороидей и табулят, остракод, конодонтов из разрезов пограничных отложений девона и карбона Омолонского массива. М.Х. Гагиевым проводилось исследование конодонтов и стратиграфии девонских и нижнекаменноугольных отложений в бассейне среднего течения р. Колымы.

Эти и другие результаты исследований нашли широкое отражение в публикациях и выступлениях на симпозиумах, конференциях и конгрессах. Они были высоко оценены доктором геол.-мин. наук С.В. Мейеном (ГИН АН СССР), доктором геол.-мин. наук Б.И. Богословским (Палеонтологический институт АН

СССР) и доктором геол.-мин. наук Б.А. Клубовым (СВКНИИ ДВНЦ АН СССР)¹⁹.

С 1980 г. в лаборатории палеонтологии и стратиграфии палеозоя проводились совместные советско-бельгийские исследования с целью определения сравнительных характеристик фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР. Результаты работ докладывались на X Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (Мадрид, 1983 г.) и на XXVII Международном геологическом конгрессе (Москва, 1984 г.), в рамках которого была проведена экскурсия на опорный разрез пограничных отложений девона и карбона в бассейне р. Моланджи. К началу этой экскурсии кроме краткого путеводаителя был опубликован и представлен участникам экскурсии литолого-палеонтологический атлас, в котором приводились изображения всех руководящих форм различных групп ископаемых. Благодаря кооперации с бельгийскими учеными существенно дополнено палеонтологическое обоснование положения границы девона и карбона в изученных разрезах (в частности, профессором Льежского университета М. Стрилом впервые описаны спорово-пыльцевые комплексы) и впервые дана геохимическая характеристика карбонатных образований (профессором Лувенского университета Р. Свененом).

Параллельно с советско-бельгийскими исследованиями в лаборатории палеонтологии и стратиграфии палеозоя проводилась огромная работа, направленная на обобщение и публикацию материалов по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона всего Советского Союза. Эта работа была связана с деятельностью как МРГ D/C, так и СРГ D/C. В 1980–1988 гг. СВКНИИ издано 28 выпусков общей серии “Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона” и ряд посвященных этой проблеме сборников, в которых излагались новейшие результаты, полученные при изучении опорных разрезов соответствующих отложений Русской платформы, Урала, Поволжья и других регионов СССР, а также Западной Европы. История развития представлений о положении границы девона и карбона, современные данные по стратиграфии переходных между ними образований в Западной Европе, Северной Америке, Китае и СССР обобщены в серии опубликованных в 1984–1986 гг. монографий К.В. Симакова, в которых на основании развивавшейся им в течение многих лет теории хроностратиграфии предложена принципиально новая методика определения хроностратиграфиче-

¹⁹ Архив СВКНИИ.

ских границ. В 1988 г. за этот цикл работ ему была присуждена высшая награда в области наук о Земле – премия имени академика А.П. Карпинского.

В 1986–1990 гг. в лаборатории палеонтологии и стратиграфии проводилась работа под руководством В.П. Похиялайнена по теме “Межрегиональная корреляция фанерозоя и проблемы хроностратиграфических границ”, которая также привела к значительным результатам. К.В. Симаков вел исследования в рамках проекта № 216 Международной программы геологической корреляции “Глобальные биологические события в истории Земли”.

Первая задача исследований состояла в определении времени проявления хангенбергского события. С этой целью был проведен широкий фронт полевых работ: Т.П. Разиной и И.А. Драневич – на разрезах Северо-Востока СССР (разрез Крестик) и западного склона Южного Урала (разрезы Сиказа, Зиган); К.В. Симаковым, Т.П. Разиной и И.А. Драневич – в Рудном Алтае (разрез Тарханка); К.В. Симаковым – в Юго-Восточном Китае (разрез Нанбианкун), в Австралии (разрезы Фитцрой Кроссинг и Раннинг Крик) и в Бельгии (разрез Рюазе). На основе этих исследований был сделан общий вывод, что хангенбергское литособытие, выразившееся в широком распространении черных сланцев, не имело глобального характера, черные сланцы хангенбергского типа в разных районах появились в различное время. Обобщение материалов по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона позволило предложить новую схему их расчленения и выявить основные особенности развития Атлантической и Тихоокеанской палеобиохорий.

Вторая задача состояла в определении времени наиболее существенных морфоструктурных перестроек в различных группах ископаемых организмов. Решение ее потребовало теоретического переосмысления термина “событие” (биособытие). К.В. Симаков определил его с позиций системного подхода как трансформацию биологических систем различных уровней организации, начиная от организменного (или таксономического) и кончая биосферными. Для этого необходимо было ввести общее для всех групп ископаемых организмов основание сравнения таксонов и их архетипов. В отдельных группах и во всей палеобиоте перестройки биохронологического состава и структуры происходили не “мгновенно”, а в течение некоторого (неодинакового для разных групп) промежутка времени. Тем самым определяется специфическая (экотонная) природа “естественных” (событийных) границ, которая объективно диктует необходимость разработки особой методологии их определения, опирающейся, по

мнению К.В. Симакова, на концепцию континуально-дискретного времени.

Оценивая отчет о выполненной работе, заведующий лабораторией региональной тектоники СВКНИИ, кандидат геол.-мин. наук С.Г. Бялобжеский отметил следующие достижения: К.В. Симаковым на примере границы девона и карбона разработана теория и практика определения хроностратиграфических границ и общих принципов построения хроностратиграфической шкалы; М.Х. Гагиевым на основе конодонтовой фауны осуществлено дробное расчленение среднего палеозоя центральной части северо-восточных мезозойд и Оломонского срединного массива, что позволило существенно уточнить местные стратиграфические шкалы и сопоставить разнофациальные разрезы между собой и с подразделениями МСШ; проведенное В.П. Похиалайне исследование палеобиологии иноцерамовых двустворок, широко распространенных в отложениях меловых морей окраин Мезопацфики и важных для биостратиграфии, дало возможность предложить новую подвидовую систематику иноцерамов и обосновать закономерность их развития; В.И. Волобуевой создана схема стратиграфии палеогеновых и неогеновых отложений Корякского нагорья²⁰.

Отличительной чертой стратиграфо-палеонтологических исследований, проводившихся всеми подразделениями этого направления в СВКНИИ, был их комплексный характер. Наиболее ярко это проявилось в постоянном плодотворном сотрудничестве со специалистами других лабораторий института и прежде всего с лабораториями палеомагнетизма, тектоники и нефтяной геологии. Впервые в практике стратиграфических исследований изучение не только палеозойских (М.Х. Гагиев), но также верхнетриасовых и нижнеюрских (А.И. Афицкий), меловых (В.П. Похиалайнен) и кайнозойских (В.И. Волобуева) отложений сопровождалось как детальным описанием разрезов с послойным отбором палеонтологических образцов, так и пробами для палеомагнитной характеристики пород²¹.

Другой характерной чертой являлось то особое внимание, которое уделяли специалисты разработке фундаментальных методологических проблем стратиграфии и палеонтологии. В частности, пионерные разработки в области систематики

²⁰ Архив СВКНИИ.

²¹ *Беспалый В.Г., Линькова Т.И., Ложкин А.В., Похиалайнен В.П., Симаков К.В.* Стратиграфические, палеонтологические, геохронологические и палеогеографические исследования // Колыма. 1985. № 3. С. 5–8.

иноцерамид, которые в течение многих лет проводил В.П. Похиалайнен, позволили ему в конечном итоге предложить принципиально новую систему классификации этой группы ископаемых. К области постоянного внимания сотрудников лаборатории относились методологические проблемы хроностратиграфии, связанные с методикой определения и прослеживания хроностратиграфических границ. Этими вопросами в течение длительного времени занимались А.И. Афицкий, В.П. Похиалайнен и К.В. Симаков.

В 1991–1995 гг. под научным руководством К.В. Симакова в лаборатории проводилась работа по теме “Биотические события и стратиграфия фанерозоя Северо-Востока Азии в зоне перехода от океана к континенту”, в которой была продолжена разработка теоретических основ хроностратиграфии и комплекса проблем среднепалеозойской стратиграфии, биостратиграфии, палеогеографии и истории геологического развития Северо-Восточного региона. При этом выяснилось, что взгляды К.В. Симакова и М.Х. Гагиева на характер хангенбергского события противоположны. Если К.В. Симаков, опираясь на данные о послыном распределении представителей различных групп ископаемых остатков по различным наиболее полно изученным разрезам мира, считал, что хангенбергский кризис не был внезапным и “мгновенным”, то М.Х. Гагиев, изучая в течение ряда лет совместно с большой группой специалистов из различных научных центров России разрезы Омудевского и Приколымского поднятий, и в особенности данные по наиболее информативному разрезу Каменка в юго-восточной части Приколымского поднятия, оценивал хангенбергское событие как крупнейшую, чудовищную по масштабу глобальную геологическую катастрофу.

По мнению С.Г. Бялобжецкого, рецензировавшего отчет по этой теме, резкие различия в оценках хангенбергского кризиса К.В. Симакова и М.Х. Гагиева отражали общее состояние вопроса и способствовали лишь стимулированию дальнейших исследований. В ходе выполнения работы получены новые, весьма значительные результаты, касающиеся самых разных аспектов стратиграфии, особенностей эволюции биот в различных интервалах фанерозоя в регионе, которые опубликованы в более чем 100 работах. Среди них были весьма важные: “Сравнительная характеристика поздне триасовых фаун Северо-Востока России”, “Триас Северо-Востока России” и “Структурно-фациальная зональность и биостратиграфия триаса Чукотки” Ю.М. Бычкова, “Мел Северо-Востока России” В.П. Похиалайнена и др.²²

²² Архив СВКНИИ.

В 2000 г., подводя итоги развития стратиграфических исследований в СВКНИИ, К.В. Симаков и Л.В. Смирнова отмечали: “Лаборатория палеонтологии и стратиграфии за 39 лет своего существования с честью справилась со всеми стоявшими перед ней задачами. Выполненные ее сотрудниками описания опорных разрезов, стратиграфические схемы, зональные биостратиграфические шкалы, монографические описания различных групп ископаемых организмов и методологические разработки имеют непреходящее значение и послужат будущим исследователям надежной базой для продвижения вперед по ухабистым дорогам Стратиграфии и Палеонтологии”²³.

²³ Симаков К.В., Смирнова Л.В. К истории стратиграфо-палеонтологических исследований на Северо-Востоке России // Колымские вести. 2000. № 8. С. 11.

Участие в международных исследованиях по установлению границы девона и карбона

К.В. Симаков был организатором и активным участником совместных советско-бельгийских стратиграфических исследований, которые следует рассматривать как один из немногих в советские времена примеров успешного международного сотрудничества.

Совместные советско-бельгийские исследования по теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР” проводились на основе безвалютно-эквивалентного обмена в рамках соглашения о техническом, научном и культурном сотрудничестве между СССР и Бельгийско-Люксембургским экономическим союзом.

Исследования начались в 1979 г. по инициативе Бельгийской геологической службы при участии Льежского университета и университетов Лувена и Нового Лувена. Сотрудники палеонтологических лабораторий этих университетов являются консультантами Бельгийской геологической службы. С советской стороны головным учреждением в исследованиях по теме выступал СВКНИИ ДВНЦ АН СССР. Кроме сотрудников лабораторий палеонтологии и стратиграфии палеозоя и палеомагнетизма СВКНИИ в советско-бельгийских исследованиях принимали участие сотрудники Биолого-почвенного института ДВНЦ АН СССР, Палеонтологического института АН СССР и Института геологии Башкирского филиала АН СССР. Программа совместных советско-бельгийских исследований включала полевые работы, монографическое описание отдельных групп ископаемой фауны, публикацию результатов работ.

Необходимость совместных полевых работ на разрезах Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР была обусловлена сложившимися различиями в методике сбора и последующей обработки материала, что препятствовало получению сопоставимых результатов. Для советской стороны интерес к совместным полевым работам определялся и другими научными соображениями. На территории Франко-Бельгийского бассейна впервые была установлена граница девона и карбона в отложе-

ниях шельфовых (“кораллово-брахиоподовых”) фаций. Соответственно данный район рассматривался западноевропейскими специалистами в качестве наиболее подходящего для выбора международного стандарта границы этих систем. К.В. Симаков в результате исследований, проведенных на опорных разрезах пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР, высказал предположение о неполноте Франко-Бельгийского стандарта и необходимости его замены разрезом Северо-Востока СССР. Это предположение было выдвинуто в соответствии с рекомендациями Межведомственного стратиграфического комитета СССР, предлагавшего установить стандарт границы девона и карбона по развитию фораминифер. Проведение совместных полевых исследований на опорных разрезах обоих районов могло дать возможность советским и бельгийским специалистам сопоставить ранее полученные ими результаты, выработать единую точку зрения на стандарт границы систем и рекомендовать соответствующий эталон.

При исследовании опорных разрезов Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР для их расчленения необходимо было изучить различные группы фауны и микрофлоры, причем бельгийская сторона не располагала специалистами по палеомагнитному анализу, а также по таким группам, как кораллы и брахиоподы, а советская – по миоспорам и фораминиферам. Привлечение к совместным исследованиям специалистов соответствующего профиля определяло обоюдный интерес советской и бельгийской сторон к полевым работам.

Бельгийскими специалистами в процессе изучения шельфовых отложений среднего палеозоя была разработана специальная методика комплексных литолого-геохимических исследований, позволяющая производить прогнозную оценку и поиски стратиформных, а также нефтяных и газовых месторождений. Эта методика представляла несомненный интерес для советской стороны.

Предварительно с объектами исследований ознакомились профессор Лувенского университета Э. Папрот – на территории Северо-Востока СССР в 1979 г. во время XIV Тихоокеанского научного конгресса и К.В. Симаков – в 1980 г. во время двухнедельного пребывания в Бельгии. Совместные полевые работы на территории Северо-Востока СССР и Франко-Бельгийского бассейна были проведены в 1981 и 1983 гг. В полевых работах на опорных разрезах Северо-Востока СССР в 1981 г. принимали участие профессор Университета Нового Лувена Р. Конил – крупнейший специалист по фораминиферам и стратиграфии нижнего карбона

Западной Европы и профессор Льежского университета Э. Поти – специалист по раннекаменноугольным ругозам, в 1983 г. – профессор Р. Конил, профессор Льежского университета М. Блесс – специалист по остракодам, палеогеографии и угольной геологии и сотрудник Лувенского университета доктор Р. Свенен – авторитетный ученый в области литологии, геохимии осадочных пород и поисков эвапоритовых и стратиформных месторождений.

В полевых работах на территории Франко-Бельгийского бассейна с советской стороны в 1981 и 1983 гг. принимали участие К.В. Симаков как специалист по брахиоподам и биостратиграфии верхнего девона – нижнего карбона и Е.В. Колесов как специалист по палеомагнитному анализу.

К.В. Симаков и Б.В. Колесов работали на опорных разрезах фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна в течение месяца – с 6 октября по 7 ноября 1981 г. Полевые работы осуществлялись на опорных разрезах фамена и турне Динантского синклинория. Сбор коллекций макрофауны проводился параллельно с отбором образцов для палеомагнитного изучения. В ходе полевых работ исследовались разрезы Барво, Они, Ламбермон, Амуар-Тогонь, Бадон, Авенель-Роуд, Ив-Гомзей, Авенель, Астьер, Ансерем, Доляйн, Шанкс, Риваж. Были собраны представительные коллекции брахиопод, характеризующие комплексы верхнего франа и нижнего фамена; намечены разрезы, в которых необходимо провести более детальные работы для сбора коллекций брахиопод, характеризующих комплексы нижней и верхней части разреза верхнего фамена (Амуар-Тогонь, Бадон, Ив-Гомзей); определены основные разрезы, которые следует детально изучить с целью сбора представительных коллекций макроископаемых (Доляйн, Шанкс, Риваж); собран материал для палеомагнитной характеристики разрезов трех основных фаций струния – западной, центральной и восточной.

На основе полевых работ сделаны предварительные выводы.

Брахиоподы, содержащиеся в отложениях верхнего франа и нижнего фамена по своему систематическому составу резко отличаются от комплексов, которые известны из разновозрастных отложений Русской платформы и Северо-Востока СССР, что может иметь двоякое объяснение: это либо отражает палеобиогеографические различия между биотами, населявшими соответствующие палеобассейны, либо свидетельствует о том, что в разрезах Динантского синклинория представлен интервал разреза, отсутствующий в пределах Русской платформы и других регионов СССР.

Некоторое сходство в комплексах брахиопод Динантского синклинория и СССР появляется только в отложениях нижней части верхнего фамена (зона маргинифера), однако вышележащие образования фамена в Динантском синклинории брахиопод не содержат, в связи с чем провести сопоставление комплексов брахиопод верхнего фамена СССР и Франко-Бельгийского бассейна не представляется возможным.

Комплексы брахиопод, собранные в отложениях струния Динантского синклинория, имеют определенное сходство с комплексами брахиопод, характеризующими нижнюю часть одновозрастных отложений, развитых на Северо-Востоке СССР (элергетхынский горизонт). Комплексов, аналогичных ушуракчанскому, в разрезах Франко-Бельгийского бассейна пока не обнаружено. Это может свидетельствовать о существовании значительного перерыва в осадконакоплении между струнием и формацией астьер, причем продолжительность его намного больше, чем это допускается в настоящее время.

Для подготовки полного представительного опорного разреза, характеризующего палеомагнитную историю Динантского бассейна в течение фамена, необходимо проведение специальных палеомагнитных работ, в ходе которых придется изучить ряд частных разрезов различных по своим фациальным особенностям отложений.

В свободные от полевых работ дни в Университете Нового Лувена удалось провести распиловку всех палеомагнитных образцов, подготовив их тем самым для лабораторного изучения. Из 249 образцов было изготовлено 3500 кубиков горных пород стандартного размера. Техническая база советских институтов тогда не обладала такими возможностями.

За время пребывания в бельгийских университетах К.В. Симаков скопировал около 250 статей и монографий, которые отсутствовали в библиотеках Союза. Это были в основном работы XIX в., а также опубликованные в 1950–1970-х гг. в провинциальных английских, французских и бельгийских университетах труды, освещавшие вопросы стратиграфии фаменных и турнейских отложений Бельгии, Франции, ФРГ, Уэльса, Шотландии.

От профессора Р. Конила были получены послынные описания опорных разрезов фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна, ранее не публиковавшиеся, а также результаты предварительного определения фораминифер из образцов, отобранных им во время полевых работ 1981 г. в бассейне р. Омолон.

Профессор М. Стрил уточнил данные о распределении спор в опорных разрезах ФРГ, Бельгии и Франции, дополнив их ранее

не опубликованными материалами, а также впервые установил наличие спор в фаменских и турнейских отложениях Северо-Востока СССР.

Во время пребывания в Бельгии К.В. Симаков прочитал студентам и преподавателям бельгийских университетов лекции: “Структура и геологическое развитие Северо-Востока СССР”, “Палеогеография и геологическое развитие Северо-Востока СССР”, “Биостратиграфия и палеомагнетизм”.

24–25 октября 1981 г. К.В. Симаков и Е.В. Колесов участвовали в двухдневной встрече с членами региональной западноевропейской рабочей группы по стратиграфии верхнего девона – нижнего карбона, на которой присутствовали представители Бельгии, Голландии, Франции и ФРГ. Обсуждались вопросы о современном состоянии и перспективах установления корреляции пограничных отложений девона и карбона в связи с проводимыми исследованиями по теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР”. Были заслушаны доклады профессора Р. Конила о предварительных результатах совместных советско-бельгийских полевых исследований в августе 1981 г. на опорных разрезах в бассейне р. Омолон, а также информация о полевых работах, проведенных К.В. Симаковым и Е.В. Колесовым на разрезах Франко-Бельгийского бассейна.

На состоявшейся 4 ноября встрече с председателем Международной рабочей группы по границе девона и карбона (МРГ D/C) профессором Э. Папрот (ФРГ) и секретарем этой группы профессором М. Стрилом (Бельгия) обсуждались планы работы группы в 1982–1983 гг. В частности, Э. Папрот и М. Стрил подняли вопрос об организации рабочего совещания группы 28 августа–3 сентября 1983 г. в СССР с привлечением возможно более широкого круга советских специалистов по конодонтам, спорам, цефалоподам, фораминиферам, остракодам и другим группам фауны. Заинтересованность руководителей группы во встрече с советскими специалистами объяснялась тем, что на территории СССР пограничные отложения девона и карбона имеют наиболее широкое распространение, поэтому советские специалисты обладают огромным фактическим материалом по проблеме границы девона и карбона, и решать вопрос о ее положении без учета этих данных и мнения советских ученых было бы неразумно и неэтично. Поскольку советские члены МРГ D/C, как правило, не принимали участия в рабочих совещаниях группы, которые проводились за рубежом СССР, организация встречи в СССР давала возможность заслушать их мнения.

4 ноября состоялась также встреча с руководителями Бельгийской геологической службы, Льежского университета и университетов Лувена и Нового Лувена, на которой обсуждались перспективы дальнейшего сотрудничества по теме. Были достигнуты соглашения о широком развертывании совместных работ, а также о стажировках в бельгийских университетах советских специалистов для изучения новых методик исследований.

В целом поездка в Бельгию оказалась чрезвычайно результативной. Полученные характеристики палеомагнитной истории фауны и турне Франко-Бельгийского бассейна должны были ввести дополнительный независимый критерий для широких межрегиональных и глобальных корреляций отложений соответствующего возраста. Впервые был собран материал для характеристики комплексов брахиопод фауны и струния, способствующий проведению корреляции региональных стратиграфических схем различных районов СССР с действующим западноевропейским стандартом, а также уточнению вопроса о соответствии данного стандарта современным требованиям.

По мнению К.В. Симакова, при проведении комплексных стратиграфических исследований бельгийские специалисты добиваются хороших результатов прежде всего потому, что используют современную высокопроизводительную аппаратуру на всех стадиях, начиная от полевых работ и кончая обработкой полученных результатов. Наибольший эффект достигается за счет применения совершенного камнерезного и шлифовального оборудования, а также высокочувствительных аналитических приборов, отсутствующих в СССР. Комплексные палеонтологические (главным образом, микропалеонтологические), микрофацальные и геохимические исследования, сконцентрированные на небольших участках и в узком стратиграфическом интервале, обеспечивают высокую эффективность работ, результаты которых широко используются при прогнозных оценках, поиске и разведке нефти, газа, железо-марганцевых и свинцово-цинковых месторождений. Недостатком исследований, проводимых бельгийскими учеными, является игнорирование данных о распределении и характере макрофауны, а также отсутствие сведений о палеомагнитных свойствах горных пород.

К.В. Симаков полагал, что для овладения методиками, применяемыми бельгийскими специалистами, целесообразно пригласить их на совместные полевые работы на Колымском Севере, а также использовать достигнутые договоренности о стажировках советских специалистов в бельгийских университетах.

В сентябре 1983 г. К.В. Симаков вместе с академиком Н.А. Шило был командирован в Мадрид для участия в X Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (12–26 сентября 1983 г.). К.В. Симаков принимал участие в работе симпозиума “Границы девона и карбона”, в заседании MPG D/C и в научной экскурсии.

На симпозиуме были заслушаны доклады, посвященные анализу развития следующих групп ископаемых на рубеже девона и карбона: цефалопод (Кульман, ФРГ; Хаус, Англия), кораллов (Поти, Бельгия), остракод (Блесс, Нидерланды), миоспор (Клейтон, Англия). В части докладов рассматривались общие проблемы границы между девоном и карбоном (Симаков, СССР; Стрил, Бельгия; Сандберг, США). Были доложены также результаты деятельности национальных рабочих групп по границе девона и карбона (Симаков, СССР; Папрот, ФРГ) и итоги новейших исследований пограничных отложений девона и карбона в отдельных регионах (Мамэ, Канада).

В докладах, посвященных анализу развития отдельных групп фауны на рубеже девона и карбона, в основном затрагивались вопросы, касающиеся изменений в составе сообществ у соответствующих групп. В частности, отмечалось резкое вымирание цефалопод и ругоз в конце девона и вспышка формообразования в начале карбона. Кризис в развитии этих групп фауны рассматривался авторами докладов в качестве одного из признаков рубежа между девоном и карбоном. Значительно менее резкие изменения на этом рубеже произошли в составе растительности.

В сообщениях, относящихся к общим вопросам определения границы, рассматривались проблемы методологии установления границ, давался обзор новейших данных об относительном развитии различных групп фауны на рубеже девона и карбона, а также анализ результатов изучения региональных стратотипов и возможностей выбора среди них эталонного разреза для границы девона и карбона. Ч.А. Сандберг, в частности, отмечал, что наибольший интерес с точки зрения выбора стратотипа границы систем вызывает разрез Мугуа (Китай, Восточный Тибет). Напротив, К.В. Симаков и М. Стрил в качестве наиболее вероятных претендентов на стратотип границы рассматривали разрезы Мугоджар.

Доклады, посвященные результатам деятельности национальных рабочих групп, давали информацию об основных итогах изучения пограничных отложений девона и карбона в Рейнских Сланцевых горах (главным образом, по разрезу Хассельбахталь), а также в разных районах СССР. В сообщении Б. Мамэ была

дана краткая характеристика нового разреза карбонатных отложений верхнего девона — нижнего карбона на западе Канады. В этом разрезе установлен комплекс фораминифер, по составу весьма близкий к тому, который наблюдался на пограничных девонско-каменноугольных отложениях Смоленского массива. Отличие между упомянутыми двумя разрезами заключается в значительно большей мощности карбонатных образований на территории Канады. Каких-либо сведений о составе комплексов других групп фауны из этих отложений приведено не было.

Во время общей дискуссии по докладам, продолжавшейся также на заседании МРГ D/C, основное внимание было сосредоточено на обсуждении вопроса о выборе стратотипа границы с конодонтовым стандартом. Предложение Советской рабочей группы о замене конодонтового стандарта цефалоподовым детально не обсуждалось, поскольку группа была связана решениями 1979 г. В частных беседах многие зарубежные специалисты признавали точку зрения Советской рабочей группы наиболее приемлемой, однако от публичных выступлений в дискуссии по вопросу о палеобиологическом репере границы они воздерживались. Много времени было потрачено на обсуждение вопроса о возможностях использования конодонтов для установления широких межрегиональных корреляций. Все члены МРГ D/C согласились с тем, что прежде чем устанавливать стратотип границы девона и карбона по конодонтам, необходимо провести детальное изучение биофаций пограничных отложений. Пожалуй, впервые на заседании МРГ D/C и в дискуссии по докладам конодонтовая шкала подверглась столь серьезной критике. В своем докладе Ч.А. Сандберг ссылаясь на новую, пока еще не опубликованную, конодонтовую шкалу, предложенную им для верхнего девона и нижнего карбона вместе с В. Циглером и А. Лэйном. Эта шкала также подверглась критике, особенно в той ее части, которая охватывает пограничный девонско-каменноугольный интервал.

С 1979 г. МРГ D/C проводились поиски стратотипического разреза границы. Основное внимание было сосредоточено на разрезах Рейнских Сланцевых гор, в которых расположен современный стратотип границы (Оберредингхаузен), и на разрезах Советского Союза. Работы западногерманских специалистов в Рейнских Сланцевых горах показали, что подобрать на этой территории стратотип границы, удовлетворяющий всем требованиям, невозможно. Разрез Мугуа, предложенный в качестве эталона Сандбергом, в литературе не описан. Судить о его пригодности на роль международного эталона было невоз-

можно. На территории СССР интерес представляли разрезы Мугоджар. Для определения стратотипа в этом районе необходимы были дополнительные исследования, которые позволили бы установить точное положение палеобиологического репера границы, предлагаемого Советской и Международной рабочими группами.

После длительной дискуссии по вопросу о стратотипе МРГ D/C приняла решение не выносить каких-либо определенных рекомендаций. Группа обратилась с просьбой к ее советским членам организовать в мае–июне 1984 г. до начала XXVII Международного геологического конгресса экскурсию на опорные разрезы пограничных отложений девона и карбона в Мугоджарах. От МРГ D/C в состав этой экскурсии предполагалось включить профессоров Э. Папрот (ФРГ), В. Циглера (ФРГ) и М. Хауса (Англия). В качестве наиболее вероятного претендента на роль стратотипа границы в Мугоджарах МРГ D/C рассматривала разрез Берчогур, в котором обнаружено совместное присутствие кононтов и цефалопод.

Во время X Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона в Мадриде академик Н.А. Шило и руководитель Бельгийской геологической службы профессор Дж. Букарт обсуждали также вопросы организации и развития совместных советско-бельгийских исследований по теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР”. Дж. Букарт, в частности, не только отметил большую научную ценность выполняемых исследований, но и подчеркнул их политическое значение. Эти работы он рассматривал в качестве одного из первых примеров плодотворного делового сотрудничества в области стратиграфии и палеонтологии между учеными из стран с различным политическим строем. Дж. Букарт предложил в 1985–1987 гг. расширить рамки проводимых исследований и организовать их на более широкой основе, привлекая ученых не только из бельгийских университетов, но и из других стран (ФРГ, Франция, Голландия, США).

В 1984 г. для обсуждения предварительных результатов по совместной теме СССР посетили профессора Льежского университета Э. Потти (март) и М. Блесс (апрель). К.В. Симakov принимал в Москве своих бельгийских коллег. Целью их визита была работа над совместными палеонтологическими атласами по фаменским и турнейским отложениям р. Омолон, которые готовились бельгийскими и советскими специалистами для издания к XXVII Международному геологическому конгрессу.

В ходе встречи был согласован порядок компоновки материала в атласе. Договорились о сроках передачи рукописи в типографию. Бельгийская сторона взяла на себя расходы по ее публикации.

Профессор Э. Потти приехал для согласования определений и спорных вопросов систематики и филогении ругоз, отобранных во время советско-бельгийских полевых исследований в 1981–1983 гг. Помимо К.В. Симакова во встрече принимали участие также Ю.И. Оноприенко (Биолого-почвенный институт ДВО АН СССР, Владивосток) и А.Б. Ивановский (Палеонтологический институт АН СССР, Москва). К этому времени в результате проведенных совместных просмотров коллекций кораллов, собранных во время полевых работ на Северо-Востоке СССР, а также эталонных коллекций, хранящихся в Палеонтологическом музее и привезенных профессором Э. Потти, были получены следующие основные результаты. Установлены границы и стратиграфическое распространение родов семейства *Tabulophylliidae*; уточнен видовой состав родов *Tabulophyllum* и *Molophyllum*, а также морфогенетические связи между обоими родами; произведена ревизия рода *Neokeyserlingophyllum* и выяснено его взаимоотношение с родом *Melanophyllum* (s.l.); дано сопоставление комплексов тетракораллов пограничных отложений девона и карбона Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР. Для обоих регионов были выделены общие морфотипы и установлены специфические формы. Согласованы палеонтологические таблицы, которые необходимо было подготовить для издания к XXVII Международному геологическому конгрессу. Достигнуто соглашение по некоторым спорным вопросам таксономии и эволюции тетракораллов на рубеже девона и карбона. Установлено взаимопонимание в методах, критериях и целях выделения таксонов в пределах этой группы. Э. Потти, в частности, вслед за другими европейскими специалистами, предпочитал подходить к выделению таксонов со стратиграфических позиций, тогда как Ю.И. Оноприенко, в соответствии с традициями советской палеонтологической школы, — с палеобиологических.

Встреча способствовала выяснению проблем, связанных с систематикой и определением тетракораллов. Достигнутые соглашения позволяли провести корреляцию опорных разрезов Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР и доказать неполноту разрезов Динантского бассейна, которые рассматривались в качестве международного стандарта. Дискуссия способствовала уточнению принципиальных различий в подходах советских и европейских специалистов к проблемам таксономии и филогении.

Профессору М. Блессу были представлены палеонтологические таблицы и объяснения к ним, подготовленные советскими специалистами, по таким группам фауны, как брахиоподы, строматопороидеи и табуляты, конодонты, ругозы, а также литологические образцы. К.В. Симаков и М. Блесс отредактировали объяснения к таблицам, согласовали и унифицировали текст объяснений. В свою очередь, М. Блесс представил ксерокопии оригиналов таблиц, подготовленных бельгийскими специалистами, по фораминиферам, остракодам, миоспорам, а также литологические образцы.

Научные результаты, полученные в результате совместных исследований, оказались весьма важными. Разрезы северо-восточной части Смоленского массива стали рассматриваться бельгийскими специалистами в качестве опорных для пограничных отложений не только девона и карбона, но также нижнего и среднего турне, поскольку полученные материалы были значительно более представительными по сравнению с теми, которые известны по Франко-Бельгийскому бассейну.

Советскими специалистами была освоена методика отбора проб на миоспоровый анализ и получены первые результаты изучения этих микрофлористических остатков, обработанных профессором Льежского университета М. Стрилом. Несмотря на небольшое количество результативных образцов в связи с неудовлетворительной сохранностью миоспор в отобранных 123 пробах, принципиальное значение полученных данных состояло в том, что они свидетельствовали о сходстве состава миоспоровых ассоциаций, установленных в проанализированных образцах, с комплексами, известными по другим регионам. Это определяло практическую ценность миоспор для широких межрегиональных корреляций. Кроме того, обнаружение остатков миоспор в отложениях, обычно неблагоприятных для них, позволяло предполагать, что они присутствуют в породах других фациальных типов, и обусловило целесообразность организации работ по изучению данной группы микрофоссилий на Севере-Востоке СССР. Результаты определений миоспор подтвердили точку зрения советских специалистов о наличии перерыва в опорном разрезе пограничных отложений девона и карбона Франко-Бельгийского бассейна.

Совместные полевые работы на разрезах Смоленского массива дали возможность советским специалистам освоить методику комплексных литолого-геохимических исследований, применяемых бельгийцами. Выяснилось, что собственно литологические исследования принципиально не отличаются от тех методов литогенетического анализа, которые используются советскими

специалистами. Трудности взаимопонимания и интерпретации получаемых результатов были обусловлены главным образом различиями в применяемой терминологии и неодинаковой генетической оценкой одних и тех же данных.

Принципиально новым для советских специалистов явилась интерпретация известняко-доломитовых нижнекаменноугольных образований бассейна р. Омолон как эвапоритовой формации, что в корне меняло прогнозную оценку этого региона для поисков стратиформных месторождений свинца, цинка, марганца и железа. Такой вывод подтверждался также результатами геохимических исследований, которые выполнялись доктором Р. Свененом. По его предварительному сообщению, в изученных им разрезах установлены аномально высокие (до 1,4%) содержания цинка, ассоциируемые с повышенным содержанием свинца, железа и марганца. Эти данные давали возможность рассматривать северо-восточную часть Смоленского массива в качестве территории, перспективной для поисков стратиформных свинцово-цинковых месторождений, наряду с такими районами Северо-Востока СССР, как Омудевские горы. В то же время полученные результаты актуализировали постановку геохимических работ по изучению осадочных формаций на территории Северо-Востока СССР.

Проведенное изучение палеомагнитных особенностей пород фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР позволило впервые получить данные о корреляции этих разрезов с помощью не только биостратиграфических, но и физических методов. Удалось, в частности, установить одну и ту же инверсию в струнийских отложениях, что дополнительно подтвердило корреляцию. В перспективе эти исследования должны были привести к получению для интервала фамен–турне первого палеомагнитного стандарта, тесно увязанного с биостратиграфическими данными.

В ходе полевых исследований опорных разрезов фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна была собрана обширная коллекция брахиопод из пограничных отложений франа и фамена, а также струния и астариана. Это также свидетельствовало о корреляции разрезов Северо-Востока СССР и Франко-Бельгийского бассейна, а кроме того, дало толчок к пересмотру существующих представлений о корреляции многих региональных подразделений других районов СССР (Кузбасс, Рудный Алтай, Центральный Казахстан, Мугоджары, Южный Урал и др.) со стандартными подразделениями пограничных отложений девона и карбона Западной Европы.

Результаты полевых работ в 1981 г. на территории Северо-Востока СССР получили оперативное освещение в публикациях журнала "Annales de la Societe Geologique de Belgique"²⁴. Основные итоги работ 1981 и 1983 гг. подведены в коллективной сводке²⁵. В 1984 г. опубликованы еще несколько работ, в том числе приуроченные к началу XXVII Международного геологического конгресса. Были освещены основные черты геологии Смоленского массива, ранее неизвестные зарубежным специалистам, продемонстрирован высокий уровень проводимых советскими геологами работ и представлены основные результаты палеонтологических исследований. Опубликованные работы были разосланы ведущим специалистам по проблеме биостратиграфии пограничных отложений девона и карбона и в СССР, и за рубежом. Коллективные сводки 1983 и 1984 гг. вручались участникам экскурсии по туру 067А, проходившей по программе XXVII Международного геологического конгресса.

Большое значение имело изучение и монографическое описание палеонтологических коллекций, которые были собраны в ходе выполнения совместных исследований. Над ними работали как отечественные, так и зарубежные специалисты. Так, фораминиферы из разрезов бассейна р. Омолон обрабатывал профессор Р. Конил (коллекция из 878 образцов), а также сотрудник Института геологии Башкирского филиала АН СССР Е.И. Кулагина; рогозы из разрезов бассейна р. Омолон – сотрудник Биологического института ДВНЦ АН СССР Ю.И. Оноприенко и профессор Льежского университета Э. Потти; остракоды – сотрудник Института геологии Башкирского филиала АН СССР Н.М. Кочеткова, сотрудник Института геологии и разработки горючих ископаемых (ИГиРГИ) В.А. Чижова и профессор Льежского университета М. Блесс; брахиоподы из разрезов Франко-Бельгийского бассейна – К.В. Симаков и частично сотрудники Палеонтологического института АН СССР Г.А. Афанасьева, С.С. Лазарев и О.А. Эрлангер; миоспоры из разрезов бассейна р. Омолон – профессор Льежского университета М. Стрил.

Собранные коллекции были неравноценны по своему объему, в связи с чем обработка и изучение их потребовали разного

²⁴ Conil R., Poty E., Simakov K., Streel M. Foraminifers, spores et coraux du Famennien superieur et du Dinantien du massif de l'Omolon (Extreme Orient Sovietique) // Ann. Soc. Geol. Belg. Vol. 105. 1982. P. 145–160.

²⁵ Simakov K.V., Bless M.J., Bouckaert J., Conil R., Gagiev M.H., Kolesov Ye.V., Onoprienko Yu.I., Poty E., Rasina T.P., Shilo N.A., Smirnova L.V., Streel M., Sweonen R. Upper Famennian and Tournaisian deposits of the Omolon region (N.E. – USSR) // Ann. Soc. Geol. Belg. 1983. Vol. 106. P. 335–399.

времени. Наиболее представительные коллекции были собраны профессором Р. Конилом (по фораминиферам) и К.В. Симаковым (по брахиоподам), которые уже в 1984 г. опубликовали предварительные результаты монографического их изучения.

Советско-бельгийские исследования опорных разрезов фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР явились первым примером международного сотрудничества специалистов Дальневосточного научного центра АН СССР и зарубежных ученых в области геологии. Значение проведенных работ не ограничивалось полученными научными результатами. Личные контакты между советскими и бельгийскими специалистами и ознакомление с опубликованными работами стимулировали развитие аналогичных исследований по проблеме других хроностратиграфических границ, например, границ меловой и палеогеновой систем. Можно отметить в этой связи выполненные параллельно и независимо сравнения стратотипических разрезов маастрихта, расположенных в Нидерландах, с опорными разрезами его возрастных аналогов в Циркумпацифике.

Проведенные работы имели вполне определенную перспективу. Развитие исследований такого типа предусматривалось, например, в рамках международной программы “Глобальные биологические события в истории Земли”, выдвинутой на XXVII Международном геологическом конгрессе Всемирной палеонтологической ассоциацией.

Значение советско-бельгийских исследований определялось также тем, что они наглядно демонстрировали возможность кооперации ученых разных стран, представителей различных научных школ для решения крупных проблем. Проведение совместных полевых работ содействовало лучшему взаимопониманию специалистов, непосредственно принимавших в них участие, и повышению общего авторитета советских ученых среди зарубежных коллег. На X Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (Мадрид, сентябрь 1983 г.) результаты советско-бельгийских исследований вызвали большой интерес и получили высокую оценку.

К.В. Симаков в 1984 г. высказывал мнение, что с научной точки зрения наиболее важно развитие и продолжение контактов с бельгийскими специалистами по следующим трем направлениям²⁶.

²⁶ Отчет о совместных советско-бельгийских исследованиях по теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР” // Архив СВКНИИ ДВНЦ РАН.

Во-первых, желательно развивать и расширять совместные работы по литолого-геохимическому исследованию осадочных формаций: бельгийскими учеными накоплен в этой области большой опыт (в частности, по эвапоритовым образованиям), они имеют разработанную методику прогнозной оценки и поисков стратиформных месторождений, современную аналитическую базу для высокоточного определения содержания различных элементов. В этой связи целесообразно в первом полугодии 1985 г. пригласить в СССР доктора Р. Свенена, чтобы получить от него полную конкретную информацию о выполненных геохимических исследованиях опорных разрезов в бассейне р. Омон и обсудить их результаты. Также следует рассмотреть возможность проведения дальнейших совместных работ со специалистами соответствующего профиля. Для оценки аналитической базы Лувенского университета, в котором проводятся эти геохимические исследования, выяснения возможности получить спектрометрические эталоны и решения других организационных вопросов, касающихся развития совместных исследований в области геохимических осадочных формаций, имеет смысл направить в 1985 г. в Бельгию с краткосрочным визитом доктора геолого-минералогических наук, первого заместителя директора СВКНИИ ДВНЦ АН СССР В.И. Гончарова.

Во-вторых, для завершения монографического изучения фораминифер, остракод и брахиопод в 1985–1986 гг. необходимо предусмотреть взаимный обмен между бельгийскими и советскими специалистами, пригласив в СССР с краткосрочными визитами профессоров Р. Конила и М. Блесса и направив в Бельгию для работы в Национальном музее естественной истории К.В. Симанова.

В-третьих, как выяснилось в ходе личных контактов с зарубежными участниками совместных советско-бельгийских работ, расширить информирование европейского научного сообщества о направлениях и уровне исследований в СССР возможно путем чтения в зарубежных университетах и научных центрах специальных и популярных лекций ведущих советских специалистов.

В целом же исследования по теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР” внесли существенный вклад в решение проблемы границы девона и карбона. В частности, благодаря именно этим исследованиям западноевропейские специалисты отказались от идеи считать претендентом на роль международного эталона границы девона и карбона опорный разрез Франко-Бельгийского бассейна. Совместные советско-бельгий-

ские работы также способствовали укреплению позиций советских специалистов в МРГ D/C, что отразилось, в частности, в избрании вице-председателем группы К.В. Симакова.

С 24 августа по 5 сентября 1988 г. в соответствии с планами деятельности МРГ D/C и Президиума АН СССР Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО АН СССР провел в Москве и Ленинграде совещание по теме “Брахиподы на рубеже девона и карбона”.

В совещании приняли участие следующие ученые: М. Легран-Блайн (Франция, Университет По), Дж. Талент (Австралия, Университет Макквори), Ян Шипу (КНР, Уханский геологический университет), Дж.М. Диккинс (Австралия, Геологическая служба), Ван Ченюань (КНР, Нанкинский институт геологии и палеонтологии Академии наук Китая), Хоу Хонгфей (КНР, Центральный геологический институт Министерства геологии КНР), Г.А. Афанасьева и С.С. Лазарев (Палеонтологический институт АН СССР, Москва); В.И. Волгин (ЛГУ, Ленинград); И.А. Гречишникова (МГРИ, Москва); И.А. Драневич и К.В. Симаков (СВКНИИ ДВО АН СССР, Магадан); Н.В. Литвинович и М.В. Мартынова (МГУ, Москва); В.И. Полетаев (Институт геологических наук АН УССР, Киев); М.А. Ржонсницкая, Г.А. Стукалина и В.И. Яркин (ВСЕГЕИ, Ленинград).

Главная задача совещания состояла в просмотре коллекций брахиопод, собранных в разрезах пограничных отложений девона и карбона на территории различных регионов СССР и сравнении их с топотипическим материалом из стран Западной Европы и КНР.

Во время совещания был обсужден ряд актуальных проблем палеонтологии и стратиграфии пограничных отложений девона и карбона.

Основное внимание при просмотре коллекций уделялось сравнению и анализу таксономической принадлежности продуктид и спириферид из пограничных отложений девона и карбона, имеющих наиболее существенное значение для корреляции отложений соответствующего возраста. Были выделены основные группы продуктид и спириферид, обсуждены их таксономические особенности и спорные вопросы в таксономии этих ископаемых организмов, а также определены основные задачи их дальнейшего изучения в различных регионах мира.

Участники совещания отмечали, что вплоть до середины 1960-х гг. брахиоподы играли роль одной из “руководящих” групп при определении возраста и корреляции пограничных отложений девона и карбона. Однако постепенно, с развитием ми-

кропалеонтологических исследований, они утратили свое значение. Одновременно почти полностью прекратилось и их систематическое изучение. Большинство работ 1960–1970-х гг., посвященных характеристике брахиопод из пограничных отложений девона и карбона различных регионов, отражали результаты исследований, проведенных в 1940–1950-е гг. К концу 1980-х гг., когда изучение конодонтов наглядно продемонстрировало невозможность использования стандартной конодонтовой шкалы для корреляции отложений мелководных (кораллово-брахиоподово-фораминиферовых) фаций, началась реабилитация брахиопод и рост интереса к их изучению. Во время совещания был проведен “массированный” просмотр коллекций брахиопод из пограничных отложений Западной Европы, Северной Африки, СССР и КНР.

На совещании было отмечено следующее. Корреляция пограничных отложений девона и карбона по брахиоподам возможна на основании появления представителей отдельных родов или характерных групп видов, систематическое положение которых в большинстве случаев требует уточнения. Заслуживают проверки на конкретном фактическом материале и критической оценки с точки зрения их значения для широких межрегиональных корреляций такие эволюционные феномены в развитии брахиопод, как редукция зубов и появление игл на спинной створке у продуктид, смена типов синальной ребристости и структуры апикального заполнения у спириферид и т.п. Для использования брахиопод с целью прослеживания хроностратиграфических границ при крупномасштабном геологическом картировании следует вначале провести ревизию имеющихся коллекций брахиопод из пограничных отложений девона и карбона с территории Западной Европы, СССР и КНР и привлечь топотипический материал, чтобы создать полные описания, отвечающие современному уровню изучения брахиопод, для всех наиболее важных в биостратиграфическом плане групп. После такой ревизии необходимо осуществить специальные исследования по этапности развития брахиопод на рубеже девона и карбона для выяснения времени проявления различных эволюционных феноменов в отдельных группах на территории разных палеобассейнов.

Совещание в полном смысле слова было “рабочим” и результативным. Оно потребовало и от К.В. Симакова, на котором лежал основной груз его организации, и от других лиц высокого напряжения.

К.В. Симаков был одним из активных членов, а с 1984 г. вице-председателем Международной рабочей группы по границе

девона и карбона, что свидетельствовало о высоком научном авторитете и международном признании его исследований по этой проблематике.

Предложение о создании при Международном союзе геологических наук специальной Международной группы по границе девона и карбона было выдвинуто на VII (Крефельд, 1971) и VIII (Москва, 1975) Международных конгрессах по стратиграфии и геологии карбона. Официально группа организована в 1976 г. В нее вошли следующие специалисты: И. Хлупач (ЧССР, трилобиты), Б.Ф. Гленистер (США, цефалоподы), М.Р. Хаус (Англия, цефалоподы), Х. Холлард (Марокко, стратиграфия), Л.И. Кононова (СССР, конодонты), М. Лис (Франция, фораминиферы), Б. Мамэ (Канада, фораминиферы), Э. Папрот (председатель, ФРГ, стратиграфия), Дж. Плайфорд (Австралия, споры), Е.А. Рейтлингер (вице-председатель в 1976–1984 гг., СССР, фораминиферы), Ч.А. Сандберг (США, конодонты), П. Сартенер (Бельгия, брахиоподы), К.В. Симаков (вице-председатель с 1984 г., СССР, стратиграфия, брахиоподы), М. Стрил (секретарь, Бельгия, споры), Д. Вайер (ГДР, кораллы, цефалоподы), В. Циглер (ФРГ, конодонты), М. Блесс (Нидерланды, остракоды), Ч.Ю. Вонг (КНР, конодонты).

Сильной стороной деятельности МРГ D/C было то, что ее совещания проводились, как правило, на конкретных стратиграфических разрезах, где сообща старались добиться консенсуса относительно преимуществ и недостатков рассматриваемых разрезов.

Первое совещание группы проходило 27 августа – 8 сентября 1978 г. в связи со II симпозиумом по девонской системе, организованным Международной палеонтологической ассоциацией в Бристоле (Англия). Участникам симпозиума и членам МРГ D/C была предоставлена возможность в течение 10 дней посетить и сравнить 22 разреза пограничных отложений девона и карбона в Западной Германии, Бельгии, северо-восточной Франции, юго-западной Англии и Южной Ирландии. Эти разрезы характеризовали различные обстановки осадконакопления (от батинальных до континентальных), в которых скорость седиментации различалась более чем в 100 раз. Почти во всех разрезах были обнаружены стратиграфические перерывы. На совещании МРГ D/C, завершившемся в Курмашерри (Ирландия), члены группы пришли к следующим общим выводам: в настоящее время уже возможна корреляция пограничных отложений девона и карбона, но она требует уточнений; установление границы желательно проводить в пределах хорошо документированной непрерывной эволюционной линии одной или, лучше, нескольких групп ископае-

мых организмов; для более точного практического определения и выбора границы следует отдать предпочтение микрофоссилиям в связи с их широким распространением и частым присутствием, хотя мегафоссилии продолжают играть важную роль в ее установлении; приоритет имеет важное, но не основное значение при определении границы.

С 17 по 20 мая 1979 г. на IX Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (Урбана, США) было проведено второе совещание MPG D/C, в котором кроме 7 членов группы участвовали еще 8 специалистов. Были организованы посещения 10 разрезов в долине р. Миссисипи. На совещании обсуждалось соотношение между пограничными квазиэндоитовыми комплексами и подразделениями цефалоподовой шкалы в свете результатов, которые получили Р. Конил, Б. Мамэ и Е.А. Рейтлингер при сравнительном изучении новых коллекций, собранных в окрестностях Этрена. Большинством голосов была принята следующая компромиссная рекомендация, подготовленная А. Лэйном, Ч.А. Сандбергом и В. Циглером.

1. В целях достижения наибольшего соответствия современному определению границы девона и карбона, установленной Герленским конгрессом (1935 г.) в основании зоны *Gattendorfia*, MPG D/C рекомендует новое операциональное определение этой границы. Оно основано на возникновении конодонта *Siphonodella sulcata* в эволюционной линии от *Siphonodella praesulcata* к *Siphonodella sulcata*, которое непосредственно предшествует появлению *Gattendorfia* в Хенетале. Необходимо начать поиски стратотипа границы, в котором эта эволюционная линия была бы представлена наилучшим образом наряду с другими группами ископаемых, важными для зонального расчленения пограничных отложений. Информацию от всех заинтересованных лиц о разрезах, претендующих на роль стратотипа границы на этом уровне, следует присылать в рабочую группу.

2. MPG D/C рекомендует привести в точное соответствие нижние границы динанта, турне, миссисипия, киндерхука и других хроностратиграфических подразделений аналогичного ранга с предложенным уровнем границы девона и карбона в основании зоны *Siphonodella sulcata*.

К.В. Симakov оказался единственным из членов группы, кто голосовал против первого пункта рекомендации. Его мотивировка была такой: "Этот уровень не может быть прослежен в разрезах, лишенных конодонтов, поскольку границы зональных подразделений, установленных в соответствии с развитием других групп фауны, даже примерно не совпадают с этим уровнем". В

какой-то мере с ним была солидарна Е.А. Рейтлингер, которая поддержала рекомендацию лишь условно: “Я поддерживаю “Рекомендацию” только при условии, если граница, установленная по возникновению *S. sulcata*, будет четко и уверенно определяться по другим группам фауны и флоры, особенно по микрофауне и микрофлоре. Практически эта граница определяется не легче, чем основание зоны *kobeitusana*”. К.В. Симаков был прав: такой консенсус не решал проблемы. Так, Д. Вайер, проголосовавший за рекомендацию, разъяснял: “Первая рекомендация требует более тщательного палеонтологического изучения (морфология, изменчивость, филогения) конодонтовых фаун из пограничных отложений девона и карбона на материале различных регионов, а также описания полных фаунистических комплексов”²⁷.

В августе 1979 г. во время XIV Тихоокеанского научного конгресса (Хабаровск) были проведены экскурсии на опорный разрез пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР и колымский симпозиум “Биостратиграфия и фауна пограничных отложений девона и карбона”, в которых приняли участие три официальных члена МРГ Д/С (Э. Папрот, М. Стрил, К.В. Симаков). Во время экскурсии был осмотрен непрерывный разрез пограничных отложений девона и карбона, представленный мелководными карбонатными фациями, насыщенными фораминиферами, кораллами, брахиоподами, остракодами, конодонтами и другими ископаемыми. К.В. Симакову удалось убедить участников экскурсии в преимуществах этого разреза в качестве стратотипа границы. Однако главным условием принятия разреза в качестве официального стратотипа границы девона и карбона являлось условие его доступности, о чем многократно напоминал Э. Папрот. Конечно, расположение разреза в колымской глубинке не отвечало этому требованию. Кроме того, группа была связана рекомендациями, принятыми в мае того же года в США, а в разрезе отсутствовала полная эволюционная последовательность конодонтов от *Siphonodella praesulcata* к *Siphonodella sulcata*. Участники экскурсии отмечали, что результаты, полученные в процессе комплексного изучения этого разреза, имеют большое значение для понимания общих закономерностей эволюции мелководной биоты на рубеже девона и карбона, и указывали на необходимость сравнительного изучения этого разреза по отношению к классическим разрезам Франко-Бельгийского

²⁷ Папрот Э., Стрил М. Результаты деятельности Международной рабочей группы по границе девона и карбона в 1978–1984 гг. // Проблемы границы девона и карбона в Евразии. Магадан, 1985. С. 6–7.

бассейна. Впоследствии К.В. Симаков его провел. Разрез в северной части Омолонского массива был признан лучшим среди известных в Циркумпацифике и рекомендован в качестве регионального стратотипа границы. Это стало большим успехом многолетних исследований К.В. Симакова.

На колымском симпозиуме были сообщены также предварительные результаты исследования ряда опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона Днепровско-Донецкой впадины, Европейской части СССР, Тимано-Печорского региона, Среднего Урала и Северного Кавказа. Заслуга К.В. Симакова заключалась в том, что ему удалось привлечь внимание зарубежных специалистов к материалам советских специалистов по проблеме границы девона и карбона. Участники симпозиума высказали единодушное мнение о необходимости детального комплексного изучения опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона по всем регионам СССР и оперативной публикации полученных материалов. В скором времени К.В. Симаков опубликовал эти материалы в серии "Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона".

16 июля 1980 г. во время XXVI Международного геологического конгресса в Париже состоялось совещание МРГ D/C, проходившее одновременно с заседанием подкомиссии по стратиграфии девона. В заседании приняли участие 10 официальных членов группы. Были изложены материалы по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона в Чехословакии, Канаде, Австралии, на Британских островах. К.В. Симаков проинформировал о результатах изучения опорных разрезов в Донецком бассейне, на Северном и Южном Урале и Северо-Востоке СССР и высказал мнение, что рубеж девона и карбона, по-видимому, ознаменовался в процессе геологического развития Земли какими-то резкими изменениями, вследствие чего непрерывные разрезы, представленные морскими отложениями с руководящими ископаемыми, встречаются очень редко.

Продолжала оставаться острой проблема выбора стратотипа границы. В США во время экскурсии в мае 1979 г. в качестве возможного стратотипа границы был намечен разрез дорожной выемки Старк (округ Пайк, Миссури). Однако из-за редких находок ископаемых в нижней части разреза известняка Луизианы, не позволявших точно определить возникновение в нем *Siphonodella sulcata*, этот разрез был исключен из претендентов на стратотип границы.

31 августа 1981 г. во время сессии подкомиссии по стратиграфии карбона в Лидсе (Англия) состоялось информационное сове-

щение МРГ D/C, на котором была заслушана информация о публикации СВКНИИ АН СССР материалов, посвященных характеристике опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона различных районов СССР: Тимано-Печорской провинции, Русской платформы, Днепровско-Донецкой впадины.

В следующем году, 8–11 августа, МРГ D/C провела экскурсию по 10 опорным разрезам пограничных отложений девона и карбона Рейнских Сланцевых гор, в которой приняли участие 20 специалистов (среди них 7 членов группы). На завершившем экскурсию совещании были доложены предварительные результаты изучения аммоноидей из штокумских известняковых линз и седиментологические особенности пограничных отложений.

Информационное совещание МРГ D/C, организованное с целью привлечения возможно большего числа советских специалистов к обсуждению вопроса о положении границы девона и карбона, состоялось в Москве 28–30 августа 1983 г. В совещании приняли участие 34 специалиста (из них 5 официальных членов группы). Академиком В.В. Меннером был отмечен значительный прогресс в изучении пограничных отложений девона и карбона, позволивший прийти практически к консенсусу о необходимости ее установления в интервале между кровлей генозоны *Wocklumeria* и подошвой генозоны *Gattendorfia*. В.А. Чижова настаивала на целесообразности установления палеобиологического репера границы девона и карбона по цефалоподам. Исходя из современных представлений об эволюции данной группы, в качестве репера границы можно принять появление либо представителей рода, либо одного из его видов в интервале распространения штокумской акутимитоцерасовой фауны. Однако прослеживание этого уровня по другим группам фауны требовало дополнительных исследований.

На этом совещании были доложены также результаты изучения опорных разрезов Мугоджар (Б.И. Богословский), Южного Урала (Н.М. Кочеткова), Среднего Урала (О.А. Щербаков), Северного Урала (В.А. Чермных), Северо-Востока СССР (К.В. Симakov, М. Блесс, Р. Конил); рассмотрены особенности эволюции аммоноидей на рубеже девона и карбона, освещены результаты изучения разреза Хассельбахталь. В процессе совещания прошли коллоквиумы по фораминиферам, остракодам и спорам.

О работе группы МРГ D/C во время X Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона говорилось выше. Следует добавить, что на совещании группы во время конгресса было также рекомендовано обсудить в качестве претендентов на роль стратотипа четыре разреза – Хассельбахталь, Кия, Берчо-

гур и Мугуа, характеризующие по меньшей мере три различные обстановки осадконакопления. При обсуждении этой рекомендации П. Сартенер и К.В. Симаков внесли предложение: если дополнительное изучение указанных разрезов покажет их неприемлемость для установления конодонтового стандарта границы, то MPG D/C должна пересмотреть вопрос об уровне проведения границы и ее палеобиологическом стандарте.

К.В. Симаков говорил на заседании группы: «Поскольку ни в Хассельбахтале, ни в Берчогуре, ни в каком-либо ином разрезе не установлена смена *S. praesulcata* на *S. sulcata*, не могу согласиться с использованием конодонтового стандарта для определения границы девона и карбона. Полагаю, что MPG D/C следует сменить палеобиологический репер границы, вернувшись к цефалоподовому стандарту. Поскольку основной целью проводимого голосования является предварительное подведение итогов восьмилетней деятельности MPG D/C, считаю, что наилучшим образом эти результаты могут быть продемонстрированы на примере разреза Хассельбахталь для глубоководных фаций и разреза Берчогур – для мелководных. Высказать какое-либо мнение относительно разреза Мугуа не представляется возможным в связи с недостатком информации, особенно касающейся данных о присутствии и распределении всех групп ископаемых, за исключением конодонтов»²⁸.

5 августа 1984 г. в Москве во время XXVII Международного геологического конгресса состоялось совместное заседание MPG D/C и подкомиссии по стратиграфии девона. В совещании приняли участие 43 человека (в том числе 7 официальных членов MPG D/C). Были доложены результаты голосования по поводу выбора предварительных голо- и парастратотипов. В ходе дискуссии отмечалось, что ни один из рассмотренных разрезов не отвечает требованиям, которые предъявляет к стратотипам границ Международный союз геологических наук. По предложению Э. Папрот было решено: провести детальное палеонтологическое, литологическое, фациальное и палеогеографическое изучение не только разрезов Берчогур, Хассельбахталь и Мугуа, но и любых других разрезов пограничных отложений девона и карбона, удовлетворяющих требованиям к стратотипам границ. Материалы этих исследований необходимо было представить секретарю MPG D/C М. Стрилу до 1 сентября 1987 г.

²⁸ Папрот Э., Стрил М. Результаты деятельности Международной рабочей группы по границе девона и карбона в 1978–1984 гг. // Проблемы границы девона и карбона в Евразии. Магадан, 1985. С. 14.

Последовавшая в СССР перестройка, а затем распад Советского Союза прервали участие К.В. Симакова и других советских членов МРГ D/C в работе группы. Тем не менее можно сделать вывод, что деятельность группы была весьма многотрудной, требовавшей от всех специалистов большого напряжения. Главным итогом работы К.В. Симакова в составе МРГ D/C стало вовлечение в активный научный оборот достижений отечественных стратиграфов и палеонтологов, которые полноправно вошли в обиход профессионального сообщества.

Немаловажно, что деятельность К.В. Симакова способствовала активизации участия советских стратиграфов и палеонтологов в международных программах геологической корреляции (МПКГ). Так, в родном симаковском институте его коллега и друг В.П. Похиалайнен в 1982–1986 гг. занимался исследованиями по проекту МПКГ “Нижний мел”, а затем, 1990-е гг., – по проекту “Изменение окружающей среды и биоты в Восточной и Южной Азии в течение мела”; А.И. Афицкий в 1983–1987 гг. работал по проекту МПКГ “Позднепермские и триасовые события в восточной части Азии и их межконтинентальная корреляция”, а с 1986 г. – по проекту “Доюрская эволюция Восточной Азии”.

Участие К.В. Симакова в международных научных исследованиях стало ярким примером выхода отечественной науки в мировое научное пространство и преодоления ее локальности, замкнутости; образцом стремления повысить уровень исследований в своей стране путем развития научных коммуникаций.

Докторская диссертация

Международные исследования потребовали от К.В. Симакова высокой отдачи. Проблема докторской диссертации в связи с этим как-то отодвинулась. Так чаще всего и бывает: готовить ее нужно вовремя, потеряешь время и начинает казаться, что это и не очень нужно.

У К.В. Симакова проблема докторства усложнялась и тем, что он в своих исследовательских интересах все более перемещался в философско-методологический аспект пространственно-временных проблем стратиграфии. Принимая постоянную критику в свой адрес, он тем не менее высоко оценивал предпринятую разработку методологических проблем геологического времени, носившую оригинальный и фундаментальный характер. Именно это ему хотелось бы защищать как докторскую диссертацию. Но, фактически, никто не поддерживал такое его стремление.

Об этом в воспоминаниях заместителя директора СВКНИИ, старого знакомого Кирилла по Сеймчану, Л.И. Измайлова:

“Как-то раз под вечер, а приходил он на работу обычно во второй половине дня, поскольку страстно любил работать за полночь, он зашел ко мне в кабинет. Сказал, что слышал разные мнения и хотел бы проверить свои доводы в разговоре со мной. Он говорил, что хотел бы защищать диссертацию по философским проблемам геологии, концепции геологического времени. Выслушав его, я сказал, что мой совет один – защищать диссертацию по опорному разрезу. Он убежденно говорил, что его работа “по времени” интересна и важна и доказывал это. Но я, как практик, к тому же отягощенный научно-административным опытом, склонял его к мысли, что тема по разрезу не только более понятна и значима, но и позволит ему в дальнейшем утвердить свои теоретические рассуждения на серьезном фундаментальном базисе реальной геостратиграфии. Мы долго спорили, и я его вроде бы убедил. Потом он еще пару раз заводил этот разговор. Чувствовалось, что это большой вопрос. Несколько раз мы собирались на совет и каждый раз, обсуждая его тему, советовали ему остановиться на исследовании по разрезу. В конечном счете он согласился с нами и довольно быстро сделал прекрасную работу. И она действительно стала для него отправной точкой для дальнейших рассуждений по концепции времени”²⁹.

²⁹ Измайлов Л.И. Геолог и время: воспоминания о Кирилле Симакове // Колымские вести. 2004. № 26.

Такого рода советы Кирилл получал со всех сторон. Даже я, к тому времени уже получивший докторскую степень по философии, отговаривал его от философской диссертации. Перед нами был яркий пример докторских мытарств И.В. Крутя, которого очень высоко ценил Кирилл за его труды и с которым подружился еще в 1970-е гг. Думаю, что последним, достаточно резким аргументом, повлиявшим на его решение, стало мнение академика А.Л. Яншина, который возглавлял тогда Совет в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске. А.Л. Яншин, приложивший немалые усилия, помогая И.В. Крутю, предложил Кириллу либо искать спецсовет, компетентный в философских вопросах времени, либо представить чисто стратиграфическую работу³⁰.

К.В. Симаков, определившись, достаточно быстро сделал сильную докторскую диссертацию “Граница девона и карбона и проблема определения хроностратиграфических границ”, которая вполне соответствовала специальности “стратиграфия и палеонтология”, но в то же время содержала и достаточно мощную методологическую проблематику. Базисом работы стали не только 25-летние стратиграфические исследования автора на Колымском Севере, но и его богатейший личный опыт по изучению зарубежных разрезов и их описаний зарубежными коллегами.

Актуальность работы была зафиксирована мировой стратиграфией. Хотя девонская и каменноугольная системы были установлены полтора века назад, граница между ними продолжала оставаться предметом дискуссий. Исторически сложилось так, что в разных странах используются неодинаковые стандарты этой границы, что создает серьезные трудности при межрегиональных и глобальных корреляциях, построении геологических, палеографических, прогнозных карт. К.В. Симаков отмечал, что до последнего времени решение проблемы границы девона и карбона опиралось на представление о полноте и непрерывности стратотипических разрезов пограничных отложений этих систем в Динантском бассейне и Рейнских Сланцевых горах. Комплексное изучение опорного разреза пограничных отложений систем на Северо-Востоке СССР, предпринятое диссертантом, и сравнение его со стратотипическими разрезами Динантского бассейна привело к выводу о наличии в последнем крупного стратиграфического перерыва. Полученные в последние годы новые материалы по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона различных районов Евразии побудили автора рассмотреть воп-

³⁰ Бельый В.Ф. Вспоминая К.В. Симакова // Колымские вести. 2004. № 26. С. 60.

рос об их корреляции с позиций выводов, сделанных при сравнительном изучении опорных разрезов фамена и турне Динантского бассейна и Северо-Востока СССР.

К.В. Симаков и в диссертации остался верен своему принципу – связывать решение конкретных проблем стратиграфии с разработкой общеметодологических ее оснований. Одной из центральных методологических проблем стратиграфии, по его мнению, является проблема определения хроностратиграфических границ. Как показал опыт работ по установлению границы девона и карбона, решение ее тормозится не только недостатком фактического материала, но и отсутствием общепринятой методологии определения хроностратиграфических границ. Вызвано это, прежде всего, недостаточной разработанностью теории хроностратиграфической шкалы (особенно той ее части, которая касается теории времени) и отсутствием ясной формулировки самого понятия “хроностратиграфическая граница”. Для решения поставленной в диссертации проблемы автором использованы результаты разработки философско-методологических аспектов теории концептуального времени в стратиграфии, которые выступили в диссертации в качестве методологической основы для решения конкретных проблем по корреляции пограничных отложений девона и карбона и определению палеобиологического стандарта границы этих систем.

Цель исследований, обобщенных в диссертации, заключалась в выявлении основных закономерностей в развитии органического мира на рубеже девона и карбона и разработке методологических оснований определения хроностратиграфических границ. Это потребовало решения следующих основных задач.

- Послойное комплексное изучение опорного разреза пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР; сравнение его со стратиграфическими разрезами Западной Европы и определение объема присутствующего в них перерыва.

- Выяснение объема девонско-каменноугольного стратоекотона путем сбора и обобщения равноценного материала по опорным разрезам пограничных отложений девона и карбона Евразии и корреляция их с разрезом Северо-Востока СССР и европейскими стандартами.

- Выявление основных закономерностей пространственно-временных изменений в комплексах ортохронологических групп ископаемых организмов и специфика их развития на рубеже девона и карбона, оценка возможностей использования каждой группы для определения границы систем и корреляции их пограничных отложений.

– Определение понятия “хроностратиграфическая граница”, обоснование принципиального подхода к решению антиномии “естественных-искусственных” границ, формулировка операциональных правил для их установления и прослеживания в глобальном масштабе.

– Выработка рекомендаций для определения палеобиологического стандарта границы девона и карбона.

Возникла необходимость привлечения обширного материала по стратиграфии и палеонтологии пограничных отложений девона и карбона. В течение многолетних (1959–1983 гг.) личных исследований опорных разрезов Северо-Востока СССР диссертант применял методику комплексного послойного изучения с отбором представителей всех групп ископаемых. Чтобы получить равноценную информацию по опорным разрезам других районов, пришлось обобщить разрозненные данные о распределении различных групп ископаемых в разрезах Северной Америки и Западной Европы.

При анализе развития органического мира на рубеже девона и карбона применялась методика, основанная на выделении и типизации архетипов таксонов различного ранга у всех ортохронологических групп ископаемых. Это позволило установить стадийность трансформации девонских и возникновения каменноугольных архетипов и выявить характер изменений в структуре биоты на рубеже девона и карбона.

В диссертации формулировалось понятие “хроностратиграфическая граница”, была выяснена роль конвенций в операциональных правилах для фиксации и прослеживания границ.

Корреляция опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона, выполненная с учетом вывода о наличии перерывов в стандартных разрезах Западной Европы, позволила впервые получить данные, восполняющие пробел в информации о характере развития органического мира на рубеже этих периодов. В свою очередь, это дало возможность предложить новую схему расчленения пограничных отложений девона и карбона и проследить распространение возрастных аналогов струния и хангенбергия.

Использование универсальной методики анализа развития различных групп ископаемых организмов позволило выявить и сравнить различные типы эволюционных преобразований на рубеже девона и карбона. Анализ данных о послойном распределении представителей разных групп ископаемых в конкретных разрезах показал, что появление, длительность существования и исчезновение представителей любых групп фауны контролируется экологическими условиями. На основании различий в типах и

темпах эволюционных преобразований у отдельных групп установлена неодинаковая роль их в фиксации палеобиологических стандартов и прослеживании хроностратиграфических границ.

К.В. Симаков защищал следующие основные положения работы.

- Стратотипический разрез пограничных отложений девона и карбона Динантского бассейна не является полным и непрерывным; выделяемый на его территории струний не охватывает всего объема девонско-каменноугольного стратозекотона.

- Данные изучения опорного разреза пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР и материалы по опорным разрезам других регионов Евразии позволяют выделять в пределах девонско-каменноугольного стратозекотона два подразделения: струний и хангенберггий.

- Выявленные закономерности эволюционных преобразований в различных группах фауны свидетельствуют об экотонной природе хроностратиграфических границ, которая предопределяет необходимость введения системы конвенций в операционные правила их фиксации и прослеживания, обеспечивающих реализацию концепций-образов хроностратиграфических границ в виде “золотых гвоздей” и “лезвий ножа”.

- Ортохронологическая группа, модель эволюции которой является субстанциональной основой хроностратиграфической шкалы, определяет ее структуру и положение границ между хроностратиграфическими подразделениями; при прослеживании хроностратиграфических границ представители ортохронологической группы не имеют никаких преимуществ перед другими (парахронологическими) группами.

- Поскольку стандартное расчленение как девонской, так и каменноугольной систем основано на закономерностях эволюции аммоноидей, постольку палеобиологический стандарт границы систем следует установить в соответствии с развитием данной группы ископаемых. Наиболее приемлемой является фиксация границы девона и карбона по появлению одного из видов *Acutimitoceras* в интервале распространения так называемой “штокумской” акутимитоцерасовой фауны.

Диссертация в полном смысле была обобщением многолетних исследований К.В. Симакова по стратиграфии и палеонтологии девонских и каменноугольных отложений Северо-Востока СССР. Результаты исследований использовались в производственных отчетах ПГО “Севостгеология”, при составлении Государственных геологических карт среднего масштаба и Объяснительных записок к ним, в легендах к геологическим картам круп-

ного масштаба и Унифицированных стратиграфических схемах Северо-Востока СССР и Дальнего Востока.

Практическая значимость работы была велика, поскольку разработанная схема глобальной корреляции пограничных отложений девона и карбона выступала основой для геологических, палеогеографических и прогнозных обзорных карт.

Фактический материал, выводы и основные теоретические положения диссертации нашли отражение в производственных отчетах ПГО “Севвостгеология” и Объяснительных записках к Государственным геологическим картам, автором или соавтором которых являлся диссертант, а также в опубликованных работах. Основные положения диссертации докладывались на международных, всесоюзных, межведомственных и региональных совещаниях, симпозиумах и конгрессах, в том числе на VII, VIII и X Международных конгрессах по стратиграфии и геологии карбона, XIV Тихоокеанском научном конгрессе, XXVI и XXVII Международных геологических конгрессах, на рабочих совещаниях Международной, Западноевропейской и Советской рабочих групп по границе девона и карбона, на заседаниях и пленумах постоянных комиссий Межведомственного стратиграфического комитета (МСК) СССР по девонской и каменноугольной системам, на заседаниях Бельгийского геологического общества. Наконец, результаты работы нашли отражение в около 60 публикациях автора.

Вопреки всем пожеланиям, в диссертации содержался достаточно большой методологический материал, который К.В. Симаков вполне обоснованно считал важным личным достижением. На мой взгляд, этот материал не только не противоречил общей направленности диссертационной работы, но и существенно повысил ее качество, усилил фундаментальность рассматриваемых проблем. Столь желанного многим его доброжелателям эмпирического материала в диссертации было предостаточно, но насколько он выиграл от методологической рефлексии!

Я всегда считал и продолжаю считать важнейшим достижением К.В. Симакова проведенный им обстоятельный и последовательный анализ истории развития стратиграфии, ее важнейших идей, понятий и принципов. Я об этом скажу дальше более подробно. Но присутствие в диссертации этого материала, на мой взгляд, было исключительно уместно (глава “К истории определения границы девона и карбона”) и на этот раз для этого материала автор нашел удачную форму изложения (что ему не всегда удавалось).

Мне не хочется здесь комментировать диссертацию. Ограничусь лишь некоторыми теоретико-методологическими ее резуль-

татами. Многие идеи, высказывавшиеся К.В. Симаковым ранее, в диссертации были скорректированы с учетом многочисленных критических замечаний тех, кто читал его публикации на протяжении 15 лет. Пожалуй, наиболее глубоким критиком был все-таки С.В. Мейен, хотя далеко не со всем, что высказывал Сергей Викторович, Кирилл соглашался.

Сопоставляя в диссертации пространственно-временные закономерности морфоструктурной эволюции различных групп ископаемых как с точки зрения появления среди них таксонов с каменноугольными архетипами, так и с точки зрения изменения состава и структуры сообществ, К.В. Симаков полагал, что оба этих взаимосвязанных феномена эволюции занимали тот или иной промежуток времени – хроноэкотон. Какие бы методы (биоисторический или палеобиологический) и критерии (первое появление каменноугольных таксонов, их широкое распространение или исчезновение девонских таксонов) не применялись для определения границ, последние всегда представляют собой не резкие демаркационные поверхности раздела, а некоторые стратиграфические интервалы: филоэкотоны (если речь идет об отдельной группе ископаемых) и стратозэкотоны (если речь идет об изменении структуры и состава сообществ). Такую экотонную природу имеют границы как струния, так и хангенбергия и с подстилающими, и с перекрывающими их подразделениями.

Если при определении положения границы систем использовать рекомендованный Международным стратиграфическим руководством (ISG) палеобиологический метод и принимать во внимание один и тот же критерий (например, появление таксонов, отвечающих стадии стабилизации каменноугольного архетипа), то применяя его к развитию различных групп, мы получим множество равноценных по способу определения границ, занимающих неодинаковое положение. Следовательно, мы вынуждены выбирать одну из групп фауны, ритмика развития которой определяет структуру хроностратиграфической шкалы и положение границ между ее подразделениями. Коль скоро стандартное расчленение девонской и каменноугольной систем опирается на развитие аммоноидей, их граница должна быть также установлена по данной группе. Учитывая специфику эволюции аммоноидей, переживших на рубеже девона и карбона первый кризис в своем развитии, границу систем, считал К.В. Симаков, логично установить в интервале распространения акутимитоцерасовой фауны, приняв за ее палеобиологический репер возникновение одного из видов *Acutimitoceras*.

Оценивая возможности использования различных групп ископаемых для корреляции пограничных отложений девона и кар-

бона и прослеживая границы струния и хангенбергия, он отмечал, что ни одна из них не может решить этих задач вследствие экологического контроля. Последний проявляется: в изменении состава комплексов ископаемых организмов в разновозрастных континентальных, мелководных и депрессионных морских отложениях; в изменении состава сообществ в каждой группе в зависимости от конкретных фациальных обстановок; в неодинаковой последовательности появления и исчезновения одних и тех же (в том числе “руководящих” или “зональных”) видов в разных разрезах.

Таким образом, анализ закономерностей пространственно-временного распределения ископаемых организмов в пограничных отложениях девона и карбона привел его к выводу о противоречии между реально наблюдаемой экотонной природой хроностратиграфических границ, и теоретической концепцией – образом границ, представляемых в виде резких разграничительных гиперповерхностей, опоясывающих земной шар. Чтобы снять это противоречие, К.В. Симаков рассматривал те методологические предпосылки, на которые может опираться реализация привычной и удобной в практическом смысле концепции образа границ в форме резких демаркационных поверхностей.

Одной из причин многолетней полемики по поводу антиномии “естественных – искусственных” границ являлось отсутствие формулировки самого понятия “граница”. В этом отношении показателен ISG, в котором это определение отсутствовало, хотя содержалось описание детально разработанной процедуры установления конкретных хроностратиграфических границ. Любая хроностратиграфическая граница предстает в двух ипостасях: с одной стороны, в виде координаты (стрелы) геологического времени с нанесенными на нее точками, разделяющими смежные подразделения времени (образ-концепция “золотого гвоздя”), а с другой – в форме сопряженных с этими точками плоскостей, опоясывающих в виде замкнутых гиперповерхностей земной шар (ньютоновская концепция-образ “лезвия ножа”).

Исходя из разработанных им представлений о хроностратиграфической шкале, К.В. Симаков дает такую общую формулировку понятия “хроностратиграфическая граница”: *это зафиксированный в геологической летописи протокол смены двух последовательных относительно стабильных состояний той системы, циклически-необратимое развитие которой принято за основу метрики концептуального стратиграфического времени*. Он полагал, что такая формулировка годится для установления границ как с помощью биоисторического, так и палеобиоло-

гического методов. Применительно к последнему ее можно конкретизировать следующим образом: хроностратиграфические границы представляют собой зафиксированные в палеонтологической летописи протоколы таких событий в развитии ортохронологической группы фауны, которые обусловили появление в ней таксонов с новыми архетипами, доминировавшими в течение определенного промежутка времени.

Независимо от того, каким (биоисторическим или палеобиологическим) методом устанавливаются хроностратиграфические границы, в природе они представлены некоторыми интервалами разрезов – страто- или филоэктонами. Существование их служит объективной предпосылкой для дискуссий, с одной стороны, о том, следует ли включать страто- и филоэктоны в состав более молодых или более древних хроностратиграфических подразделений, или же выделять их в самостоятельные единицы, а с другой, какие именно критерии использовать при установлении хроностратиграфических границ внутри страто- и филоэктонов. С этим связана неизбежность конвенций при определении хроностратиграфических границ.

Приведенные в диссертации данные о развитии различных групп ископаемых организмов на рубеже девона и карбона убедительно показывали, что каждая из них обладает собственным “шагом” или ритмом развития. Соответственно, принимая развитие различных групп в качестве основы при построении хроностратиграфической шкалы, мы неизбежно получим различные по структуре и объему подразделений варианты шкал с несовпадающими границами. Следовательно, первое соглашение, которое необходимо при определении хроностратиграфических границ, касается выбора ортохронологической группы, модель эволюции которой должна выполнять функции эталонных часов концептуального стратиграфического времени.

С этим выводом К.В. Симакова не соглашались и не соглашались многие стратиграфы, но он по самой своей сути методологичен.

Далее, писал он, поскольку смена архетипов в любой группе фауны фиксируется филоэктонами, чтобы материализовать концепцию-образ хроностратиграфической границы в виде “золотого гвоздя”, мы вынуждены заключать конвенцию о том, какой именно критерий должен иметь универсальное значение при фиксации конкретных хроностратиграфических границ с помощью палеобиологических реперов. Выбранный палеобиологический репер представляет собой символ того

филоэктона, который является “естественной” (реально наблюдаемой в геологической летописи) хроностратиграфической границей. Закрепляя ее положение с помощью палеобиологического репера в стратотипе, мы тем самым фиксируем номенклатурный эталон соответствующей естественной хроностратиграфической границы и материализуем ее как образ-концепцию в виде “золотого гвоздя”.

Учитывая рекомендации ISG, К.В. Симаков предлагал такое операциональное правило для фиксации номенклатурных эталонов хроностратиграфических границ: *за палеобиологический репер хроностратиграфической границы принимается фиксируемый в специально выбранном стратотипе уровень возникновения одного из филетических связанных видов ортохронологической группы фауны, распространенных в пределах ее филоэктона*. Это правило было сформулировано и объяснено во многих его публикациях.

Существенно иной характер имеют условия материализации второй ипостаси хроностратиграфических границ – концепции-образа “лезвия ножа”, олицетворяющей изохронные гиперповерхности, опоясывающие земной шар. Прослеживание хроностратиграфических границ позволяет создать глобальную систему отсчета концептуального стратиграфического времени, с помощью которой проводится временная координация протоколов любых разноместных геологических событий.

К.В. Симаков уточняет, что подразумевается под выражением “прослеживание хроностратиграфических границ”. Возможны две трактовки этого выражения. Во-первых, под ним можно подразумевать прослеживание подошвы той видовой зоны, основание которой принимается за формальный палеобиологический репер границы. Во-вторых, его можно трактовать как выявление на всей поверхности планеты результатов влияния на развитие органического мира того фактора, который обусловил смену и/или появление таксонов с новыми архетипами в ортохронологической группе фауны.

В стратиграфии прослеживание хроностратиграфических границ опирается на правило О.Х. Шиндевольфа. Согласно этому правилу основное значение при определении границы в любых разрезах имеют представители ортохронологической группы фауны, распространение которых не зависит от фаций. Корреляция пограничных отложений девона и карбона показала, что прослеживание границ видовых зон у любой группы фауны вследствие влияния экологического фактора не может обеспе-

чить материализации концепции-образа хроностратиграфической границы в виде “лезвия ножа”³¹.

Поэтому выражение “прослеживание хроностратиграфической границы” может трактоваться лишь как опознание протокола воздействия одного и того же фактора на различные (орто- и парахронологические) группы ископаемых организмов. Поскольку концепция-образ “лезвия ножа” олицетворяет плоскостную границу, обладающую свойством изохронности, суть процедуры прослеживания границ сводится к определению протоколов метрически одновременных палеобиологических событий.

Специфика ретросинхронизации обусловлена прежде всего тем, что ни одна группа фауны не может в принципе выполнять (вследствие действия экологического контроля) функции и прибора и инструмента для измерения времени. Образно говоря, ретросинхронизацию приходится проводить, пользуясь часами различной конструкции. Функции уравнивания времени, позволяющего согласовывать с эталонной метрикой подразделения вспомогательных шкал, выполняет принцип хронологической взаимозаменяемости признаков.

Из этого следовало: хотя хроностратиграфические границы имеют “естественную” природу, совпадая с “переломными моментами в эволюции ортохронологических групп фауны, фиксация их положения на координате геологического времени (образ-концепция “золотого гвоздя”) и прослеживание их в глобальном масштабе (образ-концепция “лезвия ножа”) требуют заключения системы конвенций, позволяющих сохранять привычное для нас и удобное в практическом отношении представление о границах, как о резких, демаркационных плоскостях раздела.

В результате такой системы аргументов К.В. Симаков делал достаточно конкретный вывод-рекомендацию: “Принимая за “естественную” границу девона и карбона интервал распространения акутимитоцерасовой фауны и учитывая данные о составах встреченных вместе с ней других групп ископаемых в разрезах Рейнских Сланцевых гор и Мугоджар, можно предложить в качестве парахронологических маркеров этой границы появление: среди трилобитов *Archegonus* (*Phillibole*), среди конодонтов (в зависимости от биофаций) *Siphonodella sulcata*, *Protognathodus kuehni*, *Polygnathus lobatus*. *Po. purus*, *Pseudopolygnathus fusiformis*, *Ps. primus*, среди миоспор первых *Patinati* (*Cyrtospora cristifera*)

³¹ *Simakov K.V. Methods for determination of chronostratigraphic boundaries as exemplified by Devonian/Carboniferous boundary // X Intern. Congr. Stratigr. & Geol. Carbonif. Abstracts. Madrid, 1983. P. 320.*

и/или исчезновение *Rettspora lepidothyta* и *Vallatisporites pusillites*. У фораминифер и брахиопод изменения в систематическом составе, используемые для выделения зональных биостратиграфических подразделений, происходили вне пределов акутимитоцерасового филоэкотона”³².

К.В. Симаков достаточно убедительно показал, что одним из факторов, сдерживающих решение проблемы определения границы девона и карбона, является представление о полноте и непрерывности опорного разреза Динантского бассейна и отождествление девонско-каменноугольного стратозекотона со струнием. Полученные в последние годы, в том числе его личными исследованиями, данные по опорным разрезам Евразии позволяют выделять в девонско-каменноугольном стратозекотоне два подразделения: струний и хангенбергский.

Анализ фактических данных, касающихся морфоструктурной эволюции различных групп ископаемых на рубеже девона и карбона, свидетельствует о стадийности преобразования девонских и возникновения каменноугольных архетипов. В разных группах появление каменноугольных таксонов происходило неодновременно и занимало неодинаковые промежутки времени. Вследствие этого смена девонских сообществ каменноугольными в разных группах шла различными путями.

Корреляция струнийских и хангенбергских отложений с помощью аммоноидей, фораминифер, брахиопод, конодонтов и миоспор показывает, что ни одна из этих групп не может обеспечить прослеживание хроностратиграфических границ в глобальном масштабе, ни одна группа ископаемых не имеет объективных преимуществ перед другой. Поэтому роль ортохронологической группы ограничивается определением структуры и положения границ между подразделениями хроностратиграфической шкалы.

³² Симаков К.В. Граница девона и карбона и проблема определения хроностратиграфических границ / Автореф. дис. ... докт. геол.-мин. наук. Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1984. С. 22.

Председатель Северо-Восточного научного центра

В годы “перестройки” и развала СССР К.В. Симаков продолжал трудиться в своем институте в должности главного научного сотрудника над проблемами стратиграфии палеозоя. Ему посчастливилось побывать в разных странах и продолжить знакомиться с разрезами девона и карбона. Так, в 1988 г. он побывал в Китае, в 1989 г. в Австралии. Его многочисленные работы по проблеме границы девона и карбона были отмечены премией им. А.П. Карпинского Академии наук СССР. В декабре 1990 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Выступая в 1991 г. на заседании Объединенного ученого совета по геологии, геофизике, геохимии и горным наукам при Президиуме ДВО АН СССР, К.В. Симаков вновь обратил внимание на проблемы стратиграфических исследований. Он говорил: “Нетрудно подметить определенную стадийность развития ряда научных дисциплин в нашей стране, будь-то генетика, кибернетика, или другая наука. Вначале советские ученые обычно занимают лидирующее положение в разработке фундаментальных оснований новой дисциплины. Затем новое научное направление подвергается жестокому финансовому и кадровому ostrакизму. После ликвидации отечественной школы предпринимаются героические усилия для ее реанимации в связи с очевидностью практического значения тех разработок, которые выполнены за рубежом по программам и идеям наших ученых”³³.

К.В. Симаков показывал на цифрах и личном опыте, что такая закономерность прослеживается и в отношении стратиграфо-палеонтологических исследований. Он полагал, есть все основания считать, что это важное и трудоемкое научное направление близится к полному физическому исчезновению. Скоро придется приглашать для выполнения палеонтологических определений специалистов зарубежных специалистов, но оплачивать их труд будет не по карману нашему отечеству.

В 1991 г. было принято решение о создании в составе Дальневосточного отделения РАН Северо-Восточного научного центра.

³³ Дальневосточный ученый. 1991. № 2.

СВНЦ ДВО РАН был создан решением Президиума РАН 18 июня 1991 г. Изначально в состав СВНЦ были включены Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Институт биологических проблем Севера, Международный научно-исследовательский центр “Арктика”, Научный центр “Чукотка” и Опытно-методическая сейсмологическая партия. После прошедшей в 1999 г. аккредитации Научный центр “Чукотка” был включен в состав СВКНИИ в качестве филиала. Председателем Президиума Центра был избран член-корреспондент РАН А.А. Сидоров.

На момент образования в подразделениях СВНЦ работало 722 сотрудника, среди которых 277 – научных, включая 3 членов-корреспондентов РАН, 25 докторов и 120 кандидатов наук. Среди основных задач и функций Центра: проведение научных исследований фундаментального и прикладного характера, направленных на ускорение развития производительных сил Северо-Восточного экономического района, решение экономических, экологических, социально-экономических и других проблем Магаданской области и Чукотского автономного округа; разработка рекомендаций по использованию результатов научных исследований в народном хозяйстве; обеспечение координации научных исследований, проводимых учреждениями СВНЦ, высшими учебными заведениями, а также организациями министерств и ведомств региона; разработка рекомендаций по рациональному использованию научного потенциала научных учреждений, вузов и отраслевых научно-исследовательских институтов; обеспечение развития производственной и социальной инфраструктуры Центра и его подразделений; подготовка высококвалифицированных научных кадров; организация конференций, совещаний, симпозиумов, выставок, фестивалей, научных семинаров и дискуссий международного, республиканского и регионального уровней по актуальным проблемам науки и техники; издание научных трудов, пропаганда научных знаний средствами массовой информации.

Выполнение этой широкой программы из-за кризиса в научной системе натолкнулось на многие препятствия. Первый председатель Центра А.А. Сидоров вспоминал спустя годы:

“Влияние председателя СВНЦ на руководителей этих подразделений, которые входили в Президиум Центра, могло быть исключительно интеллектуальным. Финансовые и прочие рычаги находились по-прежнему в ДВО. Тем не менее Президиум был полезен при решении ряда наших общих проблем и в особенности для противостояния внешним и внутренним авантюристам, плодившимся на гребне нашей демо-

кратии. Приходилось сталкиваться со многими “прогрессивными” проектами – от расчленения СВКНИИ до приватизации музея и проблем полтергейста. В задачи Центра безусловно входит противостояние всем негативным проявлениям в научной и общественной жизни государства. И это совсем не просто, а порою практически невозможно”³⁴.

После развала Советского Союза экономический кризис особенно ударил по академической науке, в далеких регионах России этот удар был чрезвычайно болезненным. Основной заботой СВНЦ стала проблема выживания его подразделений, которая и стала перманентной в заседаниях Президиума Центра.

Первая половина 1990-х г. была ознаменована и управленческой мифологией, логику которой трудно было уловить, но научные учреждения были вынуждены хвататься за любую соломинку. 12 ноября 1991 г. на заседании президиума СВНЦ, на котором присутствовали также представители научных и вузовских учреждений Магадана, К.В. Симаков ознакомил коллег с распоряжением Президиума РСФСР от 3.08.1991 г. “О мерах по более полному использованию научного потенциала региональных отделений Академии наук СССР”, которое предусматривало создание в регионах на базе академических учреждений сети научно-образовательных комплексов, ориентированных на всемерную интеграцию научного потенциала академической, отраслевой и вузовской науки, с разработкой и реализацией региональных программ подготовки и переподготовки кадров высшей квалификации. В условиях крайнего обнищания академических учреждений создание научно-образовательного центра в Магадане рассматривалось в качестве той “соломинки”, с помощью которой следовало попытаться “выплыть” в условиях кризиса. Тем более что в стране был создан фонд, который должен был оказывать поддержку научно-образовательным комплексам. Этой проблеме и было посвящено несколько заседаний Президиума Центра.

В Магадане уже функционировало несколько вузов, причем В.И. Гончаров в то время фактически исполнял обязанности директора СВКНИИ и ректора Магаданского филиала Хабаровского политехнического института, так что для создания научно-образовательного центра были предпосылки. Центр был создан, но поскольку получить какое-либо финансирование из фонда не удалось, он оказался очередной организационной фикцией.

В 1993 г. Президиум СВНЦ обсуждал также вопрос о создании на базе академических и отраслевых научных учреждений на

³⁴ Сидоров А.А. Северо-Восточному научному центру – 10 лет // Колымские вести. 2001. № 12. С. 2.

Северо-Востоке России государственного научного центра, которые тогда возникли на базе Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, ЦАГИ и др. Опять-таки для создания такого центра были предпосылки и даже необходимость, но добиться получения статуса такого центра было нереально.

Положение учреждений СВНЦ усугублялось и наличием проблем, которые в условиях кризиса приобрели практически неразрешимый характер. Одной из них был “долгострой” – строительство нового здания Института биологических проблем Севера, которое пришлось на трудные годы. В результате лишь при крайнем напряжении сил эта стройка была завершена спустя 15 лет после ее начала.

Большую перспективу обещали расширившиеся контакты с учеными и деловыми кругами США, Канады, Японии, делегации которых зачастили на Северо-Восток. 13 марта 1992 г. состоялось заседание Президиума Центра с участием руководителей Аляскинского университета. К.В. Симаков рассказал об основных перспективных для сотрудничества с американцами направлениях исследований, которые ведутся в учреждениях Центра. Американцы проявили большую заинтересованность. Одновременно К.В. Симаков сформулировал и некоторые организационные проблемы взаимодействия, прежде всего помощи в создании компьютерного редакционно-издательского центра, благодаря которому можно было бы оперативно издавать интересующую зарубежных партнеров информацию. Американцы обещали финансировать заинтересовавшие их исследования и помочь с компьютеризацией.

Спустя несколько лет К.В. Симаков дал емкую характеристику совместных с зарубежными специалистами исследований.

“...Проводимые на территории Северо-Востока совместные международные исследования условно можно разделить на три группы. В первую входят работы, которые носят, образно выражаясь, инвентаризационную направленность. Суть их сводится к обобщению, обработке и систематизации тех или иных данных, накопленных в предыдущие годы как нашими, так и зарубежными специалистами по территории не только Северо-Востока, но и смежных с ним регионов – в основном Америки и Канады, реже Японии. Две особенности характеризуют работы этого типа: во-первых, явно большая заинтересованность в них иностранных партнеров, обусловленная практически полным незнанием ими российских научных первоисточников (что, кстати, разительно отличает их от наших специалистов); во-вторых, стремление зарубежных партнеров навязать российским коллегам принятую в их странах систему обработки и интерпретации фактических данных, в то время как эта система нередко оказывается на гораздо более низком научно-методи-

ческом уровне, чем принятая у нас. И все-таки такие работы приходится выполнять, поскольку они полностью финансируются за счет иностранных участников.

Ко второй группе относятся главным образом частные и краткосрочные проекты, в которых наши сотрудники, скорее, играют роль гидов или помощников при изучении тех или иных проблем, интересующих иностранных коллег. Российские ученые вынуждены идти на такие контакты, чтобы иметь возможность продолжать начатые исследования, сохранять принадлежность к сфере науки. При выполнении подобных работ им приходится ставить во главу угла интересы зарубежных партнеров, полностью их финансирующих. В лучшем случае наши специалисты получают возможность обработать собственные ранее накопленные материалы, используя современную лабораторно-аналитическую базу зарубежных научных учреждений, и опубликовать результаты совместных исследований в престижных иностранных журналах. Однако если на начальном этапе таких работ авторство наших ученых сохраняется, то нередко в дальнейшем о них забывают.

Наконец, третью группу составляют немногочисленные, но долгосрочные проекты, по которым наши ученые проводят совместные исследования как на территории России, так и Северной Америки (в основном) и которые нацелены на получение принципиально новой информации. Отечественные специалисты, как правило, выступают в них в роли идейных вдохновителей и руководителей, тогда как зарубежные партнеры обеспечивают финансирование полевых и лабораторных работ. Участие в этих проектах позволяет российским ученым не только накапливать новый материал по интересующим их проблемам, но и использовать передовые научные технологии при обработке данных. Важно, что в этом случае за нашими учеными полностью сохраняется приоритет в получении новых фундаментальных и прикладных результатов, которые публикуются и на русском и на английском языках³⁵.

В 1994 г. на нескольких заседаниях Центра обсуждалась проблема возможного лицензирования участков шельфа Чукотского моря для ведения совместных с зарубежными компаниями поисковых и разведочных работ на нефть. К тому времени был подписан меморандум между правительствами России и США о намерении в будущем провести российской и американской стороной одновременное лицензирование американских участков Чукотского моря и бассейна Хоуп и прилегающих российских участков Чукотского моря. Этой проблеме К.В. Симаков отдал много времени в последние годы жизни.

1 марта 1994 г. подводились итоги российско-американского семинара "Оценка экологического риска при добыче нефти и га-

³⁵ Симаков К.В., Гончаров В.И. Академическая наука Северо-Востока России // Вестн. РАН. 1999. № 1. С. 28–29.

за на континентальном шельфе Дальнего Востока России” (21–24 февраля 1994 г.). 21 сентября 1994 г. вновь обсуждалась эта проблема. Отмечалось, что это очень ответственное дело, поскольку оно касалось жизни малых народов Севера, охраны окружающей среды, здоровья местного и пришлого населения, необходимости учета катастрофических природных явлений и т.д. СВНЦ справедливо полагал, что для этих целей на его базе должна быть создана организация, которая будет заниматься независимой научной экспертизой таких проектов.

К.В. Симаков, один из главных организаторов семинара, дал интервью “Магаданской правде”:

“Наша цель – дать представление всем, кто связан с разработкой нефти и газа на шельфе, как организован этот процесс в США. Подготовка и выдача любого решения у них занимает не менее трех лет. Мы пока к этому не готовы ни в экологическом плане, ни в правовом, что, с точки зрения ученых, представляет наибольшую угрозу. Много усилий потрачено на организацию семинара. По нашей инициативе подписан ряд соглашений между российским правительством и американским, а также спецсоглашение между Службой минеральных ресурсов США и Дальневосточным отделением РАН. Нынешнее мероприятие открывает серию аналогичных семинаров, которые должны состояться в Тюмени (май с.г.), на Кольском полуострове (август) и т.д. Сейчас, так сказать, пионерная стадия этого важного, полезного процесса. Американский опыт начинает отсчет с середины шестидесятых годов, есть ошибки, на которых там учились. Естественно, мы должны учесть эти просчеты и сделать свою систему более совершенной”³⁶.

6–10 сентября 1994 г. в Магадане прошла Международная конференция по арктическим окраинам (МКАО-94), в организации которой активное участие принял К.В. Симаков. Организаторами конференции были Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН и Геофизический институт Университета штата Аляска. Заявки на участие в конференции подали около 400 человек, тезисы более 280 докладов были опубликованы. В рамках подготовки к МКАО-94 был издан ряд работ, в которых обобщены данные по различным проблемам геологии Северо-Востока России: стратиграфии триаса (Ю.М. Бычков) и мела (В.П. Похиалайнен), геологии Охотско-Чукотского вулканогенного пояса (В.Ф. Белый), щелочному вулканизму (В.В. Акинин, Ю.Е. Апт), металлогении (А.А. Сидоров и др.). К изданию намечен и ряд других обобщающих работ. М.Е. Городинским был подготовлен и издан на английском языке

³⁶ Магаданская правда. 24 февраля 1994 г.

ке путеводитель геологической экскурсии по “Золотому кольцу Колымы”. К началу конференции были также выпущены англо-русские издания “Справочника СВНЦ ДВО РАН” и “Атлас многофакторных прогнозно-поисковых моделей месторождений золота и серебра Северо-Востока России”.

В работе конференции приняли участие 60 ученых и специалистов из 12 университетов, 6 федеральных служб и 10 промышленных (золоторудных и нефтяных) компаний США, Канады, Англии, Австралии, Германии, Нидерландов, Южной Кореи, Японии.

Россия на конференции была представлена более чем 60 учеными из 10 институтов Российской академии наук, Якутского государственного университета, 6 производственных организаций из Магадана, Якутска, Владивостока, Хабаровска, Новосибирска, Анадыря, Санкт-Петербурга, Москвы, Южно-Сахалинска.

Научная работа конференции проходила в семи секциях (стратиграфия и биостратиграфическая корреляция, палеоклиматы и палеогеография Арктики, региональная корреляция террейнов и палеобассейнов, региональная геофизика, динамика литосферы и сейсмология, металлогения и минеральные ресурсы Восточной Арктики, углеводородное сырье, вечная мерзлота, инженерная геология и горная экология) и четырех симпозиумах (меловые вулканические пояса арктического сегмента Циркумпакифики, Берингийская провинция позднекайнозойского основного и ультраосновного щелочного вулканизма, новые данные по позднекайнозойской истории Берингии, мантийные гнейсовые купола, ядерные метаморфические комплексы и гранитно-метаморфические купола), а также во время Круглого стола.

Во время конференции работал Круглый стол “Настоящее и будущее взаимоотношений между наукой, промышленностью и правительствами арктических стран”. Дискуссия, состоявшаяся во время заседаний Круглого стола, была посвящена обсуждению “Совместного запроса интереса и комментариев на предполагаемое одновременное лицензирование 6 американских участков Чукотского моря и Бассейна Хоуп и прилегающих российских участков Чукотского моря”. В работе Круглого стола приняли участие представители Министерства внутренних дел США, администраций Магаданской области и Чукотского автономного округа, Роскомнедра, научных учреждений Российской академии наук, экологических организаций Магадана и Магаданской области, российских и иностранных нефтяных компаний, представители общественности и средств массовой информации. Были затронуты вопросы, связанные с лицензированием участков

шельфа в связи с положением границы между Россией и США, проблемами охраны окружающей среды (в частности, редких и исчезающих видов животных и птиц) и обеспечения экологической безопасности поисково-разведочных буровых работ и др. Дискуссия по сути дела представляла собой первое в России публичное обсуждение проекта предполагаемого освоения углеводородного сырья на территории шельфа дальневосточных морей.

Во всех секциях и симпозиумах, работавших параллельно, научные сообщения представлялись в форме устных и стендовых выступлений. В общей сложности во время конференции было сделано 103 устных и 43 стендовых докладов.

По программе конференции было проведено две геологические экскурсии: однодневная на Магаданский габбро-гранитный плутон, в ней участвовало 10 ученых из США, Канады, Японии, России; двенадцатидневная “Золотое кольцо Колымы”, в которой приняло участие 11 специалистов из США, Канады, Австралии и Японии. Участники ознакомились с разнотипными коренными золотыми и золото-серебряными (Дукат, Наталка, Ущельный, Карамкен и др.) и россыпными золотыми (Дебин, Чай-Юрюя, Оротукан и др.) месторождениями, с разрезами пермских, ранне-среднеюрских осадочных отложений верхоянского комплекса и меловых вулканогенно-осадочных образований, слагающих Охотско-Чукотский вулканогенный пояс.

Несмотря на финансовые и организационные сложности, конференция прошла успешно, способствовала налаживанию профессиональных контактов между специалистами России, США, Канады и Японии. На ней впервые были доложены результаты работ по ряду международных проектов, осуществляемых совместно учеными России, США и Канады и касающихся широкого спектра геологических проблем арктических регионов. Впервые в истории России было проведено публичное обсуждение проекта предполагаемого тендера на шельфе Чукотского моря, в котором приняли участие не только представители научных и производственных организаций и органов управления России и США, но также представители заинтересованных иностранных нефтяных компаний (Мобил, Тексако, Шелл и др.), российских деловых кругов, общественности и средств массовой информации.

С 1996 г. начался новый виток недофинансирования академических учреждений, введения государством ограничительных мер по использованию институтами средств, ужесточения контроля за ними. Вновь выросли долги за коммунальные услуги и задолженности по заработной плате.

На заседаниях Президиума СВНЦ в связи со сложившейся финансовой ситуацией обсуждались различные варианты выхода из положения: отправить сотрудников подразделений в отпуска без содержания; работать три дня в неделю в светлое время суток, отключая электроэнергию; работать по нормальному графику, отключать электроэнергию после 18 часов ежедневно, а в субботу и воскресенье полностью; 12% взимаемых налогов не отдавать государству, а направить их на выплату недостающей зарплаты; для уменьшения расходов определить по институтам 2–3 телефона для междугородной связи; сдавать в аренду максимальное количество площадей, оборудования, выполнять любые заказы со стороны.

Зимой 1998 г. К.В. Симаков давал интервью газете “Магаданская правда”. Корреспондент попросил выключить в кабинете обогреватель, чтобы он не мешал записи беседы на диктофон. Кирилл Владимирович возразил:

“Но ведь сразу станет холодно, и выключится мой компьютер. Вон в приемной даже ксерокс при такой температуре не работает – современная техника не рассчитана на наши коммунальные условия.

– Вы хотите сказать, что на комфорт в Академии уже нет денег?

– Деньги нам выдаются только на заработную плату. Ни на науку, ни на создание условий для работы, ни на другое их давно нет.

– Однако наука и в лучшие советские времена не была в этом отношении избалована, если только она не работала на вооружение страны.

– Тем не менее тогда мы ежегодно могли организовывать до 40, а в отдельные годы до 60 летних экспедиций, причем они охватывали огромную территорию от Таймыра до Индийского океана. Сейчас мы отправляем в поле 5–6 экспедиций, и то за счет тех денег, которые привозят американцы и японцы. И площадь действия их ограничивается теперь ближними подступами к Магадану”³⁷.

В название этого материала вынесена фраза К.В. Симаква: “Прогнозировать науку сегодня невозможно...”. Далее он говорил:

“Я помню, как в разговоре с зарубежными коллегами во время перестройки я говорил им, что у России есть два пути развития – североамериканский с господством законности и южноамериканский с диктатом коррупции и обнищанием людей. К сожалению, мы выбрали второй вариант. Поэтому ясности в завтрашнем дне у нас сегодня нет”.

Выступая на юбилейном собрании СВНЦ, посвященном 275-летию Академии наук, Кирилл Владимирович говорил:

³⁷ Магаданская правда. 25 декабря. 1998.

“Пришедшее к власти в России в 1992 г. правительство Гайдара взяло курс на фактический разгром российской академической науки, сократив ее финансирование более чем в 20 раз. Достаточно сказать, что если общее финансирование академических институтов Магадана в 1985 г. составляло около 4,7 млн долларов, то в 1992 г. оно уменьшилось до 200 тыс. долларов, а в 1998 г. – составило примерно 300 тыс. дол. Сокращение финансирования вызвало резкий отток особенно молодых сотрудников, которые были вынуждены искать более высокооплачиваемую работу. Если в 1985 г. общее количество работников превосходило 1100 человек, а в 1992 г. – 570, то к настоящему времени их осталось 430. Вдумайтесь в эти цифры: если на содержание одного работника в 1985 г. тратилось около 4300 \$, то в 1992 г. эта сумма составляла всего 360 \$, и в 1998 г. она увеличилась до 700 \$. Достаточно сказать, что среднемесячная (а не годовая!) нашего коллеги в США составляет в среднем 2500 \$. И все-таки... несмотря на все эти создаваемые правительством стрессовые условия наука Северо-Востока выжила и продолжает развиваться”.

Относительно правил финансирования и казначейского контроля за расходованием средств К.В. Симаков писал:

“Действительно, сама по себе идея выделения 90% бюджетных средств только по первой и второй статьям бюджетной классификации (зарботная плата и обязательные начисления) заслуживает занесения в Книгу Гиннеса. А признание “нецелевым” (и, в соответствии с действующим Указом Президента, влекущим за собой персональную, вплоть до уголовной, ответственность руководителей научных учреждений) использование остающихся после всех выплат средств на покрытие (пусть и неполное) предусмотренных сметой (но не обеспечиваемых бюджетным финансированием) расходов на уставную деятельность институтов достойно Нобелевской премии. И то, и другое нельзя расценивать иначе, как провокацию Минфина и Казначейства, направленную против директоров научных учреждений, вынужденных, руководствуясь здравым смыслом и заботой о сохранении дееспособности своих подразделений, идти на нарушение действующего законодательства. Ведь совершенно очевидно, что никакой чиновник Минфина не может знать реальной ситуации в каждом конкретном институте и из Москвы через Казначейство определять, сколько денег институт должен потратить на оплату коммунальных услуг, на научные исследования, командировки, приобретение расходных материалов и тому подобные нужды. Это может знать только директор института, и либо ему должно быть предоставлено право после выплаты заработной платы и отчислений в социальные фонды свободно распоряжаться имеющимися средствами, исходя из конкретной обстановки, либо Минфин обязан изначально производить распределение выделяемых на науку средств по всем статьям, предусматриваемых сметой для обеспечения уставной деятельности научных учреждений”³⁸.

³⁸ Симаков К.В. Имеет ли региональная академическая наука будущее? // Колымские вести. 1998. № 1. С. 5.

В связи с беспрецедентным давлением налоговых и казначейских служб К.В. Симаков обратился к президенту РАН академику Ю.С. Осипову.

Глубокоуважаемый Юрий Сергеевич, вынужден обратиться непосредственно к Вам в связи со следующими обстоятельствами?

Управление Министерства РФ по налогам и сборам (УМНИС) по Магаданской области решением № 268 от 30 августа 2001 “О привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения” установило якобы занижение валовой и налогооблагаемой прибыли Северо-Восточным комплексным научно-исследовательским институтом (СВКНИИ ДВО РАН) за 1999–2000 г.

Поводом для такого решения послужило приобретение институтом компьютерного оборудования для оснащения лаборатории ГИС-технологий за счет внебюджетных средств (хоздоговоров). В бухгалтерской отчетности оборудование было отнесено к статье затрат “Спецоборудование для выполнения НИР”. Однако УМНИС РФ по Магаданской области считает, что компьютерная техника не может быть спецоборудованием и предложило отнести его приобретение за счет прибыли. (...).

По-видимому, МНИС РФ на примере СВКНИИ ДВО РАН пытается создать прецедент с тем, чтобы узаконить обложение налогом приобретение компьютерной техники за счет внебюджетных средств и в других подразделениях РАН. Считаю, что лишение научных учреждений РАН возможности пополнять и обновлять свою компьютерную базу за счет внебюджетных источников с включением затрат на ее приобретение в себестоимость научной продукции будет иметь очень серьезные негативные последствия для развития многих научных направлений, так как компьютерные технологии применяются сейчас во всех областях знаний. СВКНИИ будет продолжать в судебном порядке отстаивать свою точку зрения. Однако затраты на ведение дела уже превышают все разумные пределы.

В связи с изложенным прошу Вас обратиться в МНИС РФ с разъяснением сути конфликта и снятия возникшей напряженности во взаимоотношениях региональных УМНИС РФ и учреждений РАН. Чтобы предотвратить в будущем возникновение подобных ситуаций, крайне желательно закрепить достигнутое взаимопонимание нормативным актом, узаконивающим отнесение компьютерной техники к спецоборудованию для научных работ. Положительное решение этого вопроса на правительственном уровне сохранит значительные внебюджетные средства Российской академии наук, которые можно было бы направить на приобретение оборудования для НИР, а не на судебные издержки.

Председатель СВНЦ ДВО РАН
академик К.В. Симаков

Тяготы существования академических учреждений СВНЦ сподвигли К.В. Симакова на написание статьи, которая была

опубликована в “Вестнике РАН”³⁹. Решение опубликовать такую статью было принято на заседании Президиума СВНЦ. К.В. Симаков считал, что ее должны подписать все руководители входящих в Центр учреждений. Без преувеличения можно сказать, что эта статья – образец науковедческого анализа состояния науки, не даром она цитируется многими науковедами. Написана она не просто ярко, но страстно и взволнованно. Поэтому на ее содержании есть смысл остановиться подробнее.

Основной рефрен статьи в таких словах: “Переживаемый кризис в отношениях между властью и наукой накладывает на ученых особую ответственность: их долг – сохранить центры науки и знания, которые являются основой существования и развития любого цивилизованного государства. Становится все более очевидным, что в ближайшие годы вряд ли можно ожидать от российского правительства не только помощи в нормализации и оздоровлении ситуации в научной сфере, но и элементарного понимания необходимости сохранения имеющегося научного потенциала страны. Отечественная наука подвергается сейчас очередной атаке бюрократических сил. Навязанная РАН “реструктуризация”, одной из главных действительных (а не декларируемых) целей которой является коммерциализация науки, не могла не сказаться на творчестве ученых. Затеянная чиновниками бумажная волокита с постоянно меняющимися правилами игры не только выбила руководителей научных подразделений из колеи повседневных забот; она резко повысила напряженность и без того далекого от благополучия социально-психологического климата в среде научных работников, которые на протяжении всех последних лет остро переживают неустойчивость результатов фундаментальных и прикладных разработок, невозможность в сложившихся условиях реализовать свой творческий потенциал. Созданию такой гнетущей атмосферы способствовали как внутренние, так и внешние факторы. С одной стороны, некоторыми средствами массовой информации в течение ряда лет старательно пропагандируется ложное представление о неэффективности организационной структуры Российской академии наук. С другой стороны, немалую роль сыграла псевдореформаторская активность групп внутри самой академии, объединяющих откровенных бездельников, людей с неудовлетворенными науч-

³⁹ Симаков К.В., Гончаров В.И. Академическая наука Северо-Востока России // Вестн. РАН. 1999. № 1. С. 21–32. (Сокращенный вариант статьи был опубликован до этого в Магадане: Симаков К.В. Имеет ли региональная академическая наука будущее? // Колымские вести. 1998. № 1. С. 2–5).

ными (а чаще административными) амбициями и некоторых постсоветских политических и профсоюзных активистов, стремящихся внести раскол в научное сообщество “снизу”. Наконец, деморализующее впечатление производят произошедший на наших глазах разгром так называемой отраслевой науки и то уничижительное положение, в которое ныне поставлены практически все организации высшей школы”⁴⁰.

В статье глубоко проанализирована специфика формирования и особенности научного потенциала Северо-Востока России. В силу разных причин основой стратегии формирования потенциала, реализованной первым руководителем СВКНИИ академиком Н.А. Шилов, стало объединение склонных к научным изысканиям практиков-профессионалов, прошедших суровую производственную подготовку, с молодыми специалистами. В результате был создан коллектив, в кратчайшие сроки завоевавший своими трудами высокий авторитет не только в Советском Союзе, но и в мире. Еще одна особенность формирования корпуса исследователей академических учреждений Северо-Востока России тесно связана с демографической политикой, проводившейся государством в отношении северных территорий: подавляющее большинство прибывающих в Магаданскую область работников никогда не чувствовали себя здесь постоянными жителями, сознавая, что рано или поздно они покинут этот суровый край и переселятся в центральные районы страны, это и в лучшие времена вело к постоянной смене кадров. Так, за период с 1960 по 1990 гг. в Магадане было подготовлено более 70 докторов и около 200 кандидатов наук, но в каждый конкретный момент в любом из институтов СВНИЦ работало не более 10–15 докторов и 30–40 кандидатов наук.

Специфика региона наложила свой отпечаток на основные направления исследований: преобладание геолого-геофизических, биологических и историко-археологических исследований, требующих проведения широкомасштабных полевых исследований. Огромная территория требовала масштабных ежегодных экспедиций. Для региона всегда характерной была организационная связь фундаментальных исследований с прикладными. Особенно ярко это проявилось в работах геолого-геофизического направления: в прогнозных оценках и определении перспектив промышленного освоения новых площадей с золотым и золото-серебряным оруденением, в изучении ряда месторождений, первооткрывателями которых зачастую являлись сотру-

⁴⁰ Там же. С. 22.

ники академических институтов. Именно эти исследования в 1970–80-е гг. придали новый импульс развитию горнодобывающей промышленности края. Непосредственно связанной с решением и научных и прикладных задач была созданная в рассматриваемый период разветвленная сейсмологическая служба. Она насчитывала 19 станций, разбросанных по всей территории Северо-Востока СССР, которая с точки зрения сейсмической активности относится к числу наиболее опасных на пространстве бывшего СССР.

К началу 1980-х гг. в академических учреждениях Северо-Востока СССР была создана современная лабораторно-аналитическая база, укомплектованная новейшей для того времени аппаратурой; сформирован фонд крупнейшей на Дальнем Востоке научной библиотеки, насчитывающей в своем коллекторе свыше 450 тысяч единиц хранения научных изданий; несмотря на текучесть кадров, консолидировался способный коллектив высококлассных специалистов, результаты исследований которых благодаря высокому уровню коммуникации получили признание в профессиональном сообществе страны и за рубежом.

На основе построенных трендов изменения индикаторов науки К.В. Симаков системно отследил основные негативные тенденции функционирования научного потенциала академических учреждений после распада Союза, а также факторы, усугубившие положение ученых на Дальнем Севере: массовый исход специалистов в другие сферы деятельности (в 1985 г. в академических учреждениях Магадана работало 351 человек, в 1991 г. – 267, в 1993 г. – 195, в 1998 г. – 176), “старение” кадрового потенциала, отсутствие возможностей для его воспроизводства, катастрофическое падение уровня жизни научных работников в самом “дорогом” городе России, истощение такого источника финансирования как хозяйственная тематика.

К.В. Симаков отмечал: “В биологии существует понятие порогового значения численности популяции, ниже которого она прекращает свое существование. Если исключить из нынешнего состава научных сотрудников СВНЦ всех, кто достиг пенсионного возраста (а именно они обеспечивают сейчас высокую продуктивность научных исследований), то мы перешагнем этот порог, и северо-восточная научная популяция исчезнет”⁴¹.

Перспективы экономического развития Магаданской области связаны с ее сырьевыми богатствами, разрушенную в эпоху реформ геологическую службу все равно придется восстанавли-

⁴¹ Там же. С. 25.

вать, но ценой колоссальных затрат. То же самое касается академических учреждений Северо-Востока.

С созданием СВНЦ, еще не будучи его председателем, К.В. Симаков начал последовательно проводить работу по формированию в Центре межинститутского полиграфического отдела, который мог бы на самом современном уровне расширить публикационные возможности академических учреждений. В 1990-е годы это тем более было важно, что в условиях стагнации полевых исследований научные сотрудники занялись обработкой накопленных ранее исследований и получили значительный объем нового материала, требующего публикации. Еще одной причиной необходимости создания своего издательского цеха было то, что в последнее десятилетие века вследствие обвала экономики страны резко повысилась стоимость публикации результатов исследований в центральных издательствах в основном из-за огромных затрат по доставке готовых тиражей в Магадан.

Благодаря исключительной настойчивости К.В. Симакова и ученого секретаря СВНЦ Л.И. Измайлова в 1994 г. был создан межинститутский полиграфический отдел (начальник З.П. Житихина). На момент создания на его балансе числилась малая офсетная машина “Ромайор-314”, копировальный аппарат Canon-1520 и другая техника начала 1970-х годов. Склейка обложек изданий производилась вручную, печатные формы изготавливались с машинописного текста на металле с использованием ортофосфорной кислоты, уайт-спирита, бензина.

В последующие годы, несмотря на все трудности экономического кризиса, произошло техническое перевооружение межинститутского полиграфического отдела. Оснащение отдела современной техникой позволило резко увеличить количество изданий, повысить качество их оформления и создать предпосылки для оперативной публикации результатов исследований. Цех располагает современным копировальным комплексом, клеевым аппаратом, оригиналы-макеты изданий готовятся на компьютерах, появилась возможность делать цветные вклейки и обложки. По свидетельству первого председателя СВНЦ А.А. Сидорова, переехавшего работать в Москву в ИГЕМ РАН, труды институтов Центра издаются на самом высоком уровне, о котором столичные институты только мечтают. При минимальном бюджетном финансировании удалось резко нарастить объемы печатной продукции. Для примера можно сказать, что издательский план 2003 г. включил печатной продукции на 500 учетно-издательских листов

В этом же ряду еще один важный результат, полученный К.В. Симаковым на поприще председателя СВНЦ, – основание

журнала “Колымские вести”. 21 мая 1998 г. К.В. Симаков на заседании Президиума СВНЦ рассказал об издании Уральским научным центром журнала-альманаха и предложил выпускать аналогичный в Магадане. Эта идея получила поддержку, и в том же году вышел первый номер журнала “Колымские вести”, открывшийся приветствием К.В. Симакова, в котором изложена программа журнала.

Журнал получился интересным. Высокую оценку ему дал академик А.Л. Яншин (см. в письмах). Я тоже читаю его от корки до корки. Тем не менее к К.В. Симакову уже в последние месяцы его жизни обратилась ученый секретарь НИСО ДВО РАН Г.Ф. Низяева с предложением лучше обдумать содержание и форму журнала как академического периодического издания.

Глубокоуважаемый Кирилл Владимирович!

Давно уже собираюсь обратиться к Вам с некоторыми соображениями и пожеланиями, касающимися издательской деятельности Северо-Восточного научного центра и его институтов.

Прошу великодушно извинить меня, если это покажется Вам не стоящим внимания, просто за много лет работы на издательской ниве я усвоила, что в этом деле нет мелочей, хочется, чтобы публикации ДВО РАН выглядели достойно не только на уровне содержания, но и на уровне издательского оформления.

Издательско-полиграфический комплекс (ранее СВКНИИ, теперь СВНЦ) всегда работал и работает стабильно, эффективно, профессионально. В последние годы значительно вырос объем выпускаемой продукции. И очень жаль, что статус изданий этого подразделения остается на уровне институтского, в практике они называются самостоятельными, минуя книжные издательства. Хотя их научный уровень может быть выше, чем у выпущенных издательством, но и формальный ранг сам по себе тоже имеет значение. Можно было бы присваивать, всем книгам статус ДВО РАН, но это связано с техническими сложностями. А если организовать на базе СВНЦ собственное издательство? Я знаю, у Вас уже были такие разговоры. Ведь СВНЦ издает не только книги, но и журнал. По новому законодательству организационных сложностей с издательством стало гораздо меньше, чем раньше. Издательство с “хорошим”, академическим именем постепенно могло бы “наращивать” авторитет и со временем заняло бы определенное место в ряду академических издательств.

О журнале разговор особый. Значение этого Вашего детища для северного региона трудно переоценить, не говоря о том, что вообще журнал для научной организации – почти всегда предмет первой необходимости и особого престижа. Мне кажется, Ваш журнал уже перерос ранг “внутрисемейного круглого стола” и его пора переводить в более высокий ранг. Поэтому хочется сказать обо всем, что мне здесь видится, без обиняков. Ведь общественный вес журнала, не мне Вам гово-

ритель, зависит от очень многих вещей, и – в немалой степени – от названия и общего дизайна, как сейчас выражаются. Солидные учредитель и главный редактор – это далеко не все, что обеспечивает успех восприятия журнала теми, на кого он рассчитан. О Вашем журнале можно сказать много добрых слов. Его страшно интересно читать, в том числе сугубо научные статьи, в нем всегда очень хорошее и по-человечески приятное содержание. Я иногда открою его, чтобы что-то уточнить, – и зачитываюсь. Информативно очень емкий и удивительно “человеческий” журнал. Это мнение далеко не только мое. Для меня еще важно, что тексты грамотные, хорошо вычитанные. А вот по другим, второстепенным, параметрам журнал оставляет желать лучшего. Вы можете со мной не согласиться, тем более что я не знаю, каким Вы журнал задумывали, но мое дело как читателя и издателя – сказать, с самыми благими намерениями, а уж куда они поведут...

Перечислю коротко по пунктам, не придерживаясь определенной логики, пронумеровав их исключительно для удобства восприятия (только не обижайтесь на категоричность – я намеренно утрирую и ужесточаю формулировки, чтобы понятна была самая суть замечания).

1. Не указано, что за журнал, какие направления освещает (замечу, что обозначение направлений ни в коей мере не суживает круг читателей, скорее, наоборот). И в такой ситуации научная часть журнала обречена на “безвыходность” в общем информационном поле. Если изложение результатов научных исследований входит в цели издания – это должно быть эксплицировано.
2. Следствие из первого: неясно, для кого он издается – для “домашнего” круга ученых СВНЦ или может быть интересен более широкому читателю.
3. Из того, что главный редактор не проясняет свое видение журнала, его концепцию, можно заключить, что журнал не заинтересован в расширении круга авторов. Так ли это?
4. Издание не структурировано как журнал, а больше похоже на газету в формате журнала. И рубрики выдают популярный характер издания. Видимо, оно таким и задумано, но, может, СВНЦ сейчас важнее научный журнал? Или научный и общественно-публицистический одновременно?
5. Печатаются ли оригинальные научные результаты? Если да, то они погибают для всех, кроме “семейных”, теряются среди разномастных публикаций.
6. Оформление журнала такое, что гриф Академии на нем выглядит как академическая шапочка на фигуре в деревенском сарафане (я хочу, чтобы здесь Вы улыбнулись, а не рассердились, даже если не согласны со мной). И все-таки разностильность в оформлении всего журнала бьет в глаза.
7. Название “Колымские вести” намеренно подчеркивает периферийность журнала, что уместно концептуально для чисто краеведческого издания и невыигрышно для академического.

8. Сведения о главном редакторе и его заместителях в конце журнала, а не в начале – это нонсенс.
9. Почему заместители главного редактора не входят в редколлегию журнала? Бывает главный редактор, редколлегия, редсовет и редакция. “Работающие” научные люди обычно входят в редколлегию, а работающие издательские люди – в редакцию. В редсовете – свадебные генералы, или почетные члены, или постоянные рецензенты и т.п. Ничего другого вроде бы нет.
10. В журнале должна быть указана периодичность. Наличие томов, выпусков как отражение истории журнала – это дело редколлегии, но сколько номеров в год? Иначе это не журнал, а труды, или продолжающееся издание, или еще что-нибудь, согласно определению в библиографических ГОСТах.
11. Изменить дизайн журнала и даже его концепцию, сохраняя преемственность в нумерации томов, – на это нужна только добрая воля главного редактора. В ваших институтах столько поэтически и художественно одаренных людей, что конкурс на видение журнала может быть очень представительным и интересным во всех отношениях. Я бы не отказалась быть одним из членов жюри.

Простите, Кирилл Владимирович, если зря отняла у Вас время или что-то не так сказала, но мною двигало мое давнее, со времен тогда еще частых командировок расположение к Магадану и его людям, бесконечное уважение к Вам.

Г.Ф. Низяева

Эти замечания – по существу, хотя я лично не хотел бы потерять тот журнал, который уже сформировался при К.В. Симакове, – для Севера нужен журнал “теплый”. У К.В. Симакова уже не было сил и времени, чтобы что-то предпринять по предложениям Г.Ф. Низяевой. Его преемник на постах председателя СВНЦ и главного редактора журнала член-корреспондент РАН И.А. Черешнев принял решение издавать чисто научный академический журнал, но оставить как приложение к нему журнал прежнего вида. Возможно, это наиболее оптимальное решение.

Среди других новаций в СВНЦ, которые получили поддержку К.В. Симакова, создание социологической лаборатории для получения объективной информации о социально-политических и социально-экономических процессах, происходящих в Магадане и Магаданской области, выработки социально обоснованных предложений и рекомендаций в области государственного и муниципального менеджмента, оценки степени остроты и прогнозирования социальных последствий по различным актуальным проблемам региона, социологического обеспечения реализации научных программ и проектов СВНЦ ДВО РАН. Нельзя не при-

знать актуальность создания такого подразделения, которое скоро заявило свою социальную востребованность.

К.В. Симаков обратился к Министру образования Российской Федерации В.М. Филиппову с предложением организовать на базе СВНЦ ДВО РАН Магаданского учебно-научного центра, который в кооперации с вузами Магадана должен заниматься целевой подготовкой молодых специалистов и переподготовкой имеющих в регионе кадров для работы на территории Северо-Востока России.

С аналогичным письмом К.В. Симаков обратился к губернатору Магаданской области В.И. Цветкову, в котором просил поддержать инициативу СВНЦ и выделить из средств бюджета администрации Магаданской области 50 000 руб. для оборудования учебного класса кафедры геоинформационных технологий.

Эти ходатайства, пусть не в полном объеме, были удовлетворены. Федеральная целевая программа “Интеграция науки и высшей школы России на 2001–2005 годы” выделила грант на создание учебно-научного центра геоинформационных технологий. В краткие сроки такой центр был создан (руководитель С.В. Ворошин). В задачи ГИС-центра входит обучение студентов и научных работников, а также осуществление научно-исследовательских работ. Проводится углубленное освоение специализированных программных приложений и помощь в планировании задач по направлениям: экономика и социология; управление; экология и мониторинг окружающей среды; моделирование природных и техногенных процессов; изучение и мониторинг природных ресурсов; учет земель и недвижимости; ведение городского кадастра; планирование и проектирование. В состав ГИС-центра вошли учебная кафедра и научно-исследовательская лаборатория. Обучение ведется на индивидуальных рабочих местах с использованием мультимедийного видеопроектора. Специализированное программное обеспечение учебно-научного центра геоинформационных технологий состоит из комплекта продуктов ведущих мировых производителей. К достижениям ГИС-центра следует отнести создание цифровых моделей и тиражирование карт по геологии полезных ископаемых, геоинформационных систем для недропользования, электронной информационной системы по г. Магадану, составление тематических электронных коллекций растровых изображений геологических обнажений, образцов, шлифов.

Был создан также межинститутский компьютерный центр СВНЦ (начальник С.В. Васильев) для изготовления и печати черно-белых и цветных графиков, диаграмм и рисунков, иллюстри-

рующих научные публикации и доклады; сканирования и редактирования фотографий и слайдов; сканирования и перевода в текстовый формат документов; сканирования, векторизации и редактирования карт, наложения карт на одну основу и т.д. Центр укомплектован уникальным оборудованием.

Приведенный далеко не полный перечень действий К.В. Симакова на посту председателя СВНЦ иллюстрирует его организаторские способности и стратегическое мышление. Но все-таки это был некий внешний ряд его деятельности в последний период жизни, хотя и потребовавший от него немалых усилий. Главную же свою энергию он направил в последнее десятилетие жизни на создание фундаментальных монографических исследований, прежде всего по проблеме времени в геологии. Достаточно сказать, что на протяжении десяти лет им было опубликовано шесть монографий, причем итоговая монография вышла в трех томах.

Выполняя обязанности председателя СВНЦ, К.В. Симаков вел неустанный поиск новых материалов по проблеме времени в геологии и стратиграфии, стремясь обобщить весь накопленный наукой материал, начиная с глубокой древности. Погружаясь в античность и науку Нового времени, он находил все новые аргументы для разработанной им теории, пересматривал и уточнял написанное ранее. Больше всего ему не хватало в Магадане литературных источников, которые он искал везде: в зарубежных поездках, в командировках в Москву, Петербург, Владивосток, Хабаровск.

Вот одно из последних, очень характерных его обращений к моему брату Ю.И. Оноприенко во Владивосток, написанное в самый разгар его тяжелой болезни, и ответ на его письмо.

Привет, Юрий Иванович!

Вернулся из Москвы несолоно хлебавши – так ни черта и не смогли определить, какая зараза во мне сидит, хотя и вывернули наизнанку всю мою гнилостную сучность путем всех и всяческих анализов. Профессора, академики и знахари долго совещались – то ли начать меня лечить, то ли дать возможность еще немного пожить. Сошлись на последнем и отправили меня восвояси в Магадан, где кое-как и акклиматизируюсь.

Но дело не в этом. Во-первых, где оригинал-макеты твоих творений?⁴² Я то думал, что они уже в наборе, а там еще и конь не валялся и дело тут не в Татьяне или Зинаиде. Учти, что к концу года ситуация с деньгами на материалы резко ухудшилась (спасибо

⁴² Речь идет о книге Ю.И. Оноприенко “Эволюционная биология. Системно-информационный подход”. К.В. Симаков способствовал ее публикации в Магадане. Книга опубликована под его редакцией в 2003 г.

Ханчуку) и издать хотя бы одну из твоих работ будет не так-то просто. Поэтому не тяни.

Во-вторых, меня поджимают сроки с изданием моей очередной монографии, а я не смог даже в Москве (в Ленинке!) достать некоторых книг, на которые надо бы сослаться в оригинале, а не по вторичным источникам. Поэтому просьба – посмотри в вашей библиотеке, может быть там есть эти издания, из которых мне нужны лишь отдельные выдержки (...)

Вот пока и все мои новости и просьбы. Привет Преображенским и Свете, всех благ

Кирилл

Дорогой Кирилл,

я уже писал (через Сергея) насчет Геккеля. Повторяю. Доступа к фондам ЦБ пока нет – говорят, что все в отпуске. На то и похоже. Но заверяют, что с 1-го сентября все будет работать. На меня тут как всегда насели нахлебники – языками болтать многие горазды, а писать конструктивные вещи желающих нет. Поэтому немного задержался с макетом и всеми огрехами. Но уже засел вплотную.

У меня здесь Валентин, приехал 18 августа, будет до 30 (все спешим куда-то, хотя и известно куда). Передает наигорячий привет, жалеет, что и от Владивостока до Магадана почти как до Луны.

Завтра же пойду к этим самым библиотеткам, бухнусь на колени. Но с 1-го они обещали точно. Сразу же и отшлепаю и передам.

Насчет чаев – есть и от давления (сам сбивал, помогает), но есть и общеукрепляющие и антионкологические. Завтра же рвану к китайцам – это надежнее, все-таки тыщи лет практикуют, и до сих пор живы. Тот, что я тебе дал, тоже комплексный – щепотку на стакан и можно заваривать по несколько раз (до 5 не теряет свойств, но, считаю, оптимально, до 3-х). Вальке он очень даже пришелся по вкусу и рекомендациям.

Держись, всем привет, обнимаем.

Твои Оноприенки

На протяжении многих лет К.В. Симаков вел поиск портретов многочисленных героев своих книг. Как и иностранную литературу, он собирал их в своих зарубежных поездках, через коллег и друзей. Первые его опыты публикации таких иллюстраций в магаданских изданиях были не очень удачны. Но меня радует, что последняя его трехтомная монография так хорошо и обильно иллюстрирована. Его колоссальный труд не пропал даром.

Разработка теории геологического времени

Проблемой времени в ее широком философском контексте К.В. Симаков заинтересовался, видимо, еще в Сеймчане. Одновременно, он попытался транслировать ее сложный, многомерный познавательный аппарат на актуальные проблемы стратиграфии и временной геологии. В 1972–1973 гг. он заехал ко мне в Киев и оставил какой-то, далеко не первый экземпляр своей рукописи объемом около 5 печатных листов, отпечатанный на машинке, видимо, еще в Сеймчане. Это как раз было время, когда он перебрался на постоянное место жительства в Магадан. В чемодане у него лежала еще одна объемистая рукопись (20 печатных листов) под названием “Принципы геологической хронометрии”, которую он предполагал опубликовать в издательстве “Недра”. Он просил, если возможно, сделать ему рецензию на эту рукопись, подписав ее у какого-нибудь авторитетного ученого. Я сделал вполне положительную рецензию от академика А.С. Поваренных, но усомнился, что можно будет так относительно просто опубликовать книгу в центральном издательстве. Кирилл, тем не менее, был вполне оптимистичен. Ему удалось сдать рукопись в издательство в Москве, но дальнейшая ее судьба оказалась достаточно типичной для рукописей, поступавших в издательства в те годы “самотеком”.

К рукописи К.В. Симаков приложил, кроме рецензии А.С. Поваренных, еще две рецензии, вполне позитивных, – академика Б.С. Соколова, докторов наук О.В. Юферева и В.Н. Дубатолова из Новосибирска и заместителя директора Института тектоники и геофизики ДВНЦ АН СССР (Хабаровск) В.А. Соловьева и заведующего лабораторией слоистых структур того же института Ю.С. Салина. Обе рецензии были квалифицированными и отмечавшими актуальность публикации книги. Тем не менее издательство направило работу на рецензирование в Геологический институт АН СССР, где она попала в руки известному историку геологии доктору геолого-минералогических наук А.И. Равикович, и в Институт философии АН СССР, где ее рецензировал Ю.Б. Молчанов, специалист в области философских проблем времени, работы которого К.В. Симаков хорошо знал и цитировал. Эти рецензии я обнаружил летом 2004 г. в Магадане, разбирая архив Кирилла Владимировича в его кабинете.

Отзыв Ю.Б. Молчанова был вполне доброжелательным. Рецензент, в частности, отмечал: “Помимо рассмотрения вопросов, связанных с применением временных представлений в геологических науках, автор дает широкий обзор современной литературы по проблеме времени и с достаточной полнотой отражает разнообразие различных подходов и точек зрения на проблему времени. В философском отношении работа К.В. Симакова написана на вполне современном уровне и не содержит скольконибудь существенных недостатков. Рукопись можно рекомендовать к публикации”. Рецензент указывал конкретные огрехи в тексте, требующие исправления. В частности, речь шла о более четком различении статической и динамической концепций времени, философской оценке концепции времени А. Бергсона. Эти и другие вполне объективные критические замечания были впоследствии сполна реализованы К.В. Симаковым в последующих публикациях по этой проблематике.

В обширном отзыве А.И. Равикович, отмечая актуальность обсуждаемых проблем, подвергла критике многие из высказанных идей, прежде всего саму попытку автора с помощью философской аргументации обсудить кардинальные методологические проблемы стратиграфии и геохронологии. Вывод рецензии таков: “Несмотря на суровую критику не могу не отметить, что К.В. Симаков, безусловно, образованный и мыслящий ученый, зарекомендовавший себя как творчески работающий стратиграф. Но, к сожалению, он выбрал неудачный метод изложения. Мое мнение, что автор должен опубликовать свои взгляды, их спорность не означает, что он не имеет права высказывать свою точку зрения. Но для того чтобы рекомендовать рукопись к печати, необходимо в корне изменить ее конструкцию. Предлагаю в связи с этим следующие рекомендации.

Сократить до минимума объем глав и параграфов, посвященных физическим теориям, чисто философским вопросам, а также гипотезам эволюции органического мира. Автор может сослаться, какую точку зрения он разделяет; в случае необходимости может изложить свою концепцию.

В конце каждой главы (число их, вероятно, уменьшится после выполнения первой рекомендации) дать четкие выводы на естественном языке стратиграфии. Читатель вправе получить от автора доказательства, что выдвигаемые им категории, так сказать, “работают” при анализе природного геологического материала и согласуются с эмпирическими обобщениями. Никогда не следует забывать, что даже теоретическая физика – наука, оперирующая весьма абстрактными категориями, только тогда

использует формулировки и принципы, когда они находят себе подтверждение в экспериментах и при наблюдении природных процессов. Тем более это остается в силе для стратиграфии, науке, тесно связанной с эмпирическими обобщениями.

Уменьшить, и при том значительно, число цитат.

Учесть замечания на полях рукописи. В том случае, если автор примет три предыдущие рекомендации, то будет иметь смысл дать развернутые замечания в соответствии с нумерацией, отмеченной карандашом”.

В целом и этот отзыв, несмотря на критику, был объективным, и замечания рецензента можно было бы принять. Однако руководство издательства использовало его как аргумент для того, чтобы рукопись отклонить и расторгнуть договор с автором. Полагаю, это стало определенной травмой для К.В. Симакова.

В чем права А.И. Равикович: стиль работ К.В. Симакова был чрезвычайно тяжеловесным и отталкивающим читателя, даже учитывая всю сложность проблемы времени. Поэтому Кирилл Владимирович всю оставшуюся жизнь усовершенствовал свою аргументацию, работал над стилем изложения, используя свои несомненные литературные способности и высокую эрудицию.

Этим же занимался и я, желая помочь Кириллу опубликовать его нетривиальные и высокометодологичные идеи. Располагая оставленным мне текстом, я сделал целый ряд статей с его личным и нашим двойным авторством. В 1970-е гг. у нас в Киеве регулярно издавались по инициативе академика А.С. Поваренных сборники по методологии геологических наук, объединившие почти всех, кто разрабатывал и интересовался в СССР методологической проблематикой геологии. Вокруг издания этих сборников сформировался коллектив единомышленников из разных научных центров Советского Союза: в полном смысле слова то, что науковеды и социологи науки называют “незримым колледжем”. В сборниках публиковались те, кто часто не мог найти себе места в других изданиях: И.П. Шарапов, А.И. Равикович, В.П. Высоцкий, И.Ф. Зубков, С.В. Мейен, И.В. Круть, А.Г. Жабин (Москва), В.В. Груза, Р.А. Жуков, С.И. Романовский (Ленинград), И.В. Назаров, Е.К. Титанова (Свердловск), Ю.А. Воронин, Э.А. Еганов, И.А. Еганова, А.В. Ивановская (Новосибирск), Ю.И. Оноприенко (Владивосток), Ф.А. Усманов (Ташкент), Л.И. Четвериков (Воронеж), В.Ю. Забродин, В.А. Кулындышев, В.К. Живетьев, Ю.А. Салин (Хабаровск), киевляне С.В. Горак, А.П. Мельник, Г.И. Каляев, В.И. Созанский, В.Ф. Краев, В.И. Оноприенко, Г.Т. Продайвода, С.А. Мороз, А.Е. Кулинкович, Ю.Г. Герасимов, И.И. Чебаненко, Н.Я. Онищенко и др. Эти

сборники внесли заметный вклад в разработку и обсуждение методологических вопросов геологических наук и привлекли к ним внимание не только в СССР, но и за рубежом. К.В. Симаков стал постоянным автором сборников, в каждом из них публиковал одну-две статьи. Кроме того, его и наши общие статьи публиковались во многих других изданиях: “Геологическом журнале”, “Докладах АН УССР”, периодическом сборнике “Тектоника и стратиграфия”, московских и новосибирских журналах и сборниках.

Наше сотрудничество ознаменовалось публикацией нескольких книг: “Геологический календарь” (1977), “Развитие учения о времени в геологии” (1982), коллективной монографии с большим количеством авторов (В.И.Оноприенко, С.В.Мейен, В.Ю.Забродин, Ф.А.Усманов, А.И.Равикович, И.В.Круть, Ю.И.Кулаков, В.А.Зубаков, Ю.С.Салин), “Методология и понятийный базис геохронологии” (1984, соавтор А.Н. Дмитриев). Разделы К.В. Симакова опубликованы также в философской монографии “Социальные, гносеологические и методологические проблемы геологических наук” (1979).

Важно, что несмотря на разочарования и неудачи с публикацией своей монографии, а также при крайней загруженности разработкой проблем стратиграфии, К.В. Симаков не только не отчаивался, но, напротив, считал приоритетной для себя работу над методологическими вопросами теории времени в геологии.

К.В. Симаков хорошо понимал, что решение проблемы времени в геологии требует привлечения широкого общеметодологического контекста, учета достигнутого уровня знаний и понимания времени в других науках и философии. Последовательно, привлекая большой историко-научный материал, хорошо осмысленный методологически, он от ранних своих публикаций на эту тему и до целой серии статей и монографий последних лет, наращивал анализ и аргументацию, рассматривая основные концепции времени, временные свойства и отношения природных объектов, метрические системы, проблемы одновременности.

К.В. Симакову принадлежит заслуга методологического обоснования проблемы времени в геологии, как одной из центральных, определяющей многие особенности природы геологического знания. Долгое время даже специалисты не представляли себе колоссальной длительности геологической истории Земли и промежутков времени, в течение которых образовывались толщи осадочных горных пород. На ранних этапах становления геологии фактору времени вообще не придавалось сколько-нибудь важного значения, в частности, недостаточно осознавался тот факт, что стратиграфическим подразделениям соответствуют определенные

геохронологические периоды. И сейчас, несмотря на значительный прогресс, обусловленный появлением новых методов определения временных свойств геологических объектов и использованием в теории стратиграфии современных естественнонаучных и философских представлений, проблема геологического времени продолжает оставаться чрезвычайно актуальной и сложной. Именно временной аспект оказался своего рода узловым пунктом современной теоретической геологии.

Во многих своих публикациях К.В. Симаков показал, что изначально представления о времени в геологии, фактически, опирались на принципиально иные исходные положения, чем те, на которых основывалась как субстанциальная (ньютоновская), так и реляционная (лейбницевская) концепция времени. Несмотря на существенные различия между охарактеризованными выше последовательно возникавшими теориями реального геологического времени, все они (за исключением стоящей особняком теории Х.Д. Хедберга) относятся к одной и той же реляционно-генетической концепции. Впервые она была выдвинута и обоснована Н. Стеноном и затем блестяще развита в начале XX столетия В.И. Вернадским, который опирался не только на геологические данные, но и на современные ему достижения физики, химии, биологии, астрономии и других наук. Следует, вместе с тем, подчеркнуть, что, хотя эмпирический материал, необходимый для обоснования и развития реляционно-генетической концепции, исподволь накапливался именно в недрах геологии и палеобиологии, эта концепция до сих пор не играла какой-то заметной роли в развитии геохронологии и создании шкалы концептуального геологического времени. Центральное место практически во всех методологических обоснованиях проблем, связанных с теорией геологического времени и его измерением, в явной или скрытой форме занимает субстанциальная концепция, наиболее ярко выраженная в типологической теории. При этом геологи упорно игнорируют ими же эмпирически установленные и доказанные свойства реального геологического времени и впервые выведенное в рамках геологии Ч. Ляйелем и поддержанное Ч. Дарвином исключительно важное положение о принципиальной несводимости геологического времени к физическому или о кардинальном различии между статическим (одним из видов которого является геологическое) и динамическим временем.

Добротнo проанализированный К.В. Симаковым историко-научный материал, как и практика стратиграфических исследований, убедительно показывали информационную, статистическую природу, континуально-дискретную структуру, необратимость,

неоднородность, анизотропность и ретроспективно-реконструируемый характер реального геологического и палеобиологического времени. Лишь в униформистской концепции и то, и другое представлялось как изотропное и обратимое.

Принципиальное отличие геологического времени от физического проявляется и в специфическом подходе к определению темпоральных свойств и отношений феноменов геологической летописи. В основе его лежит анализ, с одной стороны, пространственно-геометрических отношений геологических тел, а с другой – их материальных, вещественных признаков, репрезентирующих их уникальность в циклически-необратимом процессе исторического развития палеобиосферы нашей планеты. Именно в геологии время, как универсальный атрибут окружающего нас мира, наиболее ярко проявляется и как свойство, и как отношение, и как универсальный критерий дискриминации (или способ изменения) любых объектов реальности.

Геология относится к так называемым описательным естественнонаучным дисциплинам, и, подобно биологии, развитие ее проходило в стороне от столбовой дороги, по которой шли точные науки. Вместе с тем исторически реляционно-генетическая концепция реального геологического времени развивалась и трансформировалась в тесной связи с изменениями общего интеллектуального потенциала естествознания. Соответственно, различия между отдельными теориями в рамках этой единой концепции, определяемые тем, как в каждой из них представлялись свойства времени, отражают не только достигнутый на разных этапах развития геологии уровень эмпирических обобщений, но и господствующие в ту или иную эпоху представления о материи, движении, детерминистические объяснения.

Особенно большое влияние на понимание свойств и структуры геологического времени оказывала биология, тесное взаимодействие с которой привнесло в реляционно-генетическую концепцию не только много полезного, но и ряд не изжитых до сих пор предрассудков. К числу их относятся, в частности, непоколебимая уверенность в возможности использования в геологии внешней, не зависящей от любых геологических и палеобиологических феноменов, шкалы отсчета физического времени, неправомерная аналогия между иерархическими системами стратиграфических единиц и биологических таксонов, а также заимствованный у биологической систематики принцип приоритета.

Опираясь на представления В.И. Вернадского о реальном времени-длении и методологию системного подхода, К.В. Симачевым была разработана оригинальная концепция реального

геологического (палеобиосферного) времени, изложенная во многих статьях и монографиях. В наиболее полном виде она представлена в капитальном трехтомном, фактически посмертном, издании “К созданию теории палеобиосферного времени” (2004). Эти работы не имеют аналогов в мировой литературе. В них К.В. Симаков проявил себя не только как методолог и теоретик, но и как историк науки, собрав уникальный материал по истории стратиграфии, палеонтологии и концепциям времени в различных отраслях науки.

К.В. Симаков показал, что с точки зрения главного идеолога всех инструктивных документов Международной подкомиссии по стратиграфической классификации Х.Д. Хедберга, “... существует только одно время. Меня раздражают утверждения о том, что органическая эволюция измеряет одно время, а радиоактивные методы – другое. Можно говорить об относительном и абсолютном возрасте, но они относительны и абсолютны по отношению к одному и тому же времени”⁴³.

Противоположное мнение высказано учителем К.В. Симакова, главой российской стратиграфической школы Б.С. Соколовым, который считает, что “отражением времени в геологии являются материальные документы ее истории: сменяющиеся толщи горных пород, остатки органической жизни, тектонические структуры и т.д. ... Примат в стратиграфии в силу специфики конструирования геологического времени принадлежит материальным носителям этого времени – стратиграфическим подразделениям и заключенной в них информации... Ни одно из свойств времени не может быть обнаружено помимо физических документов геологии, помимо развития материальной субстанции”⁴⁴.

Первое мнение опирается на субстанциональную концепцию И. Ньютона, второе – на реляционно-генетическую концепцию Стенона–Вернадского.

Создатели научной геологии – Н. Стенон и Р. Гук, как и их последователи в XVIII столетии, не видели принципиального различия между обыденным временем, временем Библии и геологическим временем, хотя их исследования эмпирически доказывали, что последнее и обладало свойствами, кардинально отличными от таковых как абсолютного, так относительного времени И. Ньютона. Вплоть до введения в практику геологических

⁴³ *Hedberg H.D.* The stratigraphic panorama // *Geol. Soc. Am. Bull.* 1961. Vol. 72. N 4. P. 509.

⁴⁴ *Соколов Б.С.* Биохронология и стратиграфические границы // *Проблемы общей и региональной геологии.* Новосибирск: Наука, 1971. С. 158.

исследований В. Смитом, Ж. Кювье и Ал. Броньяром биостратиграфического метода под геологическим временем в общем подразумевалось время, запечатленное в различиях состава и пространственных отношений естественных геологических тел; считалось, что реконструируемая по этим данным *геологическая история и есть часы*. Использование палеонтологических остатков для определения темпоральных свойств и отношений собственно естественных геологических тел создавало предпосылки если не для замены, то по крайней мере для разделения понятий “геологическое” и “палеобиосферное” время. В 40-х г. XIX столетия с разработкой А. д’Орбины и А. Оппелем зонального метода расчленения и корреляции были созданы условия для обособления палеобиологического времени, репрезентирующего специфику эволюционного развития отдельных групп ископаемых организмов. Введение зонального метода, получившего широкое распространение во второй половине XIX и в XX столетии, фактически означало, что *геологическая история имеет внешние часы*.

В конце XIX столетия, когда в связи с триумфом селекционистской доктрины Ч. Дарвина применение зонального метода получило широкое распространение, создатели МСШ при выделении универсальных подразделений отдавали явное предпочтение палеонтологическим данным. Однако они не проводили ясного разделения понятий “геологическое”, “палеобиосферное” и “палеобиологическое” время. В принципе это понятно, поскольку каждое из них отражало специфику исторического развития хотя и гетерогенных по своей материально-энергетической природе палеосистем (геологических, палеоэкологических и биологических, соответственно), однако все они принадлежали к одному, биосферному, уровню организации планеты.

С введением в практику изотопных методов определения возраста геологических объектов ситуация резко изменилась. Прежде всего, геология, как полагали создатели радиологии, получила в свои руки мощный инструмент для определения количественных параметров феноменов геологической истории. На первых порах казалось, что показания изотопных часов совершенно не зависят от каких бы то ни было внешних воздействий и позволяют отсчитывать “ход” некоторого независимого времени. Иллюзия того, что радиологические часы фиксируют “течение” некоего абстрактного, аналогичного абсолютному времени И. Ньютона, времени усиливалась еще и тем, что их показания выражались в мерах обыденного (концептуального физического) времени – годах. Благодаря этому казалось, что

геология получила возможность использовать универсальный для всего естествознания параметр t . Однако с самого начала не было проведено четкого разграничения между геологическим, палеобиосферным и палеобиологическим, с одной стороны, и изотопным временем – с другой, репрезентирующими специфику процессов, связанных с кардинально отличными уровнями организации земного вещества – планетарным и атомарным, соответственно. Независимо от того, устанавливались ли темпоральные свойства и отношения естественных геологических тел по палеонтологическим или по радиологическим “часам”, считалось, что и те и другие “отсчитывают” “течение” или “ход” одного и того же геологического времени.

Опираясь на работы И.В. Крутя (1973, 1978), К.В. Симаков показал, что геологическое время – это интегративное, родовое понятие, объединяющее представления о структуре и свойствах собственного времени палеосистем различных уровней – от атомарного и до планетарного. Строго говоря, понятие собственно геологического времени должно относиться только ко времени, репрезентирующему специфику эндогенных процессов. Наряду с ним следует различать по меньшей мере палеобиосферное, палеобиологическое, изотопное и палеомагнитное времена, отражающие особенности соответственно процессов взаимодействия эндо- и экзогенных факторов, эволюции органического мира, радиоактивного распада элементов, изменения магнитного поля Земли.

К.В. Симаков истолковывал время как естественнонаучную категорию, объединяющую два взаимодополняющих аспекта – *динамический и статический*, что имеет принципиальное значение для решения проблемы геологического времени. Динамическое время выступает в качестве инвариантной характеристики структуры и универсального механизма развития природных процессов. Статическое (ретроспективное) время представляет собой инвариантный аспект структуры и универсальный критерий дискриминации (различения) материальных систем. Динамическое и статическое время противоположно направлены: первое имеет энтропийную природу и течет в сторону увеличения энтропии, природа второго – информационная, и оно ориентировано в направлении повышения уровня организации систем. Отсюда, утверждал К.В.Симаков, следует несводимость статического времени к динамическому, ретроспективно-реконструируемый характер статического времени и вероятностная сущность его квазидинамических моделей.

Реальное время представлено в геологической летописи физическими протоколами, позволяющими воссоздать историю со-

ответствующего класса палеосистем и выявить ее специфику. *Концептуальное время* является квазидинамической моделью развития каждой из перечисленных гетерогенных по своей материально-энергетической природе палеосистем. Любая из этих моделей может служить базисом для построения соответствующей ей *метрики (шкалы) концептуального времени*, которая в принципе может быть использована в качестве “часов” особой конструкции для оценки темпоральных свойств и отношений всех остальных феноменов геологической истории. Эти метрики будут обладать неодинаковой структурой и их практическое применение неизбежно приведет к различной оценке временных свойств и отношений одних и тех же явлений и событий, запротоколированных в геологической летописи.

Итак, по К.В. Симакову, *реальное время* относится к категории статического времени и представляет собой инвариантный аспект зафиксированного в земной коре интегрального результата взаимодействия различных по своей природе палеосистем и процессов. *Концептуальное время* является ретроспективно реконструируемой квазидинамической моделью развития некоторой, выбранной в соответствии с определенными критериями, палеосистемы, служащей основой для создания прибора (шкалы, метрики), с помощью которого может производиться оценка (измерение) темпоральных свойств и отношений всех остальных феноменов геологической истории. Конструирование метрики концептуального времени и ее практическое использование должны опираться на те свойства, которыми обладает реальное время, зафиксированное в земной коре протоколами развития той палеосистемы, которая выбирается в качестве основы (базиса) данной метрики. В настоящее время прототипами таких метрик концептуального времени являются, с одной стороны, геохронологическая, а с другой – геохронометрическая шкала. Первая опирается на Международную стратиграфическую шкалу (МСШ), объединяющую систему хроностратиграфических подразделений, и отражающую специфику реального палеобиосферного времени, а вторая – на данные изотопного датирования, демонстрирующих специфику процессов радиоактивного распада определенных химических элементов.

Из этого следует, что, во-первых, особенности реального геологического времени должны определяться свойствами, характеризующими хроностратиграфические подразделения, и, во-вторых, Геохронологическая шкала (ГХШ), изоморфная МСШ, фактически представляет собой ее *концептуальную модель*. *Геохронология* – это дисциплина, имеющая дело с проблемами, свя-

занными с концептуальным палеобиосферным временем, тогда как *хроностратиграфия* является дисциплиной, занимающейся проблемами выявления свойств *реального палеобиосферного времени*, запротоколированных в геологической летописи. Если хроностратиграфия имеет дело с изучением свойств и структуры реального палеобиосферного времени, отражающего интегральный результат взаимодействия различных по своей материально-энергетической природе палеосистем на планетарном уровне организации земного вещества, то геохронология – с созданием на базе полученных эмпирических обобщений модели концептуального палеобиосферного времени.

Современная геология располагает двумя инструментами для определения темпоральных свойств и отношений феноменов геологической летописи – геохронологической шкалой, представляющей собой концептуальную модель биографии планеты, отраженной в структуре МСШ, и данными определения изотопного возраста. Как при создании МСШ и ГХШ, так и при разработке оснований использования в геологии результатов радиологических определений были допущены серьезные методологические ошибки. Первая из них, с которой неразрывно связаны и все остальные, заключается в том, что на вооружение была принята субстанциальная концепция абсолютного времени И. Ньютона. Это привело не только к возникновению “вечных” стратиграфических антиномий, но и к отождествлению изотопного и физического времени.

Соответственно, при введении в практику радиологических методов не было учтено принципиальное различие между палеобиосферным и изотопным временем. Оно состоит, прежде всего, в том, что “ход” первого из них регулировался какими-то общими факторами глобального значения, тогда как “течение” второго определяется локальными, причинно не взаимосвязанными разноместными событиями, обусловившими возникновение и “включение” конкретных радиологических “часов”.

Другое принципиальное различие между палеобиосферным и изотопным временем заключается в том, что первое представлено информацией о последовательных, включенных друг в друга и расположенных минувших событиях и явлениях, происходивших под влиянием универсальных для всей планеты факторов, тогда как второе несет информацию только о событиях “запуска” локальных радиологических часов, связанных с системами минерального и породного уровней организации, и бренности их существования (при условии отсутствия следов нарушения их хода).

Рассматривая проблемы реального и концептуального времени, особенности создания их моделей и метрик, К.В. Симаков формулирует вывод, который имеет большое значение с точки зрения методологии ретросинхронизации в геологии: “Мы объективно не располагаем равномерно распределенными в пространстве-времени конкретными представителями базисной системы, жестко связанными с каждой из тех систем, темпоральные свойства и отношения которых необходимо определить. Поэтому мы вынуждены использовать для прослеживания естественных границ первоначальных мер концептуального времени протоколы маркирующих их событий, имевших место в развитии не только базисной, но и других систем, руководствуясь принципом хронологической взаимозаменяемости признаков. Образно говоря, нам приходится проводить ретросинхронизацию, пользуясь часами не одной стандартной, а различных конструкций, не имея вербальных доказательств согласованности их хода”⁴⁵. Все это, по мысли автора, определяет существенную роль при конструировании метрики времени в геологии нетривиальных конвенций, т.е. соглашений, отражающих принципиальную, объективную невозможность какой-либо их верификации.

К.В. Симаков во многих своих работах отмечал, что Ч. Дарвин на полвека раньше А. Эйнштейна столкнулся с проблемой синхронизации и утвердил своим авторитетом представление о возможности использования в геологии концепции внешней абсолютной системы отсчета времени, принеся ему в жертву понятие геологической одновременности. Вместе с тем, именно таким образом Ч. Дарвин поставил проблему геологической одновременности, которая до настоящего времени не получила должного разрешения.

По мнению К.В. Симакова, ошибки униформистов, исповедующих законы классической физики, исчерпываются не только этим: “именно униформистам мы обязаны введением в геологию устойчиво сохраняющегося и поныне предрассудка о существовании и возможности практического использования в геологии некоей внешней, независимой от геологических феноменов, системы отсчета времени, и именно с этим представлением связано рождение вносящей разлад и туманящей и поныне умы стратиграфов антиномии изохронности-диахронности стратиграфических границ”⁴⁶.

⁴⁵ Симаков К.В. К проблеме естественнонаучного определения времени. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1994. С. 94–95.

⁴⁶ Симаков К.В. Введение в теорию геологического времени. Магадан, 1999. С. 168–169.

Завершение создания МСШ, утвержденной на восьмой сессии Международного геологического конгресса, совпало с периодом господства селекционистской доктрины Ч. Дарвина. МСШ должна была стать эталонным прибором для измерения реального геологического времени. Селекционистская концепция Ч. Дарвина оказала решающее влияние на создание МСШ, а также на общий подход к решению проблем ретросинхронизации. Эта концепция выветила важные представления о необратимости и неравномерности реального палеобиологического времени, зависящего от геологических факторов. Позднее принцип необратимой эволюции был распространен В.И. Вернадским на все естественные процессы реальности, что привело его к дальнейшему развитию реляционно-генетической концепции, заложенной еще Н. Стеноном.

Проблема одновременности событий в геологии оказалась не менее сложной, чем в физике. Изотопная геохронология, представленная группой хорошо развитых методов определения возраста минералов, казалось бы создала все предпосылки для создания абсолютной системы отсчета в пределах нашей планеты и даже галактики. Тем не менее значение биостратиграфического метода никак не упало. И дело тут не только в несовершенстве определений возраста минералов с помощью изотопных методов. Проблема неполноты геологической летописи, которой К.В. Симаков уделял особое внимание, нередко представляется преувеличенной. Сочетание стратиграфических (палеобиологических) датировок с данными абсолютного возраста пород казалось бы способны разрешить эту проблему. Однако неадекватность измерений физического и биологического времени существенно затрудняют ее решение. Палеобиологическая шкала, по-видимому, навсегда останется “плавающей” в пределах шкалы абсолютного возраста пород.

В сущности, К.В. Симаков всего лишь предостерегает от эйфории, связанной с успехами синхронизации биостратиграфической шкалы с данными изотопной геохронологии. Даже проблема 2000-летнего календарного времени не решена полностью и дерзкие попытки окончательного решения многомиллиардно-летних календарей представляются похвальными, но едва ли серьезными на современном этапе развития естественных наук.

В работах К.В. Симакова сделана первая и пока единственная попытка использования теоретических разработок В.И. Вернадского в стратиграфии. Автору удалось показать принципиальные различия между статическим и динамическим (физическим) временем, а также необходимость использования для измерения каждого из них особого логико-математического аппарата (классический анализ для физического и теории множеств для статического времени).

Его книги, посвященные проблемам времени в геологии, содержат наиболее полный, сопровождаемый цитированием оригинальных текстов, обзор истории развития идей, касающихся не только стратиграфии, но и всей теории эволюции Земли. Изложены взгляды практически неизвестных нашему читателю таких ученых, как Р. Гук, А. Рюто, Т. Чемберлен, О. Ульрих и других иностранных авторов, а также преданные забвению работы Д.Н. Соболева, которого некогда заклеямили за антидарвинизм.

В серии монографий последних лет жизни – “Очерк истории развития концепции реального геологического времени”, “К созданию теории палеобиосферного времени”, К.В. Симаков пытался существенно расширить круг читателей, для которых вся проблематика времени всегда была тяжела для восприятия. Он стремился заинтересовать прежде всего читателей-геологов. Эти его в полном смысле фундаментальные труды охватывают не только вопросы истории геологии и стратиграфии, но также методологию и теорию данной отрасли знания, демонстрируют научную и философскую эрудицию автора, разрабатывавшего их на протяжении трех десятилетий. Работы насыщены материалом, который фактически впервые вводится в научный оборот. Большинство читателей не знакомы с европейской и американской литературой, посвященной проблеме геологического времени, с соответствующими концепциями. Перед К.В. Симаковым стояла трудная задача не просто отыскать эти источники, но и обобщить содержащуюся в них информацию, выделить имеющие теоретическое значение идеи. Он, в частности, так определял задачи своего труда:

“Считая одной из основных задач исследований, посвященных истории научных концепций, дать возможность читателю познакомиться не только и не столько с современной интерпретацией и критикой взглядов предшественников, сколько с их оригинальными мыслями, я стремился не пересказывать представления авторов, а предоставлять им самим слово путем цитирования первоисточников, следуя в этом отношении традициям немецких историков науки, которые нередко называют свои труды “Geschichte in Texten” (“История в цитатах”). Такая манера подачи материала кажется мне тем более полезной, что по тем или иным причинам (чаще всего не научного свойства) истинные взгляды отдельных авторов мало знакомы нашим специалистам. Некоторым из них, возможно, книга покажется перегруженной цитатами, однако я полагаю, что это не самый главный ее недостаток”⁴⁷.

В монографиях представлена широкая панорама представлений о времени в геологии, начиная с Н. Стенона и заканчивая

⁴⁷ Симаков К.В. Очерк истории развития концепции реального геологического времени. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1996. С. 3–4.

современными взглядами. Несмотря на весьма существенные различия между конкретными теориями реального геологического времени, К.В. Симаков квалифицирует их все как относящиеся к реляционно-генетической концепции и подразделяет на три группы. Первая объединяет подходы Н. Стенона, нептунистов и катастрофистов, согласно которым структура реального геологического времени – континуально-дискретная. Ко второй относятся теории Ж.Л. Бюффона, Ч. Лайеля и Ч. Дарвина, приписывавших геологическому времени свойство непрерывности. В третью включены ортобиохронологическая, эктобиохронологическая и автохронологическая теории, которые, несмотря на их несовместимость по многим параметрам, роднит представление о циклически-необратимом ходе и непрерывно-прерывистой структуре реального геологического времени.

В рамках названных концепций проанализирован широкий спектр актуальных методологических вопросов: гомотаксиса и ретросинхронизации, двойной классификации и номенклатуры стратонов, международной стратиграфической и геохронологической шкал, установления и прослеживания границ между подразделениями реального геологического времени, методологии построения метрики концептуального геологического времени и т.д. Не вдаваясь в подробности, приведу два вывода, имеющие принципиальное значение. Характеризуя трудности, которые возникают при создании метрики геологического времени, автор писал:

“Оригинальность и сложность решения этих проблем, большинство которых не затрагивается в общей теории измерения, определяются, на мой взгляд, тем, что последняя разрабатывалась на базе концепций, с одной стороны, континуума, а с другой – закрытых систем, работающих по типу замкнутого цикла. В геологии мы сталкиваемся с необходимостью измерения не только совершенно особого (статического) типа времени, но и объективно вынуждены использовать для этого протоколы циклически-необратимого, непрерывно-прерывистого развития открытых нестационарных самоорганизующихся природных систем, теория которых начала разрабатываться лишь в последние 20–25 лет”⁴⁸.

И далее:

“Геологи более чем на полвека раньше физиков столкнулись с проблемой одновременности, к решению которой они с легкой руки Г. Спенсера, Ч. Дарвина и Т. Гексли подошли (и до сих пор продолжают подходить) с позиций “здорового смысла”, трактующего проблему времени в духе ньютоновской концепции. В сущности, с аналогичной ситуацией мы имеем дело и при обсуждении проблемы создания метри-

⁴⁸ Там же. С. 247.

ки геологического времени, поскольку все предпринимаемые начиная с работ В. Ваагена, М. Неймайра и С. Бэкмана попытки введения элементарных единиц его измерения разбивались о броню философии “здорового смысла”. Поэтому не исключена возможность, что в процессе конструирования метрики концептуального геологического времени нам придется пересмотреть традиционные представления “здоровомыслящих” ученых о содержании понятия конгруэнтность”⁴⁹.

Несмотря на сложность обсуждаемых проблем, а также на некоторую громоздкость используемого категориального аппарата, материал монографий о геологическом (палеобиологическом) времени представляет интерес не только для геологов, но в равной мере для методологов и историков науки. Эрудиция автора, поиск ответов на трудные вопросы, активная работа мысли – вот что привлекает в этих работах, как и широкий общекультурный контекст, и оригинальная подача материала, включая эпиграфы к разделам и портреты ученых, большая часть которых публикуется впервые.

К.В. Симаков всегда понимал, что проблема времени не просто сложна, она во многом иррациональна. На протяжении десятилетий он испытывал на себе критический яд геологических и философских авторитетов, рецензентов и редакторов, даже близких друзей и соратников, но тем не менее не прекращал своего поиска в этом направлении. Ему все-таки удалось реализовать свой грандиозный замысел, не просто собрав и проанализировав огромный и неподъемный для одного исследователя материал, но и обеспечив его издание. В труднейшие годы кризиса науки, находясь на посту председателя президиума СВНЦ ДВО РАН, он предпринял беспримерные усилия по организации собственного издательского центра. В результате он смог издать все, что многие годы лежало втуне, прежде всего это касается его фундаментальных работ по геологическому времени.

Он дождался и высокого признания этих своих исследований, что выпадает на долю немногим ученым. Можно сослаться на высокую оценку книги К.В. Симакова “Очерк истории развития концепции реального геологического времени” академиком А.Л. Яншиным (см. письма).

Для меня и раньше, но особенно четко теперь, очевидно, что без разработки проблемы геологического времени, на которую К.В. Симаков потратил весь свой творческий потенциал и выдающуюся эрудицию, его успехи в области разработки как методологии и теории стратиграфии, так и конкретных стратиграфических проблем не были бы так значительны.

⁴⁹ Там же. С. 247–248.

Историк и методолог стратиграфии

К работам по теории геологического времени примыкают многочисленные публикации К.В. Симакова по истории, теории и методологии стратиграфии, обобщенные на новой концептуальной основе в монографии “На пути к теоретической стратиграфии” (1997), в которой автор, опираясь на прежние свои публикации и собственный опыт съемщика-стратиграфа, предложил свой вариант построения стратиграфической теории, надеясь, что высказанные соображения будут стимулировать несколько угасший в последние годы интерес к теоретическим и методологическим основам стратиграфии.

Знакомясь еще в начале 1970-х г. с первыми работами К.В. Симакова по проблеме времени в геологии, я сразу отметил высокий уровень историко-научного анализа проблемы. Как и многих его читателей в те годы, меня тоже раздражала громоздкость его стиля, размытость формулировок, но тем не менее впечатление, что автор – глубокий историк наук, было очевидно. Думаю, что он сам едва ли причислял себя к историкам науки, но тем не менее это именно так – всю жизнь он работал в самом высоком жанре историко-научного исследования – истории идей, где фактологический анализ тесно смыкается с методологическими выводами. Полагаю, что именно этот аспект его работ – ценный вклад в разработку проблематики истории и методологии не только стратиграфии, но и геологических наук в целом.

К.В. Симакову при анализе проблем стратиграфии удалось сделать ряд общих выводов, которые дают возможность подойти к объективной оценке современного состояния стратиграфической теории, наметить возможные пути ее дальнейшего развития, определить положение стратиграфии среди других геологических дисциплин.

Во многих работах К.В. Симакова глубоко и аргументированно рассмотрен методологический статус стратиграфии. По его мнению, стратиграфия была первой научной дисциплиной, возникшей на стыке двух самостоятельных отраслей естествознания – геологии и биологии. Ассимиляция идей и методов палеобиологии, синтезированных с геологическими данными, позволила превратить геологию в историческую науку. Это обеспечило

резкий скачок в познании строения и развития нашей планеты. Созданная стратиграфией глобальная система отсчета палеобиосферного времени позволяла реконструировать пространственно-временные отношения между событиями и явлениями геологического прошлого самого различного масштаба – от локальных до глобальных включительно. Уровень развития стратиграфии определяет состояние и стимулирует прогресс других геологических дисциплин. Так, в основе всех тектонических концепций, начиная от теории геосинклиналей и платформ и кончая новейшими вариантами плейттектоники, лежат стратиграфические материалы; выявленные соотношения между стратифицированными и интрузивными образованиями позволили сформулировать и развить концепцию разновозрастных магматических циклов и формаций; анализ возрастной локализации месторождений различного типа дал возможность ввести в научный обиход понятия о металлогенических эпохах и провинциях и т.д.

Человечество все чаще сталкивается с нарушениями экологической обстановки не только в локальном, но и в глобальном масштабе. Возникает необходимость научного прогноза, связанного с “проигрыванием” возможных сценариев развития биосферы под влиянием различных факторов. При этом встает проблема выявления закономерностей автономного развития биосферы как результата взаимодействия гидро-, атмо- и литосферы Земли в меняющихся условиях ее существования как космического тела. Необходимая для прогнозов такого типа информация заключена в геологической летописи и расшифровать ее, выявить пространственно-временные закономерности развития палеобиосферы может только стратиграфия.

Стратиграфия, в задачи которой входит установление естественных геологических тел и исторические реконструкции геологической истории, аккумулировала в своем теоретико-познавательном аппарате положения, выведенные в рамках других геологических дисциплин. В результате стратиграфических исследований возникает модель пространственно-временных отношений феноменов геологической летописи, которая служит исходной базой для всех ретроспективных реконструкций. Ряд принципов и эмпирических обобщений, лежащих в основе ретроспективных реконструкций геологических дисциплин, был сформулирован именно в процессе стратиграфических исследований. Вместе с тем стратиграфия применяет ряд методов, опирающихся на достижения других геологических дисциплин (литологии, палеобиологии, тектоники, геофизики), используя полученные в их рамках обобщения.

К.В. Симаков полагал, что при обсуждении проблемы стратиграфической классификации важно учесть полемику между “американской” и “европейской” школами, а также аргументацию так называемого модельно-целевого подхода к стратиграфической классификации, сторонники которого исключают возможность использования в стратиграфии любых понятий, связанных с категорией времени. В рамках этого подхода характер расчленения определяется целями, задачами проводимого исследования. Модельно-целевой подход рассматривается в качестве альтернативы “наивно-реалистическому”. Под последним понимается принимаемая сторонниками “европейского” направления концепция естественности, согласно которой “естественные объекты”, их границы априорно определены самой природой геологической реальности, и исследователю остается лишь правильно зафиксировать такое “расчленение”. Модельно-целевое и “американское” направления стратонии довольно близки по своим исходным установкам.

В качестве исходного методологического положения “европейского” подхода в стратонии (под которой К.В. Симаков, вслед за С.В. Мейеном, понимает введение принципов расчленения, формулировку понятий “стратон” и “граница”) выступает представление о стратонах как о естественных (природных) телах, представляющих собой образования отдельных этапов развития биосферы. Такая точка зрения укоренилась в стратиграфии со времен Стенона и Вернера, рассматривавших выделяемые ими подразделения в качестве отложений последовательных всемирных потоков. В первой половине XX столетия рассматриваемая точка зрения получила свое обоснование в работах сторонников автохронологической концепции МСШ, опиравшихся на диастрофическую гипотезу Чемберлена–Штилле. В нынешнее время представление о естественности стратонов опирается на палеоэкосистемную парадигму и гипотезу биосферных кризисов, с одной стороны, и так называемый событийный подход – с другой.

К.В. Симаков сделал вывод, что для конфронтации сторонников “европейского” и “американского” направлений в стратонии нет методологических предпосылок. На практике использование и того и другого подхода должно приводить к выделению естественных, хотя и различных, тел: в общем случае комплексирование литогенетических и палеонтологических признаков (на котором настаивают представители “европейской” школы) ведет к обособлению палеоэкосистем, а применение отдельных генетически однородных признаков – к индивидуализации так называемых подразделений частного обоснования (лито-, био-, магнито- и др.).

Наличие несводимых друг к другу стратиграфических концепций позволило сформулировать основные антиномии стратиграфии (хроностратиграфия–биостратиграфия; естественные–искусственные границы; одновременность–гомотаксис и др.). Существование их объективно отражает необходимость более глубокого теоретического и философского осмысления фундаментальных оснований стратиграфии как единой научной дисциплины. В связи с этим К.В. Симаков писал: “Широко распространенное представление о сугубо эмпирической (фактологической) природе стратиграфического знания, независимости его от каких бы то ни было теоретических и, тем более, философских концепций в корне неверно... Изменение гносеологических оснований стратиграфии, связанное с отказом от использования в качестве исходной методологической предпосылки всей стратиграфической теории субстанциональной концепции абсолютного времени, ведет к радикальному изменению не только теории, но и методики решения сугубо практических вопросов. Как подчеркивал С.В. Мейен, выработка единообразного операционального подхода к решению стандартных (типовых) стратиграфических задач, например, таких как выделение и определение границ стратонов, предполагает наличие общей теоретической платформы. Отсутствие таковой не только тормозит познание закономерностей строения и развития Земли и ее палеобиосферы, но и оказывает отрицательное влияние на эффективность региональных прикладных геологических исследований”⁵⁰.

Рассматривая различные варианты развития стратиграфии, К.В. Симаков считал, что методология и теория стратиграфических исследований не могут обойтись без анализа временной составляющей. Стратиграфия занимается пространственно-временными свойствами и отношениями конкретных естественных геологических тел, слагающих гипергенную оболочку Земли. Поэтому представляется само собой разумеющимся, что стратиграфическая теория должна опираться на какую-то определенную философскую концепцию пространства-времени. К.В. Симаков опровергал расхожее утверждение, что основу стратиграфии составляет философия “здорового смысла”. Все наши представления о прошедшем геологическом времени, его структуре и свойствах возникают из анализа информации, запечатленной в пространственных отношениях и генетических признаках пород, слагающих естественные геологические тела гипергенной оболочки Земли. Реаль-

⁵⁰ Симаков К.В. Размышления о состоянии, перспективах развития и актуальных проблемах стратиграфии // Тихоокеан. геол. 1992. № 5. С. 125.

ное геологическое время имеет информационную, негэнтропийную природу, ретроспективно реконструируемый характер и несводимо к обыденному, физическому времени. Поэтому в качестве методологической базы стратиграфической теории может и должна выступать не концепция субстанционального, абсолютного времени И. Ньютона, а реляционно-генетическая концепция реального времени-дления В.И. Вернадского.

Создание единой глобальной системы отсчета палеобиологического времени – кардинальная задача теории и практики стратиграфии. Основная масса работ, связанных с хроностратиграфическим направлением, сконцентрирована на определении границ хроностратиграфических подразделений. Они курируются Международным союзом геологических наук и проводятся специальными рабочими группами его стратиграфической комиссии. По многим из этих проектов (“Экостратиграфия силура”, “Граница венда и кембрия”, “Граница девона и карбона” и др.) благодаря интернациональным усилиям получены заметные результаты. Центральная задача, решаемая этими группами, заключается в стандартизации объемов подразделений хроностратиграфической шкалы через единообразное (палеобиологическое) определение их границ. В конечном итоге стандартизация границ должна обеспечить создание метрики концептуального палеобиосферного времени, основанной на содержательной классификации основных хроностратонов – ярусов, отделов, систем. Создание такой метрики составляет как бы “сверхзадачу” теоретической стратиграфии⁵¹.

Для теоретической стратиграфии важна также проблема предельной разрешающей способности хроностратиграфической шкалы и объема ее элементарных подразделений. Признание за хроностратиграфической шкалой функций глобальной системы отсчета палеобиосферного времени (т.е. системы, обеспечивающей корреляцию обстановок от континентальных до абиссальных) ограничивает масштаб элементарных хроностратонов протоколами воздействия на биосферу только глобальных факторов. В этой связи очевидно, что элементарные хроностратоны не могут быть эквивалентами аналогичных единиц зональных биостратиграфических шкал, отражающих различные аспекты эволюции отдельных групп ископаемых организмов под воздействием факторов с неодинаковой сферой влияния. Решение этой проблемы, неразрывно связанной с

⁵¹ *Симаков К.В.* На пути к теоретической стратиграфии. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. С. 54.

антиномией “хроностратиграфия–биостратиграфия”, стало возможным только благодаря проведению комплексных исследований пограничных отложений различных хроностратиграфических подразделений, выполненных по единой методике, позволившей выявить и сопоставить характер и масштаб согласованных изменений в разных группах ископаемых организмов и окружающей их среде.

Реальным импульсом к обсуждению теоретических проблем стратиграфии послужили начатые в мире в конце 1970-х – начале 1980-х гг. комплексные стратиграфические исследования, более или менее тесно связанные с проектами Международной программы геологической корреляции “Экостратиграфия”, “Глобальные биологические события в истории Земли” и др. Эти работы позволили расшифровать структуру палеобассейновых стратоконгломератов, уточнить соотношение между местными и региональными стратонами и фаціальными особенностями древних бассейнов седиментации.

К.В. Симаков обращал внимание на то, что экостратиграфическое направление представляет собой синтез результатов комплексных биостратиграфических и седиментологических исследований, направленных на выяснение закономерностей эволюции палеобиосферы как целостной системы. Экостратиграфические исследования наглядно продемонстрировали системную природу и многоуровневую структуру организации палеобиосферы и способствовали введению в стратиграфию системного стиля, что создает хорошую основу для значительного прогресса в решении проблемы естественной классификации тех компонентов палеобиосферы, которые выступают в качестве региональных стратиграфических подразделений. С экостратиграфией следует связывать замену монистических объяснений всех феноменов эволюции органического мира плюралистической концепцией, которая основана на выявлении факторов с различной сферой влияния и неодинаковыми законами автономного развития. Использование данной концепции открывает возможности для нетривиальных объяснений структуры латеральных (одновозрастных) неоднородностей отдельных состояний палеобиосферы и создает основу для расшифровки сложной структуры категории палеобиосферного времени, объединяющей систему понятий глобального – регионального – местного – локального времен⁵².

⁵² Там же. С. 57.

В 1990-е гг. К.В. Симаков, осмысливая новейшие тенденции развития стратиграфии, обратился к идеям так называемой событийной стратиграфии. Событийный подход акцентирует внимание на возникновении, перестройках состава и структуры и исчезновении геологических и палеобиологических систем в ходе исторического развития Земли и ее палеобиосферы. Он связан с выявлением структуры геологического пространства-времени и коренным изменением методики определения временных свойств и отношений феноменов геологической истории. Анализ событийного аспекта геологической истории позволяет выявить континуально-дискретную структуру реального геологического времени, дать объяснение экотоподобного характера естественных стратиграфических границ. К.В. Симаков отмечал, что событийный подход, развивающийся прежде всего в связи с исследованиями хроностратиграфических границ, только на первый взгляд представляет собой возврат к старым идеям глобальных катастроф (биосферных кризисов, по современной терминологии), определяющих “естественную” природу хроностратиграфических границ. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Главная задача, которую ставят перед собой сторонники событийного подхода, заключается в выявлении сходств и различий в структуре событий (главным образом массовых вымираний), связанных с воздействием на биосферу неодинаковых по своей природе факторов с глобальной (или субглобальной) сферой влияния – регрессий и трансгрессий, эвстатических колебаний уровня вод Мирового океана, всемирных оледенений, импактов и т.п. В конечном итоге это может привести к классификации хроностратиграфических границ, фиксируемых протоколами биосферных кризисов, по признаку периодичности-иррегулярности действия различных по своей природе факторов.

Выявленное существенное влияние на развитие палеобиосферы так называемых астрогеологических событий, приводящих к массовым вымираниям и связанным с ними глобальным биосферным кризисам, позволило ряду ученых поднять вопрос о необходимости коренной реконструкции существующей хроностратиграфической шкалы за счет смещения границ ее подразделений исключительно с протоколами таких событий. Этот вопрос, по мнению К.В. Симакова требует отдельной методологической проработки, но он видел перспективу модернизации шкалы не в совмещении границ ее подразделений с протоколами событий-массовых вымираний, а событий-возникновений таксонов с новыми архетипами.

К.В. Симаков глубоко проанализировал методологические основания создания международной стратиграфической и геохронологической шкалы, соотношение геохронологии и геохронометрии⁵³.

К.В. Симаков ранжировал общие проблемы, в разрешении которых насущно заинтересована стратиграфия. На первое место он ставил проблему выработки общего методологического подхода к анализу строения, генезиса и развития объектов, изучаемых стратиграфией и родственными ей дисциплинами (в первую очередь литологией, фацио- и формациологией). Внедрение в геологию идей и принципов системного подхода, которые постепенно завоевывают все большую популярность, может способствовать решению проблемы алгоритмизации процесса выделения объектов изучения стратиграфии, литологии, фацио- и формациологии.

В геологической летописи запрототоколированы следы развития разнообразных процессов: осадконакопления и тектонических движений, эволюции органического мира и распада радиоактивных элементов, изменений климата и полярности вектора магнитного поля Земли и т.д. В общем плане это три группы процессов: первая объединяет процессы, связанные с развитием неживой природы, косного вещества; вторая включает процессы функционирования и эволюции биоса, или живого вещества; в третью входят процессы взаимодействия живой и неживой природы, определяющие эволюцию биосферы нашей планеты.

Существует два принципиально различных подхода к определению такого основополагающего для стратиграфии понятия, как стратон (стратиграфическое подразделение). Сторонники одной точки зрения подразумевают под этим термином любую совокупность горных пород, выделяемую по общности любого из присущих им признаков: наличию идентичных ископаемых органических остатков; одинаковому составу или цвету; общим палеомагнитным или электропроводящим свойствам и т.п. Такая трактовка содержания понятия “стратон” ведет к признанию так называемой “многоканальной” структуры общей стратиграфии,

⁵³ Симаков К.В. Реальное время в естественнонаучной картине мира // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 4. С. 323–331; *Он же*. Измерение реального времени // Вестн. РАН. 1998. Т. 68. № 2. С. 136–147; *Он же*. О новом варианте Международной стратиграфической шкалы // Вестн. РАН. 2001. Т. 71. № 12. С. 1076–1082; *Он же*. Концепция реального времени-длния В.И. Вернадского // Вопр. философии. 2003. № 4. С. 88–100; *Он же*. О некоторых методологических проблемах геохронологии и геохронометрии // Геологические этюды. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, С. 73–84.

включающей множество самостоятельных, частных стратиграфий (био-, лито-, климато-, ритмо-, магнито-, сейсмо- и др.). Согласно другой точке зрения, под стратонимом понимается совокупность горных пород, сформировавшихся в течение определенного этапа (стадии, фазы, цикла) геологического развития какого-то конкретного региона или Земли в целом.

В любом случае проблема классификации изучаемых объектов весьма актуальна для стратиграфии, впрочем, и для других геологических дисциплин. Проблема принципов классификации является “сквозной” для всего цикла дисциплин, занимающихся изучением строения, генезиса и развития гипергенной оболочки, поэтому классификация стратонимов не может быть осуществлена без учета классификации пород, фаций и формаций.

В конце 1980-х гг. К.В. Симаков предпринял энергичные шаги по осмыслению состояния и активизации стратиграфо-палеонтологических исследований в стране, в частности, на Дальнем Востоке. Обладая знанием организации аналогичных исследований в разных странах, он полагал, что добиться кардинального перелома в организации этих исследований можно путем основания специального института стратиграфии, который бы скоординировал действия разрозненных и малочисленных групп стратиграфов, вооружил их новой стратегией на базе разработки теории и методологии стратиграфии, а также поднял культуру исследований за счет внедрения новых методов и методик, которые на протяжении двух десятилетий успешно использовали специалисты за рубежом.

К.В. Симаков убедительно доказывал, что уровень развития стратиграфии не только всегда определяет общую культуру геологических исследований, но и стимулирует прогресс во всех остальных геологических дисциплинах. Он напоминал, что в основе всех тектонических построений лежат стратиграфические материалы; выявление соотношений между стратифицированными и интрузивными образованиями позволило сформулировать и развить концепцию разновозрастных магматических формаций и циклов; анализ возрастной локализации месторождений различного типа и генезиса дал возможность ввести в научный обиход понятие о металлогенических эпохах и провинциях; данные о пространственно-временном распределении осадочных формаций служат основой прогнозно-перспективных оценок палеобассейнов и широко используются при поисковых и разведочных работах на различные виды седиментогенных минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов и т.д. Вместе с тем тесная привязка стратиграфических исследований с обеспечением индустрии топливно-энер-

гетической и минерально-сырьевой базой имела и свои отрицательные стороны, оказавшие решающее влияние на развитие стратиграфо-палеонтологических исследований.

Последовательное обогащение арсенала методов стратиграфических исследований было неразрывно связано с расширением их эмпирической базы, постепенному распространению исследований из районов Центральной Европы на весь земной шар. Расцвет практической стратиграфии пришелся на вторую половину XX столетия и стимулировался необходимостью решения прагматических задач, вставших при освоении месторождений прежде всего углеводородного сырья, а также накоплением огромного фактического материала в процессе планомерного геологического картирования. Выполнение в СССР программы Государственного геологического картирования в масштабе 1:200 000 привело к аккумуляции огромной массы эмпирических данных и поставило перед всеми геологическими дисциплинами ряд общих проблем, отражающих неудовлетворенность результатами выполненных исследований.

Осуществление этой программы геологического картирования вскрыло следующие причины критической оценки итогов проведенных работ. Прежде всего, это неоднородность выделенных в процессе картирования местных и региональных стратиграфических подразделений, которые устанавливались не в соответствии с едиными правилами, а по различным, подчас несопоставимым, критериям. Еще одной причиной является недостаточная информативность характеристики выделенных в процессе картирования местных и региональных подразделений, препятствующая полноценному использованию результатов геокартирования при решении других задач (палеогеографических реконструкциях, формационно-тектоническом анализе и т.п.). Особенно это касается литогенетического описания свит и толщ, которое нередко ограничивается формальным перечислением слагающих их пород без указания особенностей состава, структуры и текстуры, характера чередования и других существенных признаков.

Огромный фактический материал, полученный в ходе выполнения программы Государственной геологической съемки, обладавшей существенными недостатками, тем не менее создал иллюзию завершенности стратиграфических исследований, что привело к их свертыванию и сокращению подготовки специалистов стратиграфов и палеонтологов в университетах, с падением престижа стратиграфо-палеонтологических исследований. Начался отток специалистов из региональных стратиграфических подразделений.

Такое падение престижности и интереса к геологии вообще, к стратиграфии и палеонтологии, в особенности, характерно и для многих развитых стран и вызвано значительной трудоемкостью набора “первичной информации”, требующего знакомства с обширной многоязычной литературой и типовыми коллекциями, хранящимися в музеях различных стран, и длительным становлением специалиста высокой квалификации. К тому же недостаточная теоретическая и технологическая оснащенность стратиграфо-палеонтологических исследований требует для освоения основ стратиграфии и палеонтологии значительно больших интеллектуальных усилий, чем другие естественные науки.

Существовавшая в СССР система организации научных исследований была ориентирована на создание крупных комплексных научных центров, способных осуществить научное обеспечение выполнения народно-хозяйственных задач регионов. Такие крупные институты, как правило, выполняли свою миссию, но не могли поднять уровень исследований в узких областях до мирового уровня.

Отсюда К.В. Симакوف делал обоснованный вывод: существующая организационная структура стратиграфо-палеонтологической службы, унаследованная от предыдущего этапа развития научного потенциала, не отвечает современному уровню его развития и не в состоянии обеспечить решения поставленных перед данной службой ни фундаментальных, ни практических задач.

Для дальнейшего прогресса стратиграфии, расширения ее прогностических возможностей и повышения эффективности региональных работ, по его мнению, необходимо сочетание накопления нового фактического материала с доведением существующих методологических разработок до уровня технологически реализуемых методик с хорошо развитым операциональным аппаратом. Принципиально верные и многообещающие в перспективе рекомендации по широкому внедрению в теорию и практику системного стиля мышления и исследований фактически остаются пока что декларациями и лозунгами. Их практическая реализация не обеспечивается ни операциональными методиками, ни техническими возможностями существующих стратиграфо-палеонтологических подразделений. Поэтому перед стратиграфией на новом этапе ее развития встает целый комплекс проблем, связанных с необходимостью теоретической разработки всех аспектов системного подхода, созданием, апробацией на конкретных примерах и внедрением в повседневную практику оптимальных методик, способных обеспечить высокую эффективность региональных стратиграфических исследований.

Из анализа состояния стратиграфо-палеонтологических исследований К.В. Симаков делал обоснованные выводы: ни одно из существовавших на Востоке СССР стратиграфо-палеонтологических подразделений не в состоянии обеспечить решения сформулированных задач по кардинальному изменению эффективности соответствующих исследований. Единственным практически осуществимым путем реализации методологического и технологического обеспечения данной программы является создание в рамках ДВО АН СССР самостоятельного института стратиграфии. Такой институт он рассматривал как принципиально новое учреждение, способное обеспечить выполнение всего комплекса исследований, предусматриваемых современным палеоэкосистемным подходом – начиная от расшифровки динамики развития палеопопуляций и кончая выяснением закономерностей седиментологической и физико-химической эволюции среды их обитания.

Такой институт должен объединять по меньшей мере четыре самостоятельных подразделения: палеонтолого-стратиграфическое, седиментологическое, геохимическое и палеомагнитное. Каждое из этих подразделений (отделов, лабораторий) необходимо обеспечить современной лабораторной техникой, позволяющей выполнять всю совокупность работ и анализов, требуемых для всесторонней характеристики изучаемых образований – начиная от извлечения микроископаемых в процессе физико-химической дезинтеграции горных пород и кончая определением изотопного состава отдельных элементов. В методологическом плане исследования всех этих подразделений должны объединяться единством объектов изучения, нацеленностью на решение конечных задач современной стратиграфии: создание схемы пространственно-временных отношений между естественными геологическими телами (стратонами), выполняющими палеобассейны; выделение и классификация основных типов внутрибассейновых обстановок (палеоландшафтов); реконструкция палеогеографической ситуации на определенных временных срезах внутри отдельных палеобассейнов, классификация последних и выявление основных закономерностей их пространственно-временной эволюции.

Для Дальнего Востока России К.В. Симаков видел актуальность разработки таких основных проблем: установление закономерностей развития органического мира в бассейне Тихого океана и в его обрамлении в течение фанерозоя, изучение характера пространственно-временных изменений в составе и структуре населения древних палеобассейнов и в выявлении закономерностей его

развития в связи с эволюцией палеоэкосистем различного масштаба; реконструкция истории палеоэкосистем и развитие фанерозойских палеобассейнов в Циркумпацифике; разработка на основе единой методологии определения и прослеживания хроностратиграфических границ, исходя из представлений об их событийной природе, детальной хроностратиграфии фанерозоя, классификация границ по их масштабу и по характеру обусловивших их палеобиосферных перестроек. Применение единой методологии и комплексной методики исследований при изучении разновозрастных палеоэкосистем и палеобассейнов позволит получить принципиально новый фактический материал для региональных и глобальных обобщений, для прогноза процессов эволюции биосферы, выведет на новый уровень решение вопросов, связанных с прогнозными оценками и поисками осадочных месторождений полезных ископаемых.

К.В. Симаков расценивал как одну из первоочередных задач создание банков данных комплексной стратиграфической информации, синтезирующей все имеющиеся материалы по палеонтологической, литолого-фациальной, геохимической, геофизической (включая палеомагнитную) характеристике разновозрастных отложений не только по опорным, но и частным разрезам. Это позволило бы выявить имеющиеся информационные лакуны, организовать и провести специальные работы для их заполнения. С созданием банков стратиграфической информации связана разработка программного обеспечения для решения стандартных палеонтологических и стратиграфических задач, построение палеогеографических схем на палеоэкосистемной основе, структурно-седиментационных и комплексных или целевых минерагенических моделей палеобассейнов седиментации.

Он писал:

“Наивно полагать, что 800 российских стратиграфов, обслуживающих территорию в 25 478,4 тыс. км², способны решить упомянутые выше проблемы. Действительно, средняя нагрузка на одного специалиста в мире колеблется от 2 до 5 тыс. км², тогда как в России она в среднем превосходит 32 000 км², достигая в отдельных регионах 63 000 км² (Дальний Восток) и даже 100 000 км² (Якутия). И это при том, что на содержание одного специалиста в Российской академии наук тратится около 6,1 тыс. руб. (в ценах 1990 г.), тогда как в США – свыше 33 тыс. долларов. Однако дело не только в катастрофической нехватке кадров, дефицит которых составляет по России как минимум 5000 человек, и мизерности выделяемых государством ассигнований. Современный мировой уровень развития стратиграфических исследований обеспечивается широким использованием, с одной стороны, высокоточной и про-

изводительной, частично или полностью автоматизированной аналитической аппаратуры, и с другой, – компьютерной техники. Последняя оказывает неоценимую помощь в формировании банков данных, необходимых как для выполнения массовых палеонтологических определений, так и для комплексного (палеоэкосистемного) и целевого (например, геохимического) моделирования структуры и истории развития палеобассейнов седиментации”⁵⁴.

По реализации задачи систематизации данных, получаемых при обычных стратиграфических исследованиях и проведении буровых работ, по формированию банков комплексной (био-стратиграфической, седиментологической, геохимической, геофизической) информации Россия отстала от западных стран примерно на три десятка лет. Наверстать это отставание можно было только на путях интенсификации научного поиска и технического переоснащения исследований. Увы, кризис в экономике и в научной системе похоронил эти рациональные предложения К.В. Симакова.

⁵⁴ Симаков К.В. Размышления о состоянии, перспективах развития и актуальных проблемах стратиграфии // Тихоокеан. геол. 1992. № 5. С. 121.

Оригинальный вклад в вернадоведение

В одной из последних своих статей, написанной к десятилетнему юбилею издания “Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского”, К.В. Симаков вспоминает, какое впечатление произвела публикация из огромного массива неопубликованного после длительного перерыва (пятитомник “Избранных сочинений” В.И. Вернадского вышел в 1954–1960 гг.) книг “Пространство и время в неживой и живой природе” (1975) и “Научная мысль как планетное явление” (1977), которые стали первыми, открывшими отечественным ученым масштаб личности В.И. Вернадского, заложившего не только основы новых ветвей знания (генетической минералогии, геохимии, биогеохимии, радиологии, биосферологии), но и оригинальность мыслителя, глубоко осознавшего место и роль человечества в эволюции нашей планеты как космического тела. К.В. Симаков писал в этой статье: “Несмотря на то, что эти сочинения были изданы с большими купюрами, они произвели неизгладимое впечатление на научную общественность, высветив совершенно новую, ранее неизвестную грань в творчестве В.И. Вернадского”⁵⁵.

Действительно, публикация этих книг, а затем выход новых публикаций великого ученого для поколения К.В. Симакова и для него лично стало событием научной биографии. В.И. Вернадского он читал всю жизнь, много цитировал, обращался к нему вновь и вновь. Поэтому закономерным, хотя и необычным (ведь Магадан так далек от амбициозной Москвы) стало приглашение К.В. Симакова академиком А.Л. Яншиным стать одним из редакторов тома В.И. Вернадского “Труды по философии естествознания”. Это решение А.Л. Яншина и, видимо, Ф.Т. Яншиной стало возможным после того, как К.В. Симаков опубликовал в “Вестнике РАН” серию фундаментальных статей, в которых впервые высветил философское значение концепции “времени-дления” В.И. Вернадского.

Глубоко созвучным мировоззрению К.В. Симакова было постоянное стремление В.И. Вернадского отыскать историческую

⁵⁵ Симаков К.В. Неизвестное об известном. К 140-летию со дня рождения академика В.И. Вернадского // Вестн. РАН. 2003. Т. 73. № 3. С. 239.

генеалогию фундаментальных идей естествознания. Он писал: «Будучи убежденным сторонником не только единства, но и интернациональности научного знания, В.И. Вернадский во всех своих трудах тщательнейшим образом исследовал “родословную”, если можно так выразиться, научных идей, стремясь проследить их корни и эволюцию вплоть до античных времен,...скрупулезное, исследование “генеалогии” рассматриваемого им вопроса и щепетильное отношение к данным идеям предшественников»⁵⁶.

Первое важное достижение К.В. Симакова в вернадоведении связано с определением места В.И. Вернадского в “генеалогии” исследования проблем времени в науке и философии. К.В. Симаков показал, что в период становления современной науки (конец XVII – начало XVIII в.) произошло обособление трех концепций времени, сыгравших различную роль в дальнейшем развитии естествознания.

Суть выдвинутой И. Ньютоном субстанциальной концепции времени заключается в разграничении абсолютного, истинного или математического (длительность) и являющегося его моделью относительного или обыденного времени (продолжительность). И. Ньютон ввел в науку представление о *концептуальном* времени. Последнее демонстрировало особенности некоего произвольно выбранного процесса, в котором наиболее полно отображались структура и свойства (а точнее, – представления о них И. Ньютона и его последователей) абсолютного времени: однородность, равномерность, непрерывность, обратимость. Иными словами, Ньютон придал абсолютному времени свойства измеряющих его идеальных часов.

Приписав времени эти свойства, И. Ньютон придал ему “... такую форму, что вывел его из области конкретного научного изучения, приняв время и пространство за абсолютные реальные сущности, в которых происходит весь мир явлений, изучаемых наукой, но на которые он не влияет”⁵⁷. Для всех явлений реальности время в концепции Ньютона выступало в качестве *внешнего параметризованного фона*, представляя собой универсальное *мерило* их темпоральных свойств и отношений.

Введение этого представления о концептуальном времени было, безусловно, чрезвычайно полезным. А идея использовать

⁵⁶ Там же. С. 240.

⁵⁷ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. (Библиотека трудов академика В.И. Вернадского). С. 112–113.

в качестве базиса для построения его модели и метрики именно непрерывные периодические процессы была (и остается) практически удобной, поскольку она позволяла на основании *конвенции* о равной длительности (конгруэнтности) последовательных циклов (или одинаковых состояний привилегированной системы) сравнительно легко вводить метрику времени. В свою очередь это давало возможность проводить количественную оценку и сравнение любых феноменов реальности в универсальной системе мер. Однако введение чрезвычайно удобного, полезного и необходимого для решения практических задач понятия о концептуальном времени не только выводило реальное время из сферы научного познания, но и влекло за собой вывод, согласно которому “свойства времени – только свойства часов, подобно тому, как свойства пространства – только свойства измерительных инструментов”⁵⁸.

Для создания *концептуальной физической картины мира* И. Ньютона, в которой господствовали обратимые законы динамики, время *должно* было быть бесструктурным и независимым от направления механического движения. “Для Ньютона... абсолютное пространство и абсолютное время имели в научной области значение лишь постольку, поскольку они давали возможность точно описывать явления; сами по себе они могли оставаться в стороне”⁵⁹.

Вторая концепция времени – *реляционная*, которую в рассматриваемый период отстаивал Г. Лейбниц. Г. Лейбниц полагал, что время является чем-то чисто относительным, а именно, порядком последовательностей вещей. Эта концепция в период ее выдвижения имела лишь философское значение и не оказывала никакого влияния на естественнонаучные представления о времени вплоть до начала XX в.

К.В. Симаков обосновал представление о третьей концепции времени, которую он назвал реляционно-генетической. Эта концепция следует из идей одного из основоположников геологии – Н. Стенона. Связав время не с перемещением тел в пространстве, а с последовательным *возникновением* тел различного состава и структуры в одном и том же месте и с последовательной *сменой состояний* одного и того же тела, Н. Стенон по сути дела ввел представление о *едином пространстве-времени*, временная компонента которого выражается двояко: *генетическими признака-*

⁵⁸ Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. С. 546.

⁵⁹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 143.

ми тел (составом, структурой, свойствами) и их *пространственно-геометрическими отношениями*. А благодаря последовательной смене генетически разнородных тел, формировавшихся в различные эпохи, *реальное геологическое время* в трактовке Н. Стенона приобретало свойства *неоднородности и необратимости*.

Принципиально важно, что время для Н. Стенона выступало не как функция и количественная мера пространственного перемещения тел, а как функция *информации* об их пространственных отношениях и генетических, качественных признаках: Н. Стенон впервые указал на принципиальное различие в природе *настоящего (динамического)* и *прошедшего (статического)* реального времени, которое являлось для него показателем *качественного преобразования* систем. К тому же, для Н. Стенона реальное прошедшее (геологическое) время выступало не только как функция информации о давным давно минувших *явлениях*, запечатленных в качественных особенностях слоев, но и о *событиях*, обусловивших не только смену одних слоев другими, но и нарушение их первичного залегания. Благодаря этому реальное геологическое время обладало *континуально-дискретной структурой*.

По мысли К.В. Симакова, В.И. Вернадский в своих работах развил и обобщил предложенную Н. Стеноном реляционно-генетическую концепцию времени, лежавшую до этого в основе представлений о геологическом времени, дополнил ее значительно переработанной теорией биологического времени А. Бергсона и распространил эти представления на все области реальности, начиная от микрокосма атомов и кончая макрокосмом галактик. Принципиальное отличие реляционно-генетической концепции Стенона–Бергсона–Вернадского от субстанциальной и реляционной состоит в том, что она, прежде всего, связывает пространство и время с необратимым развитием материи, а не с ее механическим движением. При этом В.И. Вернадский сумел охватить весь спектр необратимых процессов, свойственных неорганическому (косному), биологическому и психофизическому типам и различным (от атомарного до космического) уровням организации материи.

К.В. Симаков отмечал принципиальное отличие методологических установок В.И. Вернадского от физикалистской методологии. В.И. Вернадский придавал особое значение эмпирическим данным и обобщениям, полученным в результате изучения реальности окружающего мира. “Настоящая среда, – говорит Вернадский, – в которой живет ученый-исследователь, есть среда на-

учных фактов, эмпирических обобщений и основных эмпирически выведенных аксиом и принципов природы”⁶⁰.

Основа научных построений – эмпирические факты. Отдельный эмпирический факт, не включенный в систему фактов, еще не создает знания. Доказательства по типу “выборочных примеров” – слабые доказательства. Однако устойчиво повторяющиеся научные факты, объединенные в некоторое множество, составляют уже эмпирические обобщения, которые и позволяют проводить дальнейшие операции, строить системы и получать практические результаты. Они будут иметь некоторую область устойчивости, внутри которой обнаруживают закономерную статистическую плотность распределения отдельных характеристик.

“Эмпирическое обобщение опирается на факты, индуктивным путем созданные, не выходя за их пределы и не заботясь о согласии или несогласии полученного вывода с другими существующими представлениями о природе. Эмпирическое обобщение может очень долго существовать, не поддаваясь никаким гипотетическим объяснениям, являясь непонятным, и все же оказывать благотворное огромное влияние. Но затем часто наступает момент, когда оно вдруг начинает освещаться новым светом, становится областью создания гипотез, начинает менять наши схемы мироздания и само меняется. Очень часто в эмпирическом обобщении мы имели не то, что думали, или в действительности имели много больше, чем думали”⁶¹. Отсюда вывод – именно эмпирические факты и обобщения составляют надежный фундамент науки.

Научные объяснения, гипотезы и модели, по В.И. Вернадскому, “необходимы и неизбежны, без них научная мысль работать не может, но они преходящи и в значительной, неопределимой для современников степени, всегда неверны и двусмысленны”⁶². В.И. Вернадский был даже категоричен: “Ни научные теории, ни научные гипотезы не входят, несмотря на их значение в текущей научной работе, в эту основную и решающую часть научного знания”⁶³.

Физикалистская парадигма ориентирована на создание идеализированных моделей реальности, функционирование этих моделей в соответствии с принципом униформизма подчиняется

⁶⁰ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975. С. 21.

⁶¹ Вернадский В.И. Избр. соч. Т. 1. С. 5.

⁶² Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975. С. 33.

⁶³ Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Дубна: Феникс, 1997. С. 402.

неизменным, безразличным к пространству и времени законам. Такой подход сознательно отвергался В.И. Вернадским, поскольку он исключал из области научного познания (которое понималось им как эмпирическое изучение) пространство и время, превращая их, по мнению В.И. Вернадского, с одной стороны, в атрибут Бога, а с другой – во внешний параметр, характеризующий все феномены реального мира, но не имеющий к ним никакого отношения. Этот подход выводил из сферы научных интересов физики необратимость развития феноменов реального мира, сводя объяснение всего многообразия эволюционных процессов к обратимым законам, действующим безотносительно к пространственным и временным координатам.

К.В. Симаков ставил вопрос: “В какую же часть научного мировоззрения попадает научное понятие времени: является ли оно частью сменяющегося и преходящего построения моделей, гипотез, теорий? Или же оно является частью реальности мира в научном ее понимании, одним из основных эмпирических обобщений, на которых строится все наше научное знание?” и нашел на него четкий ответ В.И. Вернадского: “Понятие времени есть одно из основных научных эмпирических обобщений”⁶⁴.

Нельзя не согласиться с тем, что такая постановка вопроса о статусе понятия “время”, превращающая его из бесстрастного фона реальности в объект научного познания и изучения, была принципиально новой не только для современной В.И. Вернадскому науки и философии: в такой форме вопрос о сущности времени не ставился ни до, ни после него. Как показал К.В. Симаков, В.И. Вернадский впервые в науке и философии сформулировал суть программы научного изучения пространства-времени, понимаемого как основное проявление реальности. Такая постановка проблемы пространства-времени имеет не меньшее значение, чем поднятая А. Эйнштейном проблема одновременности.

Научная мысль В.И. Вернадского была устремлена не на выявление качественной специфики разнородных процессов (она была для него эмпирически доказанной), а на выявление инвариантных аспектов в темпоральных свойствах и отношениях природных процессов, которые он рассматривал в качестве универсальных свойств самого времени. Этот аспект научной методологии В.И. Вернадского, полагает К.В. Симаков, особенно важен, поскольку он позволяет не ограничивать поле научного изучения времени какой-то определенной областью природных явлений

⁶⁴ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 181.

(например, физических), а также верифицировать создаваемую на базе этой методологии концепцию, вовлекая в сферу научного анализа все более широкий спектр природных явлений.

Рассматривая свойства времени как инвариант темпоральных свойств и отношений реальных процессов, В.И. Вернадский исходил из своего видения естественнонаучной картины мира, которая в корне отличалась от концептуальной картины физического мира Ньютона и Эйнштейна. В.И. Вернадский рассматривал мир не в статическом, а в динамическом, нестационарном состоянии, состояний постоянного и необратимого исторического развития. В.И. Вернадский считал, что в основе реального мира лежат эволюционные, необратимые процессы. Равновесные состояния систем и связанные с ними обратимые процессы – это лишь как частные, преходящие явления в циклически-необратимом развитии реальных систем. Тем самым он распространил понятие эволюции на все природные феномены. К такому пониманию соотношения между обратимыми и необратимыми процессами, равновесными и неравновесными состояниями физика, прежде всего в работах И. Пригожина, подошла лишь во второй половине XX в.

В.И. Вернадский обратил внимание еще на одну особенность необратимых процессов, а именно, – взрывной (скачкообразный, сальтационный) характер смены последовательных состояний одной и той же системы. Эти скачки, по мнению В.И. Вернадского, всегда связаны с ускорением процессов и, таким образом, не носят характера вневременных, мгновенных переходов. Огромное значение скачков в развитии необратимых процессов также было открыто и экспериментально изучено лишь во второй половине XX в., когда они были связаны с так называемыми точками бифуркации. В.И. Вернадский представлял необратимые процессы развития как непрерывно-прерывистые. Рассматривая этот вывод как эмпирическое обобщение, он соответственно строил и свою концепцию реального времени-длания.

Физика подошла к пониманию реальности и роли необратимых процессов в ее развитии, близкому к представлениям В.И. Вернадского, лишь совсем недавно, отказавшись от традиционного для нее создания концептуальной картины физического мира с позиции стороннего наблюдателя.

В.И. Вернадского многое связывало с философией “жизненного порыва” А. Бергсона. Поддерживал он и идею А. Бергсона о противопоставлении реального времени-длания и ньютоновского физического времени. Он высоко оценивал научное значение вывода А. Бергсона о необратимости и неоднородности вре-

мени, а также его представления о том, что “время – это творчество”. В.И. Вернадский обобщил представления о жизни, творческом порыве и эволюции, распространив их на весь реальный мир, на все необратимые процессы и рассматривал время как инвариант циклически-необратимых, непрерывно-прерывистых эволюционных процессов, связанных как с живой, так и с косной материей.

В.И. Вернадский использовал для эмпирического обоснования своего вывода о необратимости времени широкий спектр природных процессов: радиоактивный распад атомов, эволюцию звезд, историю земной коры, эволюцию органического мира, смену поколений в пределах отдельных таксонов, бренность существования отдельных организмов, историю человеческого общества. Высказанное В.И. Вернадским положение о неоднородности, анизотропности времени стало предметом обсуждения лишь сравнительно недавно. Примечательно при этом, что представление об изотропности, однородности времени обосновывается физическими законами, выведенными для закрытых равновесных систем. Между тем, В.И. Вернадский опирался на результаты анализа открытых неравновесных систем, к изучению которых физика и физическая химия подошли лишь во второй половине XX столетия.

Еще одно важное положение концепции времени В.И. Вернадского: выявляя инварианты в разнородных необратимых процессах, он постоянно подчеркивал специфические для каждого из них проявления времени. Это позволило ему впервые в научной и философской литературе ввести понятие о различных типах времени – физическом, геохимическом, биологическом, геологическом, психофизическом, историческом, космическом. В дальнейшем эти его представления были развиты постоянным корреспондентом К.В. Симакова И.В. Крутем⁶⁵ в его концепции о разнородных факторах природного времени и нашли широкий отклик в творчестве самого К.В. Симакова.

Показывая, что жизнь отдельного организма определяется не только имманентным ему биогеохимическим процессом, необратимо приводящим его к старению и смерти, но и влиянием внешней среды, условиями его обитания, В.И. Вернадский по сути дела вводил в науку представление о локальном времени. Одновременно из сопоставления собственного времени атомов и живых организмов следовало различие и между понятиями

⁶⁵ Круть И.В. Исследование оснований теоретической геологии. М.: Наука. 1973. 205 с.; Он же. Введение в общую теорию Земли. М.: Мысль, 1978. 367 с.

индивидуального (свойственного атомам, средний срок жизни которых не зависит от влияния внешних факторов) и локальным временем. В дальнейшем эти представления В.И. Вернадского были развиты в работах Ю.А. Урманцева, Ю.П. Трусова, самого К.В. Симакова. В работах И. Пригожина аналогичные представления привели к выводу о необходимости выделения так называемого второго времени, отражающего процесс изменения системы в ходе ее необратимого развития или ее возраст.

К.В. Симаков показал, что в связи с анализом биологического времени В.И. Вернадского привлекала еще одна проблема. Он считал, что “самое характерное явление в смысле времени в живом веществе является не существование неделимых, а существование поколений... Поколения генетически сменяются, постоянно меняясь в своих морфологических проявлениях, причем эти изменения или совершались скачками через большие промежутки времени, или, наоборот, накапливались от поколения к поколению незаметно, становясь видными только через большое число поколений”⁶⁶. Смену поколений, в основе которой лежат периодически повторяющиеся процессы, В.И. Вернадский пытался использовать для введения естественной единицы измерения биологического времени. Эта проблема всегда привлекала внимание и К.В. Симакова.

Постановка вопроса о необходимости выбора естественной (первоначальной) меры реального времени-длния была для В.И. Вернадского не случайной. Его глубоко волновала эта проблема, поскольку он считал измерение времени одним из основных актов научного познания мира. Вместе с тем он прекрасно понимал всю сложность поставленной им задачи, которая и ныне не только не решена, но даже всерьез не обсуждалась. Как показал К.В. Симаков, в принципе очевидно, что естественные (первоначальные) меры реального времени-длния должны отвечать естественным структурным подразделениям собственного времени того реального процесса, который принимается в качестве “часов”. Такими естественными мерами (аналогичными году, лунному месяцу и суткам) являются брэнности последовательно сменяющих друг друга систем определенного типа; ритмическая смена “поколений” в период сохранения каждой системой своего подвижно-равновесного состояния; отдельных систем и, наконец, вероятно, стадий их автономного развития. Однако при попытках создания метрики на этой принципиальной основе

⁶⁶ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 88.

встает целый ряд вопросов, требующих глубокой методологической проработки.

Во многих своих работах К.В. Симаков продемонстрировал особые сложности, возникающие при попытках доказательства конгруэнтности одноранговых естественных мер реального времени-дленин, занимающих различное положение в структуре метрики его концептуального времени. Проблема установления конгруэнтности последовательных одноранговых единиц чрезвычайно сложна даже при построении метрики физического времени, где она решается, по сути дела, на конвенциональной основе. В случае создания метрики реального времени-дленин сложности доказательства конгруэнтности одноранговых подразделений многократно возрастают, так как в качестве таковых на разных отрезках шкалы выступают брэнности естественных структурных подразделений собственного времени не одной и той же, а различных систем.

Проблема введения метрики концептуального времени-дленин, впервые поднятая В.И. Вернадским, далека от своего разрешения. Следует подчеркнуть, что в обыденной практике вполне достаточно использование существующей метрики концептуального физического времени. Со всей остротой вопрос о замене последней метрикой концептуального реального времени-дленин встает в геологии, имеющей дело со статическим, а не динамическим временем (Симаков, 1994, 1997; и др.). Вследствие специфической природы статического времени, обусловленной законом темподесиненции информации, создание соответствующей метрики требует отказа от логико-математического аппарата классического анализа и замены его аппаратом теории множеств (Симаков, 1998; и др.).

К.В. Симакову удалось весьма аргументированно доказать, что представления В.И. Вернадского по проблеме пространства-времени во многом аналогичны выдвинутому спустя полвека идеям И. Пригожина и И. Стенгерс, которые произвели на научное сообщество колоссальное воздействие. Идеи В.И. Вернадского по проблеме времени подверглись беспощадной критике ортодоксов марксистской философии и в результате оказались неизвестными научному сообществу.

Принципиально новой была также постановка в трудах В.И. Вернадского вопроса о необходимости определения сущности и свойств реального времени-дленин на основании выделения инвариантов в темпоральных свойствах и отношениях не только психофизических и биологических, а любых разнородных проявлений времени. Это позволило ему эмпирически обосновать

представление об анизотропности, неоднородности, континуально-дискретной, циклически-необратимой структуре реального времени.

Развитие идей В.И. Вернадского, согласно которым время является инвариантным аспектом любых проявлений реальности, приводит к выводу, что реальное время представляет собой инвариантный аспект структуры и универсальность типов системных трансформаций как статических, так и динамических материальных систем и связанных с последними процессов. Такое понимание сущности реального времени охватывает как статическое (ретроспективно реконструируемое), так и динамическое время. Время выступает и как свойство (бренности подвижно-равновесного состояния, неизменности архетипа систем), и как отношение (последовательности, включенности и рядоположности), и как способ преобразования, критерий разграничения любых материальных систем и процессов. Вывод К.В. Симакова философски глубок: гипертрофированный акцент на отдельных аспектах проявления реального времени приводит к его трактовке в духе субстанциальной концепции И. Ньютона (время как свойство), реляционной концепции Г.В. Лейбница (время как отношение), представлений Э. Маха (время как изменение) или теории конкретного времени А. Бергсона (время как способ преобразования-самоорганизации)⁶⁷.

Выявление К.В. Симаковым вклада В.И. Вернадского в разработку проблемы времени проведено на высоком научно-философском уровне и будет, несомненно, оценено будущими поколениями исследователей. Приведу лишь мнение современника: “К.В. Симаков дал глубокую оценку философских представлений В.И. Вернадского о времени... Разработанная В.И. Вернадским теория времени – это лишь один из примеров самобытности его подходов к различным проблемам, свидетельство оригинальности, неординарности его мышления, восприятия окружающего мира”⁶⁸.

⁶⁷ Там же. С. 100.

⁶⁸ Янишина Ф.Т. Мысли о философских взглядах В.И. Вернадского // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М.: Ноосфера, 2001. С. 89.

Общекультурный горизонт исследований

С ранних работ, посвященных проблеме времени, у К.В. Симакова обнаружилась редкая и постоянно расширявшаяся общекультурная эрудиция. У него были большие способности, а самое главное – вкус к истории и философии, он постоянно читал не только специальную геологическую литературу, но и то, что называют памятниками истории и культуры. Эти его вкус и культура выявились при изучении и изложении сложной проблематики времени в науке. Ему импонировали изречения Августина Блаженного: *“Что же такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик”*, Д. Пэджа: *“Мало есть в геологии вопросов, которым было бы посвящено так много внимания, как вопросу о времени, и мало вопросов, отвечать на которые геология была бы так плохо подготовлена”*.

Принципиальный фундамент при рассмотрении этой проблематики в его работах составляли направляющие идеи В.И. Вернадского, которого он читал и перечитывал всю жизнь. А это не легкое чтение! Поскольку он отстаивал конструктивность для геологии концепции времени-дления В.И. Вернадского, то исходным положением при этом выступало положение последнего: *“Понятие времени есть одно из основных научных эмпирических обобщений... Время есть одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание”*. А исторический угол зрения при определении своих целей и задач анализа проблемы времени задавало другое положение В.И. Вернадского: *“Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое”*.

Аналогичные мысли Кирилл Владимирович отыскивал и у других мыслителей: *“Мы беремся утверждать, что не единожды, не дважды и не несколько, а бесчисленное множество раз одни и те же мнения появляются и вновь обращаются между людьми”* (Аристотель). *“Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего, будто это развитие – внешняя подмостка, лишенная всякого внутреннего достоинства... Былое не утратилось в настоящем, не заменилось им, а исполнилось в нем”* (А.И. Герцен).

Общекультурный размах и масштаб предпринятого К.В. Симаковым исследования истории развития представляет в его итоговом трехтомнике “К созданию теории палеобиосферного времени” (2004). Во многом, в том числе и по оригинальности, он напоминает “Очерки по истории современного научного мировоззрения” В.И. Вернадского. С позиций реляционно-генетической концепции времени Стенона–Вернадского проведен глубокий анализ взглядов философов, натуралистов, естествоиспытателей и геологов с античных времен и до нашего времени. Впервые в русскоязычной литературе даны подробное изложение и анализ взглядов античных и средневековых теологов и натуралистов, выявлены истоки основных методологических принципов современных исторических реконструкций.

Чтобы показать уникальную полноту историко-методологического анализа, перечислю (конечно, с большими пробелами) имена авторов концепций и взглядов, которые цитируются, подробно и на оригинальной основе, с постоянными реминисценциями в современность анализируются в этом фундаментальном труде.

Для античности это идеи и труды Анаксимена, Анаксимандра, Пифагора, Анаксагора, Гераклита, Ксенофана, Платона, Аристотеля, Геродота, Страбона, Эмпедокла, Сенеки, Лукреция, Овидия и др.; для Средневековья и Возрождения – Плотина, Августина Аврелия, Братьев Чистоты, Абу Райхана ал-Бируни, Авиценны, Альберта Магнуса, Жана Буридана, Ристеро д’Ареццо, Алессандро дегли Аллесандри, Агриколы, Леонардо да Винчи, Бернара Палисси, Жироламо Фракастро, Андреа Цезальпино, Жана Ван Горпа, Афанасиуса Кирхера. Он подробно проанализировал идеи мыслителей Нового времени и Просвещения: Френсиса Бэкона, Рене Декарта, Исаака Ньютона, Готфрида Вильгельма Лейбница, Поля Анри Гольбаха, Дени Дидро, Карла Линнея, Жоржа Бюффона, Жана Батиста Робинэ, Йогана Гердера, Иммануила Канта, Джона Рэя, Вольтера, Анри Делюка, Николая Стенона, Роберта Гука, Томаса Бэрнета, Джона Вудварда, Джона Уайтхорста, Ричарда Карвэйна, Анри Готье, Николь-Антуана Буланже, Йогана Георга Зулцера, Пьера-Августина де Соважа, Эли Бертрана, Йогана Готлиба Лемана, Джиованни Ардуино, Георга Христиана Фюкселя, М.В. Ломоносова, Бенуа де Мелле, Торнберна Бергмана, Абрахама Готтлоба Вернера, Роберта Джеймисона, А.Ф. Севастьянова, Антуана Лавуазье, Джорджа Геттона, Жана Батиста Ламарка и др.

К.В. Симаковым детально рассмотрен процесс становления представлений о специфике палеобиосферного времени в рамках конкурировавших в XIX столетии концепций катастрофизма, униформизма и трансформизма, а также взаимосвязь последних со сменявшимися в течение этого времени механистической (ньютоновской) и полевой концептуальными картинами физического мира. Осуществлен подробный анализ методологических просчетов, допущенных при создании Международной стратиграфической и изоморфной ей геохронологической шкал. Прослежены теоретические и эмпирические истоки различных представлений о природе МСШ. При рассмотрении становления и оформления теории геологического (палеобиосферного) времени проанализированы идеи У. Юэвелла, Г.В. Гегеля, Ж. Кювье, Ч. Лайеля, Ж.Б. Ламарка, Э. Жоффруа Сент-Илера, Б. Котта, К.Ф. Рулье, Р. Чэмберса, “отца биостратиграфии” В. Смита, Ал. Броньяра, Дж. Паркинсона, Э. фон Шлоттейма, Ад. Броньяра, А. Седжвика, Дж. Гриноуга, алогичной геологии Г. Спенсера, Дж. Леконта, У. Томсона, К. Кинга, Т. Гексли, Т. Чемберлена, Э. Маха, А. Бергсона, А. Грессли, Н.А. Головкинского, А.А. Иностранцева, И. Вальтера, Э. Реневье, М. Неймайра, Э. Геккеля, В.П. Амалицкого, Р. Келликера, Г. Уильямса, К. Нэгели, Э. Копа, А. Гейки, Э. Рэмсэя, А. Лэйна, Ч. Дарвина, Э. Рюто, Дж. Пауэлла, Ф.Н. Чернышева, С.Н. Никитина и др.

Большой и актуальный интерес вызывает анализ различных по своему детерминистическому содержанию концепций Международной стратиграфической шкалы, конкурировавших на протяжении XX столетия. К.В. Симаковым показана несостоятельность теоретических и методологических предпосылок, положенных руководителями Международной подкомиссии по стратиграфической классификации в основу разработанных ими рекомендаций по процедуре стратиграфических исследований. В связи с этим проанализированы идеи и концепции В.И. Вернадского, Дж. Елецкого, А. Холмса, К. Тейхерта, О.П. Фисуненко, Д. Киттса, Р. Гольдшмидта, Т. Чемберлена, Э.О. Ульриха, А.А. Борисяка, Н.М. Страхова, С.Н. Бубнова, Р. Ведекинда, О. Шиндевольфа, Н.С. Шатского, Дж. Джиллули, Л. Хенбеста, О. Вализера, Б.С. Соколова, А. Грабау, Н. Ньюэлла, А.Л. Яншина, Д. Симпсона, Э. Майра, Н. Элдриджа, С. Гулда, С.М. Стэнли, Д.Н. Соболева, В.В. Меннера, Л.С. Либровича, А.П. Ротая, Л.Л. Халфина, М.А. Усова, А.И. Жамойды, О.П. Ковалевского, В.А. Яркина, В.А. Зубакова, Б.Л. Личкова, Н.А. Ясаманова, А.А. Баренбаума, В.А. Красиловой, М.И. Будыко, Г.П. Леонова и др.

Большое внимание уделено обсуждению с позиций реляционно-генетической концепции времени Стенона–Вернадского, системного подхода и логико-математического аппарата теории множеств перспектив создания теории реального палеобиосферного времени и на ее основе – метрики концептуального палеобиосферного времени. В этой теоретико-методологической части трехтомника также глубоко проанализированы концепции, например, Дж. Бэррела, Д. Эгера, И.А. Ефремова, С.В. Мейена и др.

К.В. Симаков давно считал, что пробелом его десятилетиями продолжавшегося труда над проблемой времени в геологии и ее историей является то, что он не рассматривал теологические концепции. По традиции, заложенной Ж. Бюффеном, Дж. Геттоном и Ч. Лайелем, такие “теории Земли” рассматривались как ненаучные или антинаучные, как “летопись ошибок”, и эта традиция вполне сохранилась до наших дней. К.В. Симаков же, будучи убежденным последователем В.И. Вернадского, считал, вслед за последним, что оценка прошлых построений должна проводиться с учетом общего интеллектуального климата той эпохи, когда они создавались, поэтому религиозные воззрения никак нельзя элиминировать из истории науки. Опорой ему в этом служило, например, такое высказывание В.И. Вернадского: *“Наука неуклонно, постоянно захватывает области, которые долгие века служили уделом философии или религии; она встречается там с готовыми и укоренившимися построениями и обобщениями, не выдерживающими критики и проверки научными методами искания. Такое проникновение науки в новые, чуждые ей раньше области человеческого сознания, вызывает споры, играющие важную роль в науке, и своеобразным образом окрашивает все научное мирозерцание”*⁶⁹.

Анализируя отношение к теологическим построениям в Лондонском Королевском обществе, которое поначалу четко отмежеввалось от богословия и научных изысков в области государственного устройства, но затем под влиянием успехов в области древней историографии, археологии, палеографии, памятниковедения, обратило внимание на самые различные исторические реконструкции, в том числе теологического толка, К.В. Симаков рассматривает это как демонстрацию эффективности исторического подхода в науке, что в итоге привело к разделению статического и динамического представления о мире. Отсюда он сделал вывод, что теолого-фантастические “теории Земли” следует рассматривать как особое направление в развитии представлений

⁶⁹ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 52.

о сущности, структуре и особенностях геологического времени. К.В. Симаков полагал, что их появление знаменовало “внедрение” как в науку, так и теологию провозглашенного Р. Декартом исторического подхода к изучению природы и совпало с существенными изменениями в церковной интерпретации роли Всевышнего⁷⁰.

Этот пробел в своих историко-научных исследованиях Кирилл Владимирович восполнил в своем трехтомном труде “К созданию теории палеобиосферного времени” (2004). Здесь рассмотрены взгляды и фантазии на теологическую тему Т. Бэрнета, Дж. Вудварда, Дж. Уайтхорста, А. Делюка, Р. Карвэйна, большую часть из работ которых ему пришлось перевести с английского. Безусловно, анализ этих работ восполнил пробел не только в его собственных историко-научных исследованиях, но и во всей отечественной истории науки.

Фантазиям на теологическую тему предпослан эпитаф из А.С. Пушкина:

*Сказка – ложь, да в ней намек:
Добрым молодцам урок.*

Даже сам сбор первоисточников, не говоря о его анализе, потребовал колоссального, кропотливого труда. К тому же Кирилл Владимирович хотел одновременно собрать и портреты всех, к кому он обращается в своем труде. Для этого пришлось на протяжении многих лет вести эту собирательскую работу не только в отечественных и зарубежных библиотеках и информационных центрах, но и в командировках внутри страны и за рубежом, общаться к этому поиску своих друзей в разных странах. Во всех публикациях К.В. Симаков не забывал выражать признательность своим информаторам разного ранга: от библиотекарей до профессоров.

Одной из особенностей всех книг К.В. Симакова является обилие эпитаф, которые тоже характеризуют высокий уровень его культуры и интеллекта. Сам их подбор достаточно красноречиво говорит о его вкусах. Приведу некоторые из них.

“Битвы за свои убеждения никогда не бывают столь жестоки, как битвы за свои заблуждения” (Феликс Кривин).

“Многие великие истины были сначала кощунством” (Бернард Шоу).

⁷⁰ Симаков К.В. К созданию теории палеобиосферного времени. Магадан, 2004. Т. 1. С. 162.

“Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобратъ: где причины и где последствия” (Козьма Прутков).

Много эпиграфов к главам монографий посвящено проблеме времени.

“Время – это то, что существует, когда ничего другого не происходит” (Роберт Фейнман).

“Нет способа измерения времени, который был бы истиннее другого; общепринятый способ измерения является только более удобным” (Анри Пуанкаре).

“Время подобно искусному управителю, непрестанно производящему новые таланты взамен исчезнувшим” (Козьма Прутков).

К главе о натурфилософских представлениях о времени взят эпиграф: *“Природа не терпит пустоты: там, где люди не знают правды, они заполняют пробелы домыслами”* (Бернард Шоу).

К концепции Дж. Геттона, утвердившего представление о бесконечности времени в геологии, – эпиграф из Феликса Кривина *“Запасы времени в Природе неограниченны, но как мало приходится на каждого человека”*.

Точен эпиграф из В.И. Вернадского к геологической концепции Ж.Б. Ламарка: *“Истина нередко в большем объеме открыта научным еретикам, чем ортодоксальным представителям научной мысли”*.

Еще одна яркая мысль уже нашей современницы С.С. Розовой, которую Кирилл слушал на семинарах в Новосибирске, приведена как эпиграф к проблеме стратиграфической классификации: *“Тайна классификационной проблемы заключена в стремлении ученых найти “вечный” алгоритм развития науки, “свернуть” все научное исследование в совокупность правил построения классификаций. Это попытка построить процедуру классификации так, чтобы она впитала в себя всю науку”*.

Обзор тома “Предыстория. Зарождение” включают “Итоги” с эпиграфом из Горация *“Многое способно возродиться из того, что умерло”*, который хорошо коррелирует с идеями В.И. Вернадского об истории знаний.

Главу о концепциях абстрактного и причинного времени в геологии предваряет эпиграф из Марка Твена: *“Если бы все придерживались одной точки зрения по всем вопросам, было бы чертовски скучно жить на этом свете”*.

Глубокий афоризм нашел Кирилл у Козьмы Пруткова к разделу книги, в котором речь идет о регионально-исторической концепции Г.П. Леонова: *“Не в совокупности ищи единства, но более – в единообразии разделения”*.

К анализу типологической концепции геологического времени Х.Г. Шенка, С.У. Мюллера, Х.Д. Хедберга, А. Сальвадора, которую на протяжении многих лет вслед за многими отечественными стратиграфами К.В. Симаков рассматривал критически, он взял эпиграфом высказывание Дени Дидро *“Неудобство не в том, что имеешь взгляды, а в том, что ими ослепляешься, предпринимая опыт”*.

Глава о перспективах развития геохронологии открывается эпиграфом, взятым у Эрнста Геккеля: *“Природа может дать верный и недвусмысленный ответ на заданный ей вопрос только тогда, когда он поставлен ясно”*.

Меня вдохновляют эпиграфы, взятые к разделу, подводящему итоги развития представлений о геологическом времени в XX в. Один заимствован у Оноре де Бальзака: *“Далеко недостаточно показать, что настоящее выше прошедшего: нужно еще вызвать предчувствие будущего, которое выше нашего настоящего”*, а другой принадлежит Феликсу Кривину: *“Мироздание строилось по принципу всех остальных зданий: с самого первого кирпича оно уже требовало ремонта”*.

Общие выводы к трехтомнику предваряют скептические эпиграфы: *“Если люди могут достигнуть в любой области сколько-нибудь разумных результатов, то только после того, как они в этой области исчерпают все возможные глупости”* (Б. Фонтенель) и *“Где начало того конца, которым оканчивается начало?”* (Козьма Прутков).

В качестве эпиграфов К.В. Симаков использовал много изречений Феликса Кривина, ироничный стиль которого хорошо соответствовал стилю мышления самого Кирилла. Вот некоторые из них.

“Всем силам, которые действуют на Земле, противостоят единственная – сила инерции” (Об астрогеологических гипотезах).

“Если бы между прошлым и будущим не было настоящего, все плохое было бы уже позади, а впереди было бы только хорошее” (К разделу о кризисе стратиграфии).

“Живое умирает, а мертвое существует миллионы лет, потому что оно совсем не расходует времени” (О рождении биостратиграфии).

Афоризм Феликса Кривина *“Уже когда человек изобрел первую дверь, он искал не входа, а выхода”* хорошо иллюстрирует трактовку К.В. Симаковым состояния проблемы измерения геологического времени.

Вообще, у К.В. Симакова был дар находить яркие высказывания, которые сразу акцентируют внимание на сущности рассматриваемой проблемы. Вот некоторые примеры.

“Если бы Бог вначале не дал миру никакой другой формы, кроме хаоса, но, установив законы Природы, предоставил ее своему течению, чтобы она действовала обычным образом, можно думать, без ущерба для чуда сотворения мира, что уже в силу только этого все чисто материальные вещи могли бы со временем стать такими, какими мы их видим в настоящее время. Природу их гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые” (Р. Декарт).

“Природа вовсе не есть какое-то изделие; она всегда существовала сама по себе; в ее лоне зарождается все; она – колоссальная мастерская, снабженная всякими материалами; она сама изготавливает инструменты, которыми пользуется в своих действиях; все ее изделия являются продуктами ее энергии и сил или причин, которые она заключает в себе, производит и приводит в действие. Вечные, несотворенные, неразрушимые, всегда движущиеся элементы, различным образом сочетаясь между собой, порождают все наблюдаемые нами существа и явления (Гольбах).

Вот интересная и яркая цитата из Д. Дидро, который поддерживал и развивал две идеи Аристотеля (о существовании общего прототипа всех животных и их непрерывной связи друг с другом): *“По-видимому, Природе свойственно разнообразить один и тот же механизм бесконечным числом различных способов. Она перестает действовать в известной области своих произведений лишь после того, как она размножила индивиды во всех возможных формах. Рассматривая царство животных, можно подметить, что среди четвероногих нет ни одного животного, функции и органы которого... не совпадали бы с функциями и органами другого четвероногого, и тогда можно охотно поверить, что некогда существовало лишь первоживотное, прототип всех животных, и Природа только увеличивала, уменьшала, трансформировала, умножала, ликвидировала его известные органы... Всмотримся в последовательные метаморфозы развития прототипа, каким бы он ни был – они приближают одно царство к другому постепенными ступенями и заселяют границы двух царств неопределенными существами, существами сомнительными, лишенными в большей части форм, качеств и функций одного царства и наделенными формами,*

качествами и функциями другого, – не заставляют ли нас все эти наблюдения поверить в то, что искони существовал лишь один первоначальный прототип всех существ? ...Ведь ясно, что Природа не могла сохранить столько сходных черт в органах и вызвать разнообразие в формах, не обнаруживая порой в одном организованном существе того, что отняла у другого. Природа напоминает женщину, любящую переодеваться, – ее разнообразные наряды, от которых ускользает то одна часть тела, то другая, дают надежду на стойчивым поклонникам некогда узнать ее всю”. Читая это, я вспоминаю Кирилла, способного заметить оригинальность и образность мысли автора.

Черты личности и система ценностей

Выбор жизненного пути был осуществлен К.В. Симаковым рано и вполне осознанно, что не так часто бывает в юном возрасте. Очевидную роль в этом выборе сыграли родители и старший брат Игорь. Научные традиции семьи не могли не сказаться на жизненных ориентациях Кирилла. Профессия геолога в те годы привлекала лучших. У Кирилла к тому же перед глазами были экспедиционные и лабораторные работы отца и матери, брат Игорь уже выбрал профессию геофизика. Так что поступление на геологический факультет Ленинградского университета было по существу безальтернативным. Факультет с высококласным преподавательским коллективом, геологическое братство студентов, работа на практиках по территории всего Советского Союза – все это не могло не захватить, не увлечь на всю жизнь.

К.В. Симаков, как и многие из его поколения, серьезно и последовательно овладевал знаниями. Подготовка выпускников ведущих учебных заведений страны в 1950–60-е гг. была существенно качественнее, чем у тех, кто учился в последующие десятилетия. Специальность, которую он выбрал, была весьма трудоемкой, даже в сравнении с другими геологическими специальностями, не говоря уже о тяготах полевых исследований в отдаленных районах. Все преодолевал энтузиазм поколения. Мне кажется, что это были десятилетия высшего расцвета отечественной геологической службы, которые уже не могут быть повторены. Понимал это и Кирилл, посвятивший одну из своих книг – “Моим коллегам – поколению стратиграфов и съемщиков, обеспечивших выполнение программы Государственной геологической карты-200”.

После окончания университета К.В. Симаков, опять-таки как многие его сверстники, был готов к вполне самостоятельной работе, а работа на геологической съемке – это ежедневный изнурительный и опасный труд в местах, где не ступала нога человека, без связи с базой экспедиции, с высокой ответственностью за работу и за людей, работающих с тобой. Уровень его квалификации проявился сразу же, во второе полевое лето он уже был начальником партии, нашел и описал свой разрез на Моландже, который затем сделал знаменитым среди стратиграфов мира:

благодаря своей энергии и настойчивости добился признания его стратотипом границы девона и карбона.

С первых лет работы проявилась такая черта К.В. Симакова, как стремление дойти до сути в геологическом строении районов, в которых ему пришлось работать. Не просто выполнять план, “исхаживать” территорию, что тоже требовало высокого напряжения сил, сдать на хорошем уровне полевые материалы, но именно понять природу геологических процессов, возрастные и пространственные взаимоотношения комплексов, понять историю осадконакопления и развития организмов. В его письмах (раздел книги “Документальные материалы”) – постоянная неудовлетворенность в понимании самых различных геологических процессов. Пробелы в своем образовании (а в геологии подавляет разнообразие проблем и их истолкований) он неумоимо пополнял чтением специальной литературы, в которой искал ответы на мучившие его вопросы. Читал он непрерывно до конца своих дней, жадно искал новые источники информации. Верно вспоминают, что на него работал целый отдел ВИНТИ.

Камеральный сезон вовсе не был для него “разгрузочным”, как могли позволить себе многие его коллеги-полевики. Напротив, интенсивность его труда резко возрастала зимой, свет в его доме в Сеймчане горел ночи напролет.

Высокий ритм труда, к которому он приучил себя смолоду, он выдержал до последних лет жизни. Я где-то читал, что первый показатель выдающихся людей – высокая жизненная энергия, которая проявляется не только в труде, но и в самом способе жизни. Это качество было присуще Кириллу сполна, и даже возраст и болезни не внесли в него серьезных корректив.

Я уже говорил о том, что все здание своих профессиональных знаний он строил на широком и глубоком общекультурном фундаменте. Да и проблемы, которые его интересовали, главным образом были по-настоящему фундаментальными. Именно такие исследователи должны работать в Академии наук. Эта высокая фундаментальность его разработок и идей часто вызывала раздражение и неприятие в геологических науках, где эмпирия и описательство продолжают доминировать. Но, несмотря на многие щелчки и тычки, которые ему пришлось получить в жизни, он неуклонно вел свою линию, не только не отказывался от проблематики, которая отвечала его интересам, и в значимости которой он был уверен вопреки скепсису недоброжелателей, но постоянно и упорно совершенствовал аргументацию, расширял ее базис, углублял идейную основу.

Цельность его натуры проявлялась и в желании и умении доводить начатое им дело до логического конца, до результата. Это проявилось и в Сеймчане. Уже в начале 1960-х гг. он и его друг И.Б. Флеров понимали, что их перспективы могут быть связаны только с наукой, что экспедиционный период своей жизни они уже исчерпали, но их удерживало стремление довести начатое до результата. Для К.В. Симакова таким результатом стала подготовка и защита листов Государственной геологической карты масштаба 1 : 200 000. И он сделал это, хотя для этого и пришлось задержаться в экспедиции на несколько лет.

Еще более выразительным примером доведения дела до конца стало последнее десятилетие жизни К.В. Симакова, когда он получил возможность целиком посвятить себя любимой проблеме времени в геологии и теории стратиграфии. Результат – шесть фундаментальных монографий.

Кирилл никогда не искал путей для устройства карьеры, хотя прекрасно понимал, что научное признание и заслуги в нашей стране напрямую зависят от административных постов. Несмотря на неординарные организационные способности, которые так ярко проявились в международных исследованиях, он в целом был далек от карьерных устремлений. Конечно, по большому счету именно он, глубоко понимавший перспективу и проблемы своей отрасли знания, должен был руководить институтом стратиграфии, идею которого он так аргументированно обосновывал. Он понимал, что такой институт необходим не для его личной синектуры, а для организационного оформления профессионального сообщества стратиграфов. Эта идея не состоялась по многим причинам, но среди них была и его личная низкая карьерная мотивация. Он поддерживал мои шутливые декларации, что я органически не могу быть никаким начальником, разве что столоначальником – начальником над своим столом.

Он тоже всю жизнь не вставал из-за этого стола. Вспоминаю его двухкомнатную “хрущобу” на Пролетарской, где прошла основная часть его магаданского бытия, раздвижной обеденный стол в большей комнате, раскрытый во всю длину, ворох бумаг и две пишущих машинки “Эрика” с русским и латинским шрифтами. Печатал он двумя пальцами, но очень быстро и на той, и на другой. Здесь собирались все друзья (это было во время стратиграфического совещания в Магадане), а также устраивались семинары. Настоящую квартиру он получил только в последние годы жизни.

Главной доминантой жизни Кирилла была его целеустремленность и полная отдача науке. Он вовсе не был ханжой, любил

компании и веселье, но тем не менее ему жаль было тратить на это жизнь.

Кирилл испытал на себе несправедливость многих отзывов на его разработки по проблеме времени в геологии. Поэтому всегда готов был проявить понимание к иным взглядам, был терпим и к критике в свой адрес. Вместе с тем он никогда не считал возможным опускаться до беспринципности, даже по отношению к своим друзьям.

Жена Кирилла Валентина Шевченко говорила, что он мог войти к любому начальству, чтобы отстаивать то, в чем убежден. Она полагает, что это качество он получил с генами, будучи потомственным интеллигентом. Возможно, это так. Я, например, начисто лишен такого качества, никогда не ходил и не пойду ни к какому начальству, даже отстаивать идеи. Моя активность чисто камерная, не поднимаясь с собственного стула. Понимаю, что, вероятно, из-за такой позиции много потерял в жизни, но, скорее всего, нет.

Несмотря на свою непоказную скромность и нежелание высовываться, личность Кирилла всегда вызывала симпатию и притяжение к нему самых различных людей. Что-то было в нем истинное, без фальши и притворства. У нас в Киеве он побывал лишь однажды, но мои дети запомнили его навсегда, правда, им трудно было идентифицировать его на фотографиях в последние годы жизни. Да и мое с ним общение было преимущественно заочным, как я писал в предисловии к одной из своих книг, в которой он выступал как редактор, в “дистанционных условиях Магадана”⁷¹. Вот одно из его писем ко мне после длительного перерыва, вызванного кризисом науки.

Привет, Валентин!

Сто лет не имел никаких известий от тебя – так нас разорвали поглупому. У меня дела ничего – ни шатко ни валко, занимаюсь всякой ерундистикой типа организации международных семинаров и совещаний, которые ни уму, ни сердцу, хотя и приносят какое-то удовлетворение в том смысле, что позволили наладить приличную издательскую базу. Пользуясь этим, заваливаемся всякой макулатурой собственного производства.

Работаю (когда есть время) все по той же тематике и посылаю тебе очередную бредятину⁷². Книжка эта – первая из трех задуманных. Вторая посвящена истории развития представлений о геологическом времени

⁷¹ *Онопrienko В.И.* Борис Борисович Голицын. М.: Наука, 2002. С. 7.

⁷² У Кирилла, с его самоиронией, был свой термин, обозначающий его увлечение проблемой времени, – “бредятинa”. Это словечко вошло и в мой лексикон.

(сейчас со скрежетом зубным добиваю ее и хочу издать у себя в этом году), а третью хочу нахально назвать “Введением в методологию геохронометрии” или что-то вроде этого. Как выйдет – передам через Юру.

Если ты еще не совсем отошел от этих дел и если найдешь время и кураж, попробуй дать рецензию на эту книжку хотя бы в “Вестник РАН” – у них сейчас статьи проходят довольно быстро (кстати, если вы его получаете, то посмотри № 6 за этот год – там должна быть моя статья по Вернадскому) – писателей сейчас становится все меньше, не говоря уж о читателях⁷³.

Вот пока и все новости, хотелось бы встретиться и потрепаться, но когда это случится и как это случится – черт его знает. Пока всего хорошего, привет семье.

Твой Кирилл

Магадан, 20 июня 1995 г.

Я, как науковед, убежден, что людей науки можно эффективно классифицировать по их коммуникационным возможностям: каждый исследователь характеризуется своей коммуникационной сетью и из ее обширности и особенностей можно делать выводы о самом ученом. Как и у многих, эта коммуникационная сеть у Кирилла, особенно поначалу, формировалась спонтанно: преподаватели, друзья, однокашники по геологическому факультету Ленинградского университета и среди них его постоянная симпатия и привязанность к декану, крупному геологу Н.М. Сидицыну.

Затем круг сеймчанских геологов – Ю.Р. Васильев, Б.Ф. Палымский, часть из них стали известными учеными, дружба с И.Б. Флеровым на всю жизнь. Многие из них годами были его собеседниками, в особенности по проблемам геологии и стратиграфии Северо-Востока России. О постоянных при встречах беседах “за палеозой” вспоминает И.Б. Флеров.

В Магадане весьма близким ему по духу был круг его друзей по стратиграфо-палеонтологической партии Центральной комплексной тематической экспедиции во главе с А.А. Николаевым, даже после того как многие из них уехали из Магадана: Б.В. Преображенский, В.Г. Ганелин, Ю.И. Оноприенко и др. (об этом в воспоминаниях Ю.И. Оноприенко), а также в самом институте – В.П. Похиалайнен. Конечно, как всегда в небольшом городе, где был избыток общения и в институте, и в свободное время, где никуда не скроешься из поля зрения своих коллег (это проблема, например, наших наукоградов), где постоянно осаживают тех,

⁷³ Моя рецензия на две его книги была опубликована: Вестник РАН. 1998. № 6. С. 565–567.

кто как-то, чем-то высунулся, были свои проблемы, дразги, зависть. Но и здесь у Кирилла всегда были друзья, например, “банная компания”, о которой вспоминают И.Б. Флеров и В.Ф. Белый. Вот слова последнего: “... не будет лишним упомянуть об одном интимном штрихе из его жизни. В течение почти 20 лет я входил в состав неформального “клуба” СВКНИИ почитателей парной, заслуженным мэтром которого был К.В. Симаков. В нашей компании каждый имел свои неписанные обязанности. И Кирилл Владимирович неизменно и добросовестно, пройдя от кандидата наук до академика, нес ответственность за мыльный таз и жесткие, принимающие до костей, щетки”⁷⁴.

Подготовка и защита кандидатской диссертации вывела К.В. Симакова на широкий круг стратиграфов и палеонтологов из Новосибирска, Москвы и Ленинграда: В.В. Меннер, А.И. Жамойда, В.Н. Дубатолов, Ю.Б. Гладенков, О.В. Юферев, А.Б. Ивановский, Ю.Г. Рагозов, В.Н. Хромых, Г.А. Афанасьева, И.Н. Мананков, М.Г. Миронова, М.А. Ржонсницкая, Т.Г. Сарычева, В.Н. Жиншин и др. С ними он поддерживал многолетние тесные контакты, приглашал их для участия в полевых исследованиях на Северо-Востоке.

Ю.Б. Гладенков вспоминает:

“Я знал его много лет, у нас были уважительные дружеские отношения, но виделись мы не так часто, как хотелось: я, уехав в свое время с Северо-Востока, жил в Москве, он оставался в Магадане. Но когда дела забрасывали его в “Центр” (Москва, Санкт-Петербург), он сразу же звонил мне, и мы договаривались о встрече – либо у меня в кабинете ГИН, либо у него в гостинице. Наши разговоры, обсуждения, споры могли продолжаться часами. Предметами обсуждений являлись положение в российской науке и геологические новости, новые научные идеи и книжные новинки, теоретические вопросы стратиграфии и философские проблемы геологического времени и т. п.”⁷⁵.

Следующий круг коммуникационной сети – его бельгийские коллеги-стратиграфы, с которыми он, видимо, познакомился на VIII Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (Москва, 1975). Общение с ними, участие в совместных исследованиях на территории СССР и за рубежом сыграли исключительную роль в становлении К.В. Симакова как стратиграфа с весьма широкой эрудицией. Кратко напомним о них.

⁷⁴ Белый В.Ф. Вспоминая К.В. Симакова // Колымские вести. 2004. № 26. С. 60.

⁷⁵ Гладенков Ю.Б. Стратиграфия как раздел исторической геологии и проблемы геологического времени // Колымские вести. 2004. № 26. С. 16.

Эва Папрот – председатель Международной рабочей группы по границе девона и карбона, главный геолог геологической службы Северной Рейн-Вестфалии (ФРГ), профессор Лувенского университета, неоднократно бывала в СССР, участвовала в полевых работах на Северо-Востоке СССР, многое сделала для организации совместных стратиграфических исследований и для международного признания значимости работ самого К.В. Симакова по проблеме границы девона и карбона.

Мартин Блесс – один из постоянных и многолетних зарубежных коллег К.В. Симакова, по национальности голландец, до 1981 г. работал директором Геологической службы Нидерландов, с 1981 г. заведовал Музеем естествознания в Маастрихте, являлся консультантом Нидерландской, Бельгийской геологических служб по угледобыче и гидрогеологии, экстраординарный профессор Льежского университета, ведущий специалист среди европейских геологов по остракодам, свободно владел датским, немецким, английским, французским, испанским языками, читал по-русски. Неоднократно бывал в СССР, установил контакты с советскими учеными, высоко ценил их квалификацию. Был одним из главных финансистов публикаций совместных советско-бельгийских исследований за рубежом. Выступал с инициативой обмена передвижными выставками: организовать в Маастрихте выставку, посвященную мамонтам, а в Хабаровске или Магадане – выставку с уникальными экспонатами мезозойских динозавров.

Морис Стрил – генеральный секретарь Международной рабочей группы по границе девона и карбона, профессор Льежского университета, ведущий специалист Западной Европы по миоспорам, неоднократно бывал в СССР. Джон Талент – профессор Университета Микквори (Австралия), член-корреспондент Международной подкомиссии по стратиграфии девона, неоднократно бывал в СССР, приглашен для обсуждения предложенного им проекта совместных палеобиографических реконструкций Циркумпацифики в рамках международной программы “Биологические события”.

Руди Свенен – сотрудник института минералогии и геохимии Лувенского университета, участвовал в советско-бельгийских исследованиях в басс. р. Омон, занимается литогеохимическими исследованиями нижнекаменноугольных эвпаритовых формаций.

Эдди Потти – профессор Льежского университета, заведовал кафедрой палеозоологии, консультант Бельгийской геологической службы по кораллам ругоза и геологии визейских отложений, консультант частных нефтяных компаний по определениям

ругоз. Посетил с научными целями более 40 стран Северной и Южной Америки, Африки, Юго-Восточной Азии.

Работа в Международной рабочей группе по границе девона и карбона вывела К.В. Симакова на контакты со многими ведущими стратиграфами мира, активное взаимодействие с которыми продолжалось до начала 1990-х гг., до кризиса, в котором оказалась научная система России.

В последующие годы, когда активизировалась заинтересованность США к северным территориям России, стали регулярно проводиться совместные с дальневосточными организациями и учеными совещания и семинары, круг общения К.В. Симакова расширился на ученых и практических геологов США, в частности Аляски. Многие из них стали его друзьями, а в своих визитах на Аляску К.В. Симаков чаще всего останавливался у своего друга Денниса Тёрстена. Вот воспоминания Тима Холдера из Управления минеральных ресурсов (Анкоридж, штат Аляска) под примечательным названием “Наш Кирилл”.

С огромной печалью мы восприняли известие о смерти Кирилла Симакова. Он посылал электронную почту на Новый год и желал нам счастья и здоровья. Он также писал, что у него рак. Мы не знали, насколько серьезно он болен, но очень боялись за него...

Большую часть его профессиональной жизни Кирилл прожил в Магадане. Но он много путешествовал. В 1992 г. он в первый раз приехал в Америку, в Анкоридж, где работал совместно с многими американскими коллегами из Управления минеральных ресурсов (УМР), Геологической службы США, Аляскинского университета и других учреждений. Он отличался очень большим энтузиазмом и любовью к науке, но обладал и юмором. Всем американцам понравился этот юмор.

Он очень глубоко занимался наукой, особенно макропалеонтологией. В первой половине 90-х гг. на Аляске Кирилл начал работать над огромной книгой с несколькими соавторами о флоре и фауне Северо-Восточного региона России. Он работал несколько лет над этой книгой, и в конце концов она была издана. Деннис Тёрстон из УМР работал с Кириллом очень близко в течение долгого времени, занимаясь редактированием этого произведения.

Д-р Симаков был главным ответственным лицом по обеспечению визита Госсекретаря США по внутренним вопросам Луяна на российский Дальний Восток летом 1992 г. Вместе с Госсекретарем и представителями УМР они совершили поездку в Магадан, посетили ряд месторождений на севере Магаданской области, а также Владивосток. При подготовке этого визита д-р Симаков координировал действия представителей УМР и Геологической службы США.

Д-р Симаков был главным координатором международного семинара по проблемам окружающей среды в связи с разработками месторождений нефти и газа на шельфе, который состоялся в 1994 г.

в Магадане с участием специалистов из УМР. Проведение этого семинара имело особое значение, поскольку американские и российские специалисты работали над подготовкой к совместному тендеру на право ведения поиска и разведки нефти и газа в российско-американской акватории Чукотского моря.

В значительной степени благодаря усилиям К.В. Симакова в 1994 г. УМР передало Северо-Восточному научному центру 30 компьютеров. Американские специалисты помогли установить первую в СВНЦ локальную компьютерную сеть, и в то время это был технологический прорыв.

Но на маршруте науки он еще был и живой частью моста мира между Россией и Америкой после многих долгих лет холодной войны. Мы, американцы, которые имели счастье познакомиться и работать с ним, заменили железный занавес на личную дружбу с этим “сумасшедшим научным работником”, как он сам себя называл.

И пусть его сейчас нет рядом с нами на Земле, но с нами остался его дух. Это был страстный, увлеченный наукой человек. Он сотрудничал более чем с 20 коллегами из УМР и оказал на всех нас несомненное, особое влияние. Нам будет его не хватать.

В творческой судьбе К.В. Симакова ключевую роль сыграли две личности: Борис Сергеевич Соколов и Сергей Викторович Мейен. С первым он был связан всю жизнь, фактически со времени учебы в Ленинградском университете, со вторым – лишь полтора десятка лет, а активного общения, учитывая расстояния между Москвой и Магаданом, было не так уж много. Тем не менее роль С.В. Мейена в интеллектуальном развитии К.В. Симакова велика, в нем он нашел достойного собеседника. Способствовала этому и обоюдная духовная щедрость, постоянное желание делиться знанием и пониманием. Об этом ярко свидетельствует переписка С.В. Мейена и К.В. Симакова⁷⁶. Полагаю, что их общение было обоюдно необходимо, а себя льщу предположением, что К.В. Симаков и С.В. Мейен нашли друг друга и благодаря “незримому колледжу”, сформировавшемуся на базе киевских методологических сборников, которые я собирал и редактировал, а затем в процессе работы над коллективной монографией “Развитие учения о времени в геологии” (1982).

Сергей Викторович Мейен (1935–1987) – известный российский палеоботаник, биолог, стратиграф и методолог науки, один из основоположников палеоботанической школы Геологического института РАН, имеющей своих последователей на всем постсоветском пространстве. Сергей Викторович родился в Москве, с

⁷⁶ Памяти С.В. Мейена (к 70-летию со дня рождения) // Труды Международной палеоботанической конференции. Вып. 3. М.: ГЕОС, 2005. 138 с.

10 лет увлекался палеонтологией, посещал палеонтологический кружок при Палеонтологическом музее, в 1958 г. окончил геологический факультет Московского государственного университета по кафедре палеонтологии и был принят в лабораторию палеофлористики Геологического института АН СССР, где трудился, сначала под руководством известного специалиста по позднепалеозойским флорам М.Ф. Нейбург, а затем самостоятельно вплоть до ранней смерти. В 1972 г. он стал генеральным секретарем VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона (Москва, 1975), в котором принял участие и К.В. Симаков, приобщившись тем самым к своей последующей обширной международной научной деятельности. В 1978 г. С.В. Мейен избран вице-президентом Международной организации палеоботаники, в 1979 г. введен в редколлегию одного из ведущих международных палеонтологических журналов – “*Palaeontographica*”.

Хотя по мировосприятию и темпераменту С.В. Мейен и К.В. Симаков различались, но их сразу объединила исследовательская целеустремленность, постоянство научного поиска и методологичность мышления. Многие их оценки в отношении науки, вообще, и стратиграфии, в частности, совпадали, а несовпадения вызвали плодотворную дискуссию. Я считаю, что общение с С.В. Мейеном дало новый импульс методологическим поискам К.В. Симакова в области теории геологического времени, а монография С.В. Мейена “Введение в теорию стратиграфии” (сначала депонированная в ВИНТИ, а после его смерти изданная “Наукой”) во многом стала отправной точкой в собственных обобщениях К.В. Симакова по теории и методологии стратиграфии.

Живость характера, критичность и в то же время толерантность С.В. Мейена, отзывчивость его на новое, а самое главное – вкус и редкое чутье на методологические новации чрезвычайно влекли к нему К.В. Симакова, особенно в условиях почти тотальной невосприимчивости геологов к сути его методологических разработок по проблеме времени. Свой “принцип сочувствия” С.В. Мейен в полной мере исповедовал практически, в частности, пытаясь популяризировать идеи К.В. Симакова в среде стратиграфов.

Борис Сергеевич Соколов (1914) – выдающийся российский геолог-стратиграф и палеонтолог, академик с 1968 г. Герой Социалистического Труда (1984), лауреат Ленинской премии. Его труды по развитию органического мира и биосферы Земли в докембрии, по проблеме биостратиграфических границ

получили мировое признание. Классическим стало выделение Б.С. Соколовым венда – самого верхнего стратиграфического подразделения протерозоя, непосредственно предшествующего нижнему кембрию (интервал времени образования венда 570–680 млн лет назад).

Б.С. Соколов окончил Ленинградский университет, в 1937–1941 и 1945–1958 гг. преподавал в университете, одновременно работал во Всесоюзном научно-исследовательском нефтяном институте. По призыву М.А. Лаврентьева в 1958 г. уехал в Новосибирск работать в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, стал преподавать в Новосибирском университете. С 1982 г. – академик-секретарь Отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР, позднее советник Президиума РАН, руководитель лаборатории докембрийских организмов Палеонтологического института РАН.

Геологические изыскания Б.С. Соколов проводил на территории Европейской части СССР, Тянь-Шаня, Средней и Центральной Азии, Урала, Сибири. Научные исследования посвящены региональной геологии, нефтяной геологии, палеонтологии и стратиграфии. Изучал палеозойские кораллы, в частности, табуляты. Создал новую филогенетическую систему табулятов и указал на их важное стратиграфическое значение. Большое значение имели его работы по вопросам истории развития органического мира в докембрии, биостратиграфии и палеогеографии раннего палеозоя на территории России.

Научные достижения получили широкое международное признание: он занимал посты председателя Межведомственной стратиграфической комиссии, президента Палеонтологического общества, вице-президента Международной палеонтологической ассоциации; почетный и действительный член многих научных обществ: Шведского и Французского геологического, Международного по изучению происхождения жизни и т.д.

К.В. Симаков тесно сблизился с Б.С. Соколовым при работе последнего в Новосибирске. Борис Сергеевич ввел его в круг новосибирских палеонтологов и стратиграфов (многие из которых с легкой руки К.В. Симакова направили свои усилия на малоисследованную биостратиграфическую провинцию на Северо-Востоке СССР), открыл дорогу в Новосибирске для защиты кандидатской и докторской диссертаций Кирилла, способствовал организации международных исследований по проблеме границы девона и карбона, многое сделал для избрания К.В. Симакова сначала членом-корреспондентом АН СССР, а затем действительным членом РАН, фактически единолично представив его кан-

дидатуру на выборы, сославшись, правда, на полное единодушие в этом вопросе с академиком А.Л. Яншиным, к тому времени ушедшим из жизни.

Кирилл не искал покровительства со стороны крупных ученых, они сами его находили. Именно так получилось с Александром Леонидовичем Яншиным, яркой чертой которого было постоянное внимание к заметным событиям, книгам и людям науки. Общение К.В. Симакова с четой Яншиных, отраженной в публикуемой здесь переписке, стало заметной вехой в их личных биографиях.

Еще в 1970-е г. К.В. Симаков познакомился с известным методологом геологических наук Игорем Васильевичем Крутем, впоследствии доктором геолого-минералогических наук, заведующим сектором истории и методологии наук о Земле и экологии Института истории естествознания и техники РАН. Книги И.В. Крутя “Исследование оснований теоретической геологии” (1972), “Введение в общую теорию Земли: Уровни организации геосистем” (1978) всегда находились в поле критики и полемики, не в последнюю очередь из-за тяжеловесного и авторитарного стиля изложения, но для К.В. Симакова они стали отправными в развитии собственных идей о природе геологического времени и концепции времени-дления В.И. Вернадского.

К.В. Симаков, как настоящий ученый, постоянно искал себе собеседников и интересантов своих разработок. Длительная переписка связывала его с руководителем Российского междисциплинарного семинара “Изучение феномена времени” при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова Александром Петровичем Левичем. Они сразу нашли друг друга, опять-таки, несмотря на огромные расстояния, разделявшие их. Семинар существовал многие годы, проводился еженедельно (на начало 2000 г. уже насчитывалось около 300 семинаров). По своему духу семинар очень соответствовал интересам К.В. Симакова.

Успех научной коммуникации К.В. Симакова состоял в том, что он быстро и живо откликался на различные события научной жизни. Вот, например, его письмо председателю Межведомственного стратиграфического комитета России А.И. Жамойде по поводу нового варианта Международной стратиграфической шкалы (в связи с этим важным событием К.В. Симаков опубликовал две статьи).

Дорогой Александр Иванович!

Прежде всего, большое спасибо за присланный новый вариант МСШ. На конгрессе я не был и поэтому получить эту таблицу было весьма приятно. Потребовалось время, чтобы с ней разобраться

и поэтому несколько задержался с ответом. Основные мои замечания по поводу данного варианта изложены в прилагаемой заметке, которую я опубликую в нашем региональном журнале “Колымские вести”. Может быть ее стоит продублировать и в каком-то ином издании – это уж Вы смотрите сами.

Возмутительно, что замечания, высказанные в Вашем письме к Реманэ практически не учтены (за исключением индексации перми). Что касается так называемого подразделения докембрия – это, с моей точки зрения, вообще вопиющая безграмотность, обусловленная абсолютным философским невежеством. Кстати, к сожалению, наша библиотека сейчас лишена возможности получать не только иностранные, но и большинство отечественных журналов. Поэтому я не смог в приведенной заметке основательно высказаться ни по поводу предложений Remane et al., 1996, ни по поводу предложений Odin (если они опубликованы). Если можно, то большая просьба – прислать мне ксерокопию хотя бы предложений Remane et al., 1996.

Получил и Ваше второе письмо относительно свит и прочего. Трудности, конечно, есть и связаны они в первую очередь с возможностью использования при составлении легенд к картам м-ба 1:200 000 подразделений, выделенных при картировании в м-бе 1:50 000. Другая сложность возникает сейчас при подготовке карт м-ба 1:1 000 000. Здесь неясно, какими местными подразделениями пользоваться – свитами или сериями, а может быть и формациями. Отразить на них все детали, выявленные при более крупномасштабных съемках, практически невозможно, а при объединении (в серии или, как некоторые предлагают, формации) теряется информация о своеобразии развития отдельных структур второго и третьего порядка, выявленная при съемках м-ба 1:200 000. С этим надо как-то разбираться и проводить унификацию подразделений более крупного ранга, чем свита. Кодекс четкого ответа на этот вопрос не дает.

С искренним уважением

К.В. Симаков

Важным фактором состоявшейся научной судьбы К.В. Симакова было постоянное, на протяжении 45 лет, общение со спутником полевых странствий на Колымском Севере – женой Валентиной Михайловной Шевченко. Она прибыла в Сеймчан со своими однокурсниками по Северо-Кавказского горно-геологическому институту в 1955 г. Первый опыт геологического картирования получила в 1956 г. на правобережье Малого Анюя в партии Т.А. Кобычевой. С 1956 г. В.М. Шевченко – помощник одного из знатоков геологии Северо-Востока А.П. Шпетного, которому была поручена подготовка листа Q-57 Государственной геологической карты СССР масштаба 1 : 1 000 000. Главная структура на этом листе – Омолонский срединный массив – с того времени становится основным объектом исследований

В.М. Шевченко. С 1959 г. она работала в поле с К.В. Симаковым на геологической съемке двухсоттысячных листов тоже, главным образом, на Омолоне, участвовала в составлении листов, занималась геологией и петрографией вулканитов среднепалеозойского возраста, с которыми связаны месторождения ценных минералов, в том числе золота. Еще один объект ее интересов – своеобразные плутоны гранитоидов и сиенитов, заключенные в обрамление кристаллических пород докембрия. Валентина Михайловна внесла вклад в обоснование их палеозойского возраста, что было весьма ценным научным результатом.

В 1968–1971 гг. В.М. Шевченко проводила тематические исследования в Рассошинском районе Омолонского массива, где, кроме гранитоидов, изучала основные и ультраосновные породы, порфировые породы малых интрузий.

В 1972 г. в связи с переездом в Магадан она перешла на работу в Центральную комплексную тематическую экспедицию СВТГУ, где продолжилось ее плодотворное сотрудничество с А.П. Шпетным в изучении геологии, петрографии и металлогении Омолонского массива. В 1984 г. В.М. Шевченко защитила подготовленную под руководством В.И. Шульдинера кандидатскую диссертацию “Докембрийский фундамент и раннепалеозойская активизация Омолонского массива” и продолжала совершенствоваться как петрограф широкого профиля, вела тематические полевые и камеральные работы в Колымском батолитовом поясе, в Охотско-Чукотском вулканогенном поясе. Она – основной составитель легенды к листам Госгеолкарты-200 второго поколения на Омолонский массив, один из авторов успешно защищенных первых ее листов. С ее деятельностью связана существенная новация в картографировании метаморфических комплексов как особых подразделений, наряду со стратиграфическими и магматическими. Как пишет М.Л. Гельман, “Этот путь – альтернатива традиционному стремлению восстанавливать стратиграфическую природу метаморфических образований и разделять их на серии, свиты, толщи и т. п. Карты, составленные при ее участии, представляют первый в Магаданской области опыт использования нового подхода”⁷⁷.

Поздравляя ее с юбилеем в 2002 г., бывший сеймчанец и спутник К.В. Симакова и В.М. Шевченко по полевым странствиям на Омолоне доктор геолого-минералогических наук Б.Ф. Палымский посвятил ей такое шутливое стихотворение:

⁷⁷ Колымские вести. 2002.. № 18. С. 52.

Первый год. На месте новом
Помощи, советов ждешь,
Вдруг приказ от Иванова:
“Ты начальником пойдешь.

Ну и что ж, что молода:
Юность – это не беда,
Будешь “спец” по Омолону,
Прохлаждаться некогда”.

Поделил Велинский роли
К вечеру полевиков:
“Валя, пой! Не можешь, что ли ?
Будешь петь, удел таков!

Ты у нас одна “звезда”.
Пой, красавица, тогда,
От землячества Кавказа
Схорониться некуда!”

Снова горы, “поле” снова –
То Кедон, то Омолон,
То одна, то с Симаковым
На разрез и на “плутон”.

А года бегут, года,
То как тихая вода,
То летят за вехой веха,
Оглянуться некогда...

Но по-прежнему неймется,
Монографию начнет –
То Жулановой икнется,
То Котляр вдруг заорет.

Будь такую же всегда!
Счастья! Бодрости! Труда!
(Отдыхать-то нам когда ?
Отдыхать-то некогда!)

Достижения В.М. Шевченко на поприще петрографии и петрологии получили заслуженное признание. Тем не менее ей, как и многим творческим женщинам, не удалось из-за постоянных забот в семье реализовать себя полностью.

Семья для Кириллы многое значила, хотя понимание этого к нему, как и ко многим мужчинам, погруженным в работу, пришло не сразу. Жена, дочь Виктория, зять Сергей Васильев стали важ-

ными факторами, способствовавшими его интенсивной, напряженной и продуктивной творческой работе. По натуре он не был добытчиком, тем, кто несет все в семью. Напротив, он все тратил на работу и друзей. Поэтому верю, когда мне говорят, что единственным барышом семьи после его смерти стали его отпускные за многие годы работы на Севере без отпуска. Поддержка семьи, как будто незаметная, многое для него значила, в том числе, и в конфликтных передрыгах. С годами этот фактор жизни нарастал. Я смотрю на фотографию Кирилла с внучкой Прасковьей на руках и вижу его неподдельное счастье, что не часто можно было увидеть у такого закрытого, сдержанного человека, как он.

Давнишний знакомый Кирилла (который когда-то на год раньше его приехал работать в Сеймчан), ученый секретарь СВКНИИ и СВНЦ (ныне ветеран Севера, вернувшийся почти после полувека работы здесь в родную Казань) Л.И. Измайлов пишет:

“Если бы меня спросили, как бы я охарактеризовал Кирилла, то я бы ответил, что он Ученый с большой буквы. Он, как говорится, любил не себя в науке, а науку в себе. Был далек от многих мелочных проблем и борьбы, которой, к сожалению, так много в нашем научном сообществе. Его знания, широкая теоретическая подготовка, выросшая на прочной базе многолетней полевой работы, позволили ему стать одним из ведущих специалистов в области геохронологии и философских проблем времени. Будучи настоящим ученым, он не участвовал в различных расприх, я никогда не слышал от него недоброго слова о своих коллегах или других ученых, он всегда был корректен и поддерживал ровные отношения со всеми. Может быть, потому, что не стремился к власти в науке и административным должностям, он всегда добивался, и прежде всего научного признания”⁷⁸.

Сосредоточенность на науке была доминантной для личности К.В. Симакова. Он вовсе не противопоставлял себя какому-либо руководству, организации, обществу, но в практическом плане действовал в согласии с принципом интенсивно читаемого им Эпикура (вместе с другими античными классиками): к обществу (государству, культу, власти) мудрец должен относиться дружелюбно, но сдержанно. Девиз Эпикура: живи уединенно – означает автономность, суверенность, самостоятельность, независимость своего жизненного пути. Такая ориентация была весьма характерна для Кирилла. Это лишний раз подтверждает его суть как Философа не только в исследовательском плане, но и в практическом, поведенческом.

⁷⁸ Измайлов Л.И. Геолог и Время: Воспоминания о Кирилле Владимировиче Симакове // Колымские вести. 2004. № 26. С. 59.

Вместо заключения

Мне Кирилл всегда казался человеком с могучим здоровьем. Но это было не так, да и Север, на котором он провел почти полвека, давал о себе знать. Еще в Сеймчане он потерял почти все зубы. В 1980-е г. стало резко ухудшаться зрение – один глаз почти не видел. Он, как всегда в ироничной форме, говорил об этом друзьям: я теперь работаю циклопом. В 90-е г. у него, не встававшего из-за компьютера, стало плохо с ногами. Мне, многие годы не видевшего его, трудно воспринимать фотографии, на которых он с палочкой, ведь когда-то я буквально бежал по Магадану за ним – так быстро он ходил. Новая напасть, навалившаяся на него под конец жизни, конечно, выбила из-под ног всякую основу, но он продолжал твердо идти своим путем, стремясь все довести до конца. О своей болезни он отзывался все также иронически. Вот его письмо моему брату Юре во Владивосток от 20 августа 2003 г. (как всегда, с просьбами о книгах).

Дорогой Юра!

Сообщи, удалось ли тебе взять работу Геккеля. Если да и удалось сделать копию, то наиболее простой способ ее передать мне будет такой. Сейчас во Владивосток летит на две недели Аркадий Леонидович Максимов. Он будет неделю болтаться где-то на кораблях, потом может быть поедет в Хабаровск, но в любом случае будет улетать 7 сентября из Владивостока. Поэтому копию проще всего передать для него в Президиум референту Сергиенко – Людмиле Дмитриевне с указанием, что это для Максимова и меня. Ее телефон 26-49-97.

У меня дела не гей-славяне – есть подозрение на рачок, сейчас жду результатов биопсии. Вообще накропали всякой дряни про мое драгоценное здоровье, так что вроде бы уже пора и белые тапочки приобретать (там и стенокардия, и гипертония и черт знает что еще). Так что если будешь брать какие-то чаи, то главное, видимо, все-таки от давления (стабильное 180–170 на 100). Но как говорится “не дождетесь!”. Правда, может быть придется лететь от здешних коновалов к московским – но это будем решать чуть позже.

Вот пока и все новости. Оказывается заявки на издание книги РФФИ принимает только до 8 сентября, поэтому сейчас срочно оформляю и буду отправлять текст без вставки про Геккеля, но ты с ним не тяни.

Привет Свете, Борьке, Тамаре.

Твой Кирилл

Трудная поездка в Москву ничего не дала. Ю.И. Оноприенко пытался помочь из Владивостока китайскими растительными лекарствами. Как будто они даже давали какой-то эффект. Но дело шло к концу. Превозмогая тяжелейшие боли, Кирилл продолжал работать и все-таки довел до издания свой итоговый трехтомник по теории палеобиологического времени. Это был его подвиг в нашей краткосрочной суетной жизни. Книги вышли до того, как пришел грант на их издание из РФФИ. Жена Валентина помогла Кириллу преодолеть последние труднейшие месяцы жизни, в этом – ее подвиг.

Похоронен К.В. Симаков с помощью городской администрации Магадана на закрытом теперь Марчekanском кладбище, в самом центре. Его могила среди могил магаданской элиты, тех, кто не выехал на “материк”. Недалеко от могилы Кирилла последнее пристанище знаменитого российского певца Вадима Алексеевича Козина (1903–1994), оказавшегося в Магадане не по своей воле. В феврале 1945 г. певец был арестован и осужден на восемь лет лишения свободы. После досрочного освобождения в 1950 г. он так и не выехал из Магадана. До последних дней выступал в Магаданском музыкально-драматическом театре.

Рядом с Кириллом – могила известного специалиста по золотым россыпям, почетного гражданина Магадана Алексея Георгиевича Тычинского (1915–2004).

Друзья и соратники по институту и Северо-Восточному научному центру сделали немало для памяти К.В. Симакова. Издан прекрасный, богато иллюстрированный номер журнала “Колымские вести”, целиком посвященный ему. Президиум Дальневосточного отделения РАН принял специальное постановление (№ 70, 24 июня 2004 г.) об учреждении стипендии его имени для студентов Северного международного университета (Магадан), успешно сочетающих учебу с научной работой по тематике Дальневосточного отделения РАН. Создан благотворительный Фонд для увековечивания памяти К.В. Симакова.

Завершая свое повествование о друге, кратко остановлюсь на его научных достижениях.

Весьма значителен вклад К.В. Симакова в разработку региональной геологии Северо-Востока России. Он – автор многочисленных публикаций по стратиграфии, магматизму, тектонике этого региона. Основное внимание он уделял стратиграфии и биостратиграфии среднепалеозойских отложений. Научная его деятельность в этом направлении тесно связана с практической: он являлся автором, редактором и рецензентом государственных

геологических карт и карт полезных ископаемых масштаба 1 : 200 000 и 1 : 500 000 и объяснительных записок к ним; составителем и редактором унифицированных стратиграфических схем и легенд к государственным геологическим картам двух поколений (приведу список Геологических карт масштаба 1 : 200 000, которые им составлялись или редактировались: Q-58-XXV (1959), Q-56-XXXII (1960), Q-57-XXIV, XXIII (1961), Q-57-XXXII (1963–1964), а также др.). К.В. Симаков был председателем Региональной межведомственной стратиграфической комиссии по Северо-Востоку СССР, провел ряд рабочих совещаний и Межведомственное всесоюзное совещание по докембрию и палеозою (1974 г.).

Второй круг научных интересов К.В. Симакова связан с проблемой определения хроностратиграфических границ на примере границы девонской и каменноугольной систем. С 1975 г. он являлся членом, а с 1984 г. — вице-председателем Международной рабочей группы по границе девона и карбона. За время работы в Международной рабочей группе он имел возможность познакомиться с основными опорными разрезами пограничных отложений девона и карбона многих районов СССР, Бельгии, Германии, Франции, Испании, Канады, Австралии, Китая и других стран. Этот бесценный материал был обобщен им в серии монографий (Очерки по стратиграфии пограничных отложений девона и миссисипия Северной Америки, 1984; Критерии и методы определения границы девона и карбона, 1984; Опорные разрезы и био-стратиграфия отложений девона и карбона Западной Европы, 1985 и др.), в которых не только изложены исчерпывающие данные по стратиграфии пограничных отложений девона и карбона мира, но и разработана принципиально новая методология определения хроностратиграфических границ. Одновременно с научной им велась большая организационная деятельность, связанная с подготовкой и проведением рабочих совещаний и пленарных заседаний Международной рабочей группы по границе девона и карбона, проходивших в СССР и за рубежом, а также огромная работа по редактированию изданий, посвященных стратиграфии пограничных отложений девона и карбона СССР.

Третий блок вопросов, входивших в круг интересов К.В. Симакова, составляют методологические проблемы стратиграфии, хроностратиграфии и теории геологического времени. Опираясь на представления В.И. Вернадского о реальном времени-длении и методологию системного подхода, им разработана оригинальная концепция реального геологического (палеобиосферного) времени, изложенная во многих статьях и монографиях. В наибо-

лее полном виде она представлена в капитальном трехтомном, фактически посмертном, издании “К созданию теории палеобиосферного времени” (2004). Эти работы не имеют аналогов в мировой литературе. В них К.В. Симаков проявил себя не только как методолог и теоретик, но и как историк науки, собрав уникальный материал по истории стратиграфии, палеонтологии и концепциям времени в различных отраслях науки.

К этим работам примыкают и многочисленные публикации К.В. Симакова по теории и методологии стратиграфии, обобщенные на новой концептуальной основе в монографии “На пути к теоретической стратиграфии” (1997).

В трудные годы кризиса в науке, руководя Северо-Восточным научным центром ДВО РАН, К.В. Симаков словом и делом стремился сохранить научный потенциал региональной академической науки. Многочисленные публикации К.В. Симакова по проблемам академической науки в условиях кризиса – незаурядный науковедческий вклад в разработку проблем организации науки.

Документальные материалы и воспоминания

Из дневника полевого геолога⁷⁹

Летом в 1960 г. в бассейне среднего течения рек Ясачной и Поповки работала Барагынская геолого-поисковая партия Сеймчанского РайГРУ под руководством Кирилла Владимировича Симакова. Это был один из самых трудных полевых сезонов. Геологическая съемка масштаба 1: 200 000 в депрессии в междуречье Ясачной и Поповки, с кочкой по пояс и непроходимым стлаником на склонах. В этой губительной местности в 1940-е гг. бесследно пропали 12 человек из отряда Г.Г. Федоровича.

Хорошие обнажения по берегам рек, многие из которых были стратотипами нижнекаменноугольных, девонских и пермских отложений, прекрасно описанных Б.В. Пепеляевым, тем не менее требовали тщательного изучения, чтобы составить геологическую карту на практически необнаженном пространстве междуречья Ясачной и Поповки. Положение осложнялось августовским половодьем и разграбленными медведями лабазами. Все это задержало работы, и лошади не были во время выведены с поля. Кирилл Владимирович Симаков остался с тремя рабочими (Филипп Шустов, Виктор Стоян и завхоз) и лошадьми, подготовить посадочную площадку для “Аннушек”.

В 1960 г. Сеймчанское РайГРУ разделилось на Анюйскую и Сеймчанскую экспедиции. Это было время фактического безвластия и неразберихи. Поэтому выброска затянулась почти до Нового года. Об этом сидении на базе партии в устье р. Барагы (правый приток р. Ясачной) рассказывают письма-дневники К.В. Симакова, отправляемые с оказией в Сеймчан жене, геологу Барагынской партии.

29.10.1960 г.

Устье р. Барагы

...Безуспешно пытались связаться... Совершенно срочно нужен вертолет: завхоз обморозил ноги, Филипп простыл, лежит с температурой.

⁷⁹ Предисловие, комментарии, расшифровка рукописи сделаны В.М. Шевченко. В несколько ином виде впервые опубликовано: Колымские вести. 2004. № 26. С. 38–48.

Ищем посадочную площадку, их несколько. Часть из них на льду и даже до 500 м при ширине 100 м, а толщина льда 40–60 см. Есть пересохшие протоки – это хуже, длина не более 250 м и меньше ширина, к тому же окружены валами до 0,5 м высотой. На косах много прирусловых валов, так что для посадки не годны. Если нельзя сесть на лед, то можно будет дней через 15–20 садиться прямо возле базы...

4.11.1960 г.

⟨...⟩ Закончился еще один этап “гражданской войны”, пришла суббота, а от вас не только вертолета, даже поздравления не получили. Слышали ваши просьбы о передачи забора, но вы нас так и не приняли.

Любыми путями надо забросить сюда овес – осталось всего на три дня. Мешок надо рассчитывать на 5 дней. Если дело с выброской затянется, то понадобятся мука, лук, папиросы.

Относительно работы. Начинай писать стратиграфию. Я подготовил физгеографию, тектонику; написал бы ее всю, но нет “трещин”. Просмотрел фауну, если вы уже начали разбирать ее, то отложи домой – франскую № 331 и C₁ – № 121 – это разрезы ниже руч. Нового.

13.11.1960 г.

...Уже шестой день у нас идет снег, пуржит. Каждый день слышим от вас все те же слова “вертолет стоит”. Кормить коней уже решительно нечем. Снегу навалило по колено, а местами и по пояс. Сегодня ходил к устью Барагы, туда и обратно 4 часа. Так что если придется перебираться на Субканью, то эта процедура займет дней 7–10. Двигаться чертовски трудно. Дурацкое состояние вынужденного безделья действует угнетающе. Легче ругаться, спорить, быть битым, но живыми людьми, а не призраками, с которыми мне приходится воевать. Нервы напряжены до предела и не знаю, чем все это кончится.

15.11.1960 г.

⟨...⟩ Только что закончилась так называемая связь с вами. Не знаю, что, наше начальство вообще решило плюнуть на нас?

Неужели непонятно, что с 7.11 лошади сидят без корма! Черт с ним, с вертолетом, но на “сброс” можно прислать овес и сено.

Теперь по поводу больных. Все эти слова насчет “заботы о людях” – блеф и ерунда.

Ясно сказано Козлову, что два человека больны. Завхоз обморозил ноги, сидит не высовывается из палатки. Что ж ему нельзя валенки переслать, если невозможно вывезти?

Филипп переболел, но у него, наверное, осложнение на правое легкое, все время жалуется на колющие боли. Неужели нельзя прислать какого-нибудь лекарства?

Можно во всем обвинять и судить меня, но при чем тут люди и лошади? Если завтра утром с вами не удастся связаться, то буду передавать “всем, всем”. Может быть, тогда зачесутся эти опытные таежники.

Потом также ясно и определенно мы сказали, что есть посадочные площадки, но не знаем, какую из них готовить. Можно прислать АН-2, чтобы он облетел все площадки и по нашей волне передал, на какую выбрасывать груз.

Теперь по поводу фауны. Ее надо разобрать следующим образом: все кораллы отобрать отдельно и подготовить к отправке в Ленинград. Все каменноугольные брахиоподы отложить отдельно. Брахиоподы D₃ также отобрать отдельно для работы дома. Криноидеи и мшанки отобрать для отправки в Ленинград.

Шлифы и дубликаты – “спектры” сделать из всех разрезов (D₃fr, fa и C₁t, v) обязательно.

17.11.1960 г.

Завтра ровно полгода, как прилетели сюда Наумов и Шустов (завхоз и каюр) и 5 месяцев, как прилетели мы. Своего рода юбилей. Боюсь только, что и мне придется отмечать здесь свое шестимесячное пребывание, если нас будут выбрасывать с такой же скоростью. Это мое письмо постепенно превращается в своего рода дневник “бранных остатков Барагынской полевой партии”. Вчера вышел на связь Володя (В. Павлов – связист и техник-геолог Барагынской партии. – В.Ш.) и пробормотал что-то нечленораздельное: не то “О вас все беспокоятся”, не то “Вы не беспокойтесь, а экономьте продукты питания”.

Что это значит – никак не можем понять. Как о нас беспокоится начальство – это мы чувствуем: у лошадей стали выпирать ребра, а завхоз сидит в палатке и держится за ноги.

Пытались вчера и сегодня вклинить в чьи-нибудь переговоры – не тянут батареи. В общем и целом получается по Райкину: “Больные, какие больные? Вас не слышим – покой и полный порядок”.

Так что занятий у нас тут – вагон: то ругаемся на весь белый свет, проклиная начальство и его “заботу”, то смеемся. Нам-то самим еще ничего, но при чем тут лошади? Снега по пояс, они просто стоят и все.

Сегодня были уверены, что вертолет прилетит. Лучшей погоды не бывает, на небе ни облачка, видны горы... Однако ни вертолета,

ни связи. Вчера Володя сказал “до завтра”, но видно, не пришел, а радисту наплевать: зовет две минуты, ответ слушает две минуты и минуту говорит “Вас не слышно, конец связи”. Вся операция занимает 5–6 минут. Ведь можно же добиться связи — переменить часы, вызывать через каждый час или сменить волну. Пусть не каждый день, 2–3 раза в неделю, не только можно, но нужно связываться.

Ну вот, вылил поток жалоб и стало, как будто, легче...

18.11.1960 г.

⟨...⟩ Нежданно, негаданно прилетел сегодня вертолет.

Ты, должно быть, читаешь сейчас или уже прочла мои письма, а я решил продолжать дальше свой “дневник”.

Громадное спасибо за подарки: сегодня отметили тройной праздник: 7.11, день рождения Филиппа (13.11) и полгода приезда сюда первых барагынцев. Ребята уже укатались и спят, храпя, всхлипывая и что-то бормоча во сне.

Аэродром мы подготовим дня через 3–4. Все зависит от того, где готовить.

⟨...⟩ О лошадях... Мне показалось, что Иванов запрашивает Дабкина о разрешении убить коней. Если этот вопрос поднимется еще раз, можно заявить от нашего имени, что убивать коней мы не будем, ни у кого из нас рука не поднимется. Лучше мы пойдем с ними на Сеймчан или на Орок.

Сегодня ребята меня буквально нокаутировали вопросом, пишем ли мы научный труд? Оказывается, еще до поступления в партию, они слышали, что мы занимаемся наукой.

Уже половина четвертого, пора спать. Очень холодно, даже в двух спальных мешках. Палатка изнутри обледеневает, хотя топим круглые сутки...

21.11.1960 г.

Вчера не писал, так как ничего существенного не было. Весь день ушел на то, чтобы снять нашу палатку и перетащить ее к площадке. Натянуть уже не успели, дни чертовски короткие. Сегодня занимались оборудованием аэродрома: делали заготовки для трапа и трамбовали снег. Утрамбовался я до смерти: растянул левую ногу и примял всего лишь ленту в 2 м шириной. Для того, чтобы пройти на лыжах по площадке туда и обратно, нужен целый час. Пробовал приспособить коней, сделать волокушу —дохлый номер, так как она только сгребает, но не трамбует снег. Это мертворожденная идея и плод больной фантазии наших “опытных таежников”. При такой скорости нам понадобится не меньше 10 дней, чтобы подготовить

площадку. Решили трамбовать только центральную часть, шириной 10–15 м.

Третий час, пора сдавать мое дежурство. Из-за морозов, круглые сутки топим печь, иначе невозможно.

22.11.1960 г.

...Приблизился к вам на 1250 кв. м. Учитывая, что всего надо освоить 3000 кв м, нельзя не признать, что осталось до вас довольно далеко. Появилась новая сложность: оказывается между льдом и снегом местами есть 5–10 см слой воды. После утаптывания он промерзает, но не очень скоро. На такую плешь не согласятся садиться. Завтра кончим делать эстакаду. Приколотим поперечные полки, потом сделаем передвижной трап. Почему-то Виктор (Петров) не сказал, какой ширины и длины его надо делать и на какой высоте расположена дверь в самолете. Работаем вдвоем с Виктором, Филипп хозяйствует на базе.

23.11.1960 г.

Прошел еще один день. Неважный день – с утра и до вечера крутила метель, которая засыпала все, что я утрамбовал. Кроме того, продуло меня и не исключена возможность, что завтра я уже не встану из-за радикулита. Большой трап-эстакаду закончили, но кончились гвозди, так что нечем сбивать трап. Связаться сегодня не удалось, вы нас так и не услышали.

24.11.1960 г.

...Прошел день, закончили трап. Завтра начнем перевозить груз. Послезавтра ограничим площадку, а потом будем заканчивать ее утрамбовку. Осталось еще очень много: пока утоптал полосу шириной 8–10 м, а тут еще вода прет, морозов нет, так что она не замерзает. Если летуны забракуют площадку, будет катастрофа.

Сегодня вы почему-то не вышли на связь. Сменили волну или время? Слушаю вас в 9.00, в 11.00 и 19.50.

25.11.1960 г.

...Прошел еще один день. Отчитываюсь о проделанном: перевезли весь груз, за исключением палатки, рации и кукулей, на площадку и сделали флажки. Завтра кончаем трамбовать уже вдвоем с Виктором. Страшно беспокоюсь и волнуюсь, почему вас опять не было слышно. В чем дело? Сейчас мы уже почти чувствуем себя одной ногой в Сеймчане, но сколько нам придется стоять еще в таком неудобном положении – неизвестно. Выброску можно уже начинать с 28.11. Может, вы просто потеряли надежду нас услышать и решили прислать самолет не связываясь? До чего мучительно это состояние неизвестности.

26.11.1960 г.

...Вот и еще день утрамбовался. Сегодня опять на связь никто не вышел, ведь суббота. Сегодня утаптывали площадку вдвоем: я и Виктор. Что-то он себя плохо чувствует: пришли домой, он часа 2 не мог согреться, был озноб, сильно кашляет.

Мороз – зверский, воздух шелестит. Завтра постараемся закончить утрамбовку взлетной площадки; шириной она будет около 25 м, думаю, хватит. Будем вызывать самолет в понедельник, если сумеем связаться. Решили слушать вас каждые полчаса, может, вы изменили время...

27.11.1960 г.

...Видно публика в Сеймчане не очень хочет нас видеть. Сегодня почти закончили утрамбовку площадки, завтра еще немного – и все. Сейчас уже прикидываем, как и кого грузить. Левобоккого и Чалого погрузим. С Сеймчаном хуже, одичал дьявол. А с Дочкой – проблема – поймать, связать и затащить в самолет. Дело – трудное, но постараемся.

Даже не знаю, что писать, на уме все те же “как?”. Холода сейчас собачьи, днем и ночью, особенно. Печка все время красная, но в палатке не так уж жарко, даже просто прохладно. Хочется приехать и взяться за работу. Чертовски соскучился по микроскопу, фауне и пр.

Я тут штудирую Ажгирея, ломаю голову над трещинами, кое-что получается, должно быть интересно. Все наблюдения сводятся к подсчету относительно количества трещин различных направлений в зависимости от состава пород; это имеет значение тогда, когда трещины являются коллекторами нефти.

Все это ерунда, несущую колесницу, чертовски хочется завывать от тоски на луну...

28.11.1960 г.

Началась еще одна неделя, причем, далеко безрадостная – от вас нет ни самолета, ни известий. Обморозил лицо, Виктор – тоже: мороз с шелестом и ветерком. Сегодня кончили утрамбовку. Завтра, вероятно, начнем ловить Дочку. Надо посадить ее на петлю и морить голодом до прибытия самолета. Иначе с ней не справиться. Устал думать и гадать, что там у вас происходит. Неужели радисту и В.П. (Володе Павлову. – *В.Ш.*) просто лень ходить на связь из дома по морозу, и они говорят вам, что были но “не слышно”. Сегодня говорили – может, имеет смысл тронуться пешком? До 3-й фабрики около 120 км, т.е. можно дойти дней за 12–15. Если ничего не будет, ни связи, ни самолета до 5.12, так и

сделаем. Как-нибудь доберемся. Пусть будет стыдно начальству, а впрочем, им, как видно, на все наплевать...

Вот и все, писать нечего, жизнь у нас нудная, а бросить письмо тоже не хочется. Когда пишу, кажется, что разговариваю с вами. Ребята все же молодцы: видят, что мне уже невмоготу и каждый по-своему старается успокоить, хотя сами нервничают и злятся не меньше моего. Ф. уверяет, что до 5.12 все равно что-нибудь да будет. В. настроен более пессимистично: "сидеть нам тут еще недели две, но ничего – высидим". Посмотрим, кто из них окажется прав...

29.11.1960 г.

Прилетел самолет и, кажется, послезавтра я увижу вас, верится, правда, в это с трудом. Со связью опять ничего не вышло, поймали только конец передачи – "до связи" и все. Завтра ликвидируем базу, перевозим все на аэродром и ловим Дочку – сегодня поймать ее не удалось.

4.12.1960 г.

Снова, после небольшого перерыва, полного надежд на возвращение, приходится браться за перо и продолжать летопись остатков Барагынской партии. Цыплаков опять обманул нас и теперь неизвестно, когда прилетит. Сегодня целый день то шел, то прекращался легкий снегопад. Мороза почти нет, сравнительно тепло. Попробую написать, что происходило в эти дни. 1.12 самолет не прилетел, залетели они попутно из Оройка к нам 2-го. Были сильные холода, мороз с шелестом, лошади продрогли и мы, не надеясь ни на чей прилет, отпустили коней за 1,5 часа до появления самолета. Ушли они сначала недалеко, но услышав гул моторов, напугались и удрали, и В. не смог их поймать, так что с этим бортом мы отправили только большую часть груза. Улетая, Цыплаков обещал прислать 4.11, т.е. сегодня два борта. 3.11 мы томились в ожидании утра 4.11, считали оставшиеся часы. Почему-то были твердо уверены, что нас вывезут. Тем обиднее и больше сегодняшнее разочарование.

Безуспешно пытаемся поймать Дочку, обходит все петли.

Со слов Цыплакова мне стало ясно, что выброска наша не такое уж срочное дело. Они спокойно летают на Ороек, Глухариный, Рассоху, Пенжино и потом уже к нам в виде личного одолжения. Жаль, отказала рация, в конце концов мы бы послали в эфир что-нибудь вроде "SOS". Начали ссориться Ф. и В.В. – хмурый, в основном из-за лошадей. Ругаемся с ним по поводу того, привязывать их или отпустить. Прочитали все книги.

Завтра, пожалуй, возьмусь за обработку трещин. Если ничем не заниматься, то можно рехнуться...

5.12.1960 г.

Ну, вот кончилось и 5-е число. Погода у нас сегодня была великолепная: ясно и не очень морозно. К ночи, правда, потянули из-за хребта тучи, но горы все-таки видно. Может, завтра прилетят?

Ребята с утра сегодня полаялись, чуть ли не подрались и целый день не разговаривали друг с другом.

Я сегодня целый день занимался трещинами. Успел обработать только два участка. Получаются красивые диаграммы, в то же время не могу понять, как интерпретируется вся эта “петрушка”. Кое-что мы опять не доделали: во-первых, не определили трещины отрыва и скола, а, во-вторых, не попытались определить направление перемещений по трещинам. Ничего, при работе на Омолоне все это учтем и исправим. Кое-какие любопытные выводы можно будет сделать и по этим данным...

6.12.1960 г.

Вот и 6-е прошло, до 1 осталось каких-нибудь 25 дней. Не исключено, что за это время нас и выбросят. Может быть.

За сегодняшний день произошло только одно событие: поймали, наконец, Дочку. Прикрутили ее проволокой, так что теперь вряд ли убежит. Смешной парень Виктор, когда ее никак не могли поймать, он порывался ее убить, хорошо, что под руками не было карабина. А теперь она стоит и ему ее жалко – голодная.

Погода – непонятная: то тучи, то ясно. Снега нет, мороза нет, солнце еле светит, гор не видно. Дрянь погода.

Целый день обрабатывал трещины. Занимаюсь подсчетом, в каких породах, сколько трещин ориентировано закономерно по отношению к пласту, и сколько расположено беспорядочно. Неорганизованных трещин гораздо больше. Получается все очень мило и интересно, но никак не могу понять, как это хозяйство использовать на практике. Во всем этом хозяйстве есть какая-то закономерность, но понять ее пока не могу...

7.12.1960 г.

Ну вот и еще один день прошел. Надо сказать, довольно богатый событиями в нашей паскудной жизни. Даже не знаю, с чего начать...

Начну по порядку. Весь остаток ночи, после того как я кончил писать, где-то недалеко были волки. Ощущение не из приятных, но это бы еще ничего, беда в том, что лошади теперь сами не отходят от базы и стоят голодные. Во-вторых, сегодня сразу кончились масло и хлеб, муки нет. Подсчитали остальные

продукты, можно будет растянуть дней на 8–10. Но по-хорошему, осталось на 4–5 дней.

В третьих, чуть не удавилась Дочка. Из-за нее мы разругались с Ф. и В. Вообще одного из них придется отправить в Сеймчан с первым же рейсом, иначе добром это дело не кончится.

Почти закончил обработку трещин. Жаль что нет здесь всех материалов, мог бы спокойно все как следует сделать: в Сеймчане боюсь будет некогда. Дело в общем не хитрое (в смысле техники обработки), но трудоемкое. Страшно болят глаза от свечки...

8.12.1960 г.

Прошел еще один день. По закону мирового свинства ночью погода была хорошая – звезды и луна на все небо, виден хребет. К утру нанесло какой-то дряни, скрыло даже Барагынские сопки. Но, несмотря на это, слышали, что сегодня гудел самолет. К вечеру подул сильный северо-западный ветер и сейчас за стенами нашей одиночной камеры беснуется метель. Так что теперь уже наверняка засядем всерьез и надолго. Где-то воет не то волк (сегодня мы уже в этом не уверены), не то сова, не то просто ветер, но во всяком случае нагоняет дополнительную порцию тоски и уныния.

Трещины я так-таки и сегодня не кончил. Осталось немного, но просто не могу, сильно устали и болят глаза от этого дурацкого света. Но скоро и его, вероятно, не будет, осталось всего 4 свечи...

9.12.1960 г.

Прошел еще один день. Продолжается выюга, так что никакой надежды на то, что скоро улетим. Впрочем, сегодня прогудело три самолета. Что же Цыплаков? Ведь, когда он улетал, знал, что продуктов у нас на неделю. Однако, его это видно мало трогает...

Обрабатывал сегодня целый день конгломераты, сделал франский ярус. Завтра возьмусь за пермь. Жаль, что нет здесь всех материалов по франскому ярусу, тогда можно было бы уже сейчас говорить по поводу возраста конгломератов по Ясачной, ниже устья Барагы. С разрезом по Поповке бьет хорошо, интересно, что будет с другими.

Вчера на сон грядущий читал “Структурную геологию интрузивов”. До чего слабо разработано и мало известно по поводу тектонической приуроченности интрузий.

Жаль, что мы еще не решили, чем заниматься всерьез..., кругом слишком много интересных вопросов, но заниматься ими всеми сразу – это сложно.

10.12.1960 г.

Сегодня суббота. Мне хочется прилететь в пятницу, чтобы в субботу пойти в баню, постричься, пропариться, одеть чистое белье...

Дела у нас идут все по-прежнему. Третьи сутки свирепствует метель.

Сегодня обработал пермские конгломераты. Сделал все, за исключением окатанности – забыл формулу. Получилось неплохо. Во всяком случае – диаграммы красивые.

Вот и все новости. Кстати, сегодня я еще раз убедился, что материал мы собрали неплохой. Конечно, можно сделать и больше и лучше... Мне тут пришла в голову одна идея, суть которой заключается в следующем: сравнить 4 вулканических формации: ололонскую (D_{2-3}), Поповкинско-Ясачнинскую (P_1), Ололонскую-карбасчанскую (J_3), Ололонскую-Уляганскую (K_{1-2}). Рассмотреть эффузивы, пирокласты, интрузивы формаций, осадки, тектонику. Понимаю, как это интересно! Надо сотни шлифов и анализов ...

11.12.1960 г.

Четвертые сутки бесится буран. В нашей бане холодно и неуютно. Скоро кончатся свечи, и я не смогу писать. Совсем дело будет дрянь. Для успокоения души перематерил сегодня еще раз начальство, но легче не стало. В. упрекнул меня, что не признавал я их и не надо было признавать. Пешком давно бы были в Сеймчане. Он прав, конечно, вперед, наука. Нельзя надеяться в поле на технику и “заботу о людях”, а надо рассчитывать на свои руки и ноги.

Доделал сегодня все, что можно было, по трещинам. Завтра посмотрю, что еще можно сделать по конгломератам и буду корректировать книжки.

12.12.1960 г.

Продолжим наши игры, как говорил О. Бендер. Пурга кончилась и сегодня стояла великолепная, мягкая, хотя и не солнечная, но удивительно ясная погода. На сопках, кажется, при желании можно рассмотреть даже отдельные скалы. С утра настроение у всех было бодрое и хотя и говорим между собой, что ждать некого, что сегодня все равно не прилетят, но ждали, ох, как ждали! Около часа загудел самолет, пулей выскочили из бани и устали в небо. Но самолет прошел стороной. С 2-х до 6-ти, как обычно, всех охватила душевная депрессия. Лежали, молча глядя в потолок, даже ругать начальство и летунов не хотели. Это

самое тяжелое время, еще не вечер, а день уже прошел. Читать нечего. Потом немного и как-то вяло поматерили начальство, и в 7.30 ребята уже завалились спать. Погода стоит изумительная – все небо усеяно звездами, слегка подмораживает, но еще не очень холодно – терпеть можно. По всей вероятности мы стоим в плане полетов не в первой, а в последней очереди, поэтому и не летят эти сукины дети.

Сегодня продолжал заниматься конгломератами, сделал как-будто все, что возможно. Потом дочитал “Структурный анализ интрузивов” Ажгирея. Между прочим у него сказано, зачем нужны гранулометрические замеры в шлифах интрузивных пород. Характер гранулометрических кривых в целом для массива и для отдельных его частей – центральной и краевых – является одной из характеристик, по которым устанавливается глубина формирования интрузива. Он приводит ряд примеров для Тянь-Шаня.

В связи с этим я думаю, надо будет просмотреть все интрузии наших районов (бассейн Улягана, Моланджи, Талалаха) с такой точки зрения: в каких структурах и какого возраста расположены интрузивы – в антиклиналях, синклиналях, по разломам или в их пересечениях. Насчет структурного анализа интрузий надо как-то исхитриться и использовать аэрофотоснимки... Розы простирааний построить по ним можно, но имеет ли это какую-нибудь ценность для петрологии...

11 декабря, доведенная бездействием большого и малого начальства до крайности, В.М. Шевченко послала телеграмму Н.С. Хрущеву, которая сразу попала первому секретарю райкома партии И. Дягилеву. 12 декабря Валентину Михайловну в срочном порядке вызвали к Дягилеву, после часовой беседы с которым, наконец, полетели самолеты. 13 декабря люди и лошади возвратились в Сеймчан. Так закончился этот тяжелейший полевой сезон Барагынской партии.

В конце мая 1961 г. В.М. Шевченко уехала к родителям в Чермен беременная, с сильнейшим токсикозом, с которым невозможно было жить в Сеймчане (ни овощей, ни фруктов). 10 января 1962 г. у нее родилась дочь Вика, которую, трехмесячную, она оставила родителям, и в мае вместе с Кириллом возвратились в Сеймчан, откуда сразу отправились в поле на Джугаджакский лист (Q-57-XXXII).

Фрагменты эпистолярного наследия

Письма К.В. Симакова жене в Чермен (пригород Владикавказа)

Сеймчан, 11.06.1961 г.

Добрый день, родное мое солнышко!

Завтра, вернее сегодня утром, уезжаем в поле.

Сегодня отправлю всех. Останемся мы с Виталькой. Вертолет уже на Омолоне, так что все как будто в порядке. <...>

Какие у нас тут новости? Почти всех, кроме Шишкина, Фурдуга и Кобычевой, перевели на Анюю. <...> страшно погано. Впервые узнал настоящее счастье и радость и так быстро лишился их вместе с тобой. Если это состояние не пройдет и в поле, то все пойдет прахом, и в этом сезоне я не смогу ничего сделать. А нужно так много!

Пишу сумбурно, так как не хочется тебя огорчать. Тебе сейчас ни в коем случае нельзя волноваться, будешь ли ты матерью или нет (до сих пор не могу в это поверить). Со мной, конечно ничего не случится, но просто какая-то пустота на душе... После твоего отъезда я так ничего и не делал, не было сил взяться.

Ну, что еще, солнышко мое родное! <...> На душе одна тоска и ее передавать тебе не хочется. Все будет хорошо, я в это твердо верю, а на все остальное – плевать. Только береги себя, солнышко. Передавай привет всем своим. Крепко обнимаю и целую тебя, родная и любимая. Береги себя, родная моя. Целую еще и еще раз. Всегда твой Симаков.

Щербаково, 16.06.1961 г.

Добрый день, родное мое солнышко!

С 12-го числа торчим тут в Щербаково, постепенно забрасываясь; Виталька уже на месте, завтра утром вылетаю и я. Начну обрабатывать с Хаптагая, потом перейду на Талалах и т. д. Генка (студент-коллектор) погонит с Виктором коней. Погода стоит отвратная: все время над Урэкчаном висят тучи, Уляган полон воды. Дали нам 4 лошади, из них одну с жеребенком. Лабазы все разбросали, так что можно будет двигаться довольно спокойно. Сезон предстоит, конечно, аховый, самому подумать страшно, сколько надо обойти. Но ничего, как-нибудь выкручусь. Генка – парень вроде ничего, но посмотрим. Ребята (Сашка с Витькой) позавчера перепились и чуть друг друга не порезали, пришлось отбирать ножи, еле уговорил. Одного работягу пришлось уволить еще в Сеймчане перед самым отлетом: был бузотер и к тому же с больной ногой.

Вот как будто и все мои новости. Не помню писал тебе или нет, что Клещева назначают главным геологом Анжуйского РайГРУ. У нас остается Козлов. Ну, что еще? Надеялся получить от тебя письмо хоть в Щербаково – ты хотела написать туда. Но и здесь нет ничего. Почему не пишешь, как себя чувствуешь, легче ли стало или нет? А может быть лежишь на операции и потому не пишешь? Или еще что-нибудь стряслось? Получила ли книги, посылку и все пр.? Удастся тебе работать или нет? Обязательно постарайся, родная. После поля я тебе привезу все эффузивы на обработку.

Ну, что еще написать тебе, любимая? Просто не знаю. Очень скучаю без тебя и страшно мне тебя не хватает. Без тебя я как без рук.

Смехота, собирался впопыхах и, конечно, позабыл половину нужных вещей – даже плащ и тот оставил дома. Вместо простынь набрал кучу шерстяных носков. Словом чувствуется, что уже 2 года сам в поле не собирался.

Очень я о тебе беспокоюсь, родная. Самое главное, береги себя, любимая, хорошая моя. Обязательно подумай, что нам с тобой делать дальше – где работать. То ли оставаться в Сеймчане, то ли переходить в Магадан весной сразу по приезде. Осенью я поразведываю как и что, но пока очевидна такая вещь: Драбкин не дает развиваться Сеймчану – это совершенно точно. Денег отпустили всего 1 700 000, из которых около 1 500 000 жрут Ороек и Осенний. Остаются 200–300 тыс. на ГПЭ. Это, конечно, безобразно мало, так что вряд ли они что-нибудь путное поставят на Омолоне. Если придет приказ из Москвы отдать Омолон, Драбкин без звука отдаст, это он говорил сам.

С другой стороны, в институте тоже не очень светит, так как у них мизерный полевой сезон, а в этом году из них вообще 2 человека поехало в поле. Что будет дальше – неизвестно. В общем и целом – куда не кинь – везде клин. Так что просто даже не знаю, что можно предпринять. Будь мы в этом году вместе – все было бы проще, так как ты смогла бы набрать себе материал, а так сейчас просто не знаю. Будем, должно быть, держаться за этот лист, если не поставят Джугаджак.

Все это, конечно, ерунда, лишь бы ты была здорова, родная. Самое главное береги себя и не мучь понапрасну. Слышишь, солнышко любимое? Все будет хорошо, лишь бы опять нам с тобою встретиться. Очень беспокоит меня твое молчание. Пиши хоть раз в месяц, как здоровье, что поделяваешь и сколько тонн фруктов уничтожила за себя и за меня?

Вот пока и все родная моя. Еще раз умоляю тебя, береги здоровье. Крепко тебя целую и обнимаю, желанная и хорошая моя. Передавай привет своим. Целую крепко, всегда твой Симаков.

Руч. Ледяной,
3. 07.1961 г.

Добрый день, родное мое солнышко!

С 17 июня ходим уже в маршруты. Обошли за это время Хаптагай и низовья Талалаха. Сейчас стоим на нашей старой базе. Завтра, вероятно, пойдем в верховье Талалаха. Отправляю тебе это письмо с А.П. Шпетным, он завтра-послезавтра уйдет в Щербаково.

Родная моя, знала бы ты, как тут все сложно и интересно и как трудно мне без тебя разобраться во всем. Посоветоваться-то не с кем, породы – черте-что и еще с боку 2 банта. Фауна, правда, есть, но дрянная. Карбон, например – пустой, странное дело, но, кроме каких-то горизонтов Syringorog, – ни черта нет. Два дня долбили... Талалахский разрез и хоть бы десяток хороших форм – пусто. Кошмар какой-то!

Чертовщина твориться со всей стратиграфией. Придется многое менять в корне. От отчаяния занимаюсь трещинами и галькой – мерю их, бедолаг, почему зря. Генка (студент) сопит и обрабатывает замеры. Вообще парень слегка туповат. Второй маршрутчик Юрка (розовощекий пацан) с затаенным ужасом смотрит на все это дело и, кажется, скоро завопит “Я хочу к маме”. Санька оказался человеком с гнильцой, причем с солидной. Виктор, конечно, тянет как лошадь, если бы его не было, совсем хана.

Ну, а как ты себя чувствуешь, любимая? Как здоровье? Способна чем-нибудь заниматься или нет? Страшно я без тебя скучаю. Иду в маршруты и думаю о тебе, прихожу в лагерь, а тебя нет; ложусь опять, мешок кажется невероятно просторным и холодным. Настроение – хоть вой. Приходится держаться, хотя порой хочется обматерить кого-то. Когда ходили на Хаптагай, ходили пешком втроем, а Генка с Виктором гнали коней, мне все казалось, что ты придешь вместе с ними. Думал, что вот прилетишь и придешь. Хотя и знал, что глупости, но все-таки надеялся. Разочаровался страшно, увидев всего двух человек. Вообще разлучаться с тобой нам нельзя все-таки на долгие сроки, с ума схожу просто. Ну, ладно, родная. Такое настроение – ничего не поделаешь. Поговорим пока о чем-нибудь другом.

Валюшка, что мне делать с этими проклятыми эффузивами – посоветуй хоть ты ради бога. Понимаешь какая история, пока я

эффузивы нашел кислые только в D₃. Причем это не флюидалные липариты, как были у нас, а сиреневые дациты и преимущественно их туфы. Лав почти нет. В D₂ прут пока только туфобрекчии, причем с фауной (в 58-м в них фауны не было и мы отнесли их в D₃ и туфы и лавы андезитов и андезитобазальтов). Причем мордально – это действительно средне-основные породы, а не щелочные. Ксп в них не пахнет. Нашел фауну (кораллы) даже в туфобрекчиях андезито-базальтов, нашел и в гальке конгломератов. Взял образец из туфов для силикатного анализа. Надо ли брать на силикатный из дайки? Вообще напиши, что лучше в этом году сдать на силикатный анализ (заложено 10 проб): эффузивы или же набрать и гранитов из массива. Но тут беда – они будут фактически не привязаны. Лучше, пожалуй, сдать все из эффузивов. Как по-твоему? Теперь с образцами. Гребу я их как бульдозер. Перед отъездом Клещев привез одну книгу, там написано, что для обработки литолого-петрографической надо сдавать на шлифы равномерно по всему разрезу. Осенью я приеду, сдам сразу шлифы и пришлю тебе все эффузивы. Сумеешь ли ты их все обработать? Если будут спектр и химанализы то может быть умудришься к весне написать пару статей по петрографии и химизму здешних эффузивов. Обязательно напиши мне, что тебе из материалов привезти, может быть часть образцов и т. п.? Если я из Сеймчана вырвусь до 7.11, то прямо думаю заехать к тебе.

Любимая и хорошая моя, страшно мне скучно и тоскливо без тебя. Чувствую одиноким и неуверенным. Работать не хочется. Даже фауна не долбится. Ну, ладно, не буду расстраивать тебя понапрасну. Помни только, что ты для меня сейчас самая дорогая на свете, очень нужна мне все время, каждый день, каждый час. Береги себя, солнышко родное и хорошее, ради бога, береги.

Ну пока тебе всего самого хорошего – успеха в обработке, главное же здоровья, здоровья и здоровья. Обнимаю тебя и целую крепко, крепко. Передавай привет всем своим, целую тебя еще раз, любимая.

Всегда твой Симаков

Сеймчан, 30.09.1961 г.

Добрый день, родное мое солнышко!

Наконец-то снова могу сесть и написать тебе. Валюша, постараюсь описать все, что было с июля по сентябрь и задать кучу вопросов, которые меня страшно волнуют. Прежде всего о твоём здоровье, ненаглядная моя? Как себя чувствуешь, пишешь ты об этом вскользь и понять ничего нельзя. Когда все это кончится у тебя? В январе? Как ты все переносишь? Да и вообще напиши,

что и как, поподробнее, родная, я ведь страшно по тебе истосковался и хочу знать буквально все.

Ну, попробую по порядку описать этот сезон.

После Ледяного мы проработали до 25.07. в бассейне Талалаха – задержались дольше, чем я ожидал. Здесь кое-как разобрались с D_2gv , описал разрез D_2ef и потянул его на восток, к Юрке (Васильеву. – *В.Ш.*). Но на границе листов разрезы как-будто отрезали и ни черта общего у него с нами нет. Крутился в этом месте долго, но ничего не мог понять – то ли фациальный переход, то ли это D_1 , подстилающий D_2ef . Здесь началась свистопляска с породами и появился какой-то комплекс основных (?) пород, сильно магнитных, которые проследили через весь Юркин район. В составе комплекса – андезито-базальты, темно-зеленые породы с невадитовой структурой, обусловленной наличием 60–70% вкрапленников белого или зеленоватого Pls; точно такие же породы, но во вкрапленниках плагиоклаз розовый (Kps ?). Дайковые породы типа дунитов – пироксенитов (?) и черные, микрокристаллические, порой скрытокристаллические породы с вкрапленниками темноцветных минералов и реже Pls; туфоалевролиты и зеленоватые, нечетко слойчатые породы, туфопесчаники – ясно горизонтально слойчатые породы зеленого цвета; фиолетовые порфириты – почти полные аналоги андезито-базальтов, но с меньшим количеством вкрапленников Pls и другого цвета. В общем это тот комплекс пород, который ты как-то говорила есть не то на Уляшке, не то еще где-то и с которым связаны Ti-Mt руды. Так что представления твои сбылись, месторождение здесь действительно есть.

Покрутился я с этим комплексом страшно: перво-наперво нашел страшно магнетитовые туфопесчаники и стал считать, что имею дело с эффузивно-осадочным комплексом. Потом перепутал божий дар с яичницей – дунито-перидотиты и туфоалевролиты и решил, что все руды сидят в дайках. Наконец, в коренных увидел нижние и верхние контакты андезито-базальтов и порфиритов с осадочными породами, набрал два мешка контактов и решил, что, пожалуй, это все-таки осадочно-эффузивный комплекс. Стрелку компаса крутят и дайки и осадки и все.

С этим делом я совершенно не разобрался. (...)

А на территории Юрки уже идет весь комплекс, про который я писал раньше – причем аналогов его на нашей территории нет. Вся эта чертовщина лежит в отдельных блоках, в каждом из которых есть собственные разрезы, связать которые я не в силах. У Юрки дела еще ахоее, они связываются, но сбить наши листы – задача невыполнимая.

Милая моя, что мне со всем этим делать? Ты пишешь что надо сдавать анализы целенаправленно, но как сделать анализы всех типов, которые выделяются здесь, нет возможности, так как это больше 50 анализов. Я попробую договориться в Ленинграде, чтобы в лаборатории проанализировали все это, а ведь это – бешеные деньги. Ну, да черт с ними, с деньгами! <...>

С фаменом – чертовщина страшная. Прежде всего хаптагайская свита. Это – мощная толща, в основании которой есть обломки гранитов и гнейсов, но есть и фауна D_2gv . Выше идет пачка с гнейсами и гранитоидами (может быть это основание конгломератов у Юрки? Но у него нет совершенно гнейсов). Обломки достигают 1–1,5 м в диаметре, представляешь? Побил, конечно кучу образцов. Выше – дациты и туфолавы с прекрасными фымме-структурами. Выше – пачка песчаников, туфоконгломератов, которые местами переходят в известняки с фауной D_3fm . Это разрезы к востоку от Талалаха. У Юрки опять – ничего общего! Ну, родная моя, что тут делать, посоветуй! На Юркиной территории я просидел до конца августа и на базу появился 7 сентября. Весь август прошел даром – шли дожди и страшная непогода, а сопки там высокие и работать туда не пойдешь.

11 сентября двинул к востоку от твоей базы, в верховья Улягана. Обошел до 26 сентября бассейн Улягана, Хелона и правобережье Мола. Легче свернуть себе шею, чем понять тамошнюю структуру. Суди сама. В основании разреза здесь выходят расланцованные туфы и туфопесчаники с линзами известняков (фауна – паршивейшая). Выше на правом Улягане идут красноцветные эффузивы с прослоями известняков и песчаников (фауна есть ничего). На левом Улягане выше туфов идут красноцветные туфопесчаники, андезиты и базальты (?), которые снова перекрываются конгломератами с галькой тех же гранитов, что и у Юрки. Что ты скажешь? Верхние разрезы опять неизвестны! Просто правило какое-то!

В этой зоне – еще граниты, рвущие D_2 – розовые граниты, состоящие из Ksp и Qtz (такие же или очень похожие в гальке конгломератов, но рядом с гранитами я конгломератов не нашел). Из гальки конгломератов и массива отобрал пробы на абсолютный возраст и силикатный анализ. Правильно это или нет? <...>

Совершенно ничего не понял в мезозое – фауны не знаю, искать ее тоже не умею, так что не раскартирую его абсолютно. K_2 на Уляганской брахисинклинали я не видел, точнее не разобрался. Там, как будто, намечается довольно крупный взброс (может быть даже надвиг), по которому эффузивы, очень пологие в D_2fr , надвинуты на P_1 , C_1 , D_{2ef} , J_2 , K_1 . Вообще по правобережью Уля-

гана идет страшная по своей сложности зона, в которой я не разобрался и там в (...) блоках зажаты и D_2 и D_3 , и C_1 , и Z_1 , и J_3 , и K_1 . Черт знает, что такое.

Теперь с гранитами – я ими, конечно, не занимаюсь, отбил только границы и все. Был брошен клич: "Контакты решают все" и в результате набрал мешок контактов, но какие-то, главным образом, контакты гранитов и роговиков. Контактных 2-х гранитов мне найти не удалось. Картировать граниты здесь можно сплошь по коренным.

Вообще мы с тобой еще не съемщики, а салаги. Лазали за каким-то дьяволом по сопкам, когда все прекрасно обнажено по ручьям. Особенно в верховьях, где выходят гранитоиды. Видел несколько контактов в коренном. Как умел, описал их. Но паршиво, конечно. Замерил трещины, набрал образцов кучу. Но не знал, что брать и поэтому вряд ли будет толк. Напиши нужно ли сдавать граниты на силикатный анализ.

Вообще я только в этом году начал понимать, как надо картировать Омолон. По всем (почти по всем маршрутам) сделал разрезы в масштабе 1 : 10 000. Структуры проявились наглядно, но составить стратиграфию из-за разломов не удалось.

Шпетный окончательно ошалел от Талаха и пал в моих глазах на самое дно. Он мне преподнес как откровение то, о чем писалось еще в 58 году, а там половину надо перекартаивать. Ни черта он тут не разобрался, хотя ходил с ученым видом и все причитал "что тут и там – все очень сложно".

Вымотался я, родная, совершенно. Снова у меня 460 точек, прошел 600–650 км, совершенно разбит и морально и физически. Это лето не повезло: все время не проходили нарывы на руках. Страшно неприятно. В августе подхватил сильнейший флюс, прошел совсем недавно. Спина, слава богу, не болела. Почти весь сезон ходил в маршруты в одиночку, т.к. студента я отправил в самостоятельный маршрут и рабочих не хватило. Словом, устал, как собака. Не хочется даже делать карту и все прочее.

26.09 вышли из маршрутов, хотели 29.09 выходить с лошадьми в Щербаково, но 27 утром прилетел Виталька и вывез меня. Пришлось сразу же вылетать в Сеймчан, так как в Омолоне не было горючего, да и вертолет не давали. Дело оказалось в том, что нас с тобой отдали анюйцам и те не только не позаботились, но даже забыли про отряд. Приехал Довгаль и рассказал, как наше начальство ломало голову, что за "Ледяная партия" перешла к ним, где они работают и кто в ней. Случайно назвали мою фамилию, и Юрка догадался, что "Ледяной" – это Уляган. Сейчас Козел из милости дал вертолетчиков, и ребята сегодня и завтра

произведут выброску, а я как дурень застрял в Сеймчане. Но это, может быть, даже к лучшему, так как я сейчас фактически представлен самому себе и если часов (летних) не хватит, то здесь можно как-то постараться выбить пару-тройку часов. Часовитин и Янин в Билибино, никого тут нет и всем на все наплевать. Я уже был у Дягилева и тот обещал, что пока партия не будет выброшена, вертолет с Омолона не уйдет, но чего стоят эти обещания, если не бить этого идиота по голове, сама знаешь.

Ребята все-таки устали страшно. Подпортились отношения и с Виктором... Мне же не хотелось ругаться, устал от всего. Вообще же сезон был трудным, все время сидели на пайке, ходили полуголодные, погода стояла отвратная. {...}

Прошлогодний наш отчет брошен на произвол судьбы: карты не сделаны, 2-й том отпечатан наполовину и 1-й том не напечатан; как только произошло разделение, Янин с Часовитиным спихнули отчет в Сеймчан, сняли машинистку и картографов, словом спихнули. А в Сеймчанской экспедиции начальства больше, чем геологов и, конечно, никто им не занимался, сволочи.

Вообще ты не представляешь себе этого кавардака. Часовитин поливает грязью Козлова, тот – Часовитина, жуть. Все партии сидят в Билибино. {...}

Гусаров, Панычев, Радзивилл, Копытов и Незнанов все еще в поле и не могут выбраться оттуда. Остальные сидят в палатках вокруг аэродрома и ждут Драбкина. В Сеймчане никого нет. Сколько раз еще вспомним Иванова!

Виталька сработал неплохо. Нашел ордовик (без фауны), D₂, D₃, C₁, P_{1,2}, T₃, J_{1,2,3}, K. Граниты у него – каледонские, есть аркозовый контакт с C₁ и в их делювии есть золото – чуешь? Есть какие-то гнейсы, которые рвутся этими гранитами. Он в панике и не знает, что делать – пишет тебе письмо за консультацией по магматизму, что и как сделать.

Солнышко мое родное! Надо решать, что делать дальше – то ли оставаться в Анжуйской экспедиции и составлять этот лист, т.е. разбираться с Mz и гранитами, то ли стараться перейти в Сеймчан. Козлов предложил нам Джугаджакский лист, работы на 4 года, проект пишет Виталий. Не знаю, что делать. Начальства я еще не видел. Будет ли наш лист, отпустят ли его в Сеймчан, непонятно. Решать надо тебе, чем больше хочешь заниматься: то ли Mz-гранитами, то ли Pz. Напиши хотя бы свои предположения по этому поводу. Работать и там и там – плохо: руководство – ни к черту негодно в обоих случаях. В Сеймчане главным геологом Беднягин (?) или Авдеев, смех! Я сейчас настолько вымотался, что не могу решительно ничего соображать.

Клещев отсюда уезжает – его лишили надбавок, так как он поругался с Драбкиным. Вид у него не блестящий, хотя еще хорошится. Посылаю тебе несколько полученных книг, в частности сборник “Полевые шпаты”. Получил массу новой литературы. Есть очень интересные вещи. Получила ли ты книги, посылку и все прочее? Ты об этом ничего не пишешь. Громдное спасибо за твою посылку, очень тронут твоей заботой. {...}

Пока всего хорошего, родная и любимая. Крепко, крепко тебя обнимаю и целую, страшно скучаю и жду встречи, передавай привет своим, еще раз целую, всегда твой Симаков.

P.S. Обязательно пиши, ведь с ума можно сойти, не имея от тебя писем. Целую еще и еще, моя любимая.

Твой Симаков

Сеймчан, 20.10.1961 г.

Добрый день, родное мое солнышко!

Вчера приехал из Щербаково, извини, что не писал тебе оттуда, но в этом не было смысла, так как самолеты оттуда не ходили (не было погоды) и все равно письма шли бы черт знает сколько.

Получил два твоих письма и посылку, милая моя, зачем ты это делаешь? Большое тебе спасибо, но это зря. Очень меня это тронуло.

Ну, сначала опишу все новости, какие успел узнать за эти сутки. Этот лист Q-57-XXIII и XXIV снимают и нас с тобой передают в Сеймчан после отпуска. Козлов уже дал согласие на нашу работу на Джугаджаке. Лист там двойной, рассчитан на 4 года, так что времени у нас с тобой хватит: ты за это время отработаешь в деталях все граниты, и я сделаю стратиграфию. Материала в этом году собрано столько, что его надо обрабатывать года три. Ты меня рассмешила вопросом об образцах: их у меня 2,5 тонны, 2200 штук. Так что камней хватит.

Толком еще не разобрался, но вероятно на днях с Виталием поедем в Магадан для составления легенды Омолонской серии листов.

Точно еще не знаю, но главным геологом в Сеймчане, как будто, будет Виктор Петров. Это уже хорошо.

Запоролся начисто с обработкой коллекции и просто не знаю, что делать: коллекция громадная, обидно бросить ее необработанной и в то же время для этого нужно масса времени, а так хочется скорее поехать в отпуск! Ну, посмотрю, что делать. Известие о Ti-Mt месторождении Часовитин встретил радостно, сам настаивает на том, что нужно сделать побольше химических и спектральных анализов. Это я ему устрою! Кстати об анализах.

Солнышко! Узнай у химиков в вашем институте нельзя ли сделать у них силикатные анализы и сколько это будет стоить? Деньги у нас есть и можно будет после каждого поля отправлять по 10–20 анализов, если это конечно не бешеные деньги.

Силикатных проб я, конечно, сдам как можно больше. Полевой сезон у меня и с фауной: всего собрал ее из 296 точек – в основном это кораллы, но и брахиопод тоже порядочно. Надо все это паковать в посылки (а весит это хозяйство около 1-й тонны) сама понимаешь сколько это потребует времени. Думал, думал как лучше сделать и чем заняться в отпуске и, вероятно, поступлю так. В этот раз закончу обработку фауны, за литологию браться пока не буду, хотя руки, конечно, чешутся – до того интересный материал. А литологией уже займусь здесь по приезду. В статьях пока будем оперировать предварительными, в основном, мордальными определениями. Не знаю только как правильно назвать этот чертов основной комплекс пород. Вероятнее всего привезу с собой несколько шлифов и ты их посмотришь. Образцы в этом году я собирал с такой идеей. Составить из этой коллекции – эталонную коллекцию, детально описать петрографически; сделать привязку всех типов пород к конкретным фациальным обстановкам. Сделать это вполне возможно: материала хватит. По крайней мере год у меня уйдет на знакомство с эффузивами, я решил ими твердо овладеть, надеюсь ты мне в этом поможешь.

По поводу микроскопа, обязательно будучи в Л-де достану и микроскоп и федоровский столик, ты в этом не сомневайся. Теперь по поводу разрезов. Ты меня поняла не совсем точно. Дело в том, что я могу сопоставить разрезы в отдельных блоках, но я не знаю какой возраст отложений, то ли это – фациальные разновидности D_{2ef} , то ли это D_1 . Вот в чем сейчас основная загвоздка. Беда в том, что в пределах разных обособленных структур выходят совершенно не сопоставимые отложения, причем возраст их не известен, не определится фауна и ничего нельзя будет понять. Сейчас составляю двухсотку на все правобережье от Талалаха и до Авланди. Дураки мы были с тобой, что поленились в 59 году вынести на карту все разломы и плохо мы дешифровали снимки. Сейчас я рисую карту и сложнее структуры, причем можно дешифровать элементы залегания разломов. Вторая наша ошибка – коренные выходы по ручьям. (...)

Разбирался со всем магматизмом. Теперь я зашел в тупик с биотит-роговообманковыми серыми гранитами типа тех, что были у нас напротив базы ... Не проще ли, Валюшка, объединить их с гранитами домелового возраста? Дело в том, что массив на во-

доразделе Улягана и Хелона сидит явно в той же зоне, что и до-меловые граниты. Потом дело еще в том, что ты на Улягане в гальке юры отмечала гальку каких-то гранодиоритов. Что это за гранитоиды, не помнишь? Кстати об этих гранитах. Видела бы ты какие там гнейсы в зоне разломов! Набрал их кучу, но жаль, что не весь массив ..., кое-где – коренные обнажения. С этого массива есть контакты гранитов с дайками основного состава и какими-то розовыми гранитами.

Теперь дела мезозойские. Сейчас как-будто бы намечается такая схема позднего мезозоя. В основании – верхнеюрская осадочная толща с фауной *Aucella*. Эта толща развита к западу от устья Хунганджи. У Юрки (Юрий Романович Васильев, доктор геол.-мин. наук, работает в Новосибирске, читает петрографию в университете. – *В.Ш.*) и у Стаси (Кобычевой). На Улягане она представлена толщей конгломератов и в них ведь есть у тебя прослой песчаников с прослоями ауцеллового ракушечника. На восток эта толща выклинивается. Выше лежит толща, в основном, эффузивная. Это смесь андезитов и разных кератофиров с прослоями туфопесчаников, в которых есть флора. Это – карбасчанская свита. Развита она и на Улягане и к западу. К востоку от нее, у нас в 1958 г. с этой толщей, вероятно, надо параллелизовать нижнюю эффузивно-осадочную пачку и мел у Мисанса. Вероятно стоит связывать андезитовый K_1 , похожий мел есть в этом году у Витальки. С этой толщей, вероятно, надо параллелизовать угленосные конгломератовые толщи, выполняющие Уляганскую впадину. Судя по флоре, возраст толщи, надо считать J_3-K_1 .

Выше идет толща тонкоплитчатых кератофиров и это твоя уляганская свита – возраст ее – нижний мел. Вот проблемы: куда девался и есть ли вообще у нас верхний мел. Может быть, сделаем втроем с Виталькой, ты и я такую статью для “Материалов по геологии”, привлечем сюда данные Юрки 57 года и Кобычевой и может выйти неплохо. А верхний мел будет на правобережье Омолона только на Гижиге (у Шпетного), как твое мнение? (...)

Ну, вот пока все, родная моя! Страшно соскучился я по тебе, просто места себе не нахожу. Первым делом я, конечно, приеду на пару-тройку дней к тебе. Вероятно по пути остановлюсь в Новосибирске. Мне надо повстречаться с Дубатовым, а потом полечу к тебе. От тебя поеду в Ленинград, там побуду 10–15 дней и снова вернусь. Подробнее все обговорим, конечно, при встрече. Да, еще одно: Магадан настаивает на том, чтобы в первый же год на Джугаджаке прошли 800 м шурфов. (...)

Сейчас будем мозговать по поводу того, как вообще организовать отряд для тебя на изучение магматизма. Вообще по-мое-

му, надо в первый год пройти как можно больше и посмотреть, составить себе представление о положении листа. И после 3-го года – долбить детали. Как ты думаешь? Буду в Магадане настаивать именно на таком варианте. Не знаю, что получится.

Ну, пока, как будто на этом все. Устал смертельно. Протопал, оказывается 760 км. То-то в конце не мог ни рукой, ни ногой шевельнуть. Сейчас понемногу отхожу, но все равно чувствую очень сильную усталость и апатию и в то же время хочется поработать (чертовщина какая-то)!

Пока, всего хорошего, родная моя! Ради бога береги себя и не переутомляйся, тебе это сейчас очень вредно. Скучаю без тебя страшно, любимая!

Крепко обнимаю и целую тебя, передавай привет всем своим. Еще раз целую и обнимаю – всегда твой Симаков.

Пиши как можно чаще, родная! Тебе передают привет Антонина, Рудик, Вера Самойловна и все прочие. Желаю тебе здоровья, здоровья и здоровья. Крепко тебя целую и обнимаю еще раз, родная моя.

Симаков

Из переписки с А.Л. и Ф.Т. Яншиными

А.Л.ЯНШИН – К.В. СИМАКОВУ

4 мая 1996 г.

Дорогой Кирилл Владимирович!

Весь апрель я провел в разъездах, а в первомайские дни успел внимательно просмотреть подаренную Вами мне Вашу новую книгу “Очерк истории развития концепции реального геологического времени”.

Это очень интересная и очень нужная книга, написанная с глубоким знанием истории вопроса. Ее должен прочитать каждый геолог и уж во всяком случае – каждый стратиграф. А ее тираж всего 350 экземпляров. Как же это так? Полиграфически она издана хорошо, но если в Магадане мало бумаги, надо было публиковать ее в “Науке”, получив деньги на издание через Российский фонд фундаментальных исследований.

План выпуска по издательству “Наука” на текущий год уже сверстан, но я обязательно буду ставить вопрос о переиздании Вашей книги в 1997 г. в Москве тиражом не менее 1000 экз.

Детально проследившая историю развития представлений о реальном геологическом времени, Вы одновременно поднимаете и рассматриваете все основные проблемы стратиграфии, а заодно и эволюционного учения, что делает Вашу книгу такой важ-

ной для каждого геолога, который хочет расширить свой кругозор за пределы решения узко практических задач.

Меня поражает обилие использованной Вами литературы. Где Вы работали над текстом книги? Ведь в Магадане вряд ли можно было получить все необходимые Вам для работы книги. Или Вы месяцами сидели в библиотеках Москвы и Питера?

Я, признаюсь, еще не успел прочесть всей Вашей книги, но я *видел* каждую ее страницу, прочел замечательно подобранные эпиграфы ко всем главам, прочел значительную часть Вашего текста, но пропускал длинные цитаты из книг разных авторов, которыми Вы снабдили текст совершенно правильно, чтобы избежать подозрений в неточности изложения их взглядов. Поэтому я откладываю книгу для ее детального прочтения в июле, когда я уйду в отпуск.

Несколько удивило меня, что перечисляя различные варианты последарвиновских эволюционных представлений, Вы даже не упомянули ортогенез Фреха, аристокенез Осборна и номогенез Берга. Вероятно потому, что взгляды этих ученых не касались определений понятия времени.

Во всяком случае, я Вам очень благодарен за Вашу книгу и считаю ее заслуживающей самых высоких наград...

...Надо бы, чтобы кто-нибудь из стратиграфов написал на нее рецензию даже не для журнала "Стратиграфия", а для "Вестника Академии наук", но я не соображу к кому обратиться. Поговорю с сибиряками. Там сильно вырос А.В. Каньгин. В ГИНе после смерти Меннера и Мейена никого не осталось.

Я очень жалею, что во время Вашего приезда в Москву в конце марта я не встретился с Вами и не поговорил обо всем более подробно.

Сейчас мы начинаем готовить к публикации "Труды по философии естествознания" В.И.Вернадского, куда войдет и его работа "Пространство и время в неживой и живой природе". В послесловии к этой книге будет помещена, как мы договорились, Ваша брошюра "К проблеме естественнонаучного определения времени".

Однако у меня к Вам два вопроса:

1. Нельзя ли ее значительно сократить, хотя бы за счет цитат В.И.Вернадского (ведь перед тем будет полный текст его работы?).
2. Не сочтете ли вы полезным в некоторых местах дать подстрочные примечания к тексту работы В.И.Вернадского?

В заключение поздравляю Вас с Днем Победы, хотя боюсь, что мое письмо к этому Дню опоздает.

Ваш А. Яншин

Магадан, 25 мая 1996 г.

Дорогой Александр Леонидович!

Вчера получил Ваше письмо с чрезвычайно лестным для меня отзывом о моей последней работе. Огромное Вам спасибо за высокую оценку, хотя я и вижу в этой книге ряд недостатков. Поэтому Ваше предложение переиздать ее в “Науке” меня очень обрадовало прежде всего благодаря возможности внести в нее некоторые дополнения. Они касаются в основном тех работ, которых у меня не было в Магадане и копии которых я получил только во время последнего посещения Центральной библиотеки в Питере. Это, во-первых, работы нашего соотечественника Д.Н. Соболева, а также А. Грабау (снова просмотрел работу Р. Ведекinda, но она практически ничего не дополняет к концепции О.Х. Шиндевольфа, а предложенное им расчленение очень трудно увязать с существующей шкалой даже на уровне отделов – ярусов и специально останавливаться на нем, видимо, нет смысла). Кстати, с литературой я работал в основном в Магадане и в Питере во время отпусков. В Магадане мне удалось подобрать ксерокопии большинства из цитируемых работ, хотя много времени ушло на переводы (пришлось, в частности, перевести практически все монографии О.Х. Шиндевольфа, взгляды которого в нашей стране долгое время были под запретом).

Кстати, я собирался в 1997 г. подать заявку в РФФИ на издание расширенного варианта книги, но для удовлетворения такой заявки необходимы отзывы, причем желательно – опубликованные. К сожалению, сейчас мало кто хочет писать такие рецензии, хотя я и просил откликнуться на мои публикации, в частности, А.И. Жамойду.

Относительно изложения взглядов Фреха, Осборна и Берга – дело в том, что они не оказали существенного влияния на стратиграфию и, в частности, на формирование представлений о реальном геологическом времени. Их, видимо, следовало бы подробно проанализировать при рассмотрении истории эволюционного учения в связке “палеонтология – биостратиграфия” (там много своих сложностей, на которые обращал внимание С.В. Мейен в своих последних работах, но за которые так никто до сих пор и не взялся; я, кстати, последарвиновские концепции тоже рассмотрел очень бегло).

Относительно Вашего предложения поместить в конце “Трудов по философии естествознания” В.И. Вернадского

полный текст моей брошюры. Предложение весьма лестное и заманчивое, но в соответствии с нашей прежней договоренностью я передал вам сокращенный (в связи с лимитированным объемом комментариев) вариант статьи по поводу концепции времени В.И. Вернадского. Если объем позволит, то может быть имеет смысл поместить и брошюру, но она потребует довольно значительной переработки. Дело в том, что в ней я подходил к определению времени не строго с позиций В.И. Вернадского, а как бы традиционным путем, отталкиваясь от общепринятых (по сути своей – ньютоновских) философских представлений о свойствах времени и стремясь продемонстрировать, что они (эти представления) касаются лишь отдельных аспектов реального времени-длания в смысле В.И. Вернадского.

Что касается подстрочных примечаний к тексту, то здесь я затрудняюсь однозначно ответить. Такие примечания потребуют большой работы с информационно-справочным аппаратом, а найти все труды, которые использовал или упоминал В.И. Вернадский подчас (я это пробовал делать в отношении некоторых работ – например, Бошковица) практически невозможно. Давать же комментарии по поводу тех или иных положений, более детально разработанных после В.И. Вернадского, тоже вряд ли есть смысл, поскольку на эти работы будут ссылки в статье (или брошюре). Боюсь, что в создании таких подстрочных примечаний я буду Вам не особенно полезен, хотя какую-то посильную помощь, конечно, смогу оказать. Но нужно знать, какие именно места Вы считаете нужным прокомментировать. Вообще, мне кажется, что большую помощь в этом вопросе Вам мог бы оказать И.В. Круть, который великолепно знает все труды В.И. Вернадского и одним из первых еще в конце 60-х – начале 70-х гг. “реанимировал” его философское наследие, пользуясь архивом.

Еще раз благодарю Вас за внимательное и доброжелательное отношение к моим работам, которое особенно ценно в наше время, когда, как кто-то сказал, “писателей больше, чем читателей” и многие труды (особенно по общим вопросам, методологии и проблемам осмысления исторического наследия) остаются не востребованными.

С искренним и глубоким уважением

Ваш К.В. Симаков

3 февраля 1998 г.

Здравствуйте, дорогой Кирилл Владимирович!

Поздравляю Вас с днем защитника Отечества и желаю всего самого доброго, в первую очередь – здоровья. После двухмесячного пребывания в больнице я, наконец, дома. Лиха хватила – никому не пожелаю. Но слава богу, самое тяжелое позади. Теперь постепенно буду приходить в себя.

Теперь, что касается Ваших статей. О серии нашей выйдет в “Вестнике” кажется в 4 номере. В “Вопросах философии” она находится в работе – принята. В Неправительственном фонде В.И. Вернадского, которому поручено выпустить сборник к юбилею никого не застала, но, полагаю, что там все в порядке.

Надеюсь, Вы ознакомились с материалами, которые Вам передал В.С. Чесноков. Я думала, что мы встретимся на Общем собрании и все обсудим. Я ведь с октября ждала приезда своего профессора, но так все затянулось у него с оформлением поездки, что я решила, что он в этом году уже и не приедет.

А он приехал, и вмиг все закрутилось: 18 декабря меня уже оперировали. Научные отчеты, конечно, не очень сочетаются с фрагментами воспоминаний, но поскольку их мало, то отдельного ничего сделать нельзя, а здесь они могут, как мне кажется, познакомить читателя с автором. К ним много фотографий, которые, несомненно, оживят текст. А дальше – постараться избежать повторов. Может быть объединив отчеты в московский, сибирский этапы. А в конце дать полную библиографию трудов.

Надоумила меня книга А.А. Трофимука “40 лет борения за Сибирскую нефть”. Она очень информативна, скрупулезно написана, но читать ее скучно. Мне хочется этого избежать в книге А.Л. Историки пусть копаются в архиве. А эта книга для широкого круга. Я не знаю, какие у Вас возникли соображения при ознакомлении с этим материалом. Интересно бы их узнать. Сообща может быть придумаем что-нибудь интересное.

Получила сигнальный экземпляр “Истории природных вод” 65,2 а.л. Тираж почему-то не указан. Либо теперь так принято, либо слишком мал. Во всяком случае, я очень рада, что она вышла к юбилею, как и очередной номер “Бюллетеня”.

На заседаниях я участвовать не буду – очень слаба еще. Что-то ничего не хочется. Это первое письмо. Пока больше сплю.

Желаю Вам всяческих успехов и удач.

Ваша Ф.Т. Яншина

А.Л. ЯНШИН – К.В. СИМАКОВУ

5 июля 1998 г.

Глубокоуважаемый Кирилл Владимирович!

Освободившись от других срочных дел мы с Фидан Тауфиковой с последних дней июня занялись просмотром присланного Вами тома “Трудов по философии естествознания” В.И. Вернадского, надеясь сдать его в июле в издательство “Наука”.

Из комментария к статье “На грани науки. Пространство естественных наук и пространство философии и математики” (Философские мысли натуралиста, стр. 438–440) Вами изъят абзац 4 (“Мысль В.И. Вернадского о необходимости и т.д.”). Вероятно для этого у Вас были основания, но очень интересно знать какие?

Несколько удивило нас изменение плана расположения работ В.И. Вернадского внутри тома. Статьи о Канте и Гете Вы собирались дать в конце тома, может быть даже в приложении, поскольку они уже опубликованы в томе “Статьи об ученых и их творчестве”, а сейчас они начинают том. Вряд ли это правильно. Статью “По поводу критических замечаний акад. А.М. Деборина надо поместить после статьи “Проблема времени в современной науке”, потому что в первой из них защищаются некоторые положения, изложенные во второй. Однако все это исправить легко.

Значительно хуже обстоит дело с “Комментариями”. Десять имеющихся в тексте работ в “Комментариях” даже не упоминаются. Это следующие работы.

1. Об общем ходе развития философии.
2. О научном мировоззрении.
3. О взаимоотношении науки и философии в их историческом развитии.
4. Математика и естествознание.
5. По поводу критических замечаний акад. А.М. Деборина.
6. О пределах биосферы.
7. О логике естествознания.
8. Несколько слов о ноосфере.
9. О состояниях пространства в геологических сферах Земли на фоне роста науки в XX столетии.
10. О пространстве-времени.

Без добавления в “Комментариях” сведений об этих работах и более подробного разбора некоторых из них, том “Трудов по философии естествознания” нельзя сдавать в печать. Вам, как редактору тома, это должно быть понятно. Некоторые из перечисленных выше работ нуждаются лишь в маленькой заметке, подобной той, которую Вы сделали для отрывка “Естествознание и философия” на странице 542. Однако такие статьи, как “О научном мировоззрении”, ответ А.М. Деборину, “О пределах биосферы” и “Несколько слов о ноосфере” – нуждаются в обстоятельном комментировании.

Я несколько удивлен тем, что Вы этого не сделали, ведь для статей “О радиоактивном определении геологического времени” и “Об определении геологического времени и его единице – декамериаде” Вы дали очень хорошие комментарии и непонятно, почему Вы не сделали того же для соседних с ними.

Убедительно прошу Вас закончить работу – написать недостающие комментарии и выслать их мне для дополнения присланного ранее текста. Я, вероятно, никуда не уеду из Москвы и буду ждать известий от Вас.

Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского пока не перевел никому из нас ни одного рубля, хотя отчет о работе нашего коллектива за 1 квартал я сдал своевременно. Ссылаются на задержку финансирования фонда “Газпромом” в связи с теми попытками ликвидировать “Газпром”, о которых мы знаем из газет и радиопередач. Однако деятели фонда настроены бодро и обещают начать переводы на наши сберкнижки в ближайшем будущем.

Фидан Тауфиковна шлет Вам свой привет.

Искренне уважающий Вас

А.Л. Яншин

А.Л. ЯНШИН – К.В. СИМАКОВУ

6 ноября 1998 г.

Дорогой Кирилл Владимирович!

Поздравляю Вас и всех магаданских геологов с выходом первого номера собственного журнала “Колымские вести”, который я получил недавно.

Уже внешний облик говорит о том, что это журнал солидный. Превосходная бумага. Много иллюстраций, в том числе цветных. Глянцевая обложка.

Содержание вполне соответствует оформлению.

Опубликованные в этом номере статьи об истории геологического изучения северо-востока России, об экологической валеологии, о нелинейном единстве, интересные сообщения о совещаниях в Петрозаводске и Квебеке сделали бы честь любому столичному журналу.

Публикуемые сведения о новых книгах, выпущенных СВКНИИ говорят о том, что Магадан стал одним из наиболее крупных центров научного книгопечатания.

Словом, журнал дает вполне ясный ответ на поставленный Вами в заглавии Вашей первой статьи вопрос: “Имеет ли региональная академическая наука будущее?” Прочитав журнал, можно уверенно сказать: “Да, имеет!” Только для этого нужны такие люди, как Вы! Или Н.П. Юшкин в Сыктывкаре!

Досадно, что такой журнал выпущен тиражом всего 100 экземпляров. Следующий номер надо печатать тиражом в 500 экземпляров и разослать бесплатно во все геологические учреждения России, Северной Америки и Восточной Азии, одновременно с указаниями о подписке на журнал со 2 половины 1999 г. или об условиях его приобретения.

Я уверен, что даже в условиях переживаемого нами экономического кризиса желающих приобрести журнал будет много.

Том В.И. Вернадского “Труды по философии естествознания” совершенно готов. На него получены две необходимые положительные рецензии Э.В. Гирусова (зав.кафедрой философии РАН) и А.Н. Кочергина (зав.кафедрой философии МГУ). Том сейчас в издательстве “Наука”, но еще не для печати, а для калькуляции стоимости издания. В Неправительственный экологический фонд В.И. Вернадского мы его не сдавали, потому что этот фонд перечислил на наши сберегательные книжки заработную плату пока только за 1 квартал. Ссылаются на экономический кризис и обещают расплатиться в конце ноября.

До Нового Года я Вам еще напишу.

Фидан Тауфиковна просит передать Вам свой привет.

Ваш А.Л.Яншин

Р.С. Тяжело, но справедливо послесловие статьи Василия Феофановича Белого “Слово о Билибине” – “А затем пришло время чиновников, за которыми последовало безвремение ма-родеров”.

Прошу передать В.Ф. Белому мой привет. Я очень высоко ценю его тектонические работы.

К.В. СИМАКОВ – Ф.Т. ЯНШИНОЙ

Магадан, 16 октября 2002 г.

Дорогая Фидан Тауфиковна,
получил Ваше письмо и два последних выпуска “Бюллетеня”, за которые огромное спасибо. Правда, статья В.Ф. Парфенова меня несколько обескуражила – он почти теми же словами, что и я, охарактеризовал значение и роль Александра Леонидовича, так что мне пришлось кое-что убрать, дабы не обвинили в плагиате.

Отправляю Вам текст заметки, которая, впрочем, меня не вполне удовлетворяет. Боюсь, что мне не удалось в полной мере высказать свое отношение ни к трудам В.И. Вернадского, ни к деятельности вашей Комиссии – не мастер я писать такие заметки. Из высказываний и мыслей В.И. Вернадского я специально выбрал те, которые характеризуют устойчивый консерватизм наших власть предержащих в отношении к Науке. Вы правы в том отношении, что именно эти мысли могут не понравиться нашим чиновникам от науки, ну да черт с ними.

Если Вам покажется необходимым что-либо добавить или убрать из текста или заголовка – пожалуйста, не стесняйтесь. Боюсь, что перечислил не все издания Комиссии. В частности, помнится, в одном из выпусков “Бюллетеня” была помещена работа А.В. Яблокова, посвященная атомной безопасности России. Однако у меня нет данного выпуска, а эту его следовало бы упомянуть в той части заметки, в которой я касаюсь содержания “Бюллетеня”. Распечатку и дискету с текстом я отправил Галине Александровне Заикиной, которая обычно курирует все мои заметки в “Вестнике” с благословения В.И. Осипова, который обычно не возражает против моих публикаций. Поэтому если будете что-то изменять – обращайтесь непосредственно к ней.

Что касается нашей жизни, то она идет так же как и у всех. Разница, может быть, только в том, что приходится заниматься не только наукой, но и еще всякой белибердой, связанной с оценкой деятельности других научных центров ДВО. Только что вернулся из Благовещенска, где проходило выездное заседание нашего Президиума и пришлось возглавлять комиссию по проверке Амурского НЦ. Впечатление, надо сказать, гнетущее.

Закончил (почти) работу по палеобиосферному времени – хотел издать ее через РФФИ, но опоздал с подачей заявки. Теперь придется либо ждать следующего года, либо издавать у себя.

Вот, пожалуй, и все наши новости. Надеюсь, что встретимся на Общем собрании РАН в декабре.

С искренним и глубоким уважением, всегда Ваш

К.В. Симаков

**Рецензия С.В. Мейена на книгу
В.И. Оноприенко, К.В. Симакова
“Геологический календарь”**

В поисках идеального геологического календаря⁸⁰

Если верить такому авторитетному источнику как сборник “Физики продолжают шутить”, в 1923 г. Э. Резерфорд сказал о теории относительности: “А, чепуха! Для нашей работы это не нужно”. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что большинство стратиграфов смело подпишется под словами Резерфорда, если им станут толковать о связи теории относительности и теории стратиграфии. К числу людей, впервые пришедших к выводу, что такая связь не только существует, но и крайне важна для основ стратиграфии, относятся авторы недавно вышедшей небольшой популярной книжки “Геологический календарь” В.И. Оноприенко и К.В. Симакова.

Это – не первая популярная книга, в которой рассматриваются вопросы, связанные с временем в геологии, со стратиграфией. Многие популярные и учебные издания излагают некоторые положения стратиграфии, воспринимаемые как ее азы. В частности, обычно приводится геохронологическая таблица с эрами и периодами – кембрийским, ордовикским, силурийским и далее до четвертичного. На этой таблице часто указывают для каждого периода длительность в миллионах лет и иногда краткую характеристику органического мира. Даже люди, далекие от геологии и палеонтологии, знают, что мезозойская эра была временем господства динозавров на суше и аммонитов в морях. Но я не знаю популярной книги, в которой было бы показано каков смысл этой шкалы эр, периодов, эпох и веков, как смогли стратиграфы и палеонтологи ее построить, что она дает, чего не дает и что должна дать геологу.

Авторы “Геологического календаря” пытаются ответить на все эти вопросы. Они приходят к выводу, что фундаментальные философские проблемы пространства и времени, обычно обсуждаемые с точки зрения неклассической физики, имеют самое прямое отношение к геохронологии, а через нее к теории и практике стратиграфии. Существует неверное представление, что эти проблемы встают лишь перед исследователями, имеющими дело с микромиром или, наоборот, эволюцией галактических систем. Только здесь возникают фундаментальные трудности при

⁸⁰ Природа. 1978. № 4. С. 151–152.

установлении одновременности событий. В.И. Оноприенко и К.В. Симакон показывают, что установление одновременности событий геологического прошлого сталкивается с теми же трудностями и для их преодоления необходима такая же революция в системе понятий, как и та, что произошла в физике при проникновении в нее теории относительности.

Понятие одновременности, если речь не идет о мире элементарных частиц и скоростях, близких к световым, кажется до крайности простым. Проблема одновременности не встает перед естествоиспытателем, изучающим современные геологические явления. Кажется, что также должно быть и для исследователя явлений прошлого. Между тем, и в этом убеждает рецензируемая книга, как только мы обращаемся к геологическому прошлому, мы теряем главный инструмент для установления одновременности событий, внешние по отношению к этим событиям часы, роль которых для исследователя современных процессов исполняют, скажем, вращение или обращение Земли. Утратив подобную линейку времени, исследователь может упорядочить следы событий в одном месте по отношению “раньше-позже”, но сталкивается с проблемой установления одновременности событий, происходящих в разных местах. Авторы “Геологического календаря” показывают как стратиграфия преодолевает эти трудности и насколько можно положиться на предлагаемые стратиграфами решения.

Нельзя сказать, что все теоретические трудности стратиграфии были с самого начала осознаны и тем задерживали стратиграфические исследования. Фактические работники интуитивно решали проблемы, нередко даже не осознавая их. Международная геохронологическая шкала, как и местные стратиграфические шкалы, не были получены благодаря тому, что исследователи руководствовались разработанной теорией. Скорее наоборот, только благодаря успехам практической стратиграфии появилась возможность развивать стратиграфию теоретическую, переосмысливая достигнутые успехи “задним числом”.

Такое апостериорное теоретизирование долго казалось делом не слишком нужным. Может быть поэтому до сих пор студентам-геологам не читают теоретических основ стратиграфии, хотя с практикой стратиграфии им приходится так или иначе сталкиваться в течение всей жизни. По той же причине едва ли кто из стратиграфов-практиков сумеет без запинки сказать каковы основополагающие принципы стратиграфии. Однако увеличение масштаба и детальности стратиграфических работ, необходимость крупномасштабного геологического картирования обшир-

ных регионов привели к противоречиям между практиками. Эти противоречия настолько существенные и уже настолько мешают работе, что нередко на совещаниях, посвященных сугубо практическим вопросам, возникают бурные теоретические дискуссии. Незаработанность теории стала практике поперек дороги.

В.И. Оноприенко и К.В. Симаков не прошли мимо тех теоретических вопросов, которые прямо связаны с разрешением практических противоречий. Один из них – совершенствование международной стратиграфической шкалы. Авторы совершенно правильно указывают, что это – не шкала времени, сравнимая с летоисчислением, а простейший календарь. Они предлагают способы превращения календаря в полноценную шкалу, полагая, что в роли делений шкалы могут выступать виды, последовательно сменяющие друг друга в филогенетических линиях. Их проект может показаться утопичным. Даже если и так, то он заслуживает тщательного обсуждения в интересах теории.

Помимо разбора рассмотренных и иных теоретических вопросов читатель найдет в книге интересные исторические экскурсы, познакомится с конкретными методами стратиграфии. Словом, книга получилась содержательной, интересной, оригинальной. Те, кто интересуется темой книги, могут лишь позавидовать тому, кто владеет украинским языком и сможет прочесть книгу (сам я читал русский текст, который выпросил у авторов). Между тем было бы важно издать книгу В.И. Оноприенко и К.В. Симакова на русском языке, поскольку она была бы весьма полезной широкому кругу людей, прямо или косвенно связанных со стратиграфией. То, что круг потенциальных читателей книги широк, видно хотя бы из числа геологов в нашей стране – несколько сотен тысяч.

Если предложение об издании книги на русском языке будет принято, хотелось бы посоветовать авторам несколько ее улучшить. В книге много говорится о необходимости построения полноценной международной стратиграфической шкалы. Авторы критикуют уже имеющуюся шкалу. Однако, читая книгу, не всегда легко понять, о какой шкале авторы говорят в том или ином месте, – об имеющейся или той, которую еще предстоит построить. Остается непонятным, как предлагают авторы поступить с имеющейся шкалой – полностью заменить ее на более совершенную, способную решать проблемы изменения времени, или оставить в качестве дополнительного инструмента стратиграфии.

Критика авторами нынешнего варианта шкалы во многом справедлива, но некоторые их высказывания плохо обоснованы. Например, в подтверждение искусственности этой шкалы они со-

поставляют с ней схему филогении органического мира. Они не учитывают, что хотя геохронология и может пользоваться палеонтологическим методом, соответствие геохронологии и фаз филогенеза совершенно не обязательно. Приходится помнить и о дефектах самих филогенетических схем: они отражают лишь малую долю таксономических групп — только тех организмов, которые сохранились в геологической летописи. Не менее важно и то, что филогенетические схемы строятся по сохраняющимся частям организмов. Неизвестно, что осталось бы от этих схем, знай мы вымершие организмы целиком.

Это же соображение о фундаментальной дефектности и крайней гипотетичности (если не сказать спекулятивности и даже фантастичности) подавляющего большинства конкретных филогенетических схем можно выдвинуть против предлагаемого авторами введения метрики геологического времени на палеобиологической основе. Если имеющиеся филогении то и дело обнаруживают серьезные дефекты, то как гарантировать надежность тех филогенетических линий, которые будут исполнять роль шкалы времени. Не получится ли, что эти линии будут наподобие часов, хорошо задуманных, но сработанных так, что циферблат у них болтается, а стрелки неожиданно и неконтролируемо сваливаются с оси.

Однако допустим, что авторам удалось предложить рецепт закрепления стрелок и циферблата филогенетических часов. Другой не менее важный дефект этих часов останется: несопоставимость деталей шкалы. Логика авторов такова: равенство делений в шкалах, измеряющих время (например, равенство делений в атомных часах), постулируется. Мы, дескать, имеем право на такой же постулат и в геохронометрии. Это не совсем верно. Используемые физикой часы устроены таким образом, что мы можем переводить времена, отсчитываемые разными по природе часами (астрономическими, атомными и т.п.), на одну и ту же вещественную линейку (циферблат), деления которой, в отличие от делений временных шкал, уже можно сравнить совмещением. Имеющиеся здесь сложности имеют второстепенный для практической хронометрии характер. Думается, что если удалось бы спроецировать деления циферблата филогенетических часов на мерную ленту, то мы получили бы нечто вроде следов пьяницы, шествующего то на ногах, то с помощью рук и задерживающегося у фонарных столбов. Расстояния между его следами можно постулировать как раньше, но есть риск, что построенная на такой основе картина прошлого Земли будет подобна представлению в замутненном алкоголем мозгу.

Надеюсь, что эта аналогия не шокирует авторов книги и не вызовет у них невосприимчивость к сделанным замечаниям, цель которых улучшить их весьма полезную книгу.

Воспоминания⁸¹

И.Б. Флеров⁸²

До свиданья, друг мой, до свиданья...

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди...

С. Есенин

Мы почти одновременно приехали “на Колыму” в 1958 г. и сразу же попали в поле, каждый в соответствии со своими геологическими привязанностями, что было очень необычным в то время. Руководство Сеймчанского РайГРУ предоставило нам выбор, мы его сделали и полетели: я – на Чукотку на поиски, Кирилл – на Омолон в стратиграфический отряд. Собственно, это и определило нашу геологическую направленность на всю жизнь. Познакомились мы уже после полевых работ в Сеймчане, где собрался такой народ, сплав зрелых и опытных с молодыми и “зелеными”, которому, я убежден, позавидовал бы любой геологический коллектив. Много молодых специалистов прибыло тогда в Сеймчан. И, что удивительно сегодня, наша молодость не была помехой в общении с “колымскими мастодонтами” – С.М. Тильманом, А.П. Шпетным, Г.М. Сосуновым, Я.П. Мисансом, Д.Ф. Егоровым, Д.М. Печерским и многими другими, потому что, я думаю, не такими уж “зелеными” мы были. Ведь мы прошли легендарные питерские и московские “университеты”, нас готовили живые легенды геологии. “Мастодонты” проверили нас, заставив рассказать о своих студенческих и дипломных работах, наклонностях и увлечениях, “зауважали” и благосклонно приняли.

Формально мы и так числились в коллективе, поэтому в слово “приняли” я вкладываю значительно больший смысл. Мы вошли в него полноправными членами, наше мнение выслушивалось с большим вниманием, нам удавалось даже поколебать некоторые традиционные взгляды на те или иные геологические проблемы. Их обсуждение не ограничивалось только рабочим

⁸¹ Впервые опубликовано: Колымские вести. 2004. № 26. С. 27–34, 49–55.

⁸² Флёров Игорь Борисович, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР, директор “Русской горной компании”.

временем, мы продолжали общаться и после, часто за полночь. Организовали даже геологический суд – с судьей, обвинением и защитой. Судьями были “мастодонты”. “Судили” автора геологической концепции, его обвиняли несогласные, а защищали сочувствующие.

Эта среда и дала многим “затравку” на всю жизнь. Из нее вышло более десятка докторов и несколько десятков кандидатов наук, вряд ли какой другой коллектив может похвалиться тем же. В этой среде у нас с Кириллом и сформировалось отношение к геологии – приоритетное в разной степени по отношению к остальным сторонам жизни. Когда мы беседовали, наши женщины удалялись, предоставляя нам возможность насладиться разговором “за палеозой”. Уезжали в отпуск, оставляя нас дописывать, дорисовывать, допечатывать. Кирилл умудрялся даже в отпуске работать.

Однажды, уезжая в отпуск, он наметил взять такое количество материалов, которое оказалось неподъемным для одного. Вылетая позже, я согласился взять один вьючный ящик и подвезти его непосредственно к поезду, которым Кирилл отбывал из Москвы. На вокзал мы добирались порознь, я поехал на такси. В Москве уже тогда были автомобильные пробки, и я, конечно же, прибыл на вокзал поздно. Выйдя на перрон, я увидел уже хвост тронувшегося поезда и “красноречиво” жестикулирующего Кирилла, стоящего на подножке последнего вагона. И вот, под тяжестью полного брахиопод и бумаг тяжеленного ящика, я с ускорением бегу за быстро набирающим скорость поездом. Догоняю, бросаю в проем тамбура ящик, его, как хрусталь, ловят, а я, обессиленный, стою, шатаюсь и глотаю воздух под хохот многочисленных посторонних.

Возвращаясь к “началу”, нашему появлению после поля в Сеймчане, хочу подчеркнуть, что все молодые специалисты стали друзьями, но ни с кем у меня не возникло таких теплых отношений, как с Кириллом, которые остались таковыми на всю жизнь. У нас были и разные, и общие интересы, но главное, что нас объединяло, – безмерная любовь к геологии. Сегодня любому стороннему человеку покажется странным, как это молодые люди могут сидеть часами, а то и всю ночь “за чашкой чая”, опорожняя его запасы и рассуждая о разных проблемах. А мы были такими. Наши беседы плавно переходили от тем, которые были нам близки по выполняемой работе, к смежным и иногда совсем уж далеким. “Коньком” Кирилла была палеонтология и стратиграфия, моим – петрография и метаморфизм, а вместе мы, дополняя друг друга, подходили к теории геосинклинали, тектони-

ке. Мы и помогали друг другу. Я помню, когда Кирилл занялся вулканизмом кедонской серии, он “пытал” меня вопросами по магматизму; когда я занялся россыпями золота, он приобщал меня к геоморфологии, говорил о роли стратиграфии в поисках. Кстати, будучи уже в Магадане, когда только намечался “разгром” палеонтологического направления, мы планировали опубликовать статью “О роли стратиграфических исследований при поисках месторождений золота”. Статья противоречила установкам, поэтому, к сожалению, не вышла. На всю жизнь мы остались верны “юношеским” привязанностям: Кирилл занялся проблемой биохронологии, я – проблемой поиска, разведки и оценки месторождений золота.

Вообще, я думаю, что хорошо знаю не Кирилла, а “двух Кириллов”: одного – в высшей степени работоспособного “трудоголика”, другого – чрезвычайно скромного, но очень компанейского и веселого, чуткого друга и душевного собеседника, прекрасного семьянина и любящего отца и деда. И хотя в жизни доминировал “первый”, сначала я хочу рассказать о “втором”.

Я убежден, что скромность человека проистекает от его силы. Истинно сильному человеку не надо доказывать свою силу. Может быть, невидимая сразу, она обязательно проявится со временем. Это никчемные выпячиваются, чтобы их заметили. А Кирилл, каким он был вначале: с тихим голосом, внимательно слушающим, никогда не прерывающим собеседника, улыбающимся, даже если тот “нес ахинею”, таким и оставался всю жизнь и когда стал академиком. Он прекрасно понимал шутки и анекдоты, от души тихо смеясь, сам вставлял к месту свежие анекдоты. При этом его глаза искрились, что было заметно, если только внимательно присмотреться сквозь толстые стекла его очков. Он не повышал голоса даже тогда, когда его визави кричал, брызжа слюной. Не говорил тостов, подобных грузинским, но с лихвой компенсировал этот “недостаток”, выделявая в танцах замысловатые па с дамами. Я всегда удивлялся, где он этому научился.

Была у Кирилла страсть – русская баня. Ни сауну, ни турецкую баню он не любил. Регулярные посещения бани в Сеймчане, а затем Магадане, Владивостоке или Москве представляли собой ритуал – парилка, а париться с двумя – березовым и дубовым – веничками Кирилл любил самозабвенно, массаж, помывка, затем обязательные дома или в ресторане водочка с селедочкой. Не чужд Кириллу был и спорт: в школе и студенчестве он серьезно занимался велосипедом. В Сеймчане в спортивных соревнованиях в честь Дня полевиков мы играли в футбол, волейбол и баскетбол, но за разные команды. Иногда, “в пылу сраженья” не за-

мечали, как наносили противнику “увечья”. Помню, как в игре в баскетбол, столкнувшись со мной, вывихнула палец сотрудница из команды Кирилла. Видимо, в отместку кто-то из его команды наступил мне на ногу в момент прыжка под кольцом, из-за чего я вывихнул лодыжку.

Все праздники мы отмечали вместе – когда были и холостыми, и женатыми, с детьми. Склонившись над магнитофоном, слушали еле слышные, скрипучие записи песен Окуджавы, Высоцкого. Оба мы играли на пианино – соло, аккомпанируя исполнению геологических песен на “вечерах полевиков” и дома, я даже играл на танцах в Доме культуры. Однажды, что-то празднуя у Симаковых, мы так играли, пели и плясали допоздна, что на следующее утро у меня на столе, в то время исполняющего обязанности начальника экспедиции, оказалась жалоба соседей, живущих через стенку. Как можно было на нее отреагировать? Я и наложил резолюцию: “Отодвинуть пианино от стены”. А вечером мы с Кириллом вместе выполнили мое распоряжение...

Трудно сказать, кто больше заслуживает похвалы в создании такой семьи, какая получилась у Кирилла с Валец Шевченко. В дореволюционной России в среде интеллигенции не редкостью были семьи, созданные двумя творческими личностями. Иногда они распадались из-за неуступчивости супругов, но чаще женщина жертвовала своим талантом, создавая максимум условий для реализации мужа и сохраняя семью. Большой редкостью были семьи, где оба супруга творили, но каждый свое, часто в ущерб другим членам семьи. Семья Симаковых уникальна тем, что в ней проявились все положительные черты, отмеченные выше. Кирилл и Валя дополняли друг друга в то время, когда были вместе на съемке: один по своим пристрастиям занимался стратиграфией и геоморфологией, другая – магматизмом и метаморфизмом. В дальнейшем их творческие интересы разошлись, но каждый, пока в разной степени, реализовал себя. При этом Валя, конечно же, кое-чем пожертвовала, не дописав начатую монографию по магматизму Омолонского массива, но зато создала Кириллу все условия, без которых он не смог бы завершить труд, “завещанный ему Богом”. Как многие творческие люди, Кирилл был очень неприхотлив и в еде, и в одежде, много курил, иногда стряхивая пепел мимо пепельницы. Валя вместе с их дочерью Викой была все время рядом.

Очень насыщенная и интересна профессиональная жизнь была у Кирилла. Всего не перечислишь, но по отдельным ее эпизодам можно сделать о ней представление. У Кирилла было сильно развито чувство долга. Ярko и необычно оно проявилось в поле в

бассейнах рек Ясачная и Поповка в 1960 г. — единственном, проведенном не на Омолоне. По предыдущим исследованиям там были установлены вулканические породы, сходные по условиям образования и петрографическому составу с траппами Сибирской платформы, поэтому предполагали, что и здесь могут быть алмазы. Задача — архиважная, но, как впоследствии оказалось, алмазов там и не могло быть. Кирилл же тогда предположил, что геологи, проектирующие партию, могли и ошибиться, выбирая площадь съемки, и на свой страх и риск закартировал смежные площади, выполнив, по сути, двойной объем полевых работ. Это удлинило полевой сезон, но основной состав партии успели вывезти. Нагрянули морозы, а с ними туманы, нелетная погода. В ожидании самолета, живя в летней палатке, без зимней одежды, Кирилл с рабочим каждый день топтали снег на посадочной полосе. Самолет прилетел лишь в конце декабря. Только северяне понимают, на какой риск пошел Кирилл ради дела.

Поистине судьбоносными были полевые работы, проведенные на Омолоне. Уже в первый же год молодой специалист, впервые найдя фауну брахиопод и кораллов, доказывает девонский возраст пестроцветной вулканогенно-осадочной кедонской серии, которую предыдущие исследователи “гоняли” чуть ли не по всей шкале фанерозоя. Проведя в разных частях Омолонского массива несколько полевых сезонов и разобравшись со стратиграфией палеозойских отложений, Кирилл расшифровывает тектоническую природу этого “загадочного” в прошлом сложного элемента Северо-Востока Азии, попутно завершив составление листа Q-57-XXXII (Госгеолкарта-200) и написав раздел “Стратиграфия девонской системы. Омолонский массив” в книгу “Геология СССР”, том XXX и ряд статей. По стратиграфии и циртоспирифиридам фаменского и турнейского ярусов Омолонского массива Кирилл защитил в Новосибирске кандидатскую диссертацию в 1970 г.

И не судьба водила Кириллом, Кирилл определял свою судьбу. Ведь если бы Кирилл не был так самоотверженно влюблен в палеонтологию и стратиграфию — основу геологического картирования, он бы не доказал, что разрез пограничных позднефаменских и раннетурнейских слоев на Омолоне может быть опорным при сравнении пограничных слоев девона и карбона Северо-Востока Азии с таковыми Западной Европы, Северной Америки и Австралии. Впоследствии именно эти девон-каменноугольные разрезы изучались в 1979–1984 гг. советско-бельгийской группой специалистов. Сюда же состоялись экскурсии XIV Тихоокеанского конгресса (1979 г.) и XXVII Международного геологического

конгресса (1984 г.), руководимые Кириллом. Так к Кириллу пришла международная известность, благодаря которой ему удалось побывать на пограничных разрезах девона и карбона в Китае, Австралии, Европе, Северной Америке. Могут говорить, что Кириллу повезло, раз он попал в такое место, где есть этот разрез. Заверяю – в другом месте он нашел бы что-то иное, что позволило бы ему реализовать себя.

Талантливый человек талантлив во всем, но если он еще и работоспособен, то обязательно многого добьется. В 1965 г. Кирилл становится старшим геологом, а затем начальником геолого-поискового отдела Сеймчанской экспедиции. В то время территория экспедиции была наименее изученной в масштабе 1 : 200 000 в Магаданской области, поэтому ей отпускали значительные ассигнования на геолого-съемочные работы, которые обязательно сопровождались поисками с проходкой канав и шурфов. Посещая полевые партии, Кирилл, как опытный съемщик-поисковик, помогал в картировании, расшифровке геофизических данных и оценке результатов поисков. “Натаскивая” молодых специалистов, посещал с ними разрезы и часто находил фауну там, где ее пропускали. В свободное время, которое выдавалось иногда в непогоду в ожидании вылета, когда попутчики играли в карты и бродили, как сомнамбулы, по окрестностям аэропорта, он занимался обработкой собранного материала. Один раз за этим занятием я застал Кирилла в аэропорту Омолон. Он вручную делал петрохимические переисчисления нескольких тысяч характеристик пород кедонской серии. Сегодня это делает компьютер.

В камеральный период Кирилл, как начальник отдела, “способствовал обработке материалов, составлению отчетов”. Так говорится в обязанностях по должности. Но не это было главным. Главное оставалось за кадром. Кто проходил мимо дома Симаковых, видел, что свет в одном окне горит чуть ли не всю ночь. Это Кирилл работал! Сколько он исписал своим мелким почерком, который могла разобрать только Валя Шевченко, не знает даже она, потому что многое он уничтожал. “Свет в окне” видели и молодые специалисты. Не имея возможности, а иногда и смелости подойти к Кириллу в рабочее время, они шли на этот свет со своими проблемами, зная, что Кирилл их примет в любое время, выслушает, даст совет, напоит чаем, а то и глинтвейном, согревающим тело и душу. Они его боготворили и росли. Многие из них стали кандидатами наук, некоторые получили докторскую степень.

Но не всем стиль работы Кирилла был по душе, хотя со своими официальными обязанностями он справлялся блестяще. Естествен-

но, что Кирилл зимой при таком образе жизни не всегда приходил к началу рабочего дня, а летом, самостоятельно выбирая маршруты посещения полевых партий, отклонялся от графика, согласованного с начальством. Непосредственному начальнику Кирилла, главному геологу, это не нравилось, что он открыто выражал. Мне кажется, что тут примешивалась ревность. Ведь геологи ходили к Кириллу, а не к Главному. Неприязнь “теплилась”, но однажды “раздулась” до конфликта, которых, кстати, у Кирилла и в дальнейшем было много. Но таков удел талантливых.

О конфликте стоит рассказать особо, потому что в нем – весь Кирилл. В 1966 г., когда в стране стали насаждать хозяйственный расчет, совхоз “Балыгычан”, снабжавший нас лошадками, выставил ультиматум: или платите за их годовичное содержание, или их “пустят на колбасу”. Что делать? Кирилл первым додумался до замены лошадок вертолетом, благо что все листы съемки масштаба 1 : 200 000 находились на почти одинаковом расстоянии от аэропорта Омон, где мог бы базироваться вертолет. Был еще ряд преимуществ от применения вертолета на съемке. Но к главному геологу Кирилл с этой идеей не хотел идти, а попросил меня, в то время главного инженера экспедиции, обратиться к начальнику экспедиции. Это был “старый колымчанин”, очень инициативный, но не признающий ничьих советов. Если к нему подойти с таким необычным предложением без подготовки, он наверняка его отвергнет. Надо было сделать так, чтобы инициатива исходила от него самого. И мы придумали. Мы сделали очень убедительные экономические расчеты и показали организационные выгоды, кратко изложив все это на бумаге, которую я передал начальнику на очередной планерке. Он, не читая, положил ее в стол, а через два дня, собрав руководство и полевиков, объявил о замене лошадок вертолетом. Дело было сделано.

Конфликт возник уже в конце лета 1967 г., когда эффективность использования вертолета стала для всех очевидной. Кирилл в этот сезон был “разводящим”, направляя вертолет туда, где геологи ожидали его для переброски на другую базу. Вертолетом же он посещал и партии по графику, но иногда использовал его и для изучения некоторых важных, опорных для региона разрезов, что было необходимо при составлении листов Государственной карты этого масштаба. Тем не менее главный геолог экспедиции, формально считая это излишеством, убедил начальника экспедиции в том, что Кирилл якобы нанес экспедиции экономический ущерб. Над приказом об отстранении Кирилла была занесена рука. Вовремя вернувшись из отпуска, я сумел ее отвести, заметив, что “нельзя рубить сук, на котором сидишь”.

Общего дела у нас не стало, когда мы перебрались в Магадан, я – в СВТГУ, Кирилл – в СВКНИИ, а позже я – в ЦНИГРИ, но все традиции, заложенные в Сеймчане, сохранились, несколько видоизменившись. По долгу службы я часто бывал в Магадане, а Кирилл – в Москве, иногда пролетом за границу, но не было случая, чтобы мы не встретились и не поговорили “за палеозой”.

Кирилл стал академиком, возглавив северо-восточную науку, я поруководил отраслевой наукой, курируя в стране “золотое” направление, затем, оставив государственную службу, ушел в “геологический бизнес”. Тематика бесед стала другой – российского и мирового масштаба. Оба мы с ностальгией вспоминали прошлое, но по-разному относились к будущему, видя, как разваливается геологическая индустрия России. Кирилл уповал на прежнюю государственную поддержку геологии, я же говорил о ее возрождении в составе мощных горнодобывающих предприятий.

В одной из бесед в последние годы Кирилл посетовал на отсутствие в журнале “Колымские вести”, который он издавал, проблемных статей по золоту. Статьи по “золотой” тематике журнал печатал регулярно, но они были о прошлом, а надо было о том, “что делать?” А ведь золото для Магадана – это жизнь. Зная о моем “рыночном” опыте и желая как-то повлиять на плачевное состояние дел с золотом в регионе, Кирилл предложил мне восполнить этот пробел. Я согласился и написал большой очерк “Золото недр России: мифы, реалии, проблемы”, а Кирилл его опубликовал в № 22. В очерке мне удалось развенчать мифы о том, что золото государству нужно, что в России создана крупная сырьевая база золота, а россыпи золота кончаются, и показать на зарубежных примерах, как поднять добычу золота в области. Не знаю, какая реакция была в Магадане, но в стране очерк получил большой резонанс. Его опубликовали в Интернете на сайте “Русский золотой портал”, в связи с чем посещаемость сайта, как сказали его организаторы, резко возросла, несколько журналов перепечатали разделы очерка, его обсуждали на совещаниях. Я думаю, многим этот очерк, благодаря нашему с Кириллом симбиозу, по крайней мере, “открыл глаза”.

Находясь в Москве, в больнице на обследовании, будучи серьезно больным, Кирилл продолжал работать, завершая главный труд своей жизни – трехтомник “К созданию теории палеобиосферного времени”, осмыслить который еще предстоит геологической общественности. Он нашел в себе силы присутствовать на защите докторской диссертации своего сына Сергея, которая состоялась благодаря Кириллу. В свое время он настоял на ней и помог опубликовать основные ее положения. Защита прошла с блеском. Мы с

Сережей проводили Кирилла из Москвы, а уже через четыре месяца прилетели в Магадан, чтобы проститься с ним.

И вот Кирилла нет среди нас, но он в нашей памяти навсегда. Мы по-прежнему очень дружны семьями, наши дети и внуки, несмотря на разделяющие расстояния, общаются друг с другом, продолжая семейные традиции. Жизнь продолжается.

Ю.И. Оноприенко⁸³

Прощание с Кириллом

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стёртый,
Я по мёртвым друзьям не плачу,
Я ж не знаю, кто живой, а кто мёртвый

А. Галич

Предисловие

Жизнь воспринимается через факты. Мы по-разному реагируем на них в зависимости от их значения для нас. Вот один из них – 14 апреля 2004 г. ушел из жизни академик, Председатель Президиума Северо-Восточного научного центра ДВО РАН Кирилл Владимирович Симаков. Обычно, говоря об ушедшем человеке, просто перечисляют персоналии, степени, звания, труды, основные жизненные перипетии. Но насколько все это отражает внутренний мир человека, истинную ценность его устремлений, достоинства и особенности?

С Кириллом Симаковым я познакомился в середине 60-х гг. теперь уже прошлого века в Палеонтолого-стратиграфической партии Центральной комплексной тематической экспедиции Северо-Восточного геологического управления (ЦКТЭ СВГУ), куда был распределен после окончания геологического факультета Киевского университета. Кирилл, выпускник Ленинградского университета, к тому времени, образно говоря, уже абориген Северо-Востока, руководитель группы геолого-съёмочных партий Сеймчанской экспедиции СВГУ, достаточно часто появлялся у магаданских палеонтологов, с одной стороны по служебным надобностям, с другой – по обоюдной склонности интересов, жизненных позиций, научных устремлений.

⁸³ Оноприенко Юрий Иванович, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Биолого-почвенного института Дальневосточного отделения РАН, профессор Дальневосточного государственного и Дальневосточного государственного технического университетов.

Обычно в среде академических геологов с их узкой специализацией бытует убеждение, что геологическая съемка (особенно масштаба 1 : 200 000) с ее серьезными физическими нагрузками – занятие недостойное ученого-мыслителя. Могу с уверенностью сказать, опираясь на собственный опыт (начиная со студенческой скамьи, я принимал участие в съемке нескольких “двухсоток” в составе самых различных геологических организаций), что это в корне ошибочное мнение. Именно геологическая съемка являлась истинной школой настоящего геолога, эталоном оценки его профессиональной пригодности и лучших человеческих качеств.

Поэтому, как правило, на двухсотке не было лишних людей, легковесные и верхогляды быстро отсеивались, оставались лучшие, обладающие наибольшим диапазоном геологических знаний и умеющие применять их на практике. Немаловажной была также способность оставаться человеком, нередко даже в нечеловеческих обстоятельствах. Лист геологической карты – это не просто характеристика геологических образований на данной территории, геолог-съемщик должен еще обладать интуицией, позволяющей интерпретировать то, что недоступно взгляду, видеть то, что скрыто в глубине недр и, что еще труднее, понимать суть процессов, произошедших в далеком геологическом прошлом. Листы настоящих профессионалов это не только формальное отражение фактов. В чем-то – это произведение искусства, где можно найти элементы детектива, и фантастики, но строго на документальной основе. И всегда видно, кто мастер, кто подмастерье, а кто просто аферист или невежда. Последние никогда не приживались на съемке.

Кириллу суждено было пройти все круги геолого-съемочной страды от труднейших территорий по левобережью Колымы до Омолонского геологического “рая”, который он боготворил до своих последних дней. Он выдержал и непосильные трудности “глухих” листов, расшифровал головоломки сложных геологических структур в бассейне р. Омолон. Именно поэтому Кирилл стал одним из лучших среди профессионалов-съемщиков. Но при всем этом он всегда до последнего дня был человеком неумным в своей деятельности. Чтобы он не делал, всегда ему чего-то не хватало – это и есть отличительная черта настоящего ученого, где бы он ни работал, чем бы ни занимался. Об этом я часто говорю своим многочисленным студентам: если хотите стать лучшими, не замыкайтесь в рамках своей профессии, попытайтесь посмотреть на нее со стороны, постарайтесь найти хоть какие-нибудь закономерности, определить место объектов своих исследований в методологии не только смежных, но и отдаленных дисциплин.

Наверное, именно по этой причине, на определенном этапе деятельности Кириллу стали тесны рамки даже, казалось бы, безбрежной геолого-съёмочной деятельности. Его потянуло к палеонтологии, методологии биостратиграфии, теории эволюции, к проблемам времени. А, если неутомимый Кирилл становился на “тропу науки”, он отдавал этому себя целиком и полностью, не забывая, впрочем, и всего того, чем он занимался ранее.

Сеймчанский период

До сих пор вспоминаю 1967 год в Сеймчане у Кирилла, дом которого летом обычно превращался в перевалочную базу всякого рода “перемещенных лиц” – полевиков: геологов и палеонтологов из Магадана, Новосибирска и многих других местобитаний. Также и меня приютил этот гостеприимный дом на три недели, пока я “выталкивал” персонал и снаряжение Ясачинского полевого отряда ЦКТЭ СВТГУ к месту полевых работ. Днем я опекал полевых “бичей” (увы, в те времена практически единственной, и надо сказать, не самой плохой, полевой рабочей силой были те, кого сегодня называют бомжами), “отлавливал”, грузил и отправлял вертолеты, а по вечерам (зачастую переходившим в белые ночи) мы с Кириллом в его крохотном кабинете, заставленном и заваленном книгами, картами, рукописями и даже “маринованными” ископаемыми брахиоподами, пили чай с вареньем и говорили обо всем на свете, за исключением своих прямых рутинных обязанностей.

Меня уже тогда поражала удивительная способность Кирилла слушать, не перебивая, не вступать в споры, как обычно бывает в нашей среде, но мягко и убедительно отстаивать свою позицию. Он прекрасно подхватывал и усваивал новые для себя сведения. Немало времени в своих полуночных беседах мы уделяли его основному коньку – проблеме времени в геологии. Я был настроен, скорее, скептически по отношению к ее решению когда-либо вообще. Кирилл, напротив, оптимистически, опираясь на солидную по тем временам подборку отечественных и зарубежных публикаций. Именно тогда я посоветовал ему обратиться к моему старшему брату Валентину, который закончил геологический факультет МГУ, но в аспирантуре специализировался по проблемам философии естествознания. Забегая вперед, следует отметить, что это знакомство состоялось через несколько лет и оказалось обоюдно плодотворным: первые крупные работы по проблемам геологического времени ими были опубликованы совместно.

Уже тогда было ясно, что Кириллу становятся тесны рамки экспедиционного Сеймчана. И проблема даже не в самой экспедиции, к стати сказать, одной из лучших, чтобы не сказать самой лучшей в Магаданской области, из которой вышли многие видные геологи. Дело заключалось в другом – любая организация (даже геологическая) представляет собой замкнутую систему, особенно если она расположена в местах, где, по расхожей шутке, “двенадцать месяцев зима, остальное лето”. Разумеется, это не совсем так, особенно для нас, посещающих Сеймчан преимущественно летом, в то время когда его называли “Колымским Сочи”. Но это всего каких-нибудь три месяца в году... А остальное время! Тут даже самые страсотерпцы и коммуникабельные, запертые в стенах камералки, либо в своих, отнюдь не комфортабельных жилищах, могут не выдержать. Одни и те же лица, одни и те же привычки (даже самые безобидные), одни и те же разговоры, одни и те же шутки. А вокруг, снаружи, снега и морозы, нередко достигающие 60°. А если вы при этом не обделены талантом и вам не с кем поделиться своими мыслями, идеями, замыслами? Рано или поздно эта ситуация начинает угнетать и приводит к ужесточению информационной замкнутости и к нарастанию того, что физики называют энтропией. Вариантов немного: нужно или смириться с этим, или искать место, более благоприятное для реализации своих способностей.

Возможность выбора

Но на пути к этому стояли чисто советские обстоятельства, а именно проблема жилья. По широте своей натуры и житейской беспечности, Кирилл потерял право (так называемую “бронь”) на возвращение даже под родительский кров в родной Ленинград. Поэтому в сложившейся ситуации наиболее реальным было перебраться в “столицу Колымского края”, где Кирилл уже знали как прекрасного специалиста. К тому же для этого существовали еще и другие причины. Шестидесятые годы были не только временем оттепели “на материке”, но и своего рода “золотым” периодом (вероятно, это явления взаимосвязанные) для магаданской геологии. Начиная с середины минувшего века, на Северо-Востоке стал формироваться достаточно своеобразный контингент геологов, в основном из выпускников ведущих вузов страны – москвичей, ленинградцев, воронежцев, саратовцев и т.п. (в середине 50-х прорвался даже десант моих земляков – киевлян, которых обычно старались распределять в пределах Украины), причем большинство из них ехали “к черту на кулички” отнюдь

не за “длинным рублем”. Если таковые и были, их быстро отрезали хрущевские реформы, урезавшие до минимума северные надбавки. Многие из этих презревших “золотого тельца” специалисты, пройдя экспедиционные “тесты” в различных укромных (мягко говоря) уголках Северо-Востока, оседали в магаданских геологических организациях, оказывая существенное влияние на формирование климата в них.

Среди подобных организаций особое место занимала (уже упомянутая) Центральная комплексная тематическая экспедиция СВТГУ, в которую мне посчастливилось “приземлиться” сразу после окончания университета. По сути, – это был производственный научно-исследовательский институт при геологическом управлении. Разумеется, здесь были и “зубры”, прошедшие суровую школу геологии пресловутого Дальстроя, – в своем большинстве прекрасные специалисты, но не без примеси консерватизма и желания поучать зарвавшуюся молодежь. Но все-таки в основном, атмосферу в экспедиции определяли геологи, пришедшие на Северо-Восток после 1940 гг., хоть и не покушавшиеся на сложившиеся “законные” колымские традиции, но имевшие уже свои собственные взгляды не только на геологию, но и на общество, жизнь, мир, как бы этому не пытались противостоять партийные “вертухай”-демагоги, старавшиеся подогнать всех под гребенку уже начинающей агонизировать идеологии. По счастью, среди палеонтологов-стратиграфов ЦКТЭ таковых не было вообще.

Наибольшее предпочтение Кирилл отдавал нашей палеонтолого-стратиграфической партии. И это было неспроста. Ко всему прочему, это было не худшее время для экспедиционных палеонтологов, поскольку одной из насущных задач, поставленных перед геологами управления, являлось скорейшее завершение геологической съемки масштаба 1 : 200 000. Усилиями одного из виднейших геологов Северо-Востока А.А. Николаева и его единомышленников в относительно короткий срок было создано подразделение, эффективно способствующее проведению палеонтолого-стратиграфических исследований на территории Магаданской области и сопредельных регионов.

Высокий уровень подготовки специалистов и творческий климат, царившие в этом коллективе, позволили достаточно быстро достигнуть заметных успехов, как в изучении ископаемой фауны, так и в интерпретации полученных результатов. В немалой степени этому способствовал сам А.А. Николаев – не только прекрасный специалист в области геологии и палеонтологии, но и выдающийся стратег, умудрявшийся поддерживать безукориз-

ненное качество и высокую работоспособность коллектива даже в условиях пресловутого тоталитарного строя, характерного для всей нашей страны и, особенно, для многих администраторов колымской геологии, в своем большинстве “выросших из дальстро-евской шинели”.

“Нехорошая” 22 комната

Приезжая в Магадан и уладив все необходимые производственные дела, Кирилл чаще всего спускался (мы сидели в цоколе) в нашу 22 комнату в старом здании ЦКТЭ. М. Булгаков назвал бы эту комнату, как и пресловутую квартиру в “Мастере и Маргарите”, “нехорошей”, поскольку в ней зачастую происходили удивительные вещи. Наверно потому, что в ней обитала компания развеселых людей, любителей поговорить на самые различные темы, нередко самые крамольные, склонных к шуткам и розыгрышам, порой почти вселенского масштаба. Здесь никогда не ругались, но спорили зачастую до хрипоты, споры нередко перекидывались, вслед за курящими зачинщиками, в коридор, вовлекая все новых и новых участников.

Споры могли быть на любую тему: политика, литература, искусство, философия, теоретическая физика, теория эволюции, история и т.п., но никогда не затрагивались проблемы насущные, тривиальные. В этом все были профессионалами высшего класса. И всех объединяли настоящие дружеские отношения, которые продолжают и поныне, хотя прошла почти целая вечность. Все, как могли, помогали друг другу, поддерживали в трудную минуту, радовались удачам друг друга, что не мешало подшучивать друг над другом.

Кто же населял эту комнату. Справа от входа сидел Юра Репин с роскошной шевелюрой, в течение недели зараставший проволочного типа щетиной. Любимое восклицание: “Ну вы, лишонцы...!” колымский лагерный вариант произношения (ну очень советского) понятия “лишенцы”. Юра всегда не прочь вступить в дискуссию. Говорит быстро, эмоционально, с напором.

Со своего места у него открывался вид не только на маловыразительный пейзаж за окном, но и на профиль собственной супруги Инги Полуботко, которая чаще всего была полностью погружена в работу, но когда речь заходила о чем-либо интересном для нее, она включалась быстро, почти детонировала.

Спиной к Инге сидел самый “старый” из нас – Леня Цветков. Резонер, со своеобразным чувством юмора. Любимая поговорка: «рухнулся черт, закричал “караул” – на него насадили лопатник».

Обычно, улыбаясь собственным мыслям, он возился с одной из металлогенических карт (он единственный не палеонтолог среди нас, но “свой в доску”). Леня – натура художественная, не только прекрасный чертежник, но и выдающийся живописец. Любил поговорить о старых, но не всегда добрых временах, вспомнить забавные истории, были или легенды. С Юрой составляли прекрасный дуэт. Леня говорил с мягким юмором, Юра создавал контрастный эмоциональный фон. Леня не только “ветеран”, но в то время – и молодежен, что служило пищей для зубоскальства окружающих. Но Леня никогда ни на кого не обижался.

Слева от входа сидел Витя Ганелин – выпускник МГУ, самый большшой “трудоголик”: первым приходил на работу, включал себе прямо в глаза 200-ваттную настольную лампу и сидел с фауной до позднего вечера. Но часто выскакивал покурить в коридор и в паузах включался в общий разговор. Говорил с выражением, тщательно подчеркивая слова, были заметны прокуренные зубы. Его трудовой подвиг не оставлял для нас выбора, когда не хватало поводов и тем для зубоскальства, ему подстраивали всякие мелкие пакости и с удовольствием ждали реакции. Но всегда побеждало чувство юмора и неиссякаемое дружелюбие. Всего один раз мы с Кириллом вывели его из себя, построив из лотков с его ненаглядными брахиоподами нечто вроде пизанской башни от поверхности стола до самого потолка. Но его можно было понять: строили мы вдвоем, а разбирать ему эту шаткую структуру пришлось в одиночку.

Напротив Ганелина сидел ваш покорный слуга, на совести которого лежало немало “славных” дел в комнате и за ее пределами. Не то чтобы я был единственным инициатором всей этой чертовщины, но, пожалуй, в чем-то катализатором и режиссером многих выходов. Во всяком случае, уже через годы после моего отъезда, как только происходило нечто сверхъестественное, бывшие “сокамерники” производили дознание, где я находился в это время.

Помимо нас, в 22-й сидели, сменяя друг друга, приписанные к нашей партии техники-геологи. Неотъемлемая часть нашего полевого и камерального мира, наши помощники и друзья:

Медведеобразный добродушный Филипп Медников, который полностью оправдывал свое имя: лошади и прочие “меньшие братья” отвечали ему взаимностью. Прекраснейший фотограф и вообще человек с “золотыми руками”. При своих габаритах и приличествующей степенности обладал отменным чувством юмора и достаточным запасом мальчишества, чтобы принимать посильное участие в нашем коллективном бытии.

Витя Блищенко с вечно лукавой ухмылкой и готовностью поддержать компанию в ее разных ипостасях. Особенно любил поспорить “за политику”.

Игорь Белохин – участник войны, крепкий мужик, прекрасный полевик, немного прижимистый, но не настолько, чтобы испортить климат в комнате.

Толя Парыгин, ростом выше Филиппа, как и Белохин фронтовик, к тому же боксер, впрочем без всякой агрессивности, всегда искренне радовавшийся, когда мы собирались вместе.

Вот примерный список обитателей нашей комнаты. Несколько позднее появилась Нелля Караваева, но и она быстро адаптировалась к экстремальным условиям.

Из постоянных посетителей можно назвать Борю Преображенского, “ненавистника” нашего дорогого управленческого и экспедиционного начальства. Он с шумом врывается в комнату и пытался приобщить нас к вихревой теории своего отца. Обычно ему отвечали, что у нас и самих завихрений хватает или начинали петь песню “Вихри враждебные веют над нами – темные силы нас злобно гнетут...”. Тогда Боря прицеплялся к Ганелину на предмет скорейшего получения его черепа. Была между ними шутливая договоренность: кто первым покинет сей грешный мир – тот должен передать другому свой череп. Боря, глядя на прокуренные Викторovy зубы предъявлял претензии к плохому уходу за его будущей собственностью.

Точно так же быстро в комнату залетал Костя Паракецов, выпаливал что-нибудь забавное и тут же убегал в свой “более нормальный” кабинет, чтобы не успели прицепиться.

Со скромной улыбкой немножко боком появлялся Юра Бычков (“Бычик” как его ласкательно называла Инга). Прекрасный геолог, начинавший с Дальстроя, прошедший самые труднейшие поля Чукотки, где действительно надо было быть кентавром – иметь хорошую голову и лошадиную выносливость, он так и не утратил детской застенчивости и восторженности. С удовольствием отзывался на шутки, смеялся, когда над ним подшучивали. Во всем был человеком умеренным, кроме сбора грибов. О нас с ним ходили страшные слухи, в экспедиции поговаривали, что мы не употребляем ненормативной лексики. Что касается меня, я действительно не матерился, даже в поле, но при всем при том имел достаточно ядовитый язык. Наши полевые “бичи”, проштрафившись, говорили “ну, начальник, ты садист, вместо того, чтобы просто послать куда следует, что-нибудь этакое завернешь, потом неделю думаешь что бы это значило”. Юра же вообще никогда не ругался: как шутили ребята, он даже не знает как у человека правильно называются “филейные части”.

К нам приходили многие, но начальство – никогда. Исключение составлял наш непосредственный руководитель Алексей Александрович Николаев. Добрейший и умнейший человек, которому нами было нелегко управлять, несмотря на нашу лояльность по отношению к нему. Первые три года он уговаривал меня написать заявление на участие в борьбе за звание ударника коммунистического труда. Приносил образцы заявлений, доказывал, что это простая формальность и что из-за этого могут быть крупные неприятности. Но я уперся и со временем стал для него человеком легкомысленным и недалеким, что, вероятно, соответствовало действительности, но не мешало нам по доброму относиться друг к другу.

Разумеется, в чем-то он был пророком. Когда подошло время защищать диссертацию и мне понадобился отзыв от организации (ЦКТЭ), “шеф” (так мы все его звали за глаза), подошел ко мне и изрек: “Ну, что, достукались, я ж Вас предупреждал. Отзыв Вам начальник экспедиции Г.Г.П. (не стоит уточнять, его давно уж нет в этом мире) не дает по причине вашего антиобщественного поведения и внекомсомольского прошлого”. Но все обошлось. Через 2 часа ко мне в 22-ю забрела весьма колоритная личность: “физоргша СВТУ” М.И. Ситникова. (В те годы я неслабо грешил спортивными забавами) и заявила, как всегда безапелляционно: “Юра, завтра первенство города по велосипеду, без тебя – никак”. Ну а я ей говорю: “Мариванна (ее все так у нас величали), куда же мне убогому – обод переднего колеса велосипеда вдребезги. И вообще я – личность антиобщественная, вот в отзыве отказали. У Мариванны глаза стали как у андерсеновской собаки – с мельничным жернов: “Юра! Никаких проблем. Главное откатай. Колесо “отвинтим у женщин”, они первыми стартуют, а с остальным я разберусь”.

Ну, я и откатал, занял, правда, всего третье место, но зато ко мне пожаловал лично наш глубокоуважаемый Г.Г. и захлеб заявил, что происшествие с отзывом – это недоразумение, все придумал “выживающий из ума” Николаев. Ларчик открывался просто. По наущению Мариванны, его вызвали “наверх” и объяснили, за что ему дают немалые премии за достижения в спорте (самим спортсменам тогда были положены только грамотки).

Среди искренних друзей комнаты и ее обитателей можно назвать Женьку Владимирцева, пришедшего к нам, можно сказать, пациентом, в 1967 г. Это был выходец из Сусумана, в свои 20 лет изрядно поколесивший по Северо-Востоку, “забранный” в армию и ушедший из нее через реанимацию по причине ревмокардита. Он не был создан для армии, поскольку обладал блестящими интел-

лектуальными способностями: сбежав из 8-го класса сусуманской школы, он ухитрился за пару месяцев подготовиться и сдать экстерном экзамены не только полностью за курс средней школы, но и поступить на заочное отделение института. Он обладал способностью впитывать и переваривать информацию, буквально, как губка, за короткое время он вышел на наш уровень общения, не самый последний, и не только для Магадана, но при этом относился к нам с неким “решпектом”. Что греха таить, все мы называли друг друга Юрками, Витьками, Борьками и т.п. (да и сейчас порой грешим этим наедине друг с другом), он же величал нас всегда по имени-отчеству. Став на какое-то время оператором множительной техники, он “ксерил” для нас всех, включая Кирилла, “за так” не только научную, но и крамольную литературу. К сожалению, свои блестящие способности он так и не смог реализовать, в том числе и по причине “безвременной кончины” 22-й комнаты. Он искренне любил нас и, видит Бог, мы ему отвечали взаимностью.

Вторым был урожденный сеймчанец Вадик Аникеев, безнадешный романтик, так и не приспособившийся к суровым будням, официозу и просто к человеческой подлости.

Не гнушался нашей компанией и сосед – Валя Кинасов, спокойный, невозмутимый при любых обстоятельствах, всегда элегантно одетый, скептически относящийся к перипетиям нашей суетной жизни, спорту, политике и прочей суете, но получавший удовольствие от наших выходок и сам охотно участвовавший в них.

И еще к нам частенько наведывался один совершенно уникальный человек – наш переводчик Бено Абрамович Тальрозе. Блестящий знаток английского языка и... “фени” – лагерного жаргона во многих его региональных ипостасях. С английским получилось так, что Бено Абрамович, сын прибалтийского обувного фабриканта, до войны учился в Кембридже, но после прихода в Прибалтику “наших” сразу же был зачислен в разряд злейших врагов советской власти и “прокатился” этапами по всему северу Союза аж до самого Магадана, причем общество, в котором ему пришлось вращаться в этот период, общалось отнюдь не на кембриджском английском, поэтому ему пришлось освоить еще один “язык”. Прекрасный переводчик (немало он переводил и для Кирилла) и высококультурный человек, несмотря на все превратности судьбы и преклонный возраст, он не растерял ни оптимизма, ни жизнелюбия, ни чувства юмора. По его словам, к нему как отпетому врагу относились с большим почтением: «Иду я по Норильску, а меня под руки ведут два вооруженных до зубов “вертухая”. И не то чтобы они боятся, что я убегу, просто у меня

от голодухи сзади, пардон, кишки по снегу волочатся, так что идти сам я не могу». Подобных “смешных” историй было неисчислимое множество, а виртуозное использование “фени” делало их еще смешнее. Это нас и сближало, несмотря на разницу в возрасте.

Разумеется, перечислить всех посещающих нас достойных людей не хватит ни места ни времени. К сожалению, большинства из них уже нет на этом свете. Вернувшийся на родину Бено Абрамович, практически так и не успел воспользоваться радостями “вольной жизни”. Безвременно ушли наши техники, погиб Вадик, не вынесший “прелестей” семейной жизни, ушел из жизни вечно мятущийся Женька... Мир им и покой. Радует, что живо основное ядро нашей 22-й, наш шеф, который к нашей радости перевалил 90-летний рубеж, Юра Бычков, который, наконец-то, делится информацией о своем славном прошлом.

Но вот уж кто особенно избегал 22-ю комнату, так это ненаглядные наши партийные опекуны и прочие деятели. Не любили нас за острые языки и провокационные вопросы. Впрочем, как-то после Нового года один из этих товарищей, очевидно по ошибке, забрел к нам и ушел на свои верхние этажи с роскошным хвостом из елочной гирлянды, к немалому удовольствию беспартийной, курящей в коридоре братии.

Познакомились мы с Кириллом весьма своеобразным способом. Вначале был “аудиоконтакт”. Представьте себе: середина 60 гг., первая половина февраля. Я сижу и печатаю фотографии своих палеозойских тетракораллов в фотобоксе – это был крохотный закуток в углу 22-й комнаты, куда помещались увеличитель, три кюветы и раковина, не считая “присобаченного” ко всему этому палеонтолога (днем там было более комфортно, поскольку к вечеру ноги начинали оттаптывать жирные экспедиционные крысы). И вдруг слышу, сквозь обычный гул голосов пробивается какой-то очень своеобразный голос (одна моя московская знакомая, с которой он говорил в мое отсутствие по телефону, сказала, что у него “та-а-кой ба-а-рский голос”). Через какое-то время я выполз из своего карцера на свет Божий – и тут уж познакомился по полной программе. У Кирилла была очень запоминающаяся внешность, хотя это был последний год, когда он регулярно брился. Если учесть, что в дальнейшем он стал обладателем роскошной бороды, не стоит удивляться, когда я, поддразнивая его, говорил, что являюсь одним из немногих, кто знает его истинное лицо.

На время приездов в Магадан он обычно становился непременной принадлежностью нашей комнаты, одним из нас. После этого встречи в Сеймчане, работа в полях, встречи (чаще всего

неожиданные) в Москве, Питере, Владивостоке и был даже совместный выезд в Бельгию в 1989 г. Но везде Кирилл оставался самим собой, разве что менял полевую одежду на приличную светскую экипировку.

Но это было потом. А во второй половине 60-х гг. именно в нашу “нехорошую” 22-ю комнату чаще всего и наведывался Кирилл. С удовольствием попивая чаек (который в любой момент был готов к употреблению), он активно участвовал в беседах, скромных пирушках, но практически никогда – в спорах. С готовностью был готов соучаствовать во всякого рода шутках и розыгрышах, нередко достаточно крутых, но не обижался, когда это обращалось и против него самого. Словом, чувствовал себя как дома. Казалось бы, это и есть “Земля обетованная” для него.

Но, с течением времени все стало не так уж просто. Прежде всего, к началу 70-х стала заметно ухудшаться окружающая интеллектуальная среда. Возможно, сказывались последствия “заморозков”, наступивших после “оттепели”. Не исключено, что стало больше “отморозков”, потянувшихся за реанимированными северными льготами. Может быть, что-то изменилось и в нас самих. Но, как перст Божий, было великое переселение ЦКТЭ из административного здания по Пролетарской, 14 в Центральную Лабораторию, что на ул. Дзержинского. Но, так или иначе, СВЕРШИЛОСЬ, и унеслась наша 22-я комната, куда-то в другие миры, унося с собой частицу нашей молодости, оптимизма, чего-то очень доброго и вечного.

Нет, разумеется, само помещение осталось. В 2001 г. я обнаружил, что в бывшей 22-й располагается подсобка магазина “Золотой олень”, где продают самые дешевые напитки, согревающие озябшие души и примиряющие с нашей забавной действительностью. И у меня на душе тоже стало как-то теплее. Я понял, что в этом мире есть какая-то оптимистическая предопределенность, преемственность добра, а значит, не все еще потеряно. И прихватив малую толику “огненной воды”, я направил свои стопы в семейство последнего из оставшихся в Магадане обитателя “нехорошей” комнаты – Нелли Караваевой и ее супруга Игоря Котляра, которые уже в принципе готовы были к отъезду, но всегда с удовольствием вспоминали старые добрые времена. И с Кириллом под его калгановку в его нагаевской кухне мы надолго “увязли” в воспоминаниях о тех временах, поскольку они во многом решили и его дальнейшую судьбу. Даже в какой-то степени мы, наконец, по прошествии десятилетий выяснили отношения, чем обычно никогда не занимались.

Прекрасно понимая, что все вышеизложенное сильно смахивает на какие-то сугубо личные воспоминания, в свое оправдание могу привести только то, что все это было близко и Кириллу. После ликвидации “нехорошей” комнаты и отъезда на материк ее обитателей, встречаясь с Кириллом во Владивостоке, Москве или Питере, после того как выговаривались друг перед другом, рано или поздно наступал момент, когда мы почти одновременно говорили “ну, что, покатили по ребятам” и опять все возвращалось на круги своя.

Быть или не быть – вот в чем вопрос!

Проблема заключалась не только в лирико-романтических обстоятельствах или посконных в те времена проблемах ставок или жилья, хотя и эти проблемы были немаловажными. По мере завершения геолого-съёмочных работ масштаба 1 : 200 000 в среде геологического руководства стала все чаще подниматься тема целесообразности поддержания (не говоря уже о развитии) палеонтологических исследований в геологии. Во многих производственных организациях в начале 70-х гг. от палеонтологов стали достаточно откровенно избавляться или предлагали им перепрофилироваться на “приоритетные” геологические направления, связанные с проблемами поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. Палеонтологические подразделения, с большим трудом и затратами создававшиеся в течение десятилетий, оказались под угрозой полного уничтожения.

Именно поэтому в 1970 г. Кирилл оказывается в лаборатории и стратиграфии палеонтологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР в Магадане (который, кстати, не пользовался особым расположением экспедиционных палеонтологов), где развивает бурную деятельность. Его неукротимая натура не позволяет ему просто сидеть и работать “как все”. После окончательного переезда в 1972 г. он загорается идеей сплочения всех “думающих” палеонтологов в единое целое. Первоначально путем проведения эволюционных семинаров, совместно с нарождающимся новым академическим Институтом биологических проблем Севера (ИБПС), который возглавлял тогда В.Л. Контримавичус. Несколько заседаний этого семинара прошли в двухкомнатной “хрущобе”, большая комната которой была превращена в рабочий кабинет Кирилла. Но это был первый этап в его планах. Позднее он признался мне, что собирался объединить всех серьезных палеонтологов (и не только магаданских) в единую “могучую кучку” для решения

глобальных проблем в области биостратиграфии и эволюционной биологии.

Одним из первых перейти в СВКНИИ он предложил мне. Но у меня в те времена были принципиально иные планы, связанные с пониманием истоков кризиса в мировой палеонтологии. Кирилл, как выяснилось с течением времени, был обижен моим отказом, но как обычно, не стал “выяснять отношения”.

Дело заключалось в следующем. После того как я внедрился достаточно глубоко в палеонтологию, стало очевидно, что кризисная ситуация, сложившаяся в те, сегодня уже далекие времена, отнюдь не случайна. Исторически сложилось так, что сбор палеонтологического материала удобнее всего было проводить при масштабных площадных геологических исследованиях в процессе детального изучения осадочных горных пород. К тому же в первой половине XIX в. выяснилось, что эффективно расчленять сами осадочные породы можно лишь с использованием палеонтологических методов, при этом особое внимание уделялось выявлению специфических различий в составе комплексов органических остатков, характеризующих те или иные стратиграфические подразделения. Так была создана геологическая хронология и выявлены основные закономерности прогрессивного изменения (усложнения) строения растений и животных на протяжении всей геологической истории.

Начиная с Ч. Дарвина, многие ученые предлагали обратить особое внимание на возможности изучения закономерностей биологической эволюции, опираясь на исследование палеонтологического материала. Помимо самого Дарвина это были М. Неймайр, В.О. Ковалевский, Э. Коп, Л. Долло и др. И все-таки своеобразие развития мировой палеонтологии на протяжении практически всего XX в. определялось ее положением в качестве прикладной дисциплины в системе геологических наук. В дальнейшем это было связано с необходимостью развития биостратиграфической основы для эффективного геологического картирования, в свою очередь явившегося чем-то вроде универсальной методологии поисков полезных ископаемых – основного движителя экономического, научно-технического и культурно-социального прогресса.

Именно поэтому относительно скромные курсы палеонтологии читались на геологических специальностях вузов, подавляющее большинство палеонтологов работало в геологических учреждениях. Это обстоятельство не могло не сказаться на специфике и востребованности палеонтологических исследований в условиях достаточно жесткой привязки последних к нуждам геологии

(по принципу “кто платит деньги...”). На первый план ставились проблемы сугубо прикладные, биостратиграфические, в ущерб развитию самой палеонтологии – науки, несомненно, биологической, имеющей исключительное значение для обоснования и проверки тех или иных эволюционных концепций. Это не означало, что среди палеонтологов-стратиграфов не было специалистов, занимающихся эволюционными исследованиями, но, в принципе, это не входило в их прямые обязанности, а текущие биостратиграфические работы поглощали львиную долю их времени, сил и энергии, даже в академических институтах.

В данной ситуации передо мной в начале 70-х гг. достаточно ясно вырисовалась перспектива: либо бросить палеонтологию (которая меня к тому времени по-настоящему заинтересовала именно с точки зрения эволюционного подхода) и переквалифицироваться на какую-либо “общественно полезную” геологическую деятельность, либо искать способ продолжить занятия “настоящей” палеонтологией в академической или вузовской среде.

Оказалось, что вторую возможность можно реализовать во Владивостоке, где группа палеонтологов-“диссидентов” Геологического института ДВНЦ АН СССР во главе с выдающимся ученым, основоположником академической палеонтологии в Приморье, профессором М.Н. Граммом столкнулась с той же самой проблемой: быть или не быть палеонтологии полноправной самостоятельной эволюционно-биологической дисциплиной. В 1971 г. эта группа переходит в отдел эволюционной биологии Биолого-почвенного института ДВНЦ, который в это время возглавлял Н.Н. Воронцов – эволюционист-биолог, ученый с мировым именем, ученик и соратник легендарного Н.В. Тимофеева-Ресовского (“Зубра”).

Когда я, по прошествии более чем 30 лет, все это объяснил Кириллу, он согласился, что я во многом был прав, кроме одного: как реально можно было в те времена сохранить все имеющиеся палеонтологические кадры, которые по происхождению и сути были геологическими?

Самоутверждение и самореализация

Кирилл, для которого гораздо ближе была геологическая ипостась палеонтологии, видел решение этой проблемы несколько в ином свете. В середине 70-х гг. он предпринимает почти фантастическую попытку реанимации палеонтологической деятельности в академической геологии путем привлечения специалистов-палеонтологов к решению глобальных биостратиграфических

задач. Только неукротимая энергия и неимоверные усилия самого Кирилла позволили создать полноценную группу при лаборатории стратиграфии и палеонтологии в СВКНИИ, привлечь внимание ведущих отечественных и зарубежных специалистов к проблеме границы девона и карбона, буквально выбить огромные по тем временам средства на производство тематических работ в достаточно труднодоступных районах Оломонского массива (разрезы руч. Перевального), убедить влиятельных ученых и (что еще труднее) высокопоставленных чиновников от науки в насущной необходимости решения поставленных задач.

Но результат впечатляет и сегодня: на протяжении восьми лет перевальнинские разрезы пограничных отложений девона и карбона становятся местом паломничества стратиграфов и палеонтологов из разных стран мира: проводятся массовые палеонтолого-стратиграфические и палеоэкологические исследования, международные экскурсии и тематические полевые симпозиумы.

Да, некоторые замыслы не удались, ряд проблем остался незавершенным, но не по вине Кирилла – главного инициатора и организатора этой эпохальной акции. Несомненно одно, именно эти действия доказали перспективность массовых комплексных международных палеонтологических исследований, профессиональных сборов (и досборов) коллекций ископаемых организмов на важнейших эволюционных рубежах. Полученный материал, уникален, а результаты исследований, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях, демонстрируют уникальные возможности палеонтологии в процессах изучения механизмов макроэволюции и, что самое главное, дают возможность переосмыслить многие теоретико-эволюционные проблемы.

Суета сует с “хеппи эндом”

Казалось бы, за все эти заслуги Кирилл должен получить признание своих коллег по институту. Но все произошло с точностью до наоборот. И дело здесь не столько в личности конкретного ученого, это проблемы нашего академического бытия. Создание Российской академии было, по сути, эпохальным событием в мировой науке. Впервые появилась организация, занимающаяся исключительно научной проблематикой. Но изначально она была построена на авторитарной основе (достаточно вспомнить взаимоотношения пресловутого Шумахера с Ломоносовым и прочими академическими “смердами”. Еще более эта ситуация ожесточилась в советские времена, когда начало работать прави-

ло: “я начальник – ты дурак” и наоборот (пример Лысенко и Вавилова). Принцип “не по заслугам перед наукой, а по месту в структуре” начал действовать и здесь.

Кирилл, как претендента на одно из “злачных мест под академическим солнцем” (могу заверить, что он к этому никогда не стремился), его же коллеги, рвущиеся к этому самому месту начали откровенно травить с использованием самых изощренных по тем временам технологий. Например, его “оппоненты” (отнюдь не “пламенные коммунисты”) не гнушались прибегать к помощи партбюро, заваливая его письмами пасквильного характера. И если бы во главе партийной организации волей судеб не оказался милейший и порядочнейший человек Володя Похиалайнен, который (в ущерб собственному положению и здоровью) “не давал ходу” всем этим демагогическим (чтобы не сказать подлым) пасквилям, Бог знает, как бы сложилась дальнейшая судьба Кирилла.

Я до сих пор вспоминаю его приезд во Владивосток во второй половине 80-х, когда, казалось бы, по его заслугам, у него должно быть все в порядке. Однако оказалось, он был на грани “выживания” в своем институте. У нас же тогда освободилось место заведующего группой палеозоологии, на которое идеально подходил Кирилл (и которое, честно признаться, мне не хотелось занимать самому). Но все-таки к тому времени это был не его масштаб. Он мечтал о создании института стратиграфии и палеонтологии на востоке России. В действительности это было нереально, но сама идея сохранения высококвалифицированных кадров в трудные для российской науки времена была, по меньшей мере, благородной.

По счастью, эти проблемы были решены с утверждением его в звании члена-корреспондента РАН. И “кто бы что не говорил” (как поется в известной песне В. Высоцкого, которого очень любил Кирилл), он заслужил это по самому высокому счету. Неверующие могут сравнить его объективные заслуги с теми, кто проходил через общеизвестный академический “черный ход”. Количество и качество публикаций, научно-организационная деятельность, творческая активность, беспартийность (при всех попытках вовлечь его в КПСС), неучастие во всякого рода интригах и прочих административных “игрищах”. Кто как не он?!

Как говорят в народе, Бог простит его недоброжелателей и особенно тех, кого он считал соратниками. Кирилл при всей его сдержанности, даже скрытности, был человеком доверчивым и легко ранимым. Но именно эти люди во многом сократили ему жизнь. Не так уж важно, когда на тебя накидываются злобные

шавки всех мастей и рангов. Но кажется непостижимым, когда в этой травле самое активное участие принимал человек, которого он не только приютил у себя в доме, но и всячески опекал и продвигал.

И ужасно, когда твои соратники, вместо того чтобы понять и поддержать тебя, становятся в позу сторонних наблюдателей и начинают учить тебя жить. Я ощутил это на себе в недалеком прошлом, и мне это дорогого стоило. Ощущение такое, как будто бы твердь уходит из под ног. И слава Кириллу, который за год до собственной кончины, сам приехал ко мне в институт и предложил свою помощь. Все стало на свои места. И дело здесь не в конкретных поступках. Ты опять осознаешь, что не один в этом мире, а значит, что вместе мы – сила. Нас можно уничтожить, но победить нас нельзя.

Быть человеком

То, что Кирилл был выдающимся ученым нетрудно установить по его трудам. Но каким он был человеком? Благородным. Предельно честным с другими и что очень важно – с самим собой. Если он что-то обещал, он это делал. Бескорыстным – я совершенно точно знаю, что большую часть семейного бюджета он тратил на науку. Придите и взгляните на его библиотеку. Он не был просто коллекционером научных трудов. Откройте любую книгу, и вы найдете многочисленные пометки и закладки.

Также был он человеком скромным, никогда не выпячивал себя. До сих пор помню, как в августе 1984 г. на банкете по поводу открытия полевой экскурсии Международного геологического конгресса он выступил с настоящим панегириком по поводу заслуг А.А. Николаева в деле исследования палеозойских отложений Северо-Востока страны. И это притом, что лучше самого Кирилла никто не знал стратиграфии и палеонтологии девона и карбона того района Омолонского массива, где проходила данная экскурсия.

Кирилл одинаково уважительно мог говорить с полевыми “бичами” и с сильными мира сего. Причем с последними он общался не ради собственного блага или удовольствия. В отличие от нас, чистоплюев, презиравших власть и все, что с ней связано, он шел на этот контакт ради общего дела, “науки для”. Он умел не только внимательно слушать других, но и потрясающе точно формулировать свои мысли: емко, немногословно, но очень доходчиво.

Он был не чужд франтовству. В отличие от нас, в своем большинстве охламонов, он с достоинством носил приличные костюмы и мог быть галантным с дамами. К числу слабостей обычно

относят его любовь к бане, детективам и фантастике. Но, что касается последнего, у него просто времени не хватало на регулярное чтение художественной литературы, поэтому детективы и фантастика были для него своего рода отдушиной. Приезжая ко мне, он обычно сразу же набрасывался на полки с этой “несерьезной” литературой. Но во времена литературного голода большая часть этой “макулатуры” (которую я сам собирал с удовольствием и любыми способами) у меня была на немецком, польском, чешском и прочих “чуждых” языках. “Ну, ты и садюга”, – говорил Кирилл, но, увидев новую книжку на “нормальном” языке, тут же начинал ее “заглатывать”. Он был человеком очень серьезным и деловым, но при всем этом обладал недюжинным чувством юмора: мог ценить удачные шутки, даже если они были направлены против него самого.

И еще Кирилл любил хорошие компании. Не то, что он был, как принято говорить, “душой компании”. На самом деле, именно настоящая компания является душой того собрания самых различных людей, которых влечет друг к другу не столько хорошая выпивка, сколько духовная близость. Кирилл, при своей обычной немногословности, был украшением любой настоящей компании, самая главная из которых состояла из магаданцев “призыва” 60-х гг., о которой я уже говорил и которая, хоть и разбрелась по свету, но все равно осталась компанией, где бы ни находились ее основные компоненты.

Кирилл ценил в компании не только разговоры или выпивку (и в этом он знал толк, многие до сих пор помнят его знаменитую “калгановку”), но и бардовские песни под гитару. Основным поставщиком этой “антиобщественной” по тем временам продукции в середине 60-х был я, но со временем к этому занятию пристрастился и Кирилл. Для начала он “добыл” пленку со скандальным новосибирским концертом с участием уже тогда опального Галича, потом привозил из всевозможных мест, включая заграницы, пленки и пластинки. Окуджаву, Галича, Визбора, Высоцкого, Кима, Анчарова, Кукина и др. могли слушать часами. Даже в моем, достаточно гнусном исполнении. Самой любимой у Кирилла была песня Ю. Визбора:

Ночной полет – тяжелая работа,
Ночной полет – не видно ничего,
Ночной полет – не время для полета,
Ночной полет – полночный разговор.

Именно полночь, когда расползались усталые ребята, у обычно сдержанного, скрытного Кирилла, что называется, раскрывалась душа, и он начинал говорить о самом сокровенном,

дорогом и близком. Это не были какие-то страшные тайны. Это были, отчасти, мечты, какие-то не совсем сложившиеся идеи и замыслы, а, в основном, добрые слова о близких и родных людях.

Через миры и времена

Кирилл любил этот мир, понимал, что такое вечные истины. Он не предавал друзей и близких ради получения каких-то своих житейских дивидендов. Наука для него была не средством достижения положения в обществе. Он этим жил. И бессонными ночами, в бытность свою в Сеймчане, и в Магадане, и в кругу друзей, и в среде сильных мира сего. Он всем сердцем любил эту жизнь, но, видит Бог, и я тому свидетель, никогда не цеплялся за нее, только ради нее самой.

Да, мы все материалисты, атеисты, прагматики. Мы точно знаем, что не вечны. Но иногда по ночам в полусне, когда мне становится не по себе, что нередко бывает в наши своеобразные времена, я протягиваю руку и чувствую, что через миры и времена навстречу тянется жилистая кириллова десница и слышу его любимое: “Ничего, ребята, *прорвемся*”! И становится легче на душе, отступает одиночество, исчезает чувство утраты. И я, как бы извиняясь, говорю: “Кирилл, дорогой, ты не зря прожил эту жизнь. Нам, твоим друзьям, всегда будет казаться, что “...за ближайшим поворотом, мы тебя повстречаем опять”. Как знать, может быть, где-то там, в других мирах и в другие времена, будет перевалочная база типа внеземного Сеймчана. И мы опять соберемся вместе. И будем сидеть до утра. И петь песни любимых бардов. И смеяться над тем, что по младости верили, что вечности нет. Всех благ тебе, Кирилл, во всех мирах. Пока мы живы, ты с нами, дорогой, ...ну: “а дальше, как получится...”.

Б.В. Преображенский⁸⁴

Мой Кирилл

В каждом нашем воспоминании живет не совсем тот человек, о котором потом вспоминают. Это мы вновь переживаем кусочек собственной жизни и всматриваемся в этого человека как в свое отражение. Каждое воспоминание начинается с “я”. А надо бы – с “он”, “он был...”.

⁸⁴ Преображенский Борис Владимирович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН.

А какой он был, Кирилл? Для каждого – свой. Для меня – близкий друг, хорошо понятный товарищ, с ясно очерченным цельным характером, очень целеустремленный, который, кроме своей работы, практически ничего и не знал. Получается, некий сухарь? Ничего подобного!

Весьма и весьма живой компанейский человек, любитель веселого застолья, любящий и умеющий крепко выпить и погусарить. Для тех, кто его злобно подсиживал и писал на него доносы и пасквильные бумаги во всякие важные инстанции – злейший враг, который застит дорогу молодым и талантливым.

Мое мироощущение, выраженное через образ Кирилла Симакова, как и все остальные прочтения любой значительной личности, безусловно, страдает односторонностью, субъективностью и крайней неполнотой. Понятно, что, пытаясь воссоздать мозаичный портрет этой незаурядной личности (вот уже и на штампы повело), мы вносим в общее полотно свои собственные мазки. Кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы всем миром рисовали картину, а еще лучше – портрет? Получается, возможно, гротескное изображение человека.

Что ему самому сейчас до всей этой шумихи! Думаю, что он нехорошо ослабился бы, затряс своей дворницкой бородой и сказал бы: “Гады! Помереть человеку спокойно не дают!” При этом глаза весело сверкнули сквозь толстенные очки.

Прежде всего, я вижу просто изображение фигуры человека в одной-двух характерных для него позах, во вполне характерных для него ситуациях, выражение его лица в ответ на нечто, произнесенное мной, и вновь переживаю мои собственные эмоции, связанные с этим. Значит, все-таки я вижу мое собственное отражение в его личности.

В моем восприятии, Кира – это, прежде всего, длительные, взаимно увлекательные философские разговоры. Про все. Про смысл времени, про эволюцию, про мировое пространство, про вечность. И как с этой вечностью распорядиться в геологии. И никаких сплетен и обсуждений дел других людей.

Белые ночи в Ленинграде, сквозь которые мы бродили, делая огромные петли по спящему городу в преддверье какого-то праздника. Споров не было. Был простой, взаимно заинтересованный обмен мыслями, попытки вместе построить нечто единое. Попытки использовать опыт и знания другого для построения чего-то, неважно кому принадлежащего, но так, чтобы оба были максимально довольны каждый собой, тем, что не подвел, не подкачал. На этом вполне рабочем и даже для постороннего скучном фоне важно начало.

Началось с делового и хорошо обдуманного забега в малодоступный простому советскому человеку ресторан “Норд” на Невском. Были голодны. Вошли, нас повели к отдельному столику. Видно, что Кирилла здесь знают и уважают. Кирилл разговаривает с официантом в каком-то деловом тоне, а тот ему дружески улыбается и что-то советует и говорит: “Ну, в общем, как всегда”. Ясно, что здесь он свой среди своих. Тут не обманут и не обидят. Хорошо ходить в ресторан с умелым и все знающим товарищем! А я салага, почти без жизненного опыта, в ресторанах практически еще не бывал, да и не по карману мне такие забеги. Кириллу-то что! — он “старый колымчанин”, “стопроцентник”, его зарплата отличается от моей во многие разы. Да и возрастом он — как мой старший брат. Может себе позволить, любит и умеет красиво погусарить.

Далее — веселое для нас обоих времяпрепровождение за столом, где “на рыло” было позволено не более 50 граммов коньяку и то только к кофе. Изумившее меня требование Кирилла к официанту принести ведро кофе и полагающийся к нему коньяк. На вопрос о том, какой у них нынче коньяк, официант ответил: “Хороший. Темный”. Ржали мы, безусловно, очень долго и неприлично. Потом многие годы при встречах за столом (а какая же еще может быть встреча!) спрашивали друг у друга, хороший ли нынче коньяк. И тут же отвечали: “Хороший. Темный”.

Затем была прогулка по вечернему весеннему городу, битие морды охальнику, покусившемуся на девичью честь на наших глазах, на улице, в центре города. А потом был дикий хохот...

Тут меня поразил подход Кирилла к этому делу. Он просто толкнул меня плечом, указал глазами на развивающуюся перед нами сцену приставания охальника к девушке и двинулся на здорового мужика. Пара быстрых движений, в глазах мужика удивление, наглость, потом страх и полное смирение перед неизбежностью судьбы. Положение тела — горизонтальное. Девушка быстро слиняла, а мы как ни в чем не бывало продолжаем свое движение по городу. Я человек глубоко мирный. Чтобы меня раскатать на мордобой, всегда требуется некая вынуждающая меня на действие излишняя эмоциональная нагрузка. У Кирилла это произошло почти автоматически, совершенно бесстрастно и даже как-то весело.

Потом, уже дома (а жили мы в командировке в квартире его родителей), он показал фотоальбом “для служебного пользования”. Внешне ничего особенного. Страницы с вклеенными фотоотпечатками кинограмм. На всех — эпизоды из боевых приемов самбо. Это был альбом — пособие для боевиков из “органов”. На

всех снимках – фигура инструктора в белых одеждах – Кирилл собственной персоной. Вот на него нападают с ножом, вот с пистолетом, а вот с ломом. И каждый раз нападающий заканчивает свой путь в опасном для жизни и здоровья положении. Движения не показушные. Какие-то простенькие, даже, практически, незаметные для неспециалиста, но весьма эффективные.

Так вот откуда такое полное спокойствие и самообладание! Он просто ничего не боялся, точно зная, что на всю жизнь вооружен и очень опасен для любого типа нападения.

Юмор бил из него фонтаном. Но часто его практические шуточки требовали технической подготовки и хорошего знания “полиморсосу” (по-сталински – “политико-морального состояния”) своего подопытного.

Вот мы выбираемся из поля. Вертолет доставляет несколькими рейсами в цивилизацию. Мы оборваны донельзя. Все в заплатках. Одеты “бедненько, но чистенько”. Денег нет, их еще не прислали. Сидим в аэропорту в Сеймчане в привычном и напряженном, ежесекундном, но, как всегда на севере, обманутом в ожидании “борта”, который повлечет нас в Магадан.

Вечером – обязательный визит к Симаковым. Валюша налепила пельменей, нажарила оленины, на столе – запотевшая бутылка с поблеклой синеватой этикеткой “Спирт питьевой” магаданского разлива. Запас таких бутылок хранится в коридоре под половицей. Там холодно, поскольку под полом – вечная мерзлота. Холодильника, насколько я помню, нет. Ожидается длинное душеспасительное взаимно заинтересованное общение “за полевые дела”, “за философию”. В магнитофоне хрипит Высоцкий, перемежающийся с Визбором, Окуджавой и Галичем. За окном – тьма египетская на колымских просторах. Обстановка самая душевная. Чувствуется в воздухе, что мы желанные гости. В глазах хозяина светится тепло, спокойствие опытного полевика и полное понимание состояния человека, только что вырвавшегося из тайги и давно не бравшего в руку вилку.

В лучах этого сочувствия мы оттаиваем душой и телом.

Кирилл провозглашает тост и поднимает маленький, на полглоточка, серебряный стаканчик. Наливает понемножку, но часто. Курит, хитро щурится. Когда уже много съедено и выпито, вдруг вопрос: “Борька, ты устриц любишь?” Ну что за вопрос к человеку только что из поля! Конечно, люблю, хотя никогда и не пробовал! Это все равно, как учительница английского языка спрашивает у грузина: “Do you speak English?” Ответ: “Канэчно хачу!” Ну кто же не любит устриц! Хотя точно знаю, что устрицам здесь взяться неоткуда. Но все же... И тут на стол выставля-

ется стеклянная литровая банка из-под маринованных огурцов, в ней что-то серое, каменистое, аппетитно пахнет уксусом. Устрица с уксусом – не то, что устрица с лимоном, но на безрыбье сойдет! В руку мне сует вилку: “Ешь!”. Я тыкаю вилкой в банку и выживаю отлично отпрепарированного, великолепной сохранности девонского спирифера! Разочарование, как у того кадавра, желудочно не удовлетворенного, из Стругацких. Слюноотделение немедленно прекращается. Дикий хохот, а потом многие годы Кира представляет меня моим собственным друзьям и знакомым как пожирателя девонских окаменелостей. Живописует мою прожорливость весьма цветисто и очень тому радуется. Оправдываться бесполезно, и я только подтверждаю факты.

Помнится его пребывание в Москве, когда он уже работал в СВКНИИ и наезжал в частые командировки. Меня поражали бешеный темп его работы, жадность к книгам, которые он покупал, выписывал, копировал во множестве. На него работал практически целый отдел ВИНТИ. Везде он докапывался до первоисточников. Этому у него следовало учиться. Но где уж нам! Главное – он все прочитывал, выписывал из множества русских и иностранных книг нужные ему места. Приезжая ко мне домой во Владивосток, требовал немедленно отсканировать ту или иную книгу из моей библиотеки. В ответ на мое сетование на неимоверную толщину сканируемой книги, говорит: “Ничего, перебьешься. Мне эта книга позарез нужна, не отбирать же у тебя последнюю!”.

Трудно было смириться с прогрессирующей потерей здоровья. Вот не стало зубов. Появилась характерная шепелявость, защелкали вставные челюсти. В один из приездов из Магадана заявляет: “Теперь я работаю Циклопом”. Ослеп один глаз. Носит шикарные облегченные очки, купленные в одной из зарубежных поездок. Организует неимоверное количество полевых экскурсий, ездит по разным странам. Его хорошо знают в мире, всюду приглашают. Избрание членом-корреспондентом и потом академиком никак не отразилось на его взаимоотношениях с друзьями. Не стал важным и заносчивым. Все тот же юмор, все те же насмешливые искры в глазах. Плохо ходит, с палочкой, по городу сам не передвигается. Приходится ездить за ним на машине и умыкать к себе. Любит сидеть на моей тахте, где тихо, спокойно, настольная лампа у изголовья. Заглядываю в его комнату. Ему хорошо. Читает. Рядом – стопка из книг, только что снятых с полок.

В привычной для него гостиничной обстановке – все как всегда. Номер на одного. Не выносит соседей. Разбросаны вещи, на

столе – куча книг и разных бумаг, папки, неизменный кипятильник, стакан с крепчайшим чаем, почти полный заварки, пачка чая, колбаса, хлеб, крошки, полная пепельница окурков, несколько пачек сигарет, везде разбросан пепел. Хозяин в неизменном тренировочном костюме. Палочка в углу. Обсуждает очередную академическую дурь, очередные интриги.

Квартиру в Питере потерял, не стал претендовать на полагающуюся ему по всем законам прописку. Навсегда прописался в Магадане, где всю жизнь ютился в теснейшей квартирке, полностью заставленной полками с книгами.

Во всех плотских утехах придерживался правила получения удовольствия от крайностей. Если он в бане, то никто с ним долго выдержать не мог. Парился истово, при огромной температуре, надевал рукавицы и затем не только требовал, чтобы его растирали конской щеткой, но и сам над другими (мне кажется, что особенно надо мной, хотя это скорее всего плод моего высокого самомнения) проводил такие экзекуции. После конской щетки – таз ледяной воды и сверху него, с полусекундным перерывом, таз кипятку. Вот теперь ты вновь родился и можешь летать! В бане никогда не пил пива, только лимонад. Зато после бани – обязательная бутылочка в хорошей компании.

Если ест мясо, то только свежепрожаренное, с розовым соком, не молотое, с большим количеством зелени. Ну прямо как Воланд из “Мастера и Маргариты”! Если пьет чай, то крепчайшей заварки, только свежий. И никаких “вторячков”!

Писать про его философско-методологические изыскания не стану, потому что он сам про них написал такую кучу книг, которую и прочитать-то нескоро можно. Он мне их все дарил, но я не все их прочитал, поскольку основные идеи были нами изустно обсуждены и проспорены многократно. Чего в ступе воду-то толочь! А основная идея – простенькая. Момент ее рождения запечатлелся в моей памяти в виде освещенного после-полуденным солнцем кухонного окна в моей магаданской квартире с видом на бухту Нагаева. Сидели, что-то вкусное ели, что-то пили и мирно беседовали, вперивши в собеседника горящие глаза. Он, как всегда, в дыму, вокруг пепел, в том числе и на нем.

Причинная структура времени позволяет установить факт одновременности в геологии только на основании внешних по отношению к системе Земли причин. Такие причины могут быть либо космологические, либо внутрипланетарные. Эволюционные передряги служили лишь своеобразной записью этих одно-временных посторонних катаклизмов. Отсюда вытекает причин-

ная стратиграфия. А знатоком Стратиграфического кодекса он был знатым.

Тут надобно заметить, что поскольку у каждого психа своя программа, я занимался своими тараканами, которые гнездятся в моей голове. Он помогал мне их подкармливать, а я в отместку подкармливал его тараканов. Вот так, во взаимном услужении, мы и проводили наши редкие и часто весьма продуктивные симпозиумы.

Хорошо иметь друга, который тебя понимает, а если и разрушает, то так, что тебе это будет приятно и полезно!

И очень плохо, когда его уже нет и не будет более никогда!

Но это все не совсем так. Вот он смотрит на меня с хитрым прищуром, вызванным никакой не хитростью, а просто тем, что едкий дым сигареты лезет ему в глаза, глубокомысленно ковыряет ногтем в носу, стряхивает в тарелку пепел и говорит: “Ну и гад же ты! Такое про меня наврал, что хочется дать в морду!”.

Не сердись, Кира, это я любя...

Мой сын, потомственный геолог, дьякон, отец Михаил в родном городе Кирилла Симакова, в Санкт-Петербурге, в церкви на Серафимовском кладбище возглашает: “И сотвори ему вечную память!”.

Даты жизни и деятельности К.В. Симакова

- 1 февраля 1935 г.** Родился в Ленинграде в семье профессора Ленинградского университета.
- 1952–1957 гг.** Учеба на геологическом факультете Ленинградского университета.
- 1957–1958 гг.** Геолог Джетымской геологической партии Киргизского геологического управления (г. Фрунзе).
- 1958 г.** Геолог Сеймчанского районного геологического управления Северо-Восточного территориального геологического управления.
- 1958–1961 гг.** Начальник партии Сеймчанского РайГРУ.
- 1961–1962 гг.** Начальник отряда Анюйского РайГРУ.
- 1962–1965 гг.** Начальник партии Сеймчанской комплексной геолого-разведочной экспедиции.
- 1965 г.** Начальник партии по составлению листа геологической карты масштаба 1 : 200 000.
- 1965–1967 гг.** Старший геолог по поискам Сеймчанской экспедиции.
- 1967 г.** Исполняющий обязанности начальника геологопоискового отдела экспедиции.
- 1967–1970 гг.** Старший геолог геолого-поискового отдела.
- 1970 г.** Старший геолог-руководитель темы.
- 1970 г.** Присуждена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук. Младший научный сотрудник лаборатории стратиграфии и палеонтологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института АН СССР (СВКНИИ), Магадан.
- 1973 г.** Старший научный сотрудник этой же лаборатории.
- 1973–1974 гг.** Ученый секретарь Межведомственного стратиграфического совещания по докембрию и палеозою Северо-Востока СССР.
- 1974 г.** Участвовал в работе Намюрского международного симпозиума по микропалеонтологии и стратиграфии девона и карбона (Бельгия).
- 1975 г.** Участвовал в работе VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона. Избран членом Международной подкомиссии по стратиграфии карбона и Международной рабочей группы по границе девона и карбона.
- 1975 г.** Утвержден в звании старшего научного сотрудника по специальности “палеонтология и стратиграфия”.

- 1975–1979 гг.** Ученый секретарь стратиграфической секции по подготовке XIV Тихоокеанского научного конгресса.
- 1976–1979 гг.** Принимал участие в рабочих совещаниях, проводившихся в СССР Бельгийской геологической службой и Министерством нефтяной промышленности СССР по проблеме корреляции фаменских и турнейских отложений Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР.
- 1976 г.** Возглавил Региональную межведомственную стратиграфическую комиссию по Востоку СССР, организовав ряд совещаний по региональной стратиграфии, подготовке и созданию рабочих и унифицированных стратиграфических схем.
- 1979 г.** Возглавил в СВКНИИ группу стратиграфии и палеонтологии. Руководил на XIV Тихоокеанском научном конгрессе международной экскурсией и симпозиумом “Биостратиграфия и фауна пограничных отложений девона и карбона”.
- 1979–1984 гг.** Руководил совместными советско-бельгийскими исследованиями по сравнительному изучению опорных разрезов пограничных отложений девона и карбона Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР.
- 1980 г.** Участвовал в работе XXVI Международного геологического конгресса и совещании Международной подкомиссии по стратиграфии девона в Париже.
- 1980–1981 гг.** Работал в Бельгии в соответствии с программой работ по совместно советско-бельгийской теме “Сравнительная характеристика разнофациальных отложений фамена и турне Франко-Бельгийского бассейна и Северо-Востока СССР”.
- 1981 г.** Заведующий лабораторией стратиграфии и палеонтологии палеозоя СВКНИИ АН СССР.
- 1982 г.** Участвовал в совещании Международной рабочей группы по границе девона и карбона в ФРГ.
- 1983 г.** Участвовал в X Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона в Мадриде.
- 1985 г.** Присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук.
- 1988 г.** Командировка в Китай.
- 1989 г.** Работал на палеозойских разрезах Австралии.
- 1988 г.** За цикл опубликованных в 1984–1986 гг. монографий, посвященных стратиграфии пограничных отложений девона и карбона мира и методологическим проблемам определения хроностратиграфических границ, награжден Премией АН СССР им. академика А.П. Карпинского.
- 1990 г.** Избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности “стратиграфия”.

- 1991 г.** Удостоен звания заслуженного деятеля науки РСФСР.
- 1992 г.** Участие в организации и проведении Международной конференции по арктическим окраинам, Анкоридж (Аляска).
- 1992–1995 гг.** Совместно с Аляскинским управлением Службы минеральных ресурсов США провел в Магадане ряд семинаров и совещаний по проблеме экологической безопасности поисково-разведочных и эксплуатационных работ на нефть и газ на шельфе.
- 1998 г.** Награжден орденом Дружбы.
- 2000 г.** Избран действительным членом РАН по специальности “стратиграфия”.
- 2002 г.** Член оргкомитета IV Международного симпозиума Международной программы геологической корреляции “Мел Восточно-Азиатской континентальной окраины: стратиграфия, седиментация, тектоника (Хабаровск).
- 2004 г.** 14 апреля К.В. Симаков скончался в Магадане. Похоронен на Марчekanском кладбище.

Библиография трудов К.В. Симакова

1958

Отчет о работе Талалахской ГСП масштаба 1 : 100000. Магадан, 1958. 12 с. Фонды СВТГУ. Соавт. П.П. Сыркин. Рукопись.

1959

Отчет о работе Моланджинской ГСП масштаба 1 : 100000. Магадан, 1959. 14 с. Фонды СВТГУ. Соавт. В.М Шевченко. Рукопись.

1960

Отчет о работе Бырагинской ГСП масштаба 1 : 200000. Магадан, 1960. 12 с. Фонды СВТГУ. Соавт. В.М. Шевченко. Рукопись.

1961

Отчет о работе Уляганского стратиграфического отряда. Магадан, 1961. 2 с. Фонды СВТГУ. Рукопись.

1962

Отчет о работе 1-й Джугаджинской ГСП масштаба 1 : 200000. Магадан, 1962. 10 с. Фонды СВТГУ. Соавт. В.М. Шевченко. Рукопись.

1963

Отчет о работе 2-й Джугаджинской ГСП масштаба 1 : 200000. Магадан, 1963. 16 с. Фонды СВТГУ. Соавт. В.М. Шевченко. Рукопись.

1965

К вопросу о стратиграфии нижнекаменноугольных отложений северо-восточной части Омолонского массива // Учен. зап. НИИГА. Палеонтология и стратиграфия. 1965. Вып. 7. С. 8–15.

К стратиграфии верхнедевонских отложений северо-восточной части Омолонского массива // Там же. Вып. 8. С. 22–29.

Объяснительная записка к Государственной геологической карте и карте полезных ископаемых масштаба 1 : 200 000. Лист П-7-XXXXП. Магадан, 1965. 4 с. Фонды СВТГУ. Соавт. В.М. Шевченко. Рукопись.

1967

Разрез живетских отложений в северо-восточной части Омолонской глыбы // Новые данные по биостратиграфии девона и палеозоя Сибири. Новосибирск: Наука, 1967. С. 1–14.

Допермские отложения Омолонской глыбы // Геология и геофизика. 1967. № 12. С. 55–66.

Краткий очерк допермского развития Омолонской глыбы // Там же. № 7. С. 86–93. Соавт. В.М. Шевченко.

1968

О характере тектонических движений средне-, позднекаменноугольного времени на территории Центрального Приколымья // Геология и геофизика. 1968. № 7. С. 129–132.

К характеристике палеозойских тектонических движений на Омолонской глыбе // Изв. вузов. Геология и разведка. 1968. № 1. С. 18–22.

К характеристике триасовых отложений юго-западной части Омолонской глыбы // Биостратиграфия и фауна мезозоя Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1968. Соавт. Р.Т. Годунцев, В.М. Шевченко.

Палеозойские магматические формации Омолонской глыбы // Магматизм Северо-Востока СССР. Новосибирск: Наука, 1968. С. 41–43. Соавт. В.М. Шевченко.

Палеозойские магматические формации Омолонской глыбы // Там же. С. 54–56. Соавт. Е.Ф. Дылевский, В.М. Шевченко.

1970

Девонская система. Омолонский массив // Геология СССР. М.: Недра, 1970. Т. 30: Северо-Восток СССР: Геологическое строение, кн. 1. С. 136–142.

История исследований // Карбон Омолонского и юго-западной части Колымского массивов. Новосибирск: Наука, 1970. С. 7–10.

Биостратиграфия каменноугольных отложений Омолонского массива // Там же. С. 11–24. Соавт. О.В. Юферев, О.И. Богуш.

Основные черты геологической истории Приколымья в карбоне // Там же. С. 81–95. Соавт. О.В. Юферев.

Спирифериды // Там же. С. 81–95. Соавт. Г.А. Афанасьева.

Стратиграфия и циртоспирифериды фаменского и турнейского ярусов бассейна среднего течения р. Омолон: Автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Новосибирск, 1970. 24 с.

Стратиграфия и циртоспирифериды фаменского и турнейского ярусов бассейна среднего течения р. Омолон. Новосибирск, 1970. 18 с. Фонды ИГиГ СО АН СССР. Рукопись.

Полевой атлас девонской руководящей фауны Северо-Востока СССР. Циртоспирифериды верхнего девона. Л., 1970. 52 с. Фонды ВСЕГЕИ. Рукопись.

Полевой атлас девонской руководящей фауны Северо-Востока СССР. Атириды верхнего девона // Л., 1970. 35 с. Фонды ВСЕГЕИ. Рукопись.

1971

О границе девонской и каменноугольной систем на Северо-Востоке СССР // Геология и геофизика. 1971. № 1. С. 29–38.

Основные черты тектоники Омолонской глыбовой области // Мезозойский тектогенез. Магадан, 1971. С. 150–156. Соавт. Н.А. Герасимова и др.

Объяснительная записка к Государственной геологической карте и карте полезных ископаемых масштаба 1 : 200000. Л. П-7-XXП. Магадан. 1971. 92 с. Фонды СВТГУ. Соавт. Е.Ф. Дылевский. Рукопись.

Devonian-Carboniferous boundary in the USSR // 7th Intern. Congr. Stratigr. and Geol. Carbonif.: Abstracts. Krefeld, 1971. Coaut. O.I. Bogush et al.

1972

Изохронность геологических границ и статус переходных горизонтов // Тез. докл. XVIII сес. Всесоюз. палеонтол. о-ва. Л., 1972.

О стратиграфии додевонских отложений Омолонской глыбовой области // Рифей центрального сектора Арктики. Л.: НИИГА, 1972. С. 58–67. Соавт. В.М. Шевченко.

Биостратиграфия фаменского и турнейского ярусов Северо-Востока СССР // Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР. Магадан, 1972. Вып. 20. С. 51–65.

Палеонтологический атлас каменноугольной руководящей фауны Северо-Востока СССР. Стратиграфия. Турнейский ярус. Л., 1972. 25 с. Фонды ВСЕГЕИ. Рукопись.

Спирифериды турнейского яруса. Л., 1972. 62 с. Фонды ВСЕГЕИ. Рукопись.

1973

North-East of the USSR // Lexique stratigraphy: Carboniferous. P., 1973. Coaut. B.S. Abramov, V.G. Ganelin.

1974

Проблемы биостратиграфии и границы турнейского яруса на Северо-Востоке СССР // Докембрий и палеозой Северо-Востока СССР. Магадан, 1974. С. 144–150.

Проблемы биостратиграфии девонских отложений Северо-Востока СССР // Там же. С. 94–95. Соавт. В.Н. Дубатовлов.

К характеристике песчано-конгломератовых палеозойских толщ Омолонского массива // Там же. С. 175–179. Соавт. В.М. Шевченко.

К стратиграфии девонских отложений Приколымского поднятия // Там же. С. 96–102. Соавт. Б.В. Пепеляев.

Стратиграфия и история формирования среднепалеозойских отложений гряды Уш-Урэкчан // Там же. С. 172–175.

Стратиграфия, геохронометрия и геохронология // Основные проблемы биостратиграфии и палеогеографии Северо-Востока СССР. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1974. С. 17–26.

Концепции эволюции и геохронометрия // Там же. С. 60–72.

Основные проблемы геологии девона Северо-Востока СССР // Там же. С. 92–111.

Кедонская серия: состав, строение, время и условия формирования // Там же. С. 189–234. Соавт. В.М. Шевченко.

Стратиграфия среднепалеозойских отложений бассейна верхнего течения р. Омолон // Там же. С. 234–270.

Время в стратиграфии // Методологические вопросы геологических наук. Киев: Наук.думка, 1974. С. 81–106.

Методологические вопросы развития представлений о времени и его измерении в геологии // Геол. журн. 1974. № 6. С. 14–30. Соавт. В.И. Оноприенко.

Ред.: Основные проблемы биостратиграфии и палеогеографии Северо-Востока СССР. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1974. 288 с.

Ред.: Докембрий и палеозой Северо-Востока СССР. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1974. 189 с. Соред. А.А. Николаев.

1975

“Геологическое” и “физическое” время: (Сопоставление понятий и процедур измерения) // Методологические проблемы геологии. Киев: Наук. думка, 1975. С. 99. Соавт. В.И. Оноприенко.

Стратиграфия и геохронометрия: Определение, задачи, структура познавательного процесса // Геол. журн. 1975. № 1. С. 3–10. Соавт. В.И. Оноприенко.

Задачи построения метрики времени в геологии // Докл. АН УССР. Сер. Б. 1975. № 10. С. 895–898. Соавт. В.И. Оноприенко.

Проблема построения метрики времени в геологии. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1975. 32 с. Препринт. Соавт. В.И. Оноприенко.

К дискуссии о границе девона и карбона. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ, 1975. 81 с. Препринт.

Международная стратиграфическая шкала, календарь и метрика геологического времени // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1975. № 4. С. 114–123.

Проблема геологического времени: (Операциональная специфика создания метрики геологического времени) // Геологические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1975. С. 73–84.

Стратиграфия каменноугольных отложений Северо-Востока СССР // VIII Междунар. конгр. по стратиграфии и геологии карбона: Тез. докл. М.: Наука, 1975. Соавт. Б.С. Абрамов и др.

Северо-Восток СССР // Основные черты стратиграфии карбона СССР: Северо-Восток СССР. Л.: Недра, 1975. С. 257–273. Соавт. Б.С. Абрамов, В.Г. Ганелин.

Граница девона и карбона в СССР по биостратиграфическим данным // Стратиграфия карбона и угленосные формации СССР. М.: Недра, 1975. С. 38–48. Соавт. Е.А. Рейтлингер.

О щелочно-базальтовой ассоциации Омолонской глыбовой области // Магматизм Северо-Востока Азии. Магадан, 1975. Т. 2. С. 94–99. Соавт. Е.Ф. Дылевский.

Палеозойские магматические формации Омолонский глыбовой области // Там же. С. 21–35. Соавт. В.М. Шевченко.

Эволюция спириферид на рубеже девона и карбона и биостратиграфия пограничных отложений девонской и каменноугольной систем. Магадан, 1975. 96 с. Фонды СВКНИИ ДВНЦ. Рукопись.

Devonian-Carboniferous boundary on the biostratigraphic data in the USSR // VIIth Intern. Congr. Stratigr. and Geol. Carbonif. Krefeld, 1975. Vol. 4. P. 169–178. Coaut. E.A. Reitlinger et al.

1976

К программе методологического анализа теории стратиграфии // Геол. журн. 1976. № 6. С. 24–31. Соавт. В.И. Оноприенко.

1977

Об антиномиях стратиграфической классификации // Вопросы методологии в геологических науках. Киев: Наук. думка, 1977. С. 41–49.

Сигнальный и каузальный подходы к проблеме геологической одновременности // Там же. С. 57–72. Соавт. В.И. Оноприенко.

Теоретические основы подразделения геологического времени // Геология и геофизика. 1977. № 4. С. 49–57.

К постановке проблемы построения теории времени в геологии // Тектоника и стратиграфия. 1977. № 12. С. 10–16. Соавт. В.И. Оноприенко.

Геологічний календар. Київ: Наук. думка, 1977. 152 с. Соавт. В.І. Онопрієнко.

О перспективах нефтегазоносности Уляганской и Хуличанской впадины (Северо-Восток СССР) // Колыма. 1977. № 1. С. 41–45. Соавт. В.В. Иванов и др.

1979

XIV Тихоокеанский научный конгресс. Путеводитель научной экскурсии по туру IX. Магадан, 1979. 123 с. Соавт. М.Х. Гагиев и др.

Типы зональных подразделений, опорные биогоризонты и корреляция пограничных отложений девона и карбона // XIV Тихоокеанский научный конгресс. Путеводитель научной экскурсии по туру IX. Магадан, 1979. Прил. 8. С. 171–183.

Расчленение и корреляция верхнефаменских и нижнетурнейских отложений Омолонского массива по брахиоподам // Там же. С. 183–215.

Корреляция пограничных отложений девона и карбона Евразии // Там же. С. 23–38. Соавт. Дж. Букарт и др.

Границы и расчленение фаменского яруса по конодонтам и брахиоподам // Там же. С. 39–71. Соавт. Дж. Букарт.

Корреляция разнофациальных отложений верхнего фамена и нижнего турне Центрального Приколымья // Там же. С. 71–90. Соавт. Л.С. Бушмина.

Одновременность геологических событий и “проблема стратиграфических границ” // Методология геологических наук. Киев: Наук. думка, 1979. С. 47–63.

Методологическое значение концепции времени в стратиграфии и геохронометрии // Проблемы времени в геологии. Владивосток: ДВНЦ, 1979. С. 38–57.

Некоторые философские аспекты теории геологического времени // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск: Наука, 1979. С. 151–182.

Эволюция концепций геологического движения // Социальные, гносеологические и методологические проблемы геологических наук. Киев: Наук. думка, 1979. С. 79–91. Соавт. В.И. Оноприенко.

Объем и расчленение фаменского яруса по конодонтам и брахиоподам // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. М.: Наука, 1979. Т. 1: Секция В. III. С. 7–9. Соавт. Дж. Букарт.

Развитие Северо-Востока СССР в среднем палеозое // Там же. С. 19–21. Соавт. В.Н. Дубатовлов и др.

Стратоэкозоны и проблема стратиграфических границ // Там же. С. 55–57. Соавт. В.П. Похилайнен.

Третье стратиграфическое совещание по Дальнему Востоку // Сов. геология. 1979. № 11. Соавт. А.Г. Аблаев и др.

Стратиграфия каменноугольных отложений Северо-Востока СССР // Тр. VIII Междунар. конгр. по стратиграфии и геологии карбона. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 105–112. Соавт. Б.С. Абрамов, В.Г. Ганелин и др.

Проблема природы хроностратиграфических границ и граница девона и карбона. Магадан, 1979. 147 с. Фонды СВКНИИ ДВНЦ АН СССР. Рукопись.

Расчленение и корреляция отложений перевальнинской и элгергхынской свит по конодонтам // XIV Тихоокеан. науч. конгр. Путеводитель научной экскурсии по туру IX. Магадан, 1979. Прил. 8. С. 91–113. Соавт. М.Х. Гагиев.

Граница девона и карбона в Западной Европе // Там же. С. 155–165. Соавт. Э. Папрот, М. Стрил.

Расчленение и корреляция верхнедевонских и нижнетурнейских отложений Омолонского массива по табулятам // Там же. С. 215–237. Соавт. Л.В. Смирнова.

Распространение строматопороидей в элгергхынской свите // Там же. С. 237–247. Соавт. Л.В. Смирнова.

Расчленение пограничных отложений девона и карбона на Омолонском массиве по остракодам // Там же. С. 257–278. Соавт. В.А. Чижова.

Верхнедевонские остракоды Центрального Приколымья // Там же. Прил. 5. Соавт. Л.С. Бушмина.

Расчленение по фораминиферам пограничных отложений между девоном и карбоном в бассейне руч. Первального (Омолонский массив) // Там же. Прил. 4. С. 5–28. Соавт. О.В. Юферев.

Водоросли из элзегетхынской свиты // Там же. С. 52–66. Соавт. Э.П. Радионова.

Гастроподы из пограничных отложений девона и карбона в бассейне р. Омолон // Там же. С. 29–51. Соавт. М.Г. Миронова.

The correlations of Famennian and Tournaisian deposits of the USSR and French-Belgian basins on conodonts // Serv. Geol. Belg. Prof. Pap. 1979. № 161. P. 2–36. Coaut. V.A. Tchigova et al.

Ред.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Путеводитель научной экскурсии по туру IX. Прил. 8. Магадан, 1979. 281 с.

1980

Объяснительная записка к Государственной геологической карте и карте полезных ископаемых масштаба 1 : 200 000. Лист П-8-XXV, XXVI. Магадан, 1980. 115 с. Фонды СВТГУ. Соавт. А.Г. Вялов.

Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона западного склона Южного Урала. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. 54 с. Препринт. Соавт. Н.М. Кочеткова и др.

Проблема границы девона и карбона и стратотип лытвинского горизонта. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. 28 с. Препринт. Соавт. О.А. Липина и др.

Характеристика опорного разреза пограничных слоев девона и карбона (зон C_{1a} и C_1) Донецкого бассейна. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. 24 с. Препринт. Соавт. Д.Е. Айзенберг и др.

Три типа разрезов отложений, переходных между девоном и карбоном на севере Уральской складчатой области. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. 14 с. Препринт. Соавт. В.А. Черных и др.

Государственная геологическая карта СССР масштаба 1 : 200 000. Сер. Омолонская. Л. Q-57-XXXII: Объяснительная записка. Магадан: Картфабрика СВТГУ, 1980. 76 с.

1981

К созданию общей теории времени: (Реальное, концептуальное, физическое и геологическое время, проблемы одновременности и ретросинхронизации). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 61 с. Препринт.

К созданию общей теории времени (Реальное, концептуальное, физическое и геологическое время, проблемы одновременности и ретросинхронизации). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 62 с. Препринт.

Современное состояние проблемы определения границы между девоном и карбоном. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 62 с. Препринт.

Методы и критерии определения границы девона и карбона: Исторический очерк. М., 1981. 165 с. Деп. в ВИНТИ 4.08.81, № 3879.

Эволюция квазиэндоптерида и биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Тимано-Печорской провинции. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 44 с. Препринт. Соавт. А.В. Дуркина.

Опорные разрезы и биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Центрального Казахстана. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 22 с. Препринт. Соавт. Н.В. Литвинович и др.

Корреляция погранотложений девона и карбона Европейской части СССР. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 31 с. Препринт. Соавт. Е.А. Рейтлингер и др.

Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Днепровско-Донецкой впадины. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 27 с. Препринт. Соавт. Л.П. Алексеева и др.

О конодонтах пограничных отложений девона и карбона на Русской платформе. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1981. 8 с. Препринт. Соавт. В.А. Аристов.

Палеонтология, палеобиогеография и мобилизм: Тр. XXI сес. Всесоюз. палеонтол. о-ва. Л., 1981. 208 с. Соавт. Г.Я. Крымгольц.

1982

Развитие учения о времени в геологии. Киев: Наук. думка, 1982. 416 с. Соавт. В.И. Оноприенко, С.В. Мейен и др.

Разработка идей временной геологии в конце XIX – начале XX в. // Развитие учения о времени в геологии. Киев: Наук. думка, 1982. С. 106–116.

Принципы измерения времени и построения стратиграфической (геохронологической) шкалы // Там же. С. 176–198.

Анализ методов геологической синхронизации // Там же. С. 198–209.

Геологический календарь на палеобиологической основе // Там же. С. 242–270.

Время в структуре стратиграфии // Там же. С. 13–19. Соавт. В.И. Оноприенко.

Начальный этап становления представлений о временной определенности геологических объектов // Там же. С. 31–52. Соавт. В.И. Оноприенко.

Возникновение и развитие международной стратиграфической (геохронологической) шкалы // Там же. С. 68–88. Соавт. В.И. Оноприенко.

Концептуальный анализ представлений о времени в геологии // Там же. С. 169–178. Соавт. В.И. Оноприенко.

Метод актуализма в палеоэкологии и экостратиграфии // Тихоокеан. геология. 1982. № 4. С. 99–100. Соавт. В.П. Похилайнен.

Геологическая карта Северо-Востока СССР масштаба 1 : 1 500 000: Объяснительная записка. Магадан: СВТГУ, 1982. С. 35–41.

Биостратиграфия и палеография фауны и флоры северо-востока Волго-Уральской области. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1982. 51 с. Препринт. Соавт. Ю.И. Кузнецов и др.

Джебильская толща. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1982. 26 с. Препринт. Соавт. В.А. Разницын.

Проблема границы девона и карбона в Днепровско-Донецкой впадине. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1982. 16 с. Препринт. Соавт. В.А. Разницын, С.В. Онафришин.

Граница девона и карбона на Северном Кавказе. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1982. 8 с. Препринт. Соавт. Ю.Б. Пупорев, Л.Д. Чегодаев.

Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Закавказья (опорные разрезы). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1982. 38 с. Препринт. Соавт. И.А. Гречишникова.

Foraminifers, spores et coraux du Famennien superieur et du Dinantien du massif de l'Omolon (Extreme Orient Sovietique) // Ann. Soc. Géol. Belg. 1982. T. 105. P. 145–160. Coaut. R. Conil et al.

1983

К характеристике пограничных отложений девона и карбона Мугоджар. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1983. 51 с. Препринт. Соавт. Б.И. Богословский и др.

Methods for determination of chronostratigraphic boundaries as exemplified by D/C boundary // X Intern. Congr. Stratigr. and Geol. Carbonif.: Abstracts. Madrid, 1983. P. 320.

On subdivisions of Devonian and Carboniferous deposits over the USSR territory (data of the working group) // Ibid. P. 316. Coaut. E.A. Reithlinger et al.

Upper Famennian and Tournaisian deposits of the Omolon region (NE-USSR) // Ann. Soc. Géol. Belg. 1983. T. 106. P. 335–399. Coaut. M.J.M. Bless et al.

1984

Граница девона и карбона на Северо-Востоке СССР // XXVII Международный. геол. конгр. Северо-Восток СССР. Сводный путеводитель экскурсий. Экскурсия 067. М.: Наука, 1984. С. 28–41.

Среднепалеозойский этап (силур-девон) // Геологическое строение СССР и закономерности размещения полезных ископаемых. Л.: Недра, 1984. Т. 8: Восток СССР. С. 116–134. Соавт. Г.Р. Шишкина и др.

Очерки по стратиграфии пограничных отложений девона и миссисипия Северной Америки. М.: Наука, 1984. 258 с.

Методология и понятийный базис геохронологии. Киев: Наук. думка, 1984. 127 с. Соавт. В.И. Оноприенко, А.Н. Дмитриев.

Критерии и методы определения границы девона и карбона. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1984. 127 с.

Границы системы на Северо-Востоке Азии // Геология и полезные ископаемые на Северо-Востоке Азии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 8–21. Соавт. В.П. Похиалайнен.

Граница девона и карбона и проблема определения хроностратиграфических границ: Автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. Новосибирск, 1984. 27 с.

Развитие органического мира на рубеже девона и карбона. Магадан, 1984. 140 с. Фонды СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР. Рукопись.

Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона на юго-западе Московской синеклизы // Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1984. Вып. 1: Русская платформа. С. 7–13. Препринт. Соавт. Г.Д. Родионова, В.Т. Умнова.

Заволжский горизонт в Урало-Поволжье // Там же. С. 14–17. Соавт. В.С. Губарева.

Малевский горизонт Русской платформы и его аналоги в Западной Европе // Там же. С. 18–27. Соавт. Т.В. Бышева.

Adden to Upper Famennian and Tournaisian deposits of the Omolon region (NE-USSR): Brachiopods // Natur. Hist. Vus. Maastricht. 1984. P. 2–6.

Sedimentological and paleontological atlas of the Late Famennian and Tournaisian deposits of the Omolon region (NE-USSR) // Ann. Soc. Géol. Belg. 1984. T. 107. P. 137–247. Coaut. N.A. Shilo et al.

Upon the problem of subdivision of the Devonian-Carboniferous boundary deposits in the USSR // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg. 1984. Vol. 67. P. 47–50. Coaut. V.A. Chigova et al.

Devonian-Carboniferous transitional deposit of the Berchogur soction, Vugodzery, USSR: (Preliminary report) // Ibid. P. 207–230. Coaut. I.S. Barskov et al.

The Devonian-Carboniferous boundary and complication connected with determination of chronostratigraphic boundaries // Ibid. P. 247–254.

Ред.: Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона. Вып. 1. Русская платформа. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1984.

1985

Граница девона и карбона и проблема определения хроностратиграфических границ // Тихоокеан. геология. 1985. № 2. С. 27–93.

Практика и методология при определении границы девона и карбона // Там же. № 5. С. 8–14.

Струнный стратозектон // Экостратиграфия, палеобиогеография и стратиграфические границы. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1985. С. 91–128.

Развитие брахиопод и палеобиогеография на рубеже девона и карбона // Проблемы границы девона и карбона в Евразии. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1985. С. 117–124.

Проблемы расчленения, корреляции пограничных отложений и определения границы девона и карбона на территории СССР // Проблемы границы девона и карбона в Евразии. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1985. С. 56–74. Соавт. Б.И. Богословский, Е.А. Рейтлингер и др.

Опорные разрезы и биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Западной Европы. М.: Наука, 1985. 248 с.

Пограничные отложения девона и карбона Мугоджар. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1985. 55 с. Препринт. Соавт. Б.И. Богословский и др.

Стратиграфические, палеонтологические, геохронологические исследования // Колыма. 1985. № 3. С. 5–8. Соавт. В.П. Беспалый, Т.И. Линькова и др.

Sedimentolog. and lithogeochemistry of the Upper Famennian-Tournaisian strata in the Omolon region (NE-USSR) // Prof. Pap. Belg. Geol. Surv. 1985. N 221. P. 1–170. Coaut. R. Sweonen, J. Bouckaert, W. Viaene.

Ред.: Проблемы границы девона и карбона в Евразии. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1985. 153 с.

1986

Брахиподы на рубеже девона и карбона // Границы девона и карбона на территории СССР. Минск, 1986. С. 170–171.

Биостратиграфия пограничных отложений девона и карбона Северо-Востока СССР // Границы девона и карбона на территории СССР. Минск, 1986. С. 170–173.

Проблемы определения хроностратиграфических границ (на примере границы девона и карбона). Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1986. 396 с.

Проблема определения хроностратиграфических границ и граница девона и карбона // Опорные разрезы и корреляция границы девона и карбона Евразии. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1986. С. 4–16.

Lithogeochemistry of the Upper Famennian-Tournaisian strata in the Omolon region (NE-USSR) // Ann. Soc. Géol. Belg. 1986. T. 109. P. 249–261. Coaut. R. Swennen, M. Bless, J. Bouckaert et al.

Evaluation of transgression-regression events in the Upper Famennian-Tournaisian strata in the southeastern Omolon area (NE-Siberia, USSR) // Ibid. P. 237–248. Coaut. R. Sweonen, M. Bless, J. Bouckaert, T.P. Razina.

Ред.: Опорные разрезы и корреляция границы девона и карбона Евразии. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1986. 167 с.

1987

Спирифериды на рубеже девона и карбона // Брахиоподы на рубеже девона и карбона. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1987. С. 22–30. Препринт.

Новые продуктаеи (брахиоподы) из пограничных отложений девона и карбона и карбона Омолонского массива // Палеонтол. журн. 1987. № 1. С.120–123. Соавт. С.С. Лазарев.

Ред.: Брахиоподы на рубеже девона и карбона. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1987. 35 с. Препринт.

1988

Поиски решения проблемы границы девона и карбона // Границы девона и карбона на территории СССР. Минск: Наука и техника, 1988. С. 27–34.

Опорный разрез пограничных отложений девона и карбона Омолонского массива (Северо-Восток СССР) // Там же. С. 222–231. Соавт. Т.П. Разина.

Литолого-геохимическая специализация позднефаменско-турнейской карбонатной формации Омолонского массива // Рудные формации структур зоны перехода континент-океан: Тез. докл. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1988. Т. 2. С. 126–127. Соавт. Т.П. Разина.

Advantages and disadvantages of conodont-based or event-stratigraphic Devonian-Carboniferous boundary // Cour. Forsch.-Inst. Senckenberg 1988. N 100. P. 3–14. Coaut. M.J.M. Bless, M. Streel.

1989

Стратиграфическая служба на Востоке СССР: Состояние, задачи и перспективы развития // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1989. № 9. С. 48–63. Об основных принципах теоретической стратиграфии // Там же. № 10. С. 17–23.

О соотношении между принципами и законами стратиграфии // Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М.: Геол. ин-т АН СССР, 1989. С. 124–131.

Suggestions for the subdivision of the Devonian-Carboniferous boundary deposits // Bull. Soc., 1989. Géol Belg. Vol. 98, N 2. P. 135–140.

1990

Геологическое время и глобальные события // Принципы развития и историзма в геологии и палеонтологии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 268–281.

Биологические системы, глобальные биособытия, хроностратоны и их границы // Актуальные проблемы хроностратиграфии. М.: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 49–76.

Время Земли // Там же. С. 3–48.

К вопросу о разрешающей способности и структуре хроностратиграфической шкалы // Там же. С. 77–122. Соавт. В.П. Похиалайнен.

Major evolutionary events among the spiriferids at the Devonian-Carboniferous boundary // Extinction events in Earth history: 1990. P. 189–198. (Lecture notes in Earth sciences; vol. 30).

1991

Время Земли // Тихоокеан. геология. 1991. № 4. С. 86–101.

The Devonian-Carboniferous ecosystem crisis: (Biochronologic aspect) // Event markers in Earth history. Calgary (Alberta), 1991. P. 67.

1992

Размышления о состоянии, перспективах развития и актуальных проблемах стратиграфии // Тихоокеан. геология. 1992. № 5. С. 118–128.

К истории развития представлений о реальном геологическом времени. Ст. 1 // Там же. № 6. С. 90–106.

The Devonian-Carboniferous events in the reference shallow-water sequence of the Omolon region // Intern. Conf. of Arctic Margins (Anchorage, Alaska, Sept. 2–4, 1992): Abstracts. Anchorage, 1992. P. 67.

1993

Геологическая история: Имеет ли она часы или сама есть часы? // Вестн. РАН. 1993. Т. 63, № 2. С. 117–121.

К истории развития представлений о реальном геологическом времени. Ст. 2 // Тихоокеан. геология. 1993. № 1. С. 102–131.

Biochronologic aspects the Devonian-Carboniferous ecosystem crisis in the regions of the former USSR // Palaeogeogr., Palaeoclimatol., Palaeoecol. 1993. February. P. 335–399.

1994

К проблеме естественнонаучного определения времени. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1994. 110 с.

The Devonian-Carboniferous boundary in Eurasia // Proc. Intern. Conf. Arctic Margins (Anchorage, Alaska, September, 1992). Anchorage: US Dep. Interior MMS, 1994. P. 3–8.

Ред.: Оценка экологического риска при добыче нефти и газа на континентальном шельфе Дальнего Востока России. Магадан, 1994.

Ред.: Управление информацией и оценка ресурсов нефти и газа. Магадан, 1994.

1995

О структуре теоретико-познавательного аппарата стратиграфии // Тихоокеан. геол. 1995. Т. 14, № 3. С. 81–95.

Основные итоги Международной конференции по арктическим окраинам (МКАО-94) (Магадан, 6–10 сент. 1994 г.) // Там же. № 4. С. 3–7. Соавт. Д. Тёрстен.

The dynamics and biochronological structure of the Hangenbergian bioevent // Proc. Intern. Conf. of Arctic Margins (Magadan, Russia, September, 1994). Magadan, 1995. P. 24–32.

1996

Очерк истории развития концепции реального геологического времени. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1996. 317 с.

Теория конкретного времени А. Бергсона // Вестн. РАН. 1996. Т. 66, № 1. С. 64–72.

Очерк истории “переоткрытия времени” // Там же. № 6. С. 502–512.

Ред.: Комментарии по поводу одновременного российско-американского тендера на шельфе Чукотского моря. Магадан, 1996.

Ред.: Оценка возможных последствий нефтяных разработок на промышленное рыболовство в восточной части Берингова моря. Магадан, 1996.

Ред.: Оценка основного варианта осуществления поисково-разведочных работ на нефть и газ на территории Чукотского моря по тендеру 126. Магадан, 1996.

1997

На пути к теоретической стратиграфии. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 180 с.

Реальное время в естественнонаучной картине мира // Вестн. РАН. 1997. Т. 67, № 4. С. 323–331.

Стратоны и таксоны: (О статье С.С. Лазарева “Особенности типизации в стратиграфической классификации”) // Стратиграфия. Геол. корреляция. 1997. Т. 5. № 2. С. 107–112.

1998

Измерение реального времени // Вестн. РАН. 1998. Т. 68, № 2. С. 136–147.

Имеет ли региональная академическая наука будущее? // Колымские вести. 1998. № 1. С. 2–5.

Ред.: Изменение природной среды Берингии в четвертичный период. Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН, 1998.

1999

Введение в теорию геологического времени. Становление. Эволюция. Перспективы. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1999. 556 с.

Время в геологии: (Методологический аспект проблемы) // Наука на Северо-Востоке России. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1999. С. 29–43.

Академическая наука Северо-Востока России // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 1. С. 21–32. Соавт. В.И. Гончаров.

Наука на Северо-Востоке России: Доклад на торжественном заседании СВНЦ ДВО РАН, посвященном 275-летию Российской академии наук // Колымские вести. 1999. № 6. С. 3–7.

2000

О новом варианте Международной стратиграфической шкалы // Вестн. РАН. 2000. Т. 70. № 12. С. 1076–1082.

К 100-летию юбилею принятия Международной стратиграфической шкалы // Колымские вести. 2000. № 11. С. 29–35.

К истории стратиграфо-палеонтологических исследований на Северо-Востоке России // Там же. № 8. С. 8–11. Соавт. Л.В. Смирнова.

Ред.: Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000.

Ред.: Берингия в четвертичном периоде. Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН, 2000.

2001

О новом варианте Международной стратиграфической шкалы // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 12. С. 1076–1082.

Origin, development, and perspectives of the theory of paleobiospheric time. Magadan: NESF FEB RAS, 2001. 341 p.

2002

Ред.: Четвертичная палеогеография Берингии. Магадан, 2002.

Ред.: Оноприенко В.И. Борис Борисович Голицын. М.: Наука, 2002. 335 с.

2003

Неизвестное об известном: К 140-летию со дня рождения академика В.И. Вернадского // Вестн. РАН. 2003. Т. 73, № 3. С. 239–243.

Концепция реального времени-длания В.И. Вернадского // Вопр. философии. 2003. № 4. С. 88–100.

Организатор форпоста академической науки на Северо-Востоке // Колымские вести. 2003. № 21. С. 2–5.

Очерк истории “переоткрытия времени” // Вестн. Дальневост. отд. РАН. 2003. Т. 108, № 2. С. 179–192.

Российский ученый и организатор науки академик Н.А. Шило // Геодинамика, магматизм и минералогия континентальных окраин Северной Пацифики. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. С. 9–12.

К генеалогии реляционно-генетической концепции времени // Свободная мысль. 2003. № 4. С. 89–109.

О некоторых методологических проблемах геохронологии и геохронометрии // Геологические этюды. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2003. С. 73–84.

Ред.: *Оноприенко Ю.И.* Эволюционная биология: Системно-информационный подход. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2003. 230 с.

2004

К созданию теории палеобиосферного времени. Магадан, 2004. Т. 1: Предыстория. Зарождение. 340 с.; Т. 2: Становление. Оформление. 244 с.; Т. 3: Стагнация. Перспективы. 347 с.

Литература о К.В. Симакове

- Алексеев А. К. Симаков: Нельзя стратиграфию отправить на “пенсию” // Дальневосточный ученый. 1991. № 2.
- Белый В.Ф. Вспоминая К.В. Симакова // Колымские вести. 2004. № 26. С. 60.
- Ваганов А. “Западный пылесос” для российской науки // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 295, 297–298.
- Ваганов А.Г. Российская наука и глобальное сетевое общество // Научное ведение и новые тенденции в развитии российской науки. М.: Логос, 2005. С. 177, 184.
- Гладенков Ю.Б. Стратиграфия как раздел исторической геологии и проблемы геологического времени // Колымские вести. 2004. № 26. С. 16–22.
- Из переписки с академиком А.Л. Яншиным // Там же. С. 64–65.
- Измайлов Л.И. Геолог и Время: Воспоминания о Кирилле Владимировиче Симакове // Там же. С. 56–59.
- Кривская В.Ю. Воспоминания о младшем брате // Там же. С. 35–37.
- Мейен С.В. В поисках идеального геологического календаря // Природа. 1978. № 4. С. 151–152.
- Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 216 с. О К.В. Симакове: с. 21, 23, 28, 29, 35, 163, 176.
- Озун С. Пионерная стадия // Магаданская правда. 1994. 24 февр.
- Оноприенко В.И. К.В. Симаков: Вклад в теорию и практику стратиграфии, методологию геологического времени // Колымские вести. 2004. № 26. С. 7–14.
- Оноприенко В.И. Рец. на кн.: Симаков К.В. К проблеме естественнонаучного определения времени. Магадан: СВНЦ ДО РАН, 1994. 109 с.; Симаков К.В. Очерк истории развития концепции реального геологического времени. Магадан: СВНЦ ДО РАН, 1996. 318 с. // Вестн. РАН. 1998. № 6. С. 565–567.
- Оноприенко В.И., Оноприенко М.В. Александр Сергеевич Поваренных. М.: Наука, 2004. 330 с. О К.В. Симакове: с. 4, 7, 74, 75.
- Оноприенко Ю. Прощание с Кириллом // Дальневосточный ученый. 2004. 18 авг.
- Оноприенко Ю.И. Прощание с Кириллом // Колымские вести. 2004. № 26. С. 27–34.
- Преображенский Б.В. Мой Кирилл // Там же. С. 53–55.
- Седов Б.М. Лето 1992 г. // Там же. С. 63.
- Сидоров А.А. Время и Земля: (О книге К.В. Симакова “Введение в теорию геологического времени”) // Там же. С. 23–26.

- Соколов Б.С.* Представление кандидатуры члена-корреспондента РАН
Симакова Кирилла Владимировича в действительные члены (академики) Российской академии наук // Там же. С. 15.
- Список основных трудов академика К.В. Симакова // Там же. С. 3–6.
- Тынанкергав Г.А.* Академик К.В. Симаков на Чукотке – начало пути // Там же. С. 61–62.
- Флеров И.Б.* До свиданья, мой друг, до свиданья... // Там же. С. 49–52.
- Холдер Т.* Наш Кирилл // Там же. С. 55.
- Шевченко В.М.* Светлой памяти Кирилла Владимировича Симакова // Там же. С. 38–48.

Указатель имен

- Аббатов Т.И. 27
Абаев С.М. 27, 29, 34, 35, 40
Аблаев А.Г. 275
Абрамов Б.С. (Abramov B.S.) 272–275
Абу Райхан ал-Бируни 170
Августин Блаженный (Аврелий) 169, 170
Авдеев 40, 216
Авиценна 170
Агрикола 170
Ажгирей Г.Д. 203, 208
Айзенберг Д.Е. 276
Акинин В.В. 112
Алексеев А.К. 286
Алексеев М.Н. 63
Алексеева Л.П. 277
Алессандро дегли Аллесандри 170
Амалицкий В.П. 171
Анаксагор 170
Анаксимандр 170
Анаксимен 170
Андрусов Н.И. 17
Аникеев В. 250, 251
Анчаров М. 259
Аншелес О.М. 18
Апт Ю.Е. 112
Ардуино Дж. 170
Аристов В.А. 277
Аристотель 169, 170, 176
Афанасьева Г.А. 47, 86, 183, 271
Афицкий А.И. 28, 30, 52, 53, 63, 64, 68, 69, 94
- Бабкин П.В. 50
Бальзак де О. 175
Баранова Ю.П. 56
Барренбаум А.А. 171
Барсков И.С. (Barskov I.S.) 279
Бархатов Б.П. 19
Беднягин 216
Белохин И. 248
Белый В.Ф. 50, 96, 112, 183, 226, 286
Бендер О. 207
Берг Л.С. 221
- Бергман Т. 170
Бергсон А. 129, 161, 164, 168, 171
Берзин Э.П. 23
Бертран Э. 170
Беспалый В.П. 56, 68, 280
Бесчастнов Ю.Д. 27, 30
Бетехтин А.Г. 49
Билибин Ю.А. 18, 22, 24, 35, 43, 49, 226
Бискэ С.Ф. 56
Блесс М. (Bless M.) 73, 77, 79, 81, 83, 85, 88, 92, 184, 278, 281
Блищенко В. 248
Богословский Б.И. 65, 92, 278, 280
Богущ О.И. (Bogush O.I.) 47, 271, 272
Борисяк А.А. 171
Бошковиц Р.И. 223
Братья Чистоты 170
Броньяр Ад. 171
Броньяр Ал. 135, 171
Бубнов С.Н. 171
Будыко М.И. 171
Букарт Дж. (Bouckaert J.) 79, 83, 275, 280
Буланже Н.-А. 170
Булгаков М. 246
Бушмина Л.С. 61, 275, 276
Бывшева Т.В. 279
Бычков Ю.М. 52, 69, 112, 248, 251
Бэкман С. 143
Бэкон Ф. 170
Бэрнет Т. 170, 173
Бэррел Дж. 172
Бюффон Ж.Л. 142, 170, 172
Бялобжеский С.Г. 50, 68, 69
- Вааген В. 143
Вавилов Н.И. 257
Ваганов А. 286
Вайер Д. 88, 90
Вализер О. 171
Вальтер И. 171
Ван Горп Ж. 170
Ван Ченюань 86

- Васильев С.В. 10, 125, 127, 192
 Васильев Ю.Р. 28, 40, 46, 182, 213–215, 219
 Васильева (Симакова) В.К. 10, 40, 192, 208
 Васильева 28
 Васильева П.С. 192
 Ващилов Ю.Я. 62
 Ведекин Р. 171, 222
 Велинский В.В. 26, 28, 192
 Венюков П.В. 17
 Вернадский В.И. 7, 132–134, 140, 148, 158–163, 164–172, 174, 182, 189, 197, 221–226, 284
 Вернер А.Г. 170
 Виане В. (Viaene W.) 280
 Визбор Ю. 259, 263
 Владимирцев Е. 249–251
 Власов К.А. 49
 Волгин В.И. 86
 Волобуева В.И. 52, 68
 Волошин С.В. 125
 Вольтер М.Ф. 170
 Вонг Ч.Ю. 88
 Воронин Ю.А. 130
 Воронцов 42
 Воронцов Н.Н. 255
 Вронский Б.И. 23, 24
 Вудвард Дж. 170, 173
 Высоцкий Б.П. 130
 Высоцкий В.С. 16, 236, 257, 259
 Вялов А.Г. 46, 276

 Гагиев М.Х. 59, 60, 65, 68, 69, 83, 274, 275
 Гайдар Е.Т. 116
 Галич А. 241, 259, 263
 Ганелин В.Г. (Ganelin V.G.) 45, 52, 55, 182, 247, 248, 272, 274, 275
 Ганичева И. 35
 Гарбузов В.И. 27
 Гегель Г.В. 171
 Гейки А. 171
 Геккель Э. 127, 171, 175, 194
 Гексли Т. 142, 171
 Гельман М.Л. 191
 Гераклит 170
 Герасимов И.П. 49
 Герасимов Ю.Г. 130
 Герасимова Н.А. 272
 Гердер Й. 170
 Геродот 170

 Герцен А.И. 169
 Гете 224
 Геттон 170, 172, 174
 Гилярова М.А. 19
 Гирусов Э.В. 226
 Гладенков Ю.Б. 62, 183, 286
 Гленистер Б.Ф. 88
 Глотов В.Е. 11
 Годунцев Р.Т. 271
 Голицын Б.Б. 181
 Головач Л.Ф. 46
 Головкинский Н.А. 171
 Гольбах П.А. 170, 176
 Гольдшмидт Р. 171
 Гончаров В.И. 62, 89, 109, 111, 118, 283
 Гопкинс Д. 63
 Горак С.В. 130
 Горбачев Т.Ф. 49
 Горинов А.В. 49
 Городинский М.Е. 112
 Горячев Н.А. 11
 Готье А. 170
 Гофман Э.К. 17
 Грабау А. 171, 222
 Грамм М.Н. 255
 Грацианова Р.Т. 46
 Грессли А. 171
 Гречишников И.А. 86, 278
 Гриноут Дж. 171
 Грубенман 44
 Груза В.В. 130
 Губарева В.С. 279
 Гук Р. 134, 141, 170
 Гулд С. 171
 Гусаров М.В. 27, 216

 Дагис А.С. 56
 Дарвин Ч. 135, 139, 140, 142, 171
 Деборин А.М. 224
 Девятилова А.Д. 52
 Декарт Р. 170, 173, 176
 Делюк А. 170, 173
 Демидов С.С. 11
 Джеймисон Р. 170
 Джиллули Дж. 171
 Дидро Д. 170, 175, 176
 Диккинс Дж. 86
 Дмитриев А.Н. 131, 278
 Довгаль 28, 215
 Долло Л. 254
 Домарев В.С. 18

Драбкин И.Е. 33, 34, 201, 216
Драневич И.А. 67, 86
Дубатовов В.Н. 45–47, 56, 58, 59, 128,
183, 219, 272, 275
Дуркина А.В. 61, 277
Дылевский Е.Ф. 46, 271, 272
Дэли 44
Дюфур М.С. 19
Дягилев И. 208

Еганов Э.А. 130
Еганова И.А. 130
Егоров Д.Ф. 34, 233
Елецкий Дж. 171
Еременко Л.И. 11
Ефремов И.А. 172

Жабин А.Г. 130
Жамойда А.И. 56, 171, 183, 222
Желнин С.Г. 26, 28, 50
Живетьев В.К. 130
Жидов А.С. 26
Жиншин В.Н. 47, 183
Житихина З.П. 11, 121
Жуков Р.А. 130
Жуланова И.Л. 192

Забродин В.Ю. 130, 131
Заварицкий А.Н. 42
Заводовский В.М. 52
Заикина Г.А. 227
Захарова (Копытова) З. 30
Зубаков В.А. 131, 171
Зубков И.Ф. 130
Зульцер Й.Г. 170

Иванов В.Ф. 11
Иванов В.В. 62, 274
Иванов К.А. 25–30, 33–36, 40, 46, 192,
201, 216
Иванов Ю.Ю. 11
Ивановская А.В. 130
Ивановский Б.А. 47, 80, 183
Измайлов Л.И. 28, 37, 95, 121, 193, 286
Иностранцев А.А. 17, 171

Каляев Г.И. 130
Кант 224
Кант И. 170, 224
Каныгин А.В. 221
Караваева Н. 252
Каракаш Н.И. 17

Карвэйн Р. 170, 173
Карпинский А.П. 9, 67, 107, 268
Касаткин В.А. 27, 47
Качанов Е.И. 59
Келлиker Р. 171
Кеткин М.Л. 26
Ким Ю. 259, 263
Кинасов В.П. 52, 250
Кинг К. 171
Кирсанов А.Н. 46
Кирхер А. 170
Киттс Д. 171
Клейтон 77
Клещев 210, 212, 217
Климов Г.А. 26
Клубов Б.А. 66
Кобычева 209, 219
Кобычева Т.А. 190
Ковалевский О.П. 171
Козин В.А. 195
Козлов 42, 199, 210, 215, 216
Козлов А.Г. 11, 22–24
Колесов Е.В. 60, 73, 75, 83
Колчинский Э.И. 11
Комлев Л.В. 18
Конил Р. (Conil R.) 72–75, 83–85, 89,
92, 278
Кононова Л.И. 88
Контримавичус В.Л. 50, 253
Коп Э. 171, 254
Копытин В.А. 50
Копытов Э.С. 26, 216
Коробков И.А. 19
Королев А.П. 27
Котляр И.Н. 192, 252
Котта Б. 171
Кочергин А.Н. 226
Кочеткова Н.М. 83, 276
Кошелкина З.В. 52, 53, 56
Кравков С.П. 13
Краев А.П. 18
Краев В.Ф. 130
Красилов В.А. 171
Краснокутский 42
Красный Л.И. 56
Красный Л.Л. 50, 62
Красовская О.В. 11
Кривин Ф. 173, 174, 175
Кривская В.Ю. 15, 16, 286
Кривская С.Н. 12, 16
Кривская Т.Ю. 15–17
Кривский Л.А. 12, 15

Кривский Ю.Л. 15, 16
Криштофович А.Н. 18, 20
Круть И.В. 8, 96, 130, 131, 136, 165, 189, 223
Крымголец Г.Я. 19, 277
Крымов В.В. 26
Ксенофан 170
Кузнецов В.А. 49
Кузнецов С.С. 18, 19
Кузнецов Ю.И. 278
Кукин 259
Кулагина Е.И. 83
Кулаков Ю.И. 131
Куликович А.Е. 130
Кулындышев В.А. 130
Кульков К.Б. 47
Кульман 77
Курбатов С.М. 18
Курчатов И.В. 110
Кюве Ж. 135, 171

Лаврентьев М.А. 188
Лавриненко 40
Лавуазье А. 170
Лазарев С.С. 86, 281, 283
Лайель Ч. 142, 172, 171
Ламарк Ж.Б. 170, 171, 174
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 17
Левицкий О.Д. 49
Левич А.П. 189
Легран-Блайн М. 86
Лейбниц Г.В. 160, 168, 170
Леконт Дж. 171
Леман Й.Г. 170
Леонардо да Винчи 170
Леонов Г.П. 171, 174
Либрович Л.С. 171
Линней К. 170
Линькова Т.И. 68, 280
Липина О.А. 61, 276
Лис М. 88
Литвинович Н.В. 86, 277
Личков Б.Л. 171
Логинов Н.П. 47
Ложкин А.В. 11, 50, 62, 64, 68
Ломоносов М.В. 170, 189, 256
Лукреций 170
Лысенко Т.Д. 257
Лэйн А. 89, 171

Магнус А. 170
Майр Э. 171

Маковский Н.В. 27
Максимов А.Л. 194
Мамонтов Е.В. 19
Мамэ Б. 77, 88, 89
Мананков И.Н. 47, 183
Марковский Б.П. 47
Мартынова М.В. 86
Мах Э. 168, 171
Медников Ф. 247
Мейен С.В. 8, 65, 101, 130, 131, 146, 147, 172, 186, 187, 221, 222, 229, 277, 286, 288
Мелле де Б. 170
Мельник А.П. 130
Мельников Н.В. 49
Меннер В.В. 56, 63, 92, 171, 183, 221
Мерзляков В.М. 47, 50
Мигович И.М. 55
Миклухо-Маклай А.Д. 19
Милов А.П. 62
Милова Л.В. 53, 54
Мирзоян Э.Н. 11
Миронова М.Г. 47, 61, 183, 276
Мисанс Я.П. 233
Митраков И.Л. 27
Митропольский А.Ю. 11
Митрофанов Ф.П. 21
Моисеев А.С. 19
Молодых И.Ф. 22
Молчанов Ю.Б. 128, 129
Мороз С.А. 130
Мочалов И.И. 11
Мюллер С.У. 175

Назаров И.В. 130
Найбородин В.И. 62
Наливкин Д.В. 47
Наумов 200
Незнованов Н.Н. 24–26, 28–31, 37, 38, 40, 216
Нейбург М.Ф. 187
Неймайр М. 143, 171, 254
Некрасов Н.Н. 49
Ниггли П. 44
Низяева Г.Ф. 122, 124
Никитин С.Н. 171
Николаев А.А. 45, 47, 51, 52, 182, 245, 249, 258, 273
Ньютон И. 134, 148, 159, 160, 164, 168, 170
Ньюэлл Н. 171
Нэгели К. 171

- Обручев С.В. 22
 Овидий 170
 Огнев В.Н. 18, 19
 Озеров К.Н. 18
 Озун С. 286
 Окуджава Б. 236, 259, 263
 Омиров О.Н. 47
 Онафришин С.В. 278
 Онищенко Н.Я. 130
 Оноприенко В.И. (Онопрієнко В.І.)
 127, 130, 181, 182, 229–233, 243,
 273–275, 277, 278, 284, 286, 288
 Оноприенко М.В. 11, 286
 Оноприенко С.Д. 194
 Оноприенко Ю.И. 10, 45, 47, 52, 60,
 61, 80, 83, 126, 130, 182, 194, 195,
 241, 285, 286
 Оппель А. 135
 Орадовская М.М. 52
 Орел В.М. 11
 Орбини д' А. 135
 Орлов Ю.А. 20
 Осборн Г.Ф. 221
 Осетрова В.М. 11
 Осипов В.И. 227
 Осипов Ю.С. 117

 Павлов В. 200, 201, 203
 Павлов Г.Ф. 50, 62
 Палисси Б. 170
 Палымский Б.Ф. 38, 47, 182
 Панычев 216
 Папрот Э. (Paprot E.) 61, 63, 72, 77, 79,
 88, 90, 93, 184, 275
 Паракецов К.В. 47, 52, 248
 Паракецова Г.И. 52
 Паркинсон Дж. 171
 Парфенов В.Ф. 226
 Парыгин А. 248
 Пауэлл Дж. 171
 Пепеляев Б.В. 40, 198, 273
 Петраченко 28
 Петров В.И. 40, 42, 43, 202, 217
 Петц Г.Г. 17
 Печерский Д.М. 25, 26, 50, 233
 Пинус 42
 Пифагор 170
 Плайфорд Дж. 88
 Плаксин И.Н. 49
 Платон 170
 Плотин 170
 Поваренных А.С. 8, 128, 130

 Полетаев В.И. 86
 Полканов А.А. 18
 Полуботко И.В. 52, 246, 248
 Попов Б.А. 17
 Поршняков Г.С. 19
 Постников А.В. 11
 Потти Э. (Potty E.) 73, 77, 79, 80, 83, 184
 Похиалайнен В.П. 52, 53, 64, 65,
 67–69, 94, 112, 182, 257, 275, 277,
 279, 281
 Православлев П.А. 18, 19
 Преображенская Т.В. 52, 127, 195
 Преображенский Б.В. 45, 52, 127,
 182, 195, 248, 260, 286
 Пригожин И. 166, 167
 Продайвода Г.Т. 130
 Прутков Козьма 174, 175
 Пуанкаре А. 160, 174
 Пупышев Н.А. 47
 Пустовалов Л.В. 49
 Пушкин А.С. 173
 Пэдж Д. 169

 Равикович А.И. 128–131
 Рагозов Ю.Г. 183
 Радзивилл А. 28, 30, 216
 Радионова Э.П. 61, 276
 Разина Т.П. (Razina T.P.) 59, 60, 67, 83,
 280, 281
 Разницын В.А. 278
 Резанов И.А. 11
 Резерфорд Э. 229
 Рейнгардт А.Л. 19
 Рейтлингер Е.А. (Reitlinger E.A.) 61,
 88–90, 274, 277, 278, 280
 Ремане Й. (Remane) 190
 Реневье Э. 171
 Репин Ю.С. 52, 246
 Ржонсницкая М.А. 44, 47, 56, 86,
 183
 Рикардс Б. 63
 Ристоро д'Ареццо 170
 Робинэ Ж.Б. 170
 Родионова Г.Д. 279
 Рождественский И.Е. 34
 Розова С.С. 174
 Романова 28
 Романовский С.И. 130
 Ротай А.П. 171
 Рулье К.Ф. 171
 Рухин Л.Б. 19, 20
 Рэй Дж. 170

- Рэмсэй Э. 171
 Рюто А. 141, 171
 Рябов А.А. 26
- Сакс В.Н. 56
 Салин Ю.С. 128, 130, 131
 Сальвадор А. 175
 Сандберг Ч.А. 77, 88, 89
 Сартенер П. 88, 93
 Сарычева Т.Г. 47, 183
 Сатпаев К.И. 49
 Свенен Р. (Sweonen R.) 66, 73, 82, 83, 85, 184, 280
 Севастьянов А.Ф. 170
 Северцов А.Н. 55
 Седжвик А. 171
 Седов Б.М. 286
 Семенов А.С. 18
 Сенека 170
 Сент-Илер Жоффруа Э. 171
 Сергиенко В.И. 10, 194
 Сидаев Ф.А. 27
 Сидоров А.А. 50, 108, 109, 112, 121, 286
 Симаков В.Н. 12–16
 Симаков И.В. 15, 16, 178
 Симакова (Кривская) Т.Л. 12, 15
 Симпсон Д. 171
 Синицын Н.М. 18–20, 43, 182
 Ситникова М.И. 249
 Смирнов А.М. 56
 Смирнова Л.В. 59, 60, 70, 83, 275, 284
 Смит В. 135, 171
 Соболев В.С. 42.
 Соболев Д.Н. 141, 171, 222
 Соваж де П.А. 170
 Созанский В.И. 130
 Соколов Б.С. 5, 11, 20, 56, 128, 134, 171, 186–188, 287, 288
 Соколовская З.К. 11
 Соловьев В.А. 128
 Соловьев Ю.Я. 11
 Солун В.И. 19
 Сосунов Г.М. 26, 31, 233
 Спенсер Г. 142, 17
 Стенгерс И. 167
 Стенон Н. 132, 134, 140, 142, 146, 160, 161, 170, 172
 Степанов Д.Л. 21
 Стоян В. 198, 202–204, 206
 Страбон 170
- Страхов Н.М. 171
 Стрил М. (Streel M.) 66, 74, 77, 81, 83, 88, 90, 93, 275, 281
 Стругацкие 264
 Струмилин С.Г. 49
 Стукалина Г.А. 86
 Стэнли С. М. 171
 Сыркин П.П. 35, 36, 270
- Талдыкин С.И. 18
 Талент Дж. 63, 86
 Тальрозе Б.А. 250, 251
 Татаринов П.М. 49
 Твен М. 174
 Тевяшов Н.Н. 27
 Тейхерт К. 171
 Терехов Г.П. 52
 Терстен Д. 185, 282
 Тетяев М.М. 19
 Тильман Л.С. 59
 Тильман С.М. 26, 28, 38, 43, 50, 233
 Тимофеев В.М. 17
 Тимофеев-Ресовский Н.В. 255
 Титанова Е.К. 130
 Томсон У. 171
 Трофимук А.А. 49, 228
 Трусов Ю.П. 166
 Тынанкергав Г.А. 35, 287
 Тычинский А.Г. 196
- Уайт Д.Е. 63
 Уайтхорст Дж. 170
 Уайтхорст Дж. 173
 Уильямс Г. 171
 Ульрих О. 141
 Ульрих Э.О. 171
 Умнова В.Т. 279
 Урманцев Ю.А. 166
 Усманов Ф.А. 130, 131
 Усов М.А. 171
 Устрицкий В.И. 45
- Фадеев В.В. 27
 Федорович Г.Г. 198
 Фейнман Р. 174
 Филиппов В.М. 125
 Филиппова Г.Г. 52
 Фирсов Л.В. 50
 Фисуненко О.П. 171
 Флеров И.Б. 28, 36, 42, 180, 182, 183, 233, 287
 Фонтенель 175

Фракастро Ж. 170
Фрех 221
Фурдуй Р.С. 30, 31, 41, 209
Фурсенко А.Ф. 19
Фюксель Г.Х. 170

Халфин Л.Л. 171
Харитонов Л.Я. 19
Хаус М. Р. 77, 79, 88
Хедберг Х.Д. (Hedberg H.D.) 132, 134, 175
Хельквист Г.А. 49
Хенбест Л. 171
Хлупач И. 88
Холдер Т. 185, 287
Холлард Х. 88
Холмс А. 171
Хоу Хонгфей 86
Христианович С.А. 49
Хромых В.Г.(Н.) 45, 47
Хромых В.Н. 183
Хрущев Н.С. 208

Цветков В.И. 125
Цветков Л. 246
Цезальпино А. 170
Циглер В. 79, 88, 89
Цитович А.Н. 49
Цопанов О.Х. 26
Цур Р. 63
Цыплаков (летчик) 204, 206

Часовитин 42, 216, 217
Чебаненко И.И. 130
Чемберлен Т. 141, 146, 171
Черешнев И.А. 10, 124
Чермных В.А. 92, 276
Чернышев Б.И. 19
Чернышев Ф.Н. 171
Чернявский Ф.Б. 11
Черняк Г.Е. 45
Чесноков В.С. 228
Четвериков Л.И. 130
Чехов А.Д. 50
Чижова В.А. (Tchigova V.A.) 61, 83, 92, 276, 279
Чуркин М.М. 63
Чэмберс Р. 171

Шабалин В.С. 26
Шарапов И.П. 130
Шарафутдинов В.М. 11

Шатский Н.С. 171
Шахов Ф.Н. 49
Швецов П.Ф. 49
Шевченко В.М. 10, 26, 37, 38, 40–45, 47, 181, 190, 191, 198, 208, 209–220, 236, 238, 263, 270–273, 287
Шенк Х.Г. 175
Шило (Shilo N.A.) 49–51, 56, 60, 61, 77, 79, 93, 279, 284
Шиндевольф О.Х. 104, 171, 222
Шишкин 209
Шишкина Г.Р. 278
Шкирманков Ф.В. 35, 36
Шлотгейм фон Э. 171
Шоу Б. 173, 174
Шпетный А.П. 190, 191, 211, 215, 219, 233
Штилле Г. 146
Шульдинер В.И. 191
Шумахер 256
Шустов Ф. 198–202, 204, 206

Щербаков Д.И. 49
Щербаков О.А. 92

Эгер Д. 172
Эддикот У. 63
Эдельштейн Я.С. 18
Эйнштейн А. 139, 163, 164
Эддридж Н. 171
Эмпедокл 170
Эпикур 193
Эпштейн Л.М. 23
Эрлангер О.А. 60, 83

Юферев О.В. 45, 47, 56, 60, 61, 128, 183, 271, 276
Юшкин Н.П. 226
Юэвелл У. 171

Яблоков А.В. 227
Ян Шипу 86
Янин Б.М. 27, 216
Янишевский М.Э. 18, 20
Янишин А.Л. 6, 96, 122, 143, 158, 171, 189, 220–228, 286, 288
Янишина Ф.Т. 143, 158, 189, 224–228, 288
Яркин В.И. 86, 171
Ясаманов Н.А. 171
Яскевич В.Л. 40, 42, 47, 209, 215–217

Содержание

Вступительное слово академика Б.С. Соколова.....	5
От автора	8
Ленинград. Семья. Университет	12
Сеймчан. 14 лет жизни полевого геолога	22
Магадан. По пути профессионального призвания.....	49
Участие в международных исследованиях по установлению границы девона и карбона	71
Докторская диссертация	95
Председатель Северо-Восточного научного центра.....	107
Разработка теории геологического времени	128
Историк и методолог стратиграфии	144
Оригинальный вклад в вернадоведение	158
Общекультурный горизонт исследований	169
Черты личности и система ценностей	178
Вместо заключения	194

Документальные материалы и воспоминания

Из дневника полевого геолога.....	198
Фрагменты эпистолярного наследия	209
Письма К.В. Симакова жене в Чермен (пригород Владикавказа)	209
Из переписки с А.Л. и Ф.Т. Яншиными	220
Рецензия С.В. Мейена на книгу В.И. Оноприенко, К.В. Симакова “Геологический календарь”	229
Воспоминания	233
И.Б. Флеров. До свиданья, друг мой, до свиданья	233
Ю.И. Оноприенко. Прощание с Кириллом	241
Б.В. Преображенский. Мой Кирилл	260
Даты жизни и деятельности К.В. Симакова.....	267
Библиография трудов К.В. Симакова	270
Литература о К.В. Симакове.....	286
Указатель имен.....	288

Научное издание

Оноприенко Валентин Иванович
Кирилл Владимирович Симаков
1935–2004

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Е.Ю. Федорова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 05.06.2006
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 18,5 + 2,5 вкл. Усл.кр.-отт. 21,3
Уч.-изд.л. 23,0. Тип. зак. 3399

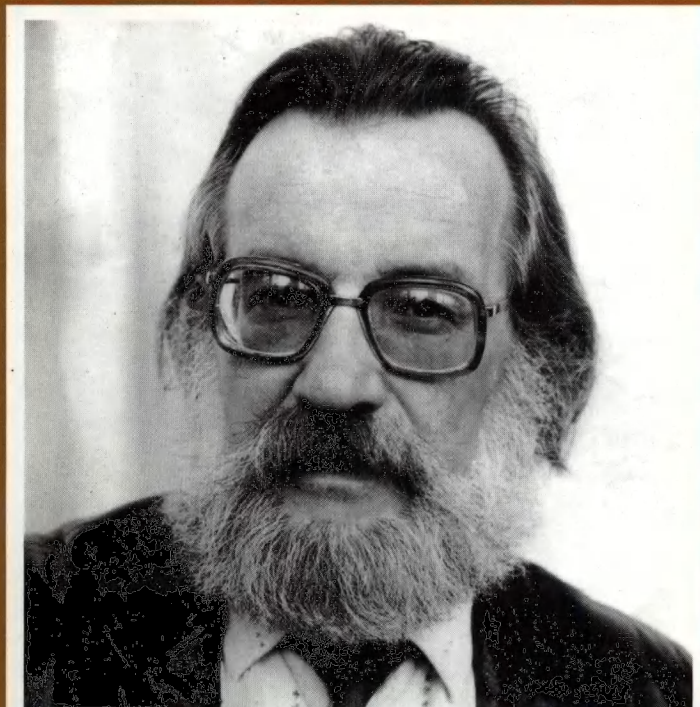
Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В.И. Оноприенко
Кирилл Владимирович СИМАКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В.И. Оноприенко
Кирилл Владимирович
СИМАКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кирилл Владимирович Симаков (1935–2004) – крупный российский геолог, академик, специалист в области стратиграфии палеозоя, историк и методолог геологических наук. Вся жизнь К.В. Симакова была отдана исследованиям на Колымском Севере России. Он – полевой геолог, прошедший много экспедиций, автор, редактор и рецензент ряда государственных геологических карт. К.В. Симаков внес значительный вклад в решение проблемы определения границы девонской и каменноугольной систем, в разработку новой методологии определения хроностратиграфических границ. В Магадане он организовал широкие международные исследования по стратиграфии палеозоя. К.В. Симаков разработал оригинальную концепцию геологического времени, рассмотрев на новой основе ряд методологических проблем стратиграфии и геологии вообще. Широта натуры, щедрость таланта сочетались в нем с высокой научной эрудицией, профессионализмом, выдающейся трудоспособностью.

ISBN 5-02-034068-5

9 785020 340688 >

